ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГИЯ
ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКОГО
И ВСЕЯ РОССИИ ЧУДОТВОРЦА

СОСТАВЛЕНО
иеромонахом Никоном (Рождественским), впоследствии
архиепископом Вологодским и Тотемским

ОГЛАВЛЕНИЕ*

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО ЧУДОТВОРЦА

ПРИЛОЖЕНИЯ

---

* Публикуется по изданию Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 2003. Для удобства пользователей оглавление перенесено в начало книги.

Предисловие

Аще мужа свята житие списано будет, то от того польза велика есть и утешение вкупе, и списателем, и сказателем, и послушателем.

Епифаний Премудрый

Буди ревнитель право живущим, и сих житие и деяние пиши на сердце своем.

Св. Василий Великий

«Слава Богу о всем и всяческих ради! Слава показавшему нам житие мужа свята и старца духовна, – благодарим Бога за премногую Его благость, бывшую на нас, яко дарова нам свята старца, господина Преподобнаго Сергия, в земли нашей Рустей, в стране полунощней».

Так начинает свое сказание о житии и подвигах Преподобного отца нашего Сергия его присный ученик – блаженный Епифаний°[*]. «Дивлюся же, – говорит он, – како толико лет

минуло, а житие святаго старца не писано было; и о сем сжалихся зело, како убо таковый святый старец пречудный и предобрый, отнележе преставися 26 лет прейде, и никто не дерзняше писати о нем, ни дальний, ни ближний, ни больший, ни меньший».

Сии слова Премудрого Епифания еще с большим правом можем повторить мы, с тою лишь разницей, что со дня кончины Преподобного Сергия до нашего времени протекло не двадцать шесть, а уже пятьсот лет°, и до сих пор мы не имеем на современном русском языке полного жизнеописания великого старца не только в смысле самостоятельного исторического исследования о его жизни и подвигах, о его значении в истории Русской Церкви, русского подвижничества, русского просвещения и вообще нравственного воспитания Русского народа, но даже и простого полного перевода жития, написанного Епифанием°[1]. Правда, существует более десятка разных житий Преподобного Сергия, и лучшее из них, конечно, то, которое составлено святителем Московским Филаретом.° Но это житие предназначено было для чтения при Богослужении и читано самим в Бозе почившим Иерархом в Лавре на всенощном бдении 5 июля 1822 года. По своим достоинствам внутренним это житие – слиток золота, но, как предназначенное для церковного чтения, оно по необходимости отличается краткостию и опускает многие подробности, драгоценные для благоговейных почитателей памяти великого угодника Божия. Следует еще упомянуть о двух житиях Преподобного Сергия, помещенных в сочинениях «Русские Святые», – преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского°, и «Жития Святых Российской Церкви» А. Н. Муравьева°, но ни то ни другое также не имеют желанной полноты, потому что составители этих житий, описывая жития всех Русских Святых, по необходимости старались быть краткими в изложении. Из отдельных изданий следует упомянуть только одно, вышедшее уже после 2-го издания нашей книги, к 500-летию преставления Преподобного Сергия, – «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» Е. Голубинского°; автор предлагает в этой книге, как сам он говорит, «повествование о Преподобном, с одной стороны, краткое, а с другой стороны – полное, без опущений воспроизводящее все частности его жизни как естественного, так и сверхъестественного характера». Но и эта книга не может вполне удовлетворить благоговейного чтителя памяти великого угодника Божия, довольно сказать о ней одно уже то, что ради «краткости» автор ее не имеет в виду дать в ней назидательное чтение, а предлагает лишь сжатое изложение фактов, собранных им из всех исторических источников и изложенных в форме жизнеописания. Притом и это жизнеописание издано нераздельно с путеводителем по Лавре и составляет как бы введение к этому путеводителю. На

других отдельных изданиях, вроде сочинения г. Лаврентьева°, не считаем нужным останавливаться, так как они представляют плохие переделки из Епифания или же просто заимствования из вышеупомянутых авторов.

Предлагая благочестивым читателям свое описание «Жития и подвигов Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия», потрудившийся в его составлении считает долгом сказать, что он вовсе не имел в виду писать ученое исследование о жизни угодника Божия; он задался более скромною целию – собрать в одну книгу все, что можно было найти в исторической и проповеднической литературе о Преподобном Сергии, и соединить в одно целое не только все дошедшие до нас подробности из его жизни, но и те нравственные уроки, какие извлекали из сказания о его жизни наши проповедники. Для настоящего, пятого издания вновь пересмотрено по возможности все, что вышло в 1891–1893 годах по случаю 500-летия преставления угодника Божия, и, таким образом, многое в тексте пополнено и исправлено. Побуждением к этому труду служило то же, что побудило и преподобного Епифания в свое время взяться за перо, – это отсутствие в наличной духовной литературе полного жития Преподобного Сергия. Подумать только – кто был Преподобный Сергий для нашей Русской Церкви, для Русского государства, для Русского народа! Святая Церковь прекрасно характеризует его, называя столпом Церкви. Он не только сам был крепким столпом Церкви Христовой, но, по выражению одного из наших архипастырей, Херсонского архиепископа Никанора°, «уподобил и продолжает уподоблять своей духовной природе и всех близко соприкасающихся к нему людей. Он напитал своим крепким духом целые сонмы, целые поколения монашествующих». До 70 монастырей было основано его учениками и учениками его учеников; его духовное потомство было одною из главных духовных сил, содействовавших духовному претворению разных полуязыческих племен, раскинутых по пространству северной и средней России, в одно целое Великорусское племя, объединенное, одушевленное, скрепленное духом Православия. Будучи сам высшим носителем христианского православного духа, «он примером, назиданием, молитвами своими много содействовал и содействует напитанию этим духом всего православного Российского народа, – духом, который составляет руководительное начало, крепость и славу народной русской жизни. Потому-то к Преподобному Сергию, как к неиссякающему роднику крепкого русского духа, притекают на поклонение, для назидания, для молитвы и до сего дня премногие тысячи народа. Ни один вблизи путешествующий инок не минет обители Преподобного Сергия. Редкий из Иерархов Русской Церкви не припадал до праха земного пред ракою Преподобного Сергия. Все до единого из Венценосцев России приносили у раки Преподобного свои молитвы

(особенно по вступлении на царство). Не только члены нашего Царствующего Дома, но и премногие члены иностранных царственных семейств приходили туда же – то молиться, то изучать русскую жизнь у самых ее основ, у того родника, у одного из главных родников, из которого она бьет ключом»[2].

Да, наши летописцы имели полное основание именовать Преподобного Сергия Игуменом всея Руси, и святая Церковь достойно и праведно величает его возбранным воеводою Русской земли!

«Если бы возможно было, – говорит известный наш историк В. О. Ключевский°, – воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью Преподобного Сергия, что в эти пятьсот лет было молчаливо передумано и перечувствовано перед его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни... Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в чистой капле воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил Преподобный Сергий и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени, – и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ, но на вопрос: что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно»[3].

Так характеризуют великое духовное значение Преподобного Сергия, с одной стороны, один из наших знаменитых духовных витий, с другой – один из глубоких знатоков нашей родной истории.

В другом своем слове, обращаясь к житию Преподобного отца нашего Сергия, Архиепископ Никанор справедливо говорит, что это житие «переносит нас в новый для нас, хотя и стародавний мир, мир других людей – святых людей, других воззрений – святых воззрений, других обычаев – святых обычаев, в мир отречения от мира и себя, в мир святых великих подвигов, в мир вольного неуклонного несения креста Христова... Чувствуешь в душе разнозвучие гармонии этого мира с дисгармонией нашего внутреннего и внешнего мира, и с одной стороны мирно настроивается сердце умилением, – так вот взял бы крылья, яко голубине, и полетел бы туда, в пустыню, за 500 лет назад, – а с другой – надрывается сердце, что поневоле приходится жить многомятежною жизнию своего века»[4]. Справедливо говорит Преподобный Иоанн Лествичник°: «Как убогие, видя царские сокровища, еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествования о великих

добродетелях святых отцев, делается более смиренною в мыслях своих»[5].

Так благотворно действуют на душу описания подвигов таких великих угодников Божиих, каким был Преподобный отец наш Сергий. «Якоже ароматы, – говорит святитель Платон, митрополит Московский°, – чем более растираются руками, тем больше издают благоухания: тако и жития святых, чем более углубляем мы в них свое размышление, тем более открывается святость и слава праведников, а наша польза»[6]. Но это сравнение еще не достаточно сильно: ароматы со временем все же утрачивают силу своего благоухания, а жития святых – никогда. Это неистощимые очаги благодатного огня, от которых каждый может возжигать в самом себе такой же огонь ревности Божественной, и сколько бы таких огней ни зажигали от них, сами они никогда не умалятся…

От жизнеописателя обыкновенно требуют, чтобы он не только знакомил читателя со всеми ему известными событиями из жизни описуемого лица, но и рисовал пред ним живую личность, вводил во внутренний духовный мир этого лица, давал читателю возможность при чтении жизнеописания пожить вместе с тем лицом, с кем его знакомят, полюбоваться его достоинствами, подышать, так сказать, воздухом той эпохи, в которую жило и действовало это лицо. Справедливость требует сказать, что при жизнеописании святого лица выполнить эти требования можно только отчасти. В Бозе почивший Московский святитель Филарет по сему случаю однажды выразился так: «Ненадежно для нас догадками проникнуть в души святых, которые далеко выше нашего созерцания. Надежнее следовать простым сказаниям очевидцев и близких к ним»[7]. И действительно, описывая жизнь обыкновенного смертного, писатель может больше полагаться на свой духовный опыт; описывая жизнь подвижника, он должен быть сам подвижник…

Увы, сего-то столь существенного условия для написания полного жития Преподобного отца нашего Сергия потрудившийся в составлении сей книги и не имеет! Глубоко сознавая свою нищету духовную, он и не помыслил бы взять на себя такой непосильный труд, если бы не имел пред собою труда первого жизнеописателя Сергия, его ближайшего ученика – преподобного Епифания. Этот ученик потщился, елико было ему дано, в себе самом воплотить добродетели своего великого наставника, опытно проходил под его руководством жизнь духовно-подвижническую и потому в состоянии был лучше, чем кто-либо иной, списать жизнь своего святого старца в назидание наше… Но и он сознавал всю трудность такого дела, и он говорил: «Якоже не мощно есть малей лодии велико и тяжко бремя налагаемое понести, сице и превосходит нашу немощь и ум подлежащая беседа… Подобаше ми отнюдь со страхом удобь молчати и на устех своих перст

положити, сведущу свою немощь... Яко выше силы моея дело бысть, яко немощен есмь, и груб, и неразумичен». Одно, что заставило его взяться за труд, – это горячая любовь к почившему старцу: «Любовь и молитва Преподобнаго того старца привлачит и томит мой помысл, и принуждает глаголати же и писати». Он скорбит об одном: как бы не пришло в совершенное забвение житие такого великого старца, как бы чрез это забвение не потеряна была навсегда духовная польза читателей... «Аще убо аз не пишу, а ин никтоже не пишет, боюся и осуждения притчи онаго раба лениваго, скрывшаго талант и обленившагося».

С такими мыслями приступал к своему труду первый благоговейный «списатель» жития Сергиева. Нужно ли говорить, с какими чувствами должен приступать к сему делу недостойный писатель нашего грешного времени? И он должен сознаться, что не без долгих колебаний решился на свой труд, призывая на помощь молитвы Преподобного старца и его присного ученика Епифания Премудрого... А когда для полноты изображения личности угодника Божия приходилось говорить о внутренних духовных состояниях, он брал черты из писаний Богомудрых отцев-подвижников, изобразивших эти состояния на основании собственного опыта в своих писаниях...

Последуем же, благочестивый читатель, шаг за шагом вослед блаженного Епифания; будем благоговейно внимать его простому, задушевно-теплому, сердечному повествованию; прислушаемся и к тем урокам, какие извлекают из его рассказа наши святители Платон и Филарет, митрополиты Московские, Филарет, архиепископ Черниговский, Никанор, архиепископ Херсонский, и другие проповедники и благочестивые писатели... И если эта книга даст вам возможность хотя немного отдохнуть душою за ее чтением, хотя на несколько минут забыть окружающую вас суету земную, перенестись мыслью и сердцем в отдаленную по времени, но тем более близкую нашему сердцу родную древность, повитать со святыми и преподобными обитателями дремучих лесов Радонежских, подышать благоуханием молитв Сергиевых, насладиться созерцанием его Боголюбезного смирения, тогда мы почтем себя счастливыми и воздадим славу Господу. А если книга наша не удовлетворит любознательности вашей, если составитель ее чего недописал, или переписал, или в чем погрешил, то смиренно просит в том прощения и с глубокою благодарностию примет всякое доброе замечание и указание погрешностей на случай нового издания.

Марта 12 дня, *Архимандрит Никон*
1885–1891–1898–1904 *Лавра Преподобного Сергия*

ГЛАВА I
Сын радости

Родина Богоносного Сергия. Его родители. Их семейство. Чудное предзнаменование. Размышления блаженного Епифания.
Молитвы святой матери. Урок родителям. Рождение благословенного дитяти. Младенец-постник
(1319 –1326)

Радуйся, от чрева матерня освященный. Радуйся, в рождении твоем сыном радости нареченный.
Акаф.2. Ик.1[8]
Радуйся, яко прежде рождения проглашением прославивый Святую Троицу.
Ик. Минеи
Радуйся, пречудное в младенчестве постничество нам являяй.
Акаф. 1. Ик. 3

Верстах в четырех от славного в древности, но смиренного ныне Ростова Великого на ровной открытой местности по пути в Ярославль уединенно расположилась небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы – это заштатный Варницкий монастырь°[9]. По древнему преданию, почти шестьсот лет тому назад тут была некая весь, имя которой забылось в истории, но которая всегда была и будет именита и дорога сердцу православных Русских людей, потому что весь эта была благословенною родиною великого печальника и заступника Русской земли – Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, Игумена Радонежского и всея России Чудотворца. Здесь было поместье его родителей, благородных и знатных бояр Ростовских Кирилла и Марии[10], тут был их дом; тут и жили они, предпочитая уединение сельской природы суете городской жизни при княжеском дворе. Впрочем, Кирилл состоял на службе сначала у Ростовского князя Константина II Борисовича[11], а потом у Константина III Васильевича°; он не раз сопровождал их в орду, как один из самых близких к ним людей; владел достаточным по своему положению состоянием, но по простоте тогдашних нравов, живя в деревне, он не пренебрегал и обычными сельскими трудами; мы увидим потом, что Кирилл посылал, например, своего малолетнего сына за конями так же, как и теперь посылают своих малюток простые поселяне.
Кирилл и Мария были люди добрые и богоугодные. Говоря о них, блаженный Епифаний замечает, что Господь, благоволивший воссиять в земле Русской великому светильнику, не попустил родиться ему от неправедных родителей, ибо такому детищу, которое, по устроению Божию, должно было впоследствии послужить духовной пользе и спасению многих, подобало иметь и родителей святых, дабы доброе произошло от доброго и лучшее приложилось к лучшему, дабы взаимно умножилась похвала и рожденного, и самих родивших во славу Божию. И праведность их была

известна не одному Богу, но и людям. Строгие блюстители всех уставов церковных, они помогали и бедным, но особенно свято хранили они заповедь Апостола: *«Страннолюбия не забывайте, тем бо не ведяще неции странноприяша ангелы»* (Евр. 13, 2). Тому же учили они и детей своих, строго внушая им не опускать случая позвать к себе в дом путешествующего инока или иного усталого странника. До нас не дошло подробных сведений о благочестивой жизни сей блаженной четы, зато мы можем вместе с святителем Платоном сказать, что «самый происшедший от них плод показал доброту благословенного древа. Счастливы родители, коих имена прославляются вечно в их детях и потомстве! Счастливы и дети, которые не только не посрамили, но и приумножили и возвеличили честь и благородство своих родителей и славных предков, ибо истинное благородство состоит в добродетели!»°

Кирилл и Мария имели уже сына Стефана, когда Бог даровал им другого сына – будущего основателя Троицкой Лавры, красу Церкви Православной и несокрушимую опору родной земли. Задолго до рождения сего святого младенца дивный Промысл Божий уже дал о нем знамение, что это будет великий избранник Божий и святая отрасль благословенного корня. В один воскресный день[12] его благочестивая мать пришла в церковь к Божественной литургии и смиренно стала, по тогдашнему обычаю, в притворе церковном° вместе с прочими женами. Началась литургия, пропели уже Трисвятую песнь, и вот незадолго пред чтением святого Евангелия вдруг среди общей тишины и благоговейного молчания младенец вскрикнул у нее во чреве, так что многие обратили внимание на этот крик. Когда начали петь Херувимскую песнь, младенец вскрикнул в другой раз, и притом уже столь громко, что голос его был слышен по всей церкви. Понятно, что мать его испугалась, а стоявшие близ нее женщины стали между собою переговариваться: что бы мог означать этот необыкновенный крик младенца? Между тем литургия продолжалась. Священник возгласил: «*Вонмем! Святая святым!*» – младенец вскрикнул в третий раз°, и смущенная мать едва не упала от страха, она начала плакать... Тут ее окружили женщины и, может быть желая помочь ей успокоить плачущее дитя, стали спрашивать: «Где же у тебя младенец? Отчего он кричит так громко?» Но Мария, в душевном волнении, обливаясь слезами, едва могла вымолвить им: «Нет у меня младенца, спросите еще у кого-нибудь». Женщины стали озираться кругом и, не видя нигде младенца, снова пристали к Марии с тем же вопросом. Тогда она принуждена была сказать им откровенно, что на руках у нее действительно нет младенца, но она носит его во чреве. «Как же может кричать младенец, когда он еще в утробе матери?» – возражали ей удивленные женщины. «Я и сама удивляюсь этому, – отвечала им Мария, – и нахожусь в немалом недоумении и страхе».

Тогда женщины оставили ее в покое, не переставая, впрочем, удивляться этому необыкновенному случаю.
«В наше время, – говорит святитель Московский Филарет, – свидетели подобного происшествия, вероятно, имели бы немало заботы о изыскании причины, произведшей сие необыкновенное явление. Проницательнейшие, может быть, осмелились бы догадываться, что молитвенный восторг благочестивой матери, в три важные периода священнодействия, сообщил необыкновенное возбуждение жизни плоду, который носила она во чреве. Но в то время любили не столько любопытные умствования, сколько благоговейное наблюдение путей Провидения, и народ выходил из церкви, повторяя написанное в Евангелии о Иоанне: «*что убо отроча сие будет?* (Лк. 1, 66). Да будет над ним воля Господня!»°
Благоговейный списатель жития Сергиева, преподобный Епифаний, сопровождает свое повествование о сем необыкновенном происшествии таким размышлением.
«Достойно удивления, – говорит он, – что младенец, будучи во чреве матери, не вскрикнул где-либо вне церкви, в уединенном месте, где никого ||не было, но именно при народе, как бы для того, чтобы многие его услышали и сделались достоверными свидетелями сего обстоятельства. Замечательно еще и то, что прокричал он не как-нибудь тихо, но на всю церковь, как бы давая понять, что по всей земле распространится слава о нем; и не тогда возгласил он, когда мать его была где-нибудь на пиршестве или почивала, но когда была она в церкви, и именно во время молитвы, как бы указывая на то, что он будет крепким молитвенником пред Богом; не прокричал он в каком-либо ином месте, но именно в церкви, в месте чистом, в месте святом, где пребывают святыни Господни и совершаются священнодействия, знаменуя тем, что и сам он будет совершенною святынею Господа в страхе Божием. Достойно замечания также и то обстоятельство, что не возгласил он однажды или дважды, но именно трижды, являя тем самым, что он будет истинным учеником Святыя Троицы, так как троичное число предпочитается всякому другому числу, потому что везде и всегда сие число является источником и началом всего доброго и спасительного».° После сего, приведя из ветхозаветной и новозаветной истории примеры и указания, свидетельствующие о важном знаменовании троичного числа, и вспомянув страшную тайну Триипостасного Божества, блаженный Епифаний продолжает: «Подобало и сему младенцу трижды провозгласить еще во чреве матери, прежде рождения на свет, в предзнаменование того, что он будет некогда служителем Святыя Троицы и многих приведет к познанию Бога, научая словесных овец своих веровать во Святую Троицу, единосущную во едином Божестве. И действительно, – рассуждает далее Епифаний, – не служило ли все это явным

указанием на все дивное и досточудное в последующей его жизни? Не сбылось ли все это самым делом в его чудесных деяниях? И кто видел и слышал о первых предзнаменованиях, тот должен был потом верить и тому, что последовало за ними, ибо не просто, не без особенной цели были даны эти предзнаменования – они были предвестниками и началом всего, что совершилось впоследствии. Вспомним древних святых, просиявших в Ветхом и Новом Завете: как зачатие, так и рождение многих из них предваряемо было особенным откровением от Бога; так Пророка Иеремию Бог от чрева матери предызбрал и освятил; то же свидетельствует о себе другой Пророк – Исаия°, а святой и великий Пророк и Предтеча Христов Иоанн, еще будучи во утробе матери, познал Господа, носимого в ложеснах Пречистой Приснодевы Марии: *взыграся младенец во чреве* (Лк. 1, 41) матери своей Елисаветы и ее же устами пророчески возопил: *“И откуду мне сие, да приидет Мати Господа моего ко мне?”* (Лк. 1, 43). О святом Пророке Илии есть сказание, что родители его видели, как светлые и благообразные мужи повивали сего младенца огненными пеленами и питали его пламенем огненным…»°. Далее Епифаний приводит подобные же рассказы о святых Николае Чудотворце, Ефреме Сирине, Алипии и Симеоне столпниках, Феодоре Сикеоте, Евфимии Великом, Феодоре Едесском и Петре, Митрополите Московском°, – рассказы, которые мы опускаем, дабы, по выражению самого блаженного Епифания, «долготою слова послушателем слухи ленивы не сотворити»°, и приводим здесь только заключительные его мысли.
«Досточудно, – говорит он, – было это возглашение младенца во чреве матери; досточудно было его воспитание от младенческих пелен; досточудна была и вся жизнь этого поистине досточудного мужа! Господь еще до рождения отметил его Своею благодатию и необычным случаем предуказал Свое особенное Божественное о нем промышление».°
Всегда преданные воле Божией и внимательные к путям Провидения, Кирилл и Мария поняли указания Промысла Божия и сообразно с этими указаниями должны были вести дело воспитания дитяти. После описанного происшествия особенно мать сделалась необыкновенно внимательна к своему состоянию. Всегда имея в мыслях, что она носит во чреве младенца, который будет избранным сосудом Святаго Духа°, Мария во все остальное время беременности готовилась встретить в нем будущего подвижника благочестия и воздержания, а потому и сама, подобно матери древнего судии Израильского Сампсона (Суд. 13, 4), тщательно соблюдала душу и тело в чистоте и строгом воздержании во всем. «Заботливо храня носимый ею во чреве Божий дар, она желала, – как говорит святитель Платон, – чрез свое воздержание дать телесному составу дитяти чистое и здравое питание, хорошо

понимая добрым сердцем своим ту истину, что добродетель, сияющая в здравом и прекрасном теле, становится чрез то еще прекраснее».° Всегда благоговейная и усердная молитвенница, праведная мать теперь чувствовала особенную потребность сердца в молитве; поэтому она часто удалялась от людского взора и в тишине уединения со слезами изливала пред Богом свою горячую материнскую молитву о будущей судьбе своего младенца. «Господи! – говорила она тогда, – спаси и сохрани меня, убогую рабу Твою; спаси и соблюди и сего младенца, носимого во утробе моей, Ты бо еси – *храняй младенцы Господь* (Пс. 114, 5); да будет воля Твоя, Господи, на нас и буди имя Твое благословенно вовеки!» Так в строгом посте и частой сердечной молитве пребывала богобоязненная мать святого дитяти; так и самое дитя, благословенный плод ее чрева, еще до появления своего на свет некоторым образом уже предочищался и освящался постом и молитвою.
«О родители, – замечает при повествовании о сем святитель Филарет, – если бы вы знали, сколько добра, или, напротив, сколько зла можете вы сообщить вашим детям, еще до их рождения! Вы удивились бы точности суда Божия, который благословляет детей в родителях и родителей в детях и *отдает грехи отцев на чада* (Числ. 14, 18); и, помышляя о сем, с благоговением проходили бы служение, вверенное вам от Того, *из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф. 3, 15)».°
Кирилл и Мария видели на себе великую милость Божию; их благочестие требовало, чтобы одушевлявшие их чувства благодарности к благодеющему Богу были выражены в каком-либо внешнем подвиге благочестия, в каком-либо благоговейном обете; а что могло быть приятнее Господу в таких обстоятельствах, в каких они находились, как не крепкое сердечное желание и твердая решимость оказаться вполне достойными милости Божией. И вот праведная Мария, подобно святой Анне, матери Пророка Самуила, вместе со своим мужем дала такое обещание: если Бог даст им сына, то посвятить его на служение Богу. Это значило, что они со своей стороны обещали сделать все, что могли, чтобы на их будущем дитяти исполнилась воля Божия, совершилось тайное о нем предопределение Божие, на которое они уже имели некоторое указание. Немного, конечно, таких родителей, да едва ли и найдутся в наше грешное время такие счастливцы, которые могли бы так решительно и притом непогрешительно определить судьбу своих детей еще до их рождения: опасно и неразумно давать обеты, исполнение коих не зависит от воли обещающих; праведные родители Сергиевы могли сделать это потому, что имели уже таинственное указание на будущую судьбу их дитяти; но кто из христианских родителей не желал бы видеть в детях своих будущих граждан царства небесного? А если все желают, то пусть же все и полагают в сердце своем

твердый и неизменимый обет – делать с своей стороны все, что от них зависит, чтобы их дети были истинными чадами Божиими по благодати, чтобы они были покорными сынами нашей общей матери – святой Церкви Православной, чтобы ни дети, ни родители не испытали потом горькой участи сынов царствия, которые будут изгнаны, по слову Господню, во тьму кромешную.° «Для чего человек создан от Бога?» – спросили одного простого старца. «Чтобы быть наследником царствия Божия», – отвечал он.
3 мая 1319 года в доме боярина Кирилла была общая радость и веселие: Марии Бог дал сына[13]. Праведные родители пригласили своих родных и добрых знакомых разделить с ними радость по случаю рождения нового члена семьи, и все благодарили Бога за сию новую милость, явленную Им на доме благочестивого боярина. В сороковой день по рождении родители принесли младенца в церковь, чтобы совершить над ним святое крещение[14] и в то же время исполнить свое обещание представить дитя в непорочную жертву Богу, Который дал его. Благоговейный иерей, по имени Михаил, нарек младенцу во святом крещении имя *Варфоломей,* конечно, потому, что в этот день (11 июня) праздновалась память святого Апостола Варфоломея, ибо сего требовал тогдашний церковный обычай, но это имя и по самому значению своему – *сын радости* – было особенно утешительно для родителей сего младенца, ибо можно ли описать ту радость, которая переполняла их сердца, когда они видели пред собою начало исполнения тех светлых надежд, которые почивали на сем младенце со дня его чудесного проглашения во чреве матери?[15] Кирилл и Мария рассказали этот случай священнику, и он, как сведущий в Священном Писании, указал им много примеров из Ветхого и Нового Заветов, когда избранники Божии еще от чрева матери были предназначаемы на служение Богу; привел им слова Пророка Давида о совершенном предведении Божием: «…*несодеянная моя видесте очи Твои»* (Пс. 138, 16) и Апостола Павла: «*Бог, избравый мя от чрева матере моея… явити Сына Своего во мне, да благовествую Его в языцех*» (Гал. 1, 15–16) и другие подобные места Священного Писания и утешил их благодатною надеждою относительно их новорожденного. «Не смущайтесь, – говорил он им, – а паче радуйтесь, что сын ваш будет избранным сосудом Духа Божия и служителем Святыя Троицы». И, благословив дитя и его родителей, служитель алтаря Христова отпустил их с миром.
Между тем мать, а потом и другие стали примечать в младенце опять нечто необыкновенное: когда матери случалось насыщаться мясною пищею, то младенец не брал сосцев ее; то же повторялось, и уже без всякой причины, по средам и пятницам, так что в эти дни младенец вовсе оставался без пищи. И это повторялось не раз, не два, а постоянно; мать, конечно, беспокоилась, думала, что дитя нездорово,

советовалась с другими женщинами, которые тщательно осматривали дитя, но на нем не было приметно никаких признаков болезни – ни внутренней, ни наружной; напротив, малютка не только не плакал, но и весело смотрел на них, улыбался и играл ручками... Наконец обратили внимание на время, когда младенец не принимал сосцев матерних, и тогда все убедились, что в этом детском посте «или ознаменовались, – как выражается святитель Филарет, – предшествовавшие расположения матери, или проявляемы были семена будущих его расположений».° Возращенный постом во чреве матери, младенец и по рождении как будто требовал от матери поста. И мать действительно стала еще строже соблюдать пост: она совсем оставила мясную пищу, и младенец, кроме среды и пятницы, всегда после того питался молоком матери.
Однажды Мария отдала младенца на руки другой женщине, чтобы та покормила его своею грудью, но дитя не захотело взять сосцев чужой матери; то же самое было с другими кормилицами... «Добрая отрасль доброго корня, – говорит блаженный Епифаний, – питалась только чистым млеком родившей его. Так сей младенец от чрева матери познавал Бога, в самых пеленах поучался истине, в самой колыбели привык к посту и вместе с молоком матери навыкал воздержанию... Будучи по естеству еще младенцем, он выше естества уже предначинал пощение; с младенчества он был питомец чистоты, питаемый не столько млеком, сколько благочестием, и предызбранный Богом еще до рождения».°
«Многие матери, – замечает по сему случаю святитель Платон, – не почитают важным делом кормить дитя своею грудью, но на самом деле это очень важно. Для чего же Творец естества наполняет молоком сосцы матерние, если не для того, чтобы приготовить в них для младенца питательную пищу? А с этою пищею, то есть с молоком, вливаются в младенца его будущие склонности и нравы».° «Чужое молоко, – рассуждает в одном месте святитель Димитрий Ростовский, – не так полезно для младенца, как молоко его родной матери... Если кормилица больна, то будет больное и дитя; если она гневлива, невоздержна, сварлива... таково же будет и дитя, которое она кормит... Дитя, воспитанное чужим, не матерним млеком, не будет иметь к матери такой любви и привязанности, какую имеют дети, вскормленные ее собственным млеком... Да пристыдят таких матерей бессловесные животные: ни одно из них не доверяет другому питать собственных детей...»[16].
«Лучше бы подумать доброй матери, – говорит святитель Филарет Московский, – отнимать ли мать вдруг у двух младенцев: у младенца кормилицы и у своего собственного, и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы может быть тоску по оставленном ею собственном детище, вместо того чтобы он пил любовь из груди своей матери»[17]. «Бывают матери, – говорит святой Златоуст, – которые своих детей

отдают кормилицам. Христос не попустил сего. Он питает нас собственным телом и напояет собственною кровию»[18].

Окончилось время кормления грудью Варфоломея, дитя покинуло колыбель; возрастая телом, оно укреплялось и духом, исполняясь разума и страха Божия; благодать Божия почивала на святом младенце, и добрые люди утешались им.

ГЛАВА II
Благодатный отрок

Слабые успехи в грамоте. Детское горе. Молитвы дитяти.
Дивный старец. Чудная перемена. Научение свыше.
Детские подвиги. Благоразумные ответы отрока.
Поведение и устроение его души. Его молитвенные излияния пред Богом
(1326 – 1332)

Радуйся, отроча добродушевное и благонадежное, Радуйся, детище, всякия благодати Божия исполненное!
Акаф. 1. Ик. 3.

Радуйся, навыкнувый хранити страх Божий, премудрости начало, Радуйся, всем соучащымся тебе бывый добродетели зерцало!
Акаф. 2. Ик. 2.

Когда Варфоломею исполнилось семь лет, родители отдали его учиться грамоте. Наши благочестивые предки всегда смотрели на обучение грамоте как на дело священное: грамота давала ключ к чтению и уразумению Божественных Писаний. И школы грамотности, которых было очень немного в то время, учреждались попечениями Епископов и вообще духовенства. Ростовским Епископом в то время, о котором мы говорим, был Прохор°, муж учительный и благочестивый[19]. Под его руководством и учителями в школы назначались, конечно, люди богобоязненные.

Вместе с Варфоломеем учились и два брата его – старший, Стефан, и младший, Петр. Братья обучались успешно, хотя Петру в то время не было и шести лет, а Варфоломей далеко отставал от них. Учитель наказывал его, товарищи упрекали и даже смеялись над ним, родители уговаривали, да и сам он напрягал все усилия своего детского ума, проводил ночи над книгою и часто, укрывшись от взоров людских где-нибудь в уединении, горько плакал о своей неспособности, горячо и усердно молился Господу Богу: «Дай же Ты мне, Господи, понять эту грамоту; научи Ты меня, Господи, просвети и вразуми!» Но грамота все же ему не давалась. «Тяжелое чувство испытывает человек, – говорит святитель Платон, – когда всей душой желает учиться, чувствует в себе пламенное влечение к просвещению, но на пути к достижению цели его желаний встречаются какие-либо непреодолимые препятствия».° Сильно огорчалось своею безуспешностию и

доброе дитя. Немало печалились о том и родители его, и учитель: всем было прискорбно, что мальчик лишается великого дара Божия в учении книжном. Но, видно, нужно было, чтобы отрок, о котором были столь добрые предзнаменования, ранним опытом научился, что никакого успеха, никакого знания, никакой способности не должно приписывать себе, но единственно Богу, *Отцу светов*, от Которого свыше сходит *всяко даяние благо и всяк дар совершен* (Иак. 1, 17), и смиряться под крепкую руку (1 Пет. 5, 6) Того, Кто один *просвещает всякаго человека, грядущаго в мир* (Ин. 1, 9). Чего, однако же, не преодолеют прилежание и труды, а наипаче молитва, и особенно молитва, исходящая от чистого сердца невинного дитяти! И вот Господь, *близ* сущий *всем призывающым Его во истине* (Пс. 144, 18), внял, наконец, и усердной молитве благоразумного отрока Варфоломея и даровал ему просимое.

Раз отец послал его в поле искать жеребят, каковое поручение пришлось особенно по душе мальчику, любившему уединяться от людей. Здесь-то и случилось с ним нечто подобное тому, что было с Саулом, который, будучи так же послан отцем своим для отыскания заблудившихся ослят, встретил Пророка Самуила°, возвестившего ему, что он будет царем над Израилем. На поле под дубом увидел Варфоломей незнакомого старца-черноризца, саном пресвитера°; благоговейный и ангелоподобный старец приносил здесь свои молитвы Богу вездесущему и изливал пред Всеведущим слезы сердечного умиления. Поклонившись ему, скромный отрок почтительно отошел в сторону, не желая прерывать его беседы с Богом, и стал вблизи, ожидая окончания молитвы. Старец окончил молитву; он с любовию взглянул на доброе дитя и, прозревая в нем духовными очами избранный сосуд Святаго Духа, ласково подозвал его к себе, благословил его, отечески поцеловал и спросил: «Что тебе надобно, чадо?» Хотя мальчик был послан искать коней, но его тоскующая душа и теперь была всецело занята невеселыми мыслями о своей неспособности к учению; он забыл на этот раз о конях и с детской простотой поведал старцу свое сердечное горе.

– Меня отдали учиться грамоте, – сказал сквозь слезы Варфоломей, – и больше всего желала бы душа моя научиться читать слово Божие, но вот сколько ни стараюсь, никак не могу выучиться, не понимаю, что мне толкуют, и очень печалюсь о том; помолись за меня Богу, отче святый, попроси у Господа, чтобы Он открыл мне учение книжное, я верю, что Бог примет твои молитвы.

Умилился старец от таких речей малого отрока; он видел его усердие и, любуясь красотой детской души, отражавшейся на его кротком лице, воздел руки, возвел очи на небо, вздохнул к Богу из глубины сердечной и стал молиться, испрашивая дитяти просвещения свыше... О, как пламенна была эта

молитва таинственного старца под открытым небом, под тенью дуба, и с каким трепетом надежды соединял с нею свою чистую детскую молитву блаженный Варфоломей! В этом трогательном единении двух душ – убеленного сединами старца и малого отрока – их общая молитва, как чистый фимиам, восходила на небо и достигла престола Всевышнего...
Старец заключил свою вдохновенную молитву священным словом *аминь* и бережно вынул из пазухи небольшой ковчежец. Открыв его, он взял оттуда тремя перстами малую частицу святой просфоры° и, благословляя ею Варфоломея, промолвил: «Возьми сие, чадо, и снеждь; сие дается тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала – велика сладость вкушения от нее».
Нужно ли говорить, с каким восторгом принял святой отрок этот благодатный дар. Слезы радости блестели в его детском взоре; с благоговением вкусил он от святого хлеба – и какою же сладкою показалась ему эта таинственная пища! «Не об этом ли сказано в псалмах, – сказал он старцу, – *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим... душа моя... возлюби я зело!* (Пс. 118, 103, 167)».
Заметим, что юный Варфоломей, по святой любознательности и усердию, много псалмов заучил наизусть со слов своих благочестивых родителей и, конечно, повторял их в своих уединенных прогулках по полям и лугам своей родины. Поэтому и теперь пришли ему на память приведенные слова Псалмопевца.
– Если веруешь, чадо, – отвечал ему старец, – больше сих узришь. А о грамоте не скорби, ведай, что отныне Господь подаст тебе разумение книжное паче братий твоих и товарищей, так что и других будешь пользовать.
Радуясь от всей души, что Бог привел ему встретиться с таким святым старцем, Варфоломей сладостно внимал его душеполезным наставлениям; как семена на добрую землю, так и благодатные слова старца ложились на его доброе сердце. Довольно научив его о спасении души, старец хотел уже идти в путь свой, но благоразумный отрок не хотел расстаться с святым наставником; он пал к ногам его и со слезами умолял войти в дом его родителей. «Родители мои, – говорил Варфоломей, – очень любят таких, как ты, отче! Не лиши же и их своего святого благословения!»
Сколько детской простоты слышится в этих речах доброго мальчика! В них сказалась вся любящая душа святого дитяти, и как счастливы родители, которых Бог благословил такими детьми! Поистине такие дети – Божие благословение, они не только в себе самих носят это благословение небесное, но и собирают его, так сказать, отовсюду, чтобы привлечь на дом родительский.

С улыбкой любви последовал старец за своим юным странноприимцем, и с честию его встретили родители Варфоломеевы. Для благочестивых людей такой старец-инок – всегда желанный гость, а Кирилл и Мария особенно любили принимать и покоить у себя в доме иноков. Приняв благословение от старца, они предложили ему радушное угощение. Но гость медлил садиться за стол. «Прежде следует вкусить пищи духовной», – заметил он и направился в моленную, которая в старое доброе время имелась в каждом доме благочестивых князей и бояр. Туда пригласил он с собою Варфоломея и, благословив начало третьего часа°, велел ему читать псалмы...
Напрасно изумленный отрок отговаривался неумением, старец сам дал ему в руки книгу и настоятельно сказал, чтобы тот читал слово Божие без сомнения. И что же? Отрок взял благословение от старца и, благоговейно осенив себя крестным знамением, начал стихословить Псалтирь° стройно и внятно!.. И сам он, и родители, и братья не могли надивиться, как хорошо читает он... Ведь до сего времени он так тупо учился и мало понимал!.. Так впоследствии об этом рассказывал сам Преподобный[20]. Над ним сбылось, замечает блаженный Епифаний, слово Пророка°: *...и рече Господь: се дах словеса Моя во уста твоя* (Иер. 1, 9).
После того святой гость вкусил предложенной ему трапезы и, благословив радушных хозяев, хотел удалиться, но благочестивым боярам жаль было так скоро отпустить его: им хотелось еще побеседовать с опытным в духовной жизни старцем, в котором они уже приметили дар прозорливости. Между прочим они рассказали ему, как сын их, будучи еще во чреве матери, троекратно прокричал в церкви, и желали знать, что думает старец об этом случае, который самой необычайностью своей заставлял их невольно задумываться над ним.
– О добрые супруги! – сказал им на это старец, – вот Господь удостоил вас такой великой милости – дал вам такого сына; зачем же вы страшитесь там, где нет никакого страха? Вам должно радоваться, что Бог благословил вас таким детищем. Он предызбрал вашего сына еще прежде его рождения. А что я говорю вам истину – вот вам знамение: с этой поры отрок будет хорошо понимать всю книжную мудрость и свободно будет читать Божественное Писание. Знайте, что велик будет сын ваш пред Богом и людьми за его добродетельную жизнь!
Старец встал, чтобы идти; уже на пороге дома он еще раз обратился к родителям Варфоломеевым и вымолвил в пророческом духе такие загадочные слова: «Отрок будет некогда обителью Пресвятыя Троицы, он многих приведет за собою к уразумению Божественных заповедей».
Гостеприимные хозяева проводили странника до ворот своего дома, но тут он вдруг стал невидим, так что Кирилл и Мария

невольно подумали, не Ангел ли Божий был послан к ним, чтобы даровать премудрость их сыну.[21] И глубоко сохранили они в благоговеющих сердцах своих его таинственные глаголы. Между тем, как говорил старец, так и сбылось: с отроком произошла чудная перемена. Какую бы книгу ни раскрыл он, тотчас же начинал читать ее без всякого затруднения, понимая и смысл того, что читал. Так дар Божий, столь неожиданно ему ниспосланный, воздействовал в юном Варфоломее и просветил ум его. Нет нужды говорить, что после этого случая он скоро опередил в учении как братьев своих, так и прочих товарищей.
Нередко можно и в наше время встретить примеры горячего детского благочестия, продолжительных горячих, со слезами, молитв, любви к Богослужению, усердного стремления подражать подвигам святых отцев; это бывает в тех благочестивых семействах, в которых дети воспитываются в страхе Божием, на чтении житий святых, под сенью храма Божия. А в древней Руси все воспитание детей велось в строго церковном духе. И это чувство, эти чистые, святые стремления дитяти не скорбь и мрак вносят в его юную душу, но отрадную тишину, ясность и спокойствие. Дитя черпает в них духовную силу и крепость; в его душе слагаются светлые образы (идеалы) жизни святой, жизни по Евангелию Христову, – образы, которые сродняются с его юным сердцем и становятся для него на всю жизнь заветною святынею, к которой с теплым чувством обращается потом человек даже в глубокой старости. И чем сильнее эти святые стремления в детстве, тем больше они освещают впоследствии мрак жизни в сей юдоли земной; они примиряют утомленного невзгодами жизни пришельца земли с его нерадостной долей и поддерживают, ободряют, утешают в его многотрудном странствовании к отечеству небесному.
Так было с отроком Варфоломеем. Рано в его душе, воспитанной примерами и уроками благочестия, раскрылось чувство любви к молитве и готовность к подвигам для угождения Богу. Простое, доброе сердце дитяти есть открытая дверь для благодати Божией; посему-то и сказал Господь о детях: *таковых есть царство небесное* (Мф. 19, 14). Рано низошла благодать Божия и в невинное сердце отрока Варфоломея и воцарилась там. Всею душою Варфоломей полюбил Богослужение церковное и не опускал ни одной службы церковной. Наши предки не знали и не любили читать какие-либо книги светского содержания. Жития святых, святоотеческие писания, разные Палеи°, сборники, летописные сказания о минувших судьбах родной земли – вот книги, которые были любимым чтением того времени. Конечно, в доме благочестивого боярина Кирилла не было недостатка в таких книгах, отрок Варфоломей их читал и перечитывал, и – кто знает? – может быть, некоторые рукописи XII–XIV веков, оставшиеся в библиотеке Лавры от времени самого ее основателя°, были принесены им в пустыню как единственное

дорогое наследство после его родителей. Почерпая из книг уроки мудрости духовной, он тотчас же старался прилагать их к жизни своей – «…не так, – замечает святитель Филарет, – как многие долголетние ученые, которых учение цветет в словах, но в делах не созревает»°. Он скоро понял, что еще в отроческом возрасте страсти уже начинают проявлять свою губительную силу, которую сдержать стоит немалого труда; а кто хотя раз поддастся в юности их влечению и попустит им связать себя порочными склонностями, тому и подавно тяжело преодолеть их. И вот благоразумный отрок принимает все меры, чтобы оградить себя от их воздействия, и пресекает все пути, которыми они обыкли находить доступ к сердцу человека. Так, прежде всего он совершенно уклоняется от детских игр, шуток, смеха и пустословия, помня, что *тлят обычаи благи беседы злы*° (1 Кор. 15, 33) и что со строптивым легко можно и самому развратиться (Пс. 17, 27). Потом, сознавая, что воздерживать себя во всем есть лучшее средство сдерживать страсти, а свободный от страстей дух и не помраченная ими мысль всегда бывают способнее к восприятию благодати Божией, святой отрок налагает на себя строгий пост: по средам и пятницам он не позволяет себе вкушать ничего, а в прочие дни питается только хлебом и водою. О каких-нибудь других питиях, не говоря уже о вине, он не позволяет себе и помыслить во всю свою жизнь.

Заботливая мать старалась умерить строгость его поста. «Не изнуряй себя излишним воздержанием, сын мой, – говорила она, – чтобы тебе не заболеть от истощения сил, тогда и нам немалую скорбь причинишь. Ты еще дитя, твое тело еще растет; посмотри: никто в твоем возрасте не принимает на себя такого поста; ни братья твои, ни товарищи так не постятся, как ты; другие дети семь раз на дню поедят, а ты, дитя мое, ешь только раз в день, а то и через день; перестань так делать, это тебе не по силам: всякое добро хорошо в меру и в свое время. Вкушай пищу по крайней мере вместе с нами».

Но благоразумный отрок кротко отвечал на эти увещания любящей матери: «Не стесняй меня в этом, родная моя, чтобы не пришлось делать так против воли твоей. Не отклоняй меня от воздержания, которое так сладостно душе моей; зачем советуешь своему сыну неполезное? Ведь вы же сказали мне, что я еще в колыбели постился по средам и пятницам; как же я могу не понуждать себя угождать Богу, чтобы Он избавил меня от грехов моих?»

– Тебе нет еще и двенадцати лет от роду, – возражала ему мать, – а ты уже говоришь о грехах своих! Мы видели над тобою явные знамения благодати Божией; ты избрал благую часть, которая не отнимется у тебя, – что у тебя за грехи?

– Перестань, матушка, – со сдержанным огорчением отвечал ей сын, – что ты это говоришь? Тебя увлекает естественная любовь твоя к детям, но послушай, что говорит Святое Писание:

никтоже чист пред Богом, *аще и един день жития его* будет *на земли* (Иов. 14, 4–5); никто не безгрешен, токмо един Бог, а Божественный Давид о нашей худости говорит: *«...в беззакониих зачат есмь и во гресех роди мя мати моя»* (Пс. 50, 7), сего ради да не похвалится всяк человек! *Брашно* и питие*,* конечно*, нас не поставляет пред Богом*! (1 Кор. 8, 8).
Мать удивлялась разумным речам своего сына и, не желая препятствовать его доброму произволению о Боге, обыкновенно говорила ему: «Если ты так рассуждаешь, то делай как хочешь, Господь с тобою, я не хочу стеснять тебя в добром, дитя мое!» И святой отрок никогда не позволял себе даже отведать каких-нибудь сладких блюд или напитков, следуя мудрому наставлению Великого Василия°: «Аще хочеши внити в рай, воздержи чрево, бежи пиянства»[22]. Так, укрощая юную плоть свою воздержанием и трудами для сохранения чистоты душевной и телесной, он ни в чем не выходил из воли своих родителей – как кроткий и послушный сын, он был истинным утешением для них.
«И виден был в нем прежде иноческого образа совершенный инок», – говорит блаженный Епифаний. Поступь его была полна скромности и целомудрия; никто не видал его смеющимся, а если и появлялась иногда кроткая улыбка на его прекрасном лице, то и она была сдержанна; а чаще лицо его было задумчиво и серьезно; на глазах нередко заметны были слезы – свидетели его сердечного умиления; его уст никогда не оставляли Богодухновенные псалмы Давидовы. Всегда тихий и молчаливый, кроткий и смиренный, он со всеми был ласков и обходителен, ни на кого не раздражался, от всех с любовию принимал случайные неприятности. Ходил он в плохой одежде, а если встречал бедняка, то охотно отдавал ему свою одежду.°
Благоговейное устроение юной души Варфоломея естественно располагало его искать уединения, где бы мог он наедине с Богом изливать в сердца и в слезной молитве пред Ним все святые чувства невинного сердца и в самопредании воле Божией искать подкрепления духу на предстоящем жизненном пути. Он так и делал. Особенно любил он молиться по ночам, иногда совсем проводя ночи без сна и все это стараясь тщательно укрыть от домашних. И какою же детскою доверчивостию и пламенною любовию к Богу, какою, так сказать, мудрою простотою дышала его чистая молитва! «Господи! – так взывал он в умилении сердечном, – если верно то, о чем поведали мне родители мои, если прежде моего рождения на свет Ты уже благоволил явить на мне, убогом, дивные знамения благодати Твоей, то да будет воля Твоя, Господи! Буди, Господи, милость Твоя на мне! И дай же мне, Господи, измлада возлюбить Тебя всем сердцем моим и всею душею моею и поработати единому Тебе, яко к Тебе привержен есмь от утробы матери моея, от ложесн, от сосцу матери моей Бог мой еси Ты! И как посетила меня благодать Твоя, когда я

был еще во чреве матери моей, так не оставь меня и ныне, Господи! Отец мой и мати моя – придет время – оставят меня, а Ты восприими меня, соделай меня Своим, причти меня к избранному Твоему стаду! Тебе предоставлен я, бедный, от самых пелен; избави же меня, Господи, от всякой нечистоты, от всякой скверны, душевной и телесной, сподоби меня творити святыню во страхе Твоем, Господи! К Тебе единому пусть стремится сердце мое, да не усладят меня все сладости мира сего, да не прельстят меня все красоты житейские; к Тебе единому пусть прилепится душа моя, и да восприимет меня десница Твоя... Не попусти мне когда-нибудь возрадоваться радостию мира сего, но исполни меня, Господи, радостию духовною и неизреченною сладостию Божественною; Дух Твой благий да наставит мя на землю праву!»

И невольно каждый, видевший такое доброе устроение Варфоломея, любовался им, невольно говорил про себя с удивлением: что-то выйдет из этого отрока, которого Бог сподобил такой благодати с раннего детства.

А отрок между тем становился юношей и, возрастая летами, возрастал и в благочестии. И само собою зарождалось в нем желание иноческого подвига°, и с каждым днем все больше и больше росло и созревало это желание, пока, наконец, не обратилось в пламенную жажду души, которой томился некогда венценосный подвижник и пророк° и взывал: *«Возжада душа моя к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?»* (Пс. 41, 3).

Но не в Ростовской земле, не в Ростовском княжестве, которое тогда потеряло уже свое значение, суждено было исполниться этим заветным мечтам. Там, по выражению песни церковной, первые искры «Божественного желания»[23] только начали возжигать сей великий светильник, но не там надлежало ему возгореться. Ему назначено было Промыслом Божиим° просиять в мрачной пустыне, среди дремучих лесов радонежских, чтоб оттуда светить светом своей жизни святой и своего благодатного учения только что возникавшей тогда из безвестности Москве, которая готовилась быть первопрестольною столицею всей Русской земли, а с Москвою – светить и всему Православному Царству Русскому.

Посмотрим теперь, как перенесен был благодатный светильник сей из пределов Ростова Великого в пределы незнатного Радонежа, – перенесен невидимою рукою Промысла Божия, руководившего обыкновенными путями дел человеческих.

ГЛАВА III
Покорный юноша

Бедствия Русской земли. Возвышение Москвы. Своеволия Кочевы в Ростове. Переселение Кирилла в Радонеж. Порывы юной души.

Благоразумие родителей и послушание сына. Бояре-схимники и их кончина. Святая решимость
(1330 – 1340)
Радуйся, яко от младых ногтей последовал еси Христу.
Ик. Минеи
Радуйся, от юности твоея всем сердцем и мыслию Бога возлюбивый.
Акаф. 1. Ик. 3
Радуйся, любве ради Зиждителя твоего земная к земле возвративый, Радуйся, приобретения ради Христа уметы вся быти вменивый.
Акаф. 2. Ик. 3

Здесь уместно сказать несколько слов о том, в каком состоянии находилась в описываемое нами время Русская земля, чтобы знать, при каких обстоятельствах жили родители Варфоломеевы и среди каких условий воспитывался сам Варфоломей. Раскроем на минуту скорбные страницы родной нашей истории, чтобы яснее видеть, какого великого мужа послал Бог многострадальному отечеству нашему в лице смиренного Своего избранника, пустынника Радонежского, в столь трудные времена. На темной картине исторических событий его светлый образ выступает пред нами во всей своей неземной красоте.
Поистине трудные были тогда времена! Тяжким бременем лежало иго татарское на плечах Русского народа. О том, чтобы сбросить с себя это ненавистное иго, никто не смел и подумать. Князья то и дело ходили в Орду – то на поклон грозным тогда ханам монгольским, то судиться и тягаться между собой, и сколько благородной крови княжеской пролито в Золотой Орде по зависти и братоубийственной ненависти честолюбивых соперников! Наш историограф Карамзин справедливо замечает, что «древняя Русская пословица: *близь Царя – близь смерти* родилась тогда, как наше Отечество носило цепи Моголов. Князья ездили в Орду, как на Страшный Суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостию царскою, или по крайней мере с головою!»[24] Нередко там они и душу свою полагали за веру Православную° и за святую Русь. А поэтому, отправляясь в Орду, они обыкновенно писали духовные завещания, прощаясь навсегда со своею семьей. Народ страдал от своеволия грубых и гордых татарских численников и баскаков° (чиновников), которые разъезжали по всем городам. Не было от них никому пощады, что хотели, то и делали: города и селения жгли и грабили, храмы Божии разоряли или оскверняли, а людей убивали или уводили в плен. Даже купцы, даже просто бродяги монгольские обходились с нашими предками, как с презренными рабами. При таких неурядицах, при недостатке единой, сильной власти был полный простор страстям негодных людей, которых и всегда бывает немало, а в такие тяжкие

времена число их обыкновенно увеличивается. Иго татарское не прошло бесследно и в народной нравственности. «Забыв гордость народную, – говорит Карамзин, – мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая Татар, еще больше обманывали друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!)° отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил: не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общею язвою собственности»[25]. Да, тяжело было Русской земле в те скорбные времена; трудно, невозможно было одолеть сильного врага, и именно потому, что Князья Русские все больше ссорились между собой, единства не было, по клочкам была разделена вся обширная Русская земля. И если бы не сознали наконец необходимости этого единства, – кто знает? – может быть, и совсем погибла бы Русь Православная, подпав владычеству более опасных врагов, каковы были в то время Литва, Польша, Венгрия и Швеция… Но Бог не попустил случиться такой беде. Раньше всех поняли опасность наши первосвятители°; они всегда твердили князьям, что единодушие между ними необходимо для спасения России от окончательной гибели; когда было можно, святители всегда являлись миротворцами в усобицах княжеских, действуя и словом убеждения, и силою духовной власти. А прозорливый Святитель Петр° положил прочную основу объединению Русской земли, переселившись навсегда из Владимира, на Клязьме, в незнатный тогда городок Москву к умному и благочестивому князю Иоанну Даниловичу Калите. Этот князь стал настойчиво приводить в исполнение намеченную еще его отцом мысль объединения Русской земли и присоединял одно за другим соседние княжества к Московскому. Святитель Петр незадолго пред кончиною своею ободрил князя предсказанием о будущем величии Москвы. «Если ты, сын мой, – говорил он в духе пророчества, – успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных князей, и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде, святители захотят обитать в оном, и руки его взыдут на плеща врагов наших». Иоанн исполнил завет старца митрополита, и Бог благословил успехом его начинания на пользу отечества. Москва мало-помалу стала возвышаться над другими городами, а сам Иоанн заслужил славное имя собирателя Русской земли. Чрез сто лет с Москвою никто уже не дерзал спорить о первенстве: она объединила под собою всю тогдашнюю Русь, и это объединение не только спасло Россию от конечного разоренья, но и помогло ей сбросить иго монгольское.

Но нелегко было удельным князьям расставаться со своею свободою. Московский Князь действовал властно, иногда ничем не стесняясь, ни пред чем не останавливаясь. Даже в тех случаях, когда присоединение соседних уделов совершалось мирным путем, посредством, например, родственных союзов с Великим Князем Московским, и тогда Иоанн Данилович не задумывался распоряжаться удельными как ему хотелось. Так, он выдал своих дочерей одну за Василия Давидовича Ярославского, а другую за Константина Васильевича Ростовского° и, «действуя как глава России, предписывал своим зятьям законы в собственных их областях»[26]. «Горько тогда стало городу Ростову, – со скорбию повествует летописец, – и особенно князьям его! У них отняты были всякая власть и имение, вся же честь их и слава потягнули к Москве»°[27]. Послан был на Ростов в сане воеводы московский вельможа Василий, прозванием Кочева, с ним другой, по имени Мина; по прибытии в Ростов они стали действовать полновластно, притесняя жителей, так что многие ростовцы принуждены были отдавать москвичам свои имущества поневоле, за что получали только оскорбления и побои и доходили до крайней нищеты. Трудно и пересказать все, что потерпели они; дерзость московских воевод дошла до того, что они повесили вниз головою ростовского градоначальника, престарелого боярина Аверкия, поставленного еще князем Василием Константиновичем°, и в таком виде оставили его на поругание... Так поступали они не только в Ростове, но и по всем волостям и селам его. Народ роптал, волновался и жаловался на эти своеволия; все говорили, что слава Ростова исчезла, что князья его лишились своей власти, что Москва тиранствует...

Не избежали, конечно, этих народных скорбей и праведные родители Варфоломеевы. Славный и именитый некогда боярин Кирилл еще ранее описанных нами событий в Ростове под старость стал терпеть нужду. Частые путешествия в Орду со своим князем, тяжкие дани и непосильные подарки ордынским вельможам, без чего никогда не обходились эти путешествия, жестокий голод, нередко опустошавший Ростовскую область, а больше всего, говорит преподобный Епифаний, великая рать, или нашествие Туралыково, в 1327 году°[28], – все это вместе отозвалось крайне неблагоприятно на его состоянии и почти довело его до нищеты. Очень вероятно также, что своеволие московских наместников, которые распоряжались в Ростове, как независимые государи, не пощадило и Кирилла, как ближнего боярина князей Ростовских; может быть, и он лишился тогда не только чести своей, но и всего своего достояния[29]. Тяжело было Кириллу после всего, что испытал он в Ростове, оставаться там, а может быть, и прямо приказано было от наместников московских удалиться из Ростова, и потому он решил, лишь только откроется возможность,

покинуть родной город и перейти на службу к другому князю. Случай скоро представился.
В двенадцати верстах от Троицкой Лавры по направлению к Москве есть село Городище, или Городок, которое в древности носило имя Радонеж.° В 1328 году, отправляясь в Орду, Великий Князь Иоанн Данилович написал духовное завещание, в коем между прочим назначил «село Радонежское» в удел Великой Княгине Елене «с малыми детьми» нераздельно[30]. Вскоре после того село это перешло в полную собственность младшего сына Иоаннова, Андрея°[31]. Великий Князь, по малолетству Андрея, поставил в Радонеже наместником Терентия[32] Ртища[33], который, желая привлечь большее число поселенцев в этот почти не заселенный тогда край, объявил именем князя разные льготы переселенцам. Лишь только это стало известно в Ростове, многие из его жителей, в надежде найти себе облегчение, потянулись в Радонеж. В числе таких переселенцев Епифаний называет Протасия, тысяцкого°, Георгия, сына Протопопова, с родом его, Иоанна и Феодора[34] Тормасовых, их родственников Дюденя и Онисима, бывшего ростовского вельможу[35], а впоследствии диакона и ученика Сергиева. В числе их переселился и блаженный Кирилл со всем своим семейством и водворился в Радонеже близ церкви Рождества Христова.
По обычаю того времени, Кирилл должен был получить поместье, но сам он, по старости, уже не мог нести службы°, и потому обязанность эту принял на себя старший сын его, Стефан, который, вероятно, еще в Ростове женился. Младший из сыновей Кирилла, Петр, также избрал супружескую жизнь, но Варфоломей и в Радонеже продолжал свои подвиги. Размышляя о суете всего земного, блаженный юноша нередко повторял сам себе слово пророческое: «*Кая польза в крови моей, внегда сходити ми во истление?*» (Пс. 29, 10). Правда, мир и все, что в мире, создано Богом для блага людей, но все это человеческими страстями, насилиями, неправдами до того извращено, что жизнь человеческая не представляет почти ничего, кроме труда и болезней, и для желающего в кротости духа устроять свое спасение со всех сторон встречаются препятствия и соблазны.° Рассуждая таким образом, Варфоломей стал просить у своих родителей благословения избрать путь иноческой жизни. Не раз он говорил отцу: «Отпусти меня, батюшка, с благословением, и я пойду в монастырь».
«Помедли, чадо, – отвечал ему на это отец, – сам видишь: мы стали стары и немощны; послужить нам некому: у братьев твоих немало заботы о своих семьях. Мы радуемся, что ты печешься, како угодити Господу Богу, – это дело хорошее, но верь, сын мой, твоя благая часть не отнимется у тебя, только послужи нам немного, пока Бог явит милость Свою над нами и

возьмет нас отсюда; вот проводи нас в могилу, тогда уже никто не возбранит тебе исполнить свое заветное желание».
И благодатный сын повиновался; он прилагал все свое старание угодить святым родителям и упокоить их старость°, чтобы заслужить себе их благословение и молитвы. Не связанный семейными заботами, он всего себя посвятил упокоению родителей, а по своему кроткому, любящему характеру был как нельзя более способен к этому.
Какой прекрасный поучительный пример и благоразумия родительского, и послушания сыновнего! Кирилл и Мария не усиливаются погасить возгорающееся в сыне своем Божественное желание, не принуждают его связать себя с суетою мира узами брачными, как делают многие родители века сего, – они только указывают ему на свои нужды и немощи, а втайне, вероятно, более имеют в виду его молодость и дают ему случай еще испытать самого себя и укрепиться в святом намерении, дабы он, возложив руку на рало, уже не озирался вспять. Но и Варфоломей не следует примеру своевольных детей века сего, из коих многие даже в обыкновенных мирских делах не хотят покорить воли своей воле родителей и ни во что ставят их нужды и желания, – нет, благоразумный юноша знает достоинство того, чего желает; однако же, взирая на заповедь Божию: *чти отца и матерь* (Мф. 15, 4), соглашается до времени томить себя неисполненным желанием, дабы сохранить повиновение родителям и чрез то наследовать их благословение, – так дорожил он этим благословением! И родители, конечно, от всего любящего сердца благословляли послушного сына святыми своими благословениями до последнего своего воздыхания!
Но дух иночества нечувствительно сообщился от сына родителям – при конце своей многоскорбной жизни Кирилл и Мария пожелали и сами, по благочестивому обычаю древности, воспринять на себя ангельский образ.° Верстах в трех от Радонежа был Покровский Хотьков монастырь°, который состоял из двух отделений – одного для старцев, другого для стариц; в этот монастырь и направили свои стопы праведные родители Варфоломеевы, чтобы здесь провести остаток дней своих в подвиге покаяния и приготовления к другой жизни.
Почти в то же время произошла важная перемена и в жизни старшего брата Варфоломеева, Стефана: недолго жил он в супружестве, жена его Анна умерла, оставив ему двух сыновей – Климента и Иоанна[36].
Похоронив супругу в Хотькове монастыре, Стефан не пожелал уже возвратиться в мир; поручив детей своих, вероятно, Петру, он тут же, в Хотькове, и остался, чтобы принять монашество, вместе с тем послужить и своим немощным родителям[37].
Впрочем, претружденные старостию и скорбями, схимники-бояре недолго потрудились в своем новом звании: не позже

1339 года они с миром уже отошли ко Господу на вечный покой.

Дети почтили их слезами сыновней любви и похоронили под сению той же Покровской обители, которая с сего времени сделалась последним приютом и усыпальницею рода Сергиева[38].

После удаления старшего брата в монастырь Варфоломей остался полным хозяином в доме родителей. Кончину их он принял как поданный Провидением Божиим знак к исполнению своего заветного намерения. Отдавая им последний долг сыновней любви, он неотлучно провел в Хотькове монастыре сорок дней, пока совершалось установленное Церковию поминовение новопреставленных; свою молитву о упокоении душ их он соединял с делами милосердия – каждый день кормил нищих и раздавал бедным остатки небогатого имущества почивших. В духовной радости возвратился он наконец в Радонеж: теперь никто и ничто не могло удержать его в мире, среди столь несносной для души его суеты... С наслаждением повторял он изречения Священного Писания, которые так подходили теперь к его устроению душевному: *изыдите от среды их и отлучитеся... и* ничему сущему в мире *не прикасайтеся* (2 Кор. 6, 17); отступите от земли и взыдите на небо. *Прильпе душа моя по Тебе*, Господи, *мене же прият десница Твоя!* (Пс. 62, 9).

Вот какими чертами изображает состояние души Варфоломеевой в это время святитель Платон: «Читал Варфоломей во святом Евангелии: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), – читал он и размышлял: что может быть желательнее сего? Я, я – из числа сих труждающихся, я – из числа обремененных. Чувствую в себе силу страстей, совесть моя трепещет суда Божия. Сосуд избранный, Апостол Павел, говорит о себе, что он – первый из грешников. А мне что иное о себе сказать? И внешние обстоятельства своею прискорбностью гонят меня в пустыню... Отовсюду я утружден и обременен; но вот Господь глаголет в Евангелии: прииди ко Мне, и Аз упокою тя. Можно ли пренебрегать тем, чего всеми силами искать надобно? Сам Господь ищет меня и сретает с Своим вожделенным покоем. И как же я был бы неразумен, если бы вздумал отказаться от сего неоцененного сокровища! Нет, пойду, побегу за гласом сим: Он солгать не может. Сердце мое Он зажег, не могу успокоиться, пока обещаннаго Им покоя не найду! *Се* удалюся *бегая и* водворюся *в пустыни,* буду чаять *Бога, спасающаго мя от малодушия и от бури!* (Пс. 54, 8, 9) »[39].

Обращал Варфоломей в благоговейном сердце своем и другое слово Господа: «*Аще кто грядет ко Мне, и не... отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик*» (Лк. 14, 26, 33). Желая последовать сему слову спасительному, он передал своему меньшему брату, Петру, все, что осталось после

родителей. Так сделан был решительный шаг, и святой юноша на двадцать первом году своей жизни бодро вступил на новый путь, полный скорбей и лишений, и, подклонив свою главу под благое иго креста Христова, устремился к вожделенным для него подвигам духовным, как жаждущий елень стремится к живительным источникам водным...

«Он оставил мир, – говорит святитель Филарет Московский, – когда мир еще не знал его; ...и впоследствии не восхотел стать даже в такое состояние, которое хотя и в мире, но не от мира и не для мира (разумеем сан святительский); самое послушание, столь свято хранимое Сергием во всех других случаях, не могло привести его к тому, чтобы расстаться с сладкою пустынею[40] или хотя бы только принять от руки святителя священное украшение, как благословение архипастырское»[41], потому что сие украшение (крест) было сделано из золота.

ГЛАВА IV
Братья в пустыне

Горящее сердце. Стефан и Варфоломей водворяются в пустыне. Первая келлия и первая церквица. Восторг юного подвижника. Пустынные скорби. Стефан оставляет брата

(1339 – 1342)

Радуйся, иго Христово благое понесший измлада, Радуйся, не обративыйся вспять в шествии до Горняго Града!

Акаф. 2. Ик. 3

Радуйся, вся мира сего красная, яко скоро исчезающая, презревый.

Акаф. 1. Ик. 3

Радуйся, зерцало совершеннаго терпения.

Акаф. 1. Ик. 6

Расстался Варфоломей с Радонежем и пошел в Хотьков, который теперь был для него роднее Радонежа. Можно ли изъяснить то блаженное состояние, в каком находилась тогда его чистая душа, вся объятая пламенем божественной любви? Опытные в духовной жизни подвижники° говорят, что в начале подвига душа обыкновенно горит неизъяснимою жаждою подвига, все кажется возможным, всякий труд – легким, всякое лишение – ничтожным. Благодать Божия, как нежная, любящая мать, дает новоначальному подвижнику вкусить тех благ неизреченных, которые ожидают его по совершении подвига, – дает без всякой с его стороны заслуги, для того, чтобы он знал, что получит по очищении своего сердца от страстей, и потому не ослабевал в борьбе с врагами спасения. И блажен, кто не был рабом своих страстей, кто сохранил непорочность детства в юности и от юности взял крест свой, чтоб идти за Господом! Тогда как другие подвижники всю жизнь свою проводят в тяжкой борьбе со своими страстями и благодать Божия действует в них сокровенно, лишь изредка утешая их

сладостным ощущением своего присутствия и снова скрываясь, дабы они не впали в высокое о себе мнение, – сей избранник благодати за свою детскую простоту, за чистоту своего сердца, незнакомого с грязью порока, скоро сподобляется благодатного покоя бесстрастия. К таковым по преимуществу можно отнести слово Лествичника: «Изшедший от мира по любви к Богу в самом начале приобретает огнь, который, быв вconfigurationвержен в вещество (страстей), вскоре возжжет сильный пожар» и истребит страсти[42]. К числу таких избранников благодати принадлежал и Варфоломей. Давно горел в душе его этот благодатный огонь, а теперь он проник все его духовное существо. Его мысль уже витала в дебрях пустынных...
В Хотькове, как уже знают читатели, смиренно подвизался вблизи трех дорогих могил старший брат Варфоломея, Стефан. К нему-то и спешил блаженный юноша. Скромный, с детства привыкший подчинять свою волю воле старших, он и теперь боялся положиться на себя и надеялся иметь в брате-иноке верного спутника и опытного руководителя на новом, многотрудном жизненном пути. Оставаться в Хотькове у него не было намерения: его душа жаждала безмолвия пустыни; чем больше представляла труда одинокая жизнь пустынника, чем больше было в ней лишений, тем для него казалось лучше.
И вот Варфоломей в Хотьковской обители. Он упрашивает брата идти с ним искать места для пустынножительства. Стефан не вдруг решается на такой подвиг. Недавний мирянин, поступивший в монастырь не столько по влечению чистой любви к Богу, сколько потому, что его сердце, разбитое семейным горем, искало врачевания в тишине святой обители, он не думал принимать на себя подвига выше меры своей и желал проходить обычный путь жизни монашеской в стенах монастырских. Но Варфоломей просит, умоляет – и добросердечный Стефан уступает наконец неотступным просьбам любимого младшего брата и, «принужен быв словесы блаженного»°, соглашается. Братья оставляют гостеприимную обитель и идут в самую глушь соседних лесов...
В те времена каждый желавший уединенной жизни мог один или с товарищем свободно идти в лес, на любом месте строить себе хижину или копать пещеру и селиться тут. Земли было много свободной, не принадлежавшей частным владельцам. Когда собиралось около пустынников несколько человек, то строили церковь, испрашивали у князя права на владение местом, а у местного святителя – разрешения освятить церковь, и обитель основывалась. Но Варфоломей не думал строить обитель, не желал собирать около себя братию, у него было одно заветное желание – укрыться навсегда от мира в глубине непроходимой чащи лесной, укрыться так, чтоб мир никогда не нашел его и совсем позабыл отшельника.
Долго ходили братья по окрестным лесам, наконец им полюбилось одно место, удаленное не только от жилищ, но и от

путей человеческих. Это место было Самим Богом предназначено к устроению обители: над ним и прежде видали достойные люди – одни свет, другие огонь, а иные ощущали благоухание[43]. Оно находилось верстах в десяти от Хотькова и представляло небольшую площадь, которая возвышалась над соседнею местностью в виде маковки, почему и названа Маковцем, или Маковицею[44]. Глубокая дебрь с трех сторон окружала эту Маковицу, густой лес, до которого еще никогда не касалась рука человеческая, одевал ее со всех сторон сплошною чащей, высоко поднимая к небу свои тихо шумящие вершины... В окружающих эту возвышенность дебрях можно было найти немного и воды, хотя ходить за нею было и неблизко. «Любуясь первобытною красотою местности, – говорит святитель Платон, – Варфоломей представлял себе в мысли земной рай, в котором жили праотцы рода человеческого в невинном состоянии, до грехопадения».° Мы не можем представить себе того восторга, который наполнял тогда душу и сердце молодого отшельника! Наконец-то сбываются его заветные желания, его задушевные мечты: вот она – давно желанная пустыня, вот он – дремучий лес!.. Мир со всею его суетой, с его житейскими треволнениями остался там, где-то далеко позади Варфоломея; отшельник более не вернется туда – здесь он найдет свой покой, здесь поселится навсегда, будет собеседовать с Единым Богом, разделяя труды с своим родным не по плоти только, но и по духу братом!
Горячо помолились братья на избранном месте пустынного жития; предавая самих себя в руки Божии, они призывали Божие благословение и на самое место своих будущих подвигов. Потом стали рубить лес; с великим трудом переносили они тяжелые бревна на своих хотя и привычных к труду, но все же боярских плечах; мало-помалу редела чаща лесная, открывая место, на котором впоследствии суждено было Богом процвести славной Лавре Сергиевой. Отшельники устроили себе сначала шалаш из древесных ветвей, а потом убогую келлийку, наконец подле келлии поставили и малую церквицу. Все это было сделано руками самих братьев-трудников; они не хотели приглашать посторонних людей, потому что телесный труд был необходимым условием самой жизни подвижнической. Когда церковь была готова к освящению, Варфоломей сказал Стефану: «По плоти ты мне старший брат, а по духу – вместо отца, итак, скажи мне: во имя какого святого следует освятить нашу церковь? Какой будет ее престольный праздник?» «Зачем спрашиваешь меня о том, что сам лучше меня знаешь?» – отвечал ему старший брат. «Ты, конечно, помнишь, как не раз покойные родители наши при мне говорили тебе: “Блюди себя, чадо: ты уже не наше, а Божие; Господь Сам избрал тебя прежде твоего рождения и дал о тебе доброе знамение, когда трижды возгласил ты во чреве матери во время литургии”. И пресвитер, тебя крестивший, и

чудный старец, нас посетивший, говорили тогда, что это трикратное проглашение твое предзнаменовало, что ты будешь учеником Пресвятыя Троицы; итак, пусть церковь наша будет посвящена Пресвятому имени Живоначальныя Троицы – это будет не наше смышление, а Божие изволение, пусть же благословляется здесь имя Господне отныне и вовеки!»
Вздохнул из глубины сердца юный подвижник и сказал брату: «Ты высказал, господин мой, то самое, что давно было у меня на душе, чего я всем сердцем желал, но не дерзал высказать. Любезно мне слово твое, пусть эта церковь будет освящена во имя Пресвятыя Троицы. Ради послушания я вопрошал тебя; не хотелось мне иметь в сем волю свою, и вот Господь не лишил меня желания сердца моего!»
«В сем рассуждении Варфоломея, – замечает один из его жизнеописателей[45], – открылось его глубокое духовное просвещение: самым наименованием храма он проповедовал всем главнейшую истину христианства – о Триипостасном Божестве».
«Его ум, – говорит святитель Филарет, – устремился тогда к высочайшему Христианскому догмату, дабы привлечь за собою умы даже младенцев веры. Посвятив храм сей имени Пресвятыя Троицы, он сделал то, что здесь, в его обители, по самому напоминанию имени храма каждый поклонник богословствует, исповедует и славит Живоначальную Троицу и, богословствуя, приносит свою молитву».°
Затем оба брата пошли в Москву, чтобы испросить благословение Всероссийского Митрополита Феогноста° на освящение церкви. Святитель милостиво принял просителей и послал с ними священнослужителей, которые взяли с собою святой антиминс° с мощами святых мучеников и все потребное для освящения храма. Церковь по желанию братьев была освящена во имя Пресвятыя и Живоначальныя Троицы. Так скромно, по-пустынному смиренно было положено основание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, столько прославленной впоследствии именем Преподобного Сергия! «Справедливо сия церковь, – замечает при сем блаженный Епифаний, – наречена во имя Святыя Троицы: она основана благодатию Бога Отца, милостию Сына Божия и поспешением Святаго Духа».°
Это произошло в 1340 году, уже при Великом Князе Симеоне Иоанновиче Гордом°[46].
«Какою несказанною радостию радовался юный подвижник наш, когда увидел освященным дом Божий! – говорит святитель Платон. – Теперь оставалось ему и самого себя всецело уготовать в жилище Духа Святаго».° И он действительно еще с большею ревностию стал подвизаться в посте и молитве, в трудах и терпении, мира как бы вовсе не было для юного отшельника: он умер для мира, и мир умер для него навсегда.
Не то было со старшим братом. Суровой, неприветливой показалась ему дикая пустыня. Он видел здесь одни труды и

лишения. Никаких удобств для безбедного существования тут не было. Никто не заходил к отшельникам, трудно было достать самое необходимое, на далекое расстояние не было не только сел или дворов, но и пути людского; кругом их убогой келлии и церквицы – непроходимая чаща лесная с негостеприимными обитателями – дикими зверями...

Не выдержал Стефан этих скорбей пустынных: он вовсе не был подготовлен к ним предшествующею жизнию; утешаясь семейною жизнию, он, вероятно, не думал не только о пустынных подвигах, но и о монашестве; тяжкое горе, смерть молодой супруги, побудило его удалиться в обитель, как тихую пристань на море житейском; там, быть может, он и окончил бы дни свои, если бы не Варфоломей. Только усердные просьбы любимого брата вызвали его оттуда; и вот лишь только он встретился со всей суровой обстановкой отшельнической жизни, как мужество изменило ему, его стала томить тоска нестерпимая, им овладел дух уныния... Напрасно Варфоломей утешал малодушного, уговаривал, упрашивал вооружиться терпением против этого искушения – хотя не без скорби, Стефан оставил одиноким пустыннолюбного брата и ушел в Москву. Здесь устроил он себе келлию в Богоявленском монастыре° и стал подвизаться по мере своих сил. По свидетельству блаженного Епифания, который лично знал Стефана, он любил иноческое житие, много трудился и вел строгую жизнь. Ходил он обыкновенно в убогой одежде. В то время в Богоявленском монастыре подвизался еще простым иноком будущий Святитель Всероссийский Алексий.° Они духовно полюбили друг друга, рядом всегда стояли в церкви и вместе певали на клиросе.° Наставником и руководителем их был старец Геронтий, опытный в жизни духовной. Митрополит Феогност любил Стефана, Геронтия и Алексия и по временам приглашал их к себе для духовных бесед[47]. Сын Калиты, Великий Князь Симеон Иоаннович, также отличал своим вниманием и Стефана и Алексия. По его желанию Митрополит Феогност рукоположил Стефана во пресвитера и назначил игуменом Богоявленского монастыря. Великий Князь избрал Стефана в свои духовники. Примеру Князя последовали тысяцкий столицы Василий, брат его Феодор и другие знатные бояре[48]. Позднее мы опять встретимся со Стефаном в пустыне Радонежской, хотя уже при других обстоятельствах.

Обращаемся к юному Варфоломею.

Хотя и оставил его единоутробный, но на сей раз не единодушный брат, он остался тверд и непоколебим в своем намерении. «Два родных брата, – замечает блаженный Епифаний, – а между тем какая разность в произволении! Оба совещались жить в пустынном уединении, но один из пустыни ушел в городской монастырь, а другой и саму пустыню обратил в город. Что казалось Стефану тяжким и нестерпимым, то было легко и приятно для Варфоломея, которого душа с детства

пылала Божественным огнем... И Господь хранил его Своею благодатию среди пустыни, ограждал его Своими Ангелами на всех его путях и, как Сердцеведец, видевший его сердечные расположения, уготовлял в нем начальника многочисленной братии и отца многих обителей».°

Глава V
Юный постриженник

Муж разума духовного. Игумен Митрофан. Пострижение в пустынной церквице.
Знамение благодати Божией. Инок первый и последний.
Прощальная беседа юного инока с Евангельским отцем.
Сергий Богомудрый
(1342)
Радуйся, юность твою в целомудрии обучивый, Радуйся, яко деву чисту жениху Христу себе обручивый!
Акаф. 2. Ик. 2

«Все поступки Варфоломея, в течение всей его жизни, – говорит святитель Платон, – показывали, что он был муж высокого разума и рассуждения духовного».° Рассуждение – дар бесценный, и святые отцы почитают его выше всех добродетелей. По словам Преподобного Иоанна Лествичника, «рассуждение… в том состоит и познается, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи. Оно находится в одних только чистых сердцем, телом и устами»[49]. Оно рождается от послушания и смирения[50], после великого подвига в совершенном отсечении своей воли и разума. Тем более достойно удивления, что Варфоломей сподобился сего дара от юности, – так чисто было сердце его, так была смиренна и проста его прекрасная душа! «Рассуждение в новоначальных есть истинное познание своего устроения душевного», — говорит Лествичник[51]. В испытании самого себя обнаружилось это духовное дарование и в юном Варфоломее. Как ни горячо желал он облечься в ангельский образ, однако не спешил исполнением своего сердечного желания. Он почитал неосновательным делом связать себя обетами монашества° прежде, нежели приучит себя к строгому исполнению всех уставов монашеской жизни, ко всем трудам и подвигам не телесного только, но и внутреннего, духовного делания. Только тогда, когда он достаточно испытал себя во всем этом, он стал усердно просить Господа, чтобы удостоил его столь давно желанного ангельского образа.
В одной из обителей близ Радонежа, быть может в том же Хотькове монастыре, жил смиренный старец игумен по имени Митрофан. Неизвестно, когда Варфоломей с ним духовно сблизился; может быть, это произошло еще раньше удаления его в пустыню, может быть даже, что Митрофан изредка посещал Варфоломея в его пустынном уединении и служил для

него Божественную литургию в его церквице, – блаженный списатель жития его ничего не говорит об этом[52]. Он говорит только, что подвижник попросил Митрофана прийти к нему в пустыню и несказанно обрадован был его посещением. Он встретил игумена как дорогого гостя, Самим Богом посланного, и усердно просил его пожить с ним сколько-нибудь в его келлии. Добрый старец охотно согласился на это, а Варфоломей, взирая с благоговением на добродетельную жизнь его, прилепился к нему всей душой, как к родному отцу.
Спустя немного времени блаженный юноша во смирении склонил главу пред старцем и стал просить его о пострижении.
«Отче, – так говорил Варфоломей, – сотвори любовь ради Господа, облеки меня в чин иноческий°, возлюбил я сей чин от юности моей и с давнего времени желаю пострижения. Только воля родителей моих долго меня от этого удерживала, но теперь, слава Богу, я от всего свободен и, как олень, жаждущий источников водных, всею душею жажду иноческого пустынного жития».
Не стал противоречить старец игумен его благочестивому желанию; он пошел немедленно в свой монастырь, взял там нескольких из братий[53] и все, что нужно было для пострижения, и возвратился к отшельнику. 7 октября 1342 года в убогой церквице пустынника совершилось пострижение двадцатитрехлетнего юноши. В сей день святая Церковь празднует память святых мучеников Сергия и Вакха, по обычаю того времени, Варфоломею и было дано имя *Сергий.*

Окончив обряд пострижения, Митрофан совершил Божественную литургию и приобщил нового инока Святых Христовых Таин. И исполнился благодати Святаго Духа новопостриженный, и повеяло в церкви неизреченным благоуханием, и распространилось это дивное благоухание даже за стенами храма пустынного... Так рассказывали о сем впоследствии сами свидетели этого чуда, прославляя Бога, прославляющего угодников Своих.
«И был Сергий первый постриженник своей уединенной обители, первый начинанием и последний мудрованием°, первый по счету и последний по тем смиренным трудам, которые сам на себя возлагал; можно даже сказать, что он был и первый и в то же время последний, потому что хотя и многие после него в той же самой церкви принимали пострижение, но ни один не достиг меры его духовного возраста.° Многие так же начинали подвиг, но далеко не все так и оканчивали; много было у Сергия учеников, много подвизалось и после него в его обители добрых иноков, но никто не мог сравниться с ним, для всех и навсегда он остался образцом совершенства иноческого! С пострижением он не только отлагал власы главы своей, но с отнятием власов° отсекал навсегда и всякое свое хотение; совлекаясь мирских одежд, он в то же время совлекался и ветхого человека, чтобы облечься в нового°, ходящего в правде

и преподобии истины; препоясывая чресла свои, он уготовлял себя к мужественному подвигу духовному; отрекаясь от всего, что в мире, он, как бы обновляемый юностию орлею, возлетал на высоту созерцаний духовных...»°
Так рассуждает о своем великом учителе его достойный ученик, преподобный Епифаний, а кто лучше и ближе его мог оценить подвиги его возлюбленного аввы?
Семь дней провел новопостриженный Сергий неисходно в своей церквице°; каждый день старец игумен совершал Божественную литургию и приобщал его Святых Христовых Таин, и во все эти семь дней Сергий ничего не вкушал, кроме просфоры, даваемой ему от постригавшего. Чтобы сохранить бодрым и неразвлеченным ум свой, Сергий уклонялся от всякого поделия°; с его уст не сходили псалмы и песни духовные; утешая ими себя, он славословил Бога и взывал к Нему из глубины сердца благодарного: «*Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея* (Пс. 25, 8) ...*дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дний* (Пс. 92, 6). *Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончавается душа моя во дворы Господни: сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозе живе. Ибо птица* – душа моя – *обрете себе храмину, и горлица гнездо себе, идеже положит птенцы своя... Блажени живущии в дому Твоем: во веки веков восхвалят Тя!* (Пс. 83, 1–5). *Яко лучше день един во дворех Твоих паче тысящ: изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениих грешничих* (Пс. 83, 11.)». Так ликовала тогда душа Сергиева и горела божественным огнем!
Мир не знает и не может знать тех благодатных утешений, какие ниспосылаются от Бога трудникам спасения.° Мир видит только жестокость и тесноту пути иноческого° и, не желая расстаться с своим широким путем, отвращается подвига монашеского, называя его бесполезным, неразумным, даже преступным самоистязанием... Не будем говорить ему о том, что ему неудобопонятно: слепому бесполезно говорить о красоте цветов, но пусть бы мир внимательнее присмотрелся хотя только к плодам подвигов иноческих, и тогда бы он познал их великую силу в жизни нравственной и не стал бы называть их бесполезным упражнением... «О вы, – так взывал некогда Московский святитель Платон, – о вы, коих мысль помрачена и сердце расслаблено! Придите и посмотрите на угодника Божия Преподобного Сергия! Что ж? Разве напрасно он столько в подвиге добродетели трудов употреблял? Разве тщетны были те слезы, тот пот, которые он проливал и ими напоевал насажденное в душе своей Божественное семя? О – нет! Вот сколько веков прошло, а имя его все так же любезно в устах наших, память его благословенна и следы жизни его святой достопочтенны»[54]. Почему? Потому, что при содействии благодати Божией его подвиги преобразили всю нравственную природу его и возвратили ему первобытную чистоту и

невинность, вечное блаженство и высокое Богоподобное достоинство – все то, что потеряно было первым Адамом и куплено для всех нас бесценною кровию второго Адама – Господа Иисуса!
Семь дней протекли как один день, настало время Сергию расстаться со старцем игуменом.

– Вот, отче, – с тихою грустью сказал тогда юный инок своему отцу евангельскому, – ты уже уходишь и оставляешь меня одиноким в этой безлюдной пустыне... Давно я желал уединиться и всегда просил о том Господа, вспоминая слова Пророка: «*Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни...*» И благословен Бог, не оставивший без исполнения молитвы моей; благодарю Его благость, что не лишил меня этой милости – жить в пустыне и безмолвствовать... Ты уходишь отсюда, отче, благослови же меня, смиренного, и помолись о моем уединении... Вразуми меня, как мне жить теперь в одиночестве, как Господу Богу молиться, как избегать вреда душевного, как противиться врагу и помыслам гордыни, от него всеваемым... Ведь я еще новоначальный инок°, я должен во всем просить совета у тебя!
Подивился старец смиренномудрию своего новопостриженника.° «Меня ли, грешного, вопрошаешь о том, что сам не хуже меня знаешь, о честная глава! – сказал Митрофан. – Ты уже приучил себя ко всякому подвигу, мне остается только пожелать, чтобы Господь Сам вразумил тебя и привел в совершенную меру возраста духовного».
Старец побеседовал с ним еще немного о разных случаях в жизни духовной и собрался в путь. Сергий припал к стопам его и еще раз, на прощание, просил благословить его и помолиться за него. «Молись, молись, отче, – говорил он, – чтобы Господь послал мне силы противустать брани плотской и искушениям бесовским, чтоб сохранил Он меня и от лютых зверей среди моих пустынных трудов».
– Благословен Бог, – сказал ему старец, и крепкая вера слышалась в его речах, – Он не попускает нам искушений выше сил наших; Апостол говорит за всех нас: *«Вся могу о укрепляющем мя Господе Иисусе»*. Отходя отсюда, я предаю тебя в руки Божии, Бог будет тебе прибежище и сила. Он поможет тебе устоять против козней вражеских. Господь любит тех, кто благоугождает Ему, Он сохранит и твое вхождение отныне и до века.
В заключение своей беседы Митрофан сказал Сергию, что на месте его пустынножительства распространит Господь обитель великую и именитую, из которой пронесется слава имени Божия далеко во все стороны. Потом он сотворил краткую молитву, благословил своего постриженника и удалился.
И остался Сергий один в своей излюбленной пустыне, остался без предшественника и сподвижника, без наставника и без помощника, с единым Богом вездесущим и никогда не

оставляющим тех, которые для Него все оставили… Чиста и светла была его добрая душа, проста и открыта благодати Божией, и Бог тайными внушениями Своей благодати Сам руководил молодого подвижника в его борьбе с искушениями, которые, по плану Божественного домостроительства° нашего спасения, неизбежны и для самых чистых душ… И поистине Сергий явился мужем *Богомудрым*, как именует его святая Церковь; проходя путем древних святых Отцев-пустынников, первоначальников жития монашеского, он, подобно им, был умудряем не столько от людей, сколько от Бога Самого, и, обогатившись сим небесным сокровищем мудрости Божественной, умудрял потом и других во спасение.

ГЛАВА VI
Наедине с Богом

Неведомые миру подвиги пустынника. Три врага – плоть, мир и диавол.
Тяжесть борьбы. Правила Василия Великого для отшельников.
Терпение Сергиево. Страхования и привидения. Угрозы бессильного.
Козни «коварного старца». Хищные звери. Странноприимство пустынника.
Черта образа Божия. Вторая половина великой Христовой заповеди
(1340 – 1342)
Радуйся, вся плотския похоти Бога ради умертвивый, Радуйся, многообразныя козни лукаваго силою Божиею победивый!
Акаф. 1. Ик. 3
Радуся, Онуфрию Великому подражавый житием в пустыне, Радуйся, Паисию последовавый в вечной святыне.
Акаф. 2. Ик. 5

Прости нас, Преподобне отче Сергие, если мы дерзнем теперь мысленно войти в твою пустынную, убогую келлию, чтобы грешным умом своим приникнуть в сокровенное святилище души твоей и тешить себя созерцанием незримых миру твоих подвигов! Ведаем, преблаженне и богомудре, что недостойны мы сего дивного созерцания, что мало способны к тому и наши сердечные очи°, страстями омраченные, но, взирая на твою Христоподражательную любовь°, уповаем, что ты, благоволивший в назидание присных учеников твоих поведать им многое от того, чему был один Бог Сердцеведец свидетелем в пустынном житии твоем[55], – ты, любвеобильный отче, не изгонишь и нас, желающих собрать некие крупицы сего брашна духовного, оставшиеся от трапезы учеников твоих, во утоление наших алчущих душ!
«Вот он, – скажем словами приснопамятного святителя Платона, – вот он, подвижник наш, в сладком своем уединении, в убогой, но спокойной келлии очи свои возводит всегда к

Живущему на небесах, – очи, исполненные слезами покаяния… Мысль его беседует с Богом; язык прославляет Владыку всех; его сердце – жилище всякой добродетели, а потому и Духа Святаго; руки же его служат его требованиям телесным… Он далек от всякой суеты и от соблазнов мира, работает Господу *со страхом и… трепетом* (Пс. 2, 11), работает в приятном уединении, в сладкой тишине, имея всегда ничем не смущаемые мысли, не обремененный заботами рассудок и спокойный дух… О дражайшее и любезное состояние!»[56]

Но прежде нежели Сергий достиг сего блаженного состояния, прежде чем вкусил он сладость пустыни, сколько браней должен был претерпеть он, сколько борьбы вынести! «Кто может поведать, – говорит его блаженный ученик Епифаний, – все уединенные подвиги сей твердой души, неусыпно соблюдавшей все требования устава подвижнического? Кто изочтет его теплые слезы и воздыхания к Богу, его стенания молитвенные и плач сердечный, его бдения и ночи бессонные, продолжительные стояния и повержение себя на землю пред Господом? Кто сочтет его коленопреклонения и земные поклоны, кто расскажет о его алкании и жажде, о скудости и недостатках во всем, об искушениях от врага и страхованиях пустынных?»°

Силен Бог и всегда готов на помощь призывающим Его. «Но испытавшие знают, – говорит святитель Филарет, митрополит Московский, – каким трудностям подвержена иноческая жизнь в совершенном уединении».° Эти трудности столь велики, что не испытавшие их с трудом верят повествователю о них, а иногда и вовсе не верят, потому что в таком повествовании пред ними открывается совершенно иной мир, миру грешному вовсе неведомый…

Чтобы легче представить себе всю тяжесть отшельнического подвига Преподобного Сергия, наметим здесь кратко, в общих чертах, трудности этого подвига, как изображают их люди, опытом прошедшие сим тесным и многоскорбным путем.

Радостно вступает в свой подвиг отшельник пустынный: никто не понуждал его к тому, горячая ревность к подвижничеству увлекала его в пустыню. Все скорби и лишения для него вожделенны, его молитва изливается в слезах, он весь горит пламенным желанием Божественным… Так бывает в начале подвига, но вот первый восторг проходит; дни, когда сердце полно горячей ревности и умиления, при которых так легки подвиги самоумерщвления°, сменяются днями сухости душевной, тоски невыносимой, мысли не покоряются разуму и бродят повсюду, молитва не действует в сердце, сердце ноет, душа рвется бежать из-под креста и становится холодна ко всему духовному… А тут еще голод и жажда, холод, опасение за жизнь со стороны диких животных или от скудости и беспомощности и общее расслабление души и тела… Даже невинные по-видимому отдохновение и естественный сон и те

становятся врагами подвижника, с которыми он должен сражаться!.. А мир между тем манит его к себе воспоминаниями прошлого, ведь там ему так тепло и уютно жилось, ни в чем он такой, как теперь, нужды не терпел; ведь и там можно спастись, зачем же этот подвиг выше сил? Зачем эта страшная пустыня со всеми ее лишениями?.. Идти бы в обитель какую-нибудь, где добрые братия разделяли бы с ним скорби его, помогали бы ему в борьбе с врагами и добрым советом, и братскою молитвой... Так мир и плоть пристают к отшельнику со своими требованиями, не говорим уже о грешных движениях сердца, когда, точно буря, поднимаются страстные порывы и гонят пустынника в мир, сжигая его внутренним пламенем... И если бы не благодать Божия, по временам утешающая подвижника своими прикосновениями к его страждущему сердцу, если бы не сила Христова, в немощи совершающаяся, то никто из пустынников не устоял бы в этой тяжкой, непосильной для человека борьбе. Но и это еще не все трудности пустынного жития. Уже и в то время, когда благодатные утешения изливаются в душу отшельника, в его сердце стремятся проникнуть помыслы услаждения подвигами, помыслы гордости, доводящей иногда неосторожных подвижников до грубого падения или до помрачения ума. Таким образом, для ревнителя жизни духовной, по мере преспеяния в ней, открывается борьба уже не к плоти и крови°, а к духам злобы поднебесным. «Как скоро, – говорит святитель Филарет, – сии невидимые враги примечают, что человек, оставив мир и презрев плоть, все более и более усиливается проникнуть в область духовную, к общению с небесными Силами и Самим Богом: тогда, чтобы воспрепятствовать ему, с неимоверною дерзостию на него устремляются, так что не только издалече пускают в него разжженные стрелы противных помыслов, но, так сказать, вторгаясь и в пределы его воображения и чувств, представляют ему странные образы и нелепые мечтания».° Иногда мечтания бывают направлены к тому, чтобы прельстить подвижника ложным мнением о своей святости, вот тогда-то и нужно труднику спасения ограждать себя отовсюду Христоподражательным смирением, по слову Христову, быть мудрым яко змию, дабы не погибнуть от хитрости змия, исконного человекоубийцы – диавола.

Святые Отцы-подвижники, наученные опытом своей труженической жизни, оставили нам в своих писаниях богомудрые правила этой борьбы, этого великого подвига, – правила, составляющие «науку из наук» – науку монашеской жизни. Вот, например, правила общего наставника иноческой жизни Святителя Василия Великого для подвизающихся в пустынном уединении. Наставлениями сими руководствовался, конечно, и наш подвижник Преподобный Сергий. 1. Люби слушать или читать слово Божие, жития и поучения святых: в них найдешь правила и примеры святой, угодной Господу Богу

жизни. 2. Непрестанно смотри за собою, каждый вечер рассматривай свои мысли и желания, какие в тебе возникли, слова, какие ты сказал, и дела, какие ты сделал в продолжение дня, и усердно молись Богу о прощении всего, что сделано против Его заповедей, и всячески спеши исправиться. Каждое утро после молитвы прилежно обдумывай свое положение в наступающий день и бери надежные меры, чтобы не согрешить. 3. Как можно чаще, внимательнее и дольше размышляй о смерти, о том, что она неизбежна, неожиданна, что земные блага негодны для будущей жизни, размышляй о Втором пришествии Господа на суд миру, о мучениях грешных и блаженстве праведных. 4. Люби молитву и постоянно ею занимайся. 5. Люби пост, потому что без него нельзя избежать худых помыслов, а за помыслами – и худых дел. 6. Где бы ты ни был, что бы ни делал, всегда твердо помни, что Господь смотрит на тебя и видит все, что ты думаешь, чего желаешь и что делаешь. 7. Соображай все свои мысли и желания, слова и дела с Христовым Евангелием, строжайше исполняй все заповеди Христовы и будь весь Христов. Чтобы возлюбить Бога, чаще размышляй о величии Божием, о Его благости, о своем ничтожестве и греховности. Святую память о Боге носи всюду с собою, как неизгладимую печать[57].

Таков многотрудный подвиг отшельника. С веселием вступил Сергий в сей узкий путь, чтобы достигнуть безмятежной страны бесстрастия. Подвизаться противу плоти с ее страстями и пожеланиями он обучил себя еще задолго до удаления в пустыню, и потому в пустынножительстве его видны были, как знамения непрестанных побед над самим собою, долговременные пощения и другие высокие подвиги. Возвышая дух свой Богомыслием, он укреплял и тело свое неустанными трудами. «Не туне вкушал он хлеб свой»°, как говорит святитель Платон, но снедал его в поте лица. В зимнее время, когда самая земля расседалась от жестоких морозов, Сергий, точно бесплотный, оставался в одной обычной своей одежде и, претерпевая стужу, думал только о том, как избежать будущего огня вечного. «Никогда во всю свою жизнь он ни на что не жаловался, ни на что не роптал, не унывал, не скорбел: нет! он всегда и всем был доволен, при всех своих недостатках и нуждах; во всем был спокоен, при всех искушениях, и скорбях человеческих»[58]. Поистине он мог с дерзновением повторить слово Апостола: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14); благодатию Божиею я так живу, как бы не имел ничего общего с миром. Это был истинный воин Христа Бога, облеченный во все оружия Божии противу всех слабостей человеческих и искушений бесовских.

Особенно много скорбей и искушений претерпел он от бесов в самом начале своего пустынного подвига. Невидимые враги нередко принимали видимый образ страшных зверей и отвратительных гадов, чтобы устрашить подвижника. С

пронзительным свистом и зверскою свирепостью, со страшным скрежетанием зубов устремлялись они на Сергия, но мужественный подвижник не боялся их суетных угроз°, воспоминая слово Писания: *не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи, во тьме преходящия, от сряща и беса полуденнаго* (Пс. 90, 5–6). Пользуясь частым чтением душеполезных книг, знал он искусство духовной брани, которому один из опытных духовных воинов, Преподобный Иоанн Лествичник, поучает, говоря: «Вооружайся молитвою …и бей супостатов именем Иисусовым», и тогда придет к тебе Ангел Божий, добрый хранитель твой, и помолится с тобою[59]. Крепкою, но смиренною, нерассеянною и слезною молитвою Преподобный Сергий разрушал пустынные страхи и мечтания, как тонкую паутину. И Господь хранил его Своею благодатию, а он, видя над собою покрывающую руку Божию, день и ночь прославлял Господа, не оставляющего *жезла грешных на жребий праведных* (Пс. 124, 3).

Рассказывал впоследствии сам Преподобный своим ученикам: однажды ночью вошел он в уединенную церковь свою, чтобы петь утреню, но лишь только он начал молитвословие°, как вдруг пред его взорами расступилась стена церковная, и в это отверстие, как тать и разбойник, не входящий дверьми, вошел сатана видимым образом; его сопровождал целый полк бесовский – все в остроконечных шапках и в одеждах литовцев, которых тогда боялись на Руси не меньше татар. С шумом и дикими воплями, скрежеща зубами от адской злобы, мнимые литовцы бросились как бы разорять церковь, пламенем дышали их богохульные уста...

– Уходи, уходи отсюда, беги скорее, – кричали они подвижнику. – Не смей долее оставаться на этом месте, не мы на тебя наступили – ты сам нашел на нас! Если не уйдешь отсюда, мы разорвем тебя на части, и ты умрешь в наших руках.

«Таков обычай у диавола, – замечает при сем блаженный Епифаний, быть может повторяя поучительное замечание своего великого аввы, – таков обычай у бессильного врага: он гордо хвалится и грозит поколебать землю и иссушить море, хотя сам по себе не имеет власти, падший дух, даже и над свиниями (Мф. 8, 31, 32)».°

Нимало не смутился духом Сергий от этих бессильных угроз, только еще крепче, еще пламеннее стала восходить к Богу его смиренная молитва. «*Боже*, – взывал он словами Псалмопевца, – *кто уподобится Тебе? Не премолчи, ниже укроти, Боже. Яко се врази Твои возшумеша* (Пс. 82, 2–3). *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия!*» (Пс. 67, 2–3). И не вынесли падшие духи пламени молитвы Сергиевой и исчезли так же внезапно, как и явились.

В другое время вся келлия пред взорами Преподобного наполнилась отвратительными змиями, так что не видно было и пола. Еще раз, когда Преподобный читал в пустынной хижине ночное свое правило°, вдруг пронесся шум по чаще лесной и кругом его келлии послышались бесчинные крики бесовских полчищ: «Уходи же отсюда! Зачем пришел ты в эту глушь лесную, что хочешь найти тут? Нет, не надейся дольше здесь жить – тебе и часа тут не провести; видишь – место пустое и непроходимое, как же ты не боишься умереть тут с голоду или погибнуть от рук душегубцев-разбойников? Найдет тогда кто-нибудь труп твой и скажет: «Вот был бесполезный человек!» Да и звери хищные бродят вокруг тебя в пустыне, готовые растерзать тебя, и мы не оставим тебя в покое, не думай, чтобы мы уступили тебе это место, искони пустынное. Итак, если не хочешь умереть внезапною смертию, то беги отсюда, беги теперь же, не озираясь ни направо ни налево, иначе смерть тебе и погибель от руки нашей!»

И снова Преподобный возопил к Богу в слезной молитве, и опять Божественная сила приосенила его° – и рассеялось полчище бесовское. А сердце подвижника исполнилось несказанной сладости духовной, и он уразумел, что отныне дана ему навсегда победная власть *наступати… на всю силу вражию* (Лк. 10, 19); и воспел он тогда, ликуя духом, как новый Моисей, благодарственную хвалу Господу словами Святого Писания°: «Благодарю Тебя, Господи, – взывал он из глубины благодарного сердца, – Ты не оставил меня, но скоро услышал и помиловал!.. Ты сотворил со мною знамение во благо, и видят ненавидящие меня и постыждаются, ибо Ты, Господи, помог мне и утешил меня. Десница Твоя, Господи, прославилась в крепости; десная рука Твоя сокрушила врагов моих и державною крепостию Твоею истребила их до конца!»

Из приведенных рассказов самого угодника Божия, записанных его учеником, можно видеть, с каким ожесточенным упорством ополчалась на него мрачная область духа тьмы в начале его подвига. Преподобный Епифаний замечает, что «враг боялся, как бы на пустынном месте не возникла священная обитель иноков к прославлению имени Божия и спасению многих, он хотел прогнать Преподобного, завидуя спасению не его только, но и нашему», – говорит ученик Сергиев. Итак, сатана, этот «коварный старец», как называет его Преподобный Варсонофий Великий°[60], наученный тысячелетним опытом борьбы с христианскими подвижниками, видел, с каким мужем силы имеет дело, и потому все свои усилия направлял к тому, чтобы остановить подвижника в самом начале его подвига: впоследствии он не надеялся победить смиренного Сергия. Но что все козни сатаны противу благодати Христовой? Что все усилия бессильного в своей злобе врага против силы Божией? Мы знаем, что Сергий вышел победителем из этой борьбы и основал свою Радонежскую Лавру, которая стала материю

многих обителей и в пустынях и городах обширной Русской земли!
Мы уже говорили, что бесы нередко являлись Преподобному в виде диких зверей и разных чудовищ, готовых его растерзать; после таких привидений страх настоящих зверей пустынных был для него уже «последним из страхов». Стаи голодных волков рыскали около его жилища и выли по целым ночам, зловещим огнем горели в темном лесу их страшные глаза вокруг уединенной келлии; иногда заходили сюда и другие, более страшные обитатели пустынных лесов – медведи[61]. По немощи человеческой невольный страх на минуту овладевал сердцем пустынника при мысли о его беспомощном одиночестве, но он тотчас же ограждал себя молитвою, и этот страх переходил на самих зверей, которые удалялись в глубину дебрей лесных, не сделав ему никакого вреда.
Раз угодник Божий увидел пред своею хижиной большого медведя и, примечая, что он не столько свиреп, сколько голоден, сжалился над зверем, пошел в свою келлию, взял там кусок хлеба и предложил медведю этот пустынный обед на пне или колоде. Зверь полюбил страннолриимство пустынника и часто, приходя к келлии, ожидал обычного угощения и с ласкою посматривал на подвижника. Иногда лесной гость долго не уходил, озираясь по сторонам, «точно злой заимодавец, желающий настойчиво получить свой долг. А Преподобный благодарил Бога, что послал ему лютого зверя на утешение»[62], и, памятуя слово Писания: «Блажен иже и скоты милует», привык миловать зверя; он делил с ним последний кусок, а иногда и весь отдавал своему пустынному сожителю, как не разумеющему поста, а сам оставался без пищи. Кроме хлеба, у него в келлии не было никакой иной пищи, да часто случалось, что и хлеба недоставало. Можно думать, что хлеб доставлял ему время от времени младший брат его Петр, живший в Радонеже. Так упражнял себя угодник Божий в отречении от самых необходимых потребностей, «а может быть, – говорит святитель Филарет, – в сем мирном обращении с свирепою тварию с назиданием души своей, созерцал он следы первоначального повиновения всех тварей невинному человеку».° За то и неразумная тварь повиновалась ему, и дикий зверь сделался до того ручным, что слушался его слова и был кроток пред ним, как овца.
«Чего не может сделать добродетель? – рассуждает святитель Платон. – Думаю, что дикие звери ныне стали свирепы от жестокости наших нравов; а любовь и добродетель могут эту свирепость преложить в кротость и покорность».° Все одушевленные создания Божии ясно видели в первом человеке светлый образ Божий, и самые лютые звери, по выражению одного святого отца, ощущая дивное благоухание сего образа, смиренно склоняли свою голову пред Адамом. Человек повиновался Богу – и все земные твари повиновались человеку,

почитая в нем образ Божий. Согрешил человек, помрачился в нем образ Божий – и неразумные твари не стали уже узнавать его. Не послушался человек заповеди Божией – перестали и ему повиноваться твари земные. Зловоние страстей заменило благоухание образа Божия, и сам человек уподобился скотам несмысленным. И вот грешный, бренный человек трепещет и страшится тех зверей, которые некогда были покорены под ноги его. Его непослушание Богу наказано непослушанием тварей земных ему самому! А святые Божии своею дивною жизнию, своим неуклонным послушанием заповедям Божиим, своим святым смирением, при содействии благодати Божией, восстановили в себе образ Божий, и он просиял в них с первобытною чистотою и светлостию. Ощутили его благоухание и неразумные твари, и лютые звери – грозные враги грешного человечества – стали послушны им, как кроткие агнцы. Так власть, утраченная Адамом, возвращена его святым потомкам! Вот внутренний, глубокий смысл этого удивительного для нас, грешных, послушания свирепых неразумных тварей святым Божиим, о чем так часто встречаются рассказы в житиях святых подвижников и в страданиях святых мучеников, о чем читаем и в житии нашего подвижника, Богомудрого Сергия. Но обращаемся к рассказу о его пустынном подвиге.
«Не было места унынию в мужественном сердце Сергия, – говорит преподобный Епифаний, – с радостью принимал он все скорби как бы от руки Божией; искушаемый, как золото в огне, он восходил от силы в силу; крепкий верою в Бога, он столь же крепко и уповал на Бога, по слову Писания: *праведный же яко лев уповая* (Притч. 28, 1), и: *надеющиися на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век*... (Пс. 124, 1). Оттого и слышал он в своем чистом и богопреданном сердце великое слово обетования: *«С ним есмь в скорби, изму его и прославлю его, долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое»* (Пс. 90, 15–16). Равнодушный к своему спасению не может иметь такого упования – его носит в своем сердце только тот, кто во всем предал себя Богу и всем существом своим устремился к Нему единому°, по выражению Давида: *“...исчезосте очи мои, от еже уповати ми на Бога моего“* (Пс. 68, 4)».
Наконец пришло время, когда Господу было благоугодно поставить сей благодатный светильник на свещник, чтобы он светил из своей пустыни всей Православной России, чтобы от его света зажгли свой свет и другие светильники и разнесли сей свет по лицу родной земли. Своим пустынным подвигом Сергий исполнил во всей широте первую половину великой заповеди Божией о любви: *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею* (Мф. 22, 37); оставалось – и теперь Господь призывал его – исполнить в такой же полноте и вторую половину сей заповеди: *возлюбиши искренняго твоего яко сам себе* (Мф. 22, 39). Смиренно трудился он в пустыне для Господа – настало

время столь же смиренно послужить и ближнему ради Господа. И смиренный послушник воли Божией не отрекся возложить на себя тяготу чужую, по слову Апостола: «*друг друга тяготы носите* (Гал. 6, 2), *не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотряйте*» (Флп. 2, 4).

ГЛАВА VII
Первые сподвижники

Благоуханный цветок. Молва народная о пустыннике Радонежском.
Первые пришельцы. Благодатное слово подвижника.
Обитель двунадесяти. Пустынные порядки. Игумен Митрофан.
Несбывшаяся надежда Сергия. Первый – всем слуга.
Стефан возвращается к Сергию. 12-летний постриженник
(1349 – 1354)
Радуйся, светильниче, елеем милости кипящий, Радуйся, на свещнице славы небесныя горящий!
Акаф. 2. Ик. 12
Радуйся, крине райскаго прозябения!
Акаф.1. Ик. 7
Радуйся, притекающих к тебе спасения ходатай!
Ик. Минеи

Не может град укрытися верху горы стоя (Мф. 5, 14). Нельзя скрыть цветка благоухающего и в дикой траве: его найдут по запаху, по благоуханию; так же не мог укрыться и Сергий в дремучем лесу, в любезном своем одиночестве. Далеко разносилось благоухание его жизни святой, и услышали, сердцем ощутили это благоухание люди, имевшие, по выражению святителя Филарета, «очищенное чувство духовное или, по крайней мере, ищущие очищения».° А скорбные обстоятельства того времени, о которых мы уже говорили в III главе, еще более располагали таких людей бежать из мира в дебри пустынные; благо, там нашелся благодатный муж, способный утолить жажду души, зажечь и поддержать в ней тот огонек, при свете и теплоте которого легко несется всякое бремя жизни и становится легким благое иго Христово.
Не больше двух-трех лет прошло со времени его поселения в глухих лесах Радонежских[63], как в Радонеже и соседних селениях заговорили о молодом пустыннике. «Одни, – пишет Пахомий Логофет, – говорили о его строгом воздержании, трудолюбии и других подвигах; другие удивлялись его простоте и незлобию; иные рассказывали о его власти над духами злыми; а некоторые благоговели пред его дивным смирением и чистотою душевною».° И вот один за другим стали приходить к нему сначала ради душеполезной беседы и совета духовного, в чем любвеобильный пустынник им не отказывал, а потом нашлись желающие и жить близ него. Иногда приходили по

два, по три человека и, припадая к стопам его, умоляли, чтобы позволил им поселиться тут.

Жаль было пустыннолюбному Сергию расставаться с своим уединением; притом он опасался, чтобы суровая пустыня не разочаровала его сподвижников, чтобы не пришлось им уйти отсюда с роптанием, подобно тем малодушным ученикам Христовым, которые говорили: *«Жестоко есть слово сие, кто может его послушати?»* (Ин. 6, 60)[64]. И он сначала не соглашался принимать их, представляя им все трудности пустынного жития.

– Можете ли терпеть скудость этого места? – говорил Сергий. – Вас ждут здесь и голод, и жажда, и всякие недостатки.

– Все готовы мы понести, честный отче, – отвечали пришельцы, – все понесем при помощи Божией за твои святые молитвы; только об одном просим: не удаляй нас от себя, не гони прочь от этого святого и достолюбезного места.

Тронулось доброе сердце подвижника – он, видя их благое произволение и крепкую веру в помощь Божию и памятуя слово Спасителя: *грядущаго ко Мне не изжену вон*(Ин. 6, 37), решился принять их. Но, опытом изведавший всю трудность одиночества, он предупреждал их о пустынных скорбях и укреплял заранее к подвигу терпения. «Желал я, братия мои, – так говорил он, – один скончать в пустыне свою одинокую жизнь, но Господь сказал: «*Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*» (Мф. 18, 20), и Давид поет в псалмах: «*Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе?*» (Пс. 132, 1); посему и я, грешный, не хочу идти против воли Господа, Которому угодно устроить здесь обитель. С радостию я принимаю вас, стройте каждый себе келлию, но да будет вам известно, что если вы пришли сюда действительно работать Господу и если хотите здесь со мною жить, то должны быть готовы терпеть всякую нужду и печаль, ибо сказано в Писании: *аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение* (Сир. 2, 1); с нуждею° Царствие Божие восприемлется!..[65] Да не устрашит вас помысл, что места сии пустынны и скудны потребным для жизни: сами знаете, что *многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие* (Деян. 14, 22). Узок и прискорбен путь, вводящий в жизнь вечную, и *много званых, а мало избранных* и спасающихся! Но не бойся, малое стадо Христово, которому Господь обетовал царство Отца Своего: Господь не попустит нам искушений выше сил наших. Ныне печалью Господь посетит нас, а завтра печаль нашу в радость претворит, и никто этой радости не отнимет от нас! Дерзайте же, дерзайте, люди Божии, ибо Тот, Кто призвал вас на место сие, – Он Сам победит и врагов наших, как Бог Всесильный!»

И много других слов утешения слышали пришельцы от любвеобильного подвижника, и можно ли было не привязаться к нему всею душой? Можно ли было еще колебаться в

сомнениях и страшиться подвигов пустынного жития? С таким наставником можно все понести, все вытерпеть; тоска ли сдавит сердце твое, или уныние овладеет душой, враг ли навеет помыслы греховные, или страсти поднимут в сердце свои змеиные головы – не медли, иди скорее к любящему и горячо любимому наставнику, с детской простотой открой пред ним все сердце свое, поведай, что томит тебя, пожалуйся ему на себя самого, как дитя жалуется нежной матери на своего обидчика, и верь – он скажет тебе в утешение иногда только два-три слова, но зато какие это чудные, теплые, благодатные слова! Они прольют мир в душу твою, согреют ее такою любовию, какою только мать согревает грудное дитя, – и все пройдет, как рукою снимет, и станет на душе так тихо, ясно и тепло...

И стали пришельцы строить себе хижины около уединенной келлии Сергиевой, и с детскою любовию начали учиться у него пустынным подвигам. Не более двенадцати братий собралось вначале около Сергия; и это число долгое время оставалось неизменным – когда убывал один, приходил другой на его место, так что это некоторым подавало мысль: не по числу ли двунадесяти Апостолов или стольких же колен Израилевых° само собою уравнивается число учеников Сергиевых?..[66]

Прежде всех пришел к Преподобному некто *Василий*, быть может за свое строгое воздержание прозванный *Сухим;* пришел он с верховьев реки Дубны[67], уже в преклонных летах, и, недолго пожив с Преподобным, отошел ко Господу. Другой ученик и сподвижник Сергия был простолюдин, земледелец *Иаков,* который между братией назывался уменьшенным именем *Якута;* он служил братии вроде рассыльного; впрочем, замечает преподобный Епифаний, его посылали в мир только по крайней нужде и потому нечасто. Сохранились еще имена двух учеников, пришедших к Преподобному в числе самых первых, – это *Онисим,* диакон, и *Елисей*° – отец с сыном, земляки Сергиевы, из коих Онисим упоминается раньше в числе переселившихся с родителями Преподобного из Ростова в Радонеж[68]. К числу первых же учеников Сергиевых должно отнести Преподобных *Сильвестра* Обнорского, *Мефодия* Пешношского, *Андроника*° и др.

Когда построено было двенадцать келлий, Преподобный обнес их высоким деревянным тыном для безопасности от зверей и приставил вратарем Онисима, которого келлия была у самого входа в обитель. Густой лес окружал обитель со всех сторон, вековые деревья стояли над самыми келлиями, широко осеняя их и шумя своими вершинами, даже около церкви везде видны были пни и колоды, между которыми и засевались различные огородные овощи для убогой трапезы отшельников. Вот какой смиренный вид имела Лавра Сергиева в первые годы своего существования!

Тихо и безмятежно протекала жизнь пустынников в новоустроенной обители. Не было в ней ни начальника, ни даже пресвитера, однако же строго соблюдался весь порядок повседневного Богослужения, исключая, конечно, литургию. День отшельников начинался с глубокой полуночи – во исполнение слов Псалмопевца: седмерицею днем восхвалять Господа (Пс. 118, 164); пустынные подвижники каждый день собирались в церковь на полунощницу, утреню, третий, шестой и девятый часы, на вечерню и повечерие, совершая между сими службами еще частые молебные пения.° В рукописях, сохранившихся от того времени в библиотеке лаврской, находим каноны за творящих милостыню, за болящих, за умерших. Непрестанная молитва, по заповеди Апостола (1 Сол. 5, 17), была их постоянным правилом и в церкви и в келлии. А для совершения Божественной литургии в праздничные дни обыкновенно приглашали священника° из ближайшего села или игумена, быть может того же старца Митрофана, который постригал самого Преподобного. Священнослужителя всегда встречали с радостию и с подобающею честию.
Год спустя после того, как собрались к Преподобному братия, пришел к ним на жительство и упомянутый игумен Митрофан. Сергий очень рад был ему по нужде в иерее Божием; притом он надеялся, что старец сей не откажется принять на себя начальство над собравшимися пустынножителями, но недолго порадовался Сергий: пожив немного под кровом своего постриженника, Митрофан тяжко занемог и отошел ко Господу. И снова обитель осталась без совершителя Таин Божиих, потому что сам Преподобный, по своему глубокому смиренномудрию, не хотел принять на себя ни игуменства, ни сана священного. Подражая кроткому и смиренному сердцем Господу, он управлял только посредством своего примера и, точно по слову Христову, был первый тем, что был *всем слуга* (Мк. 9, 35). Три или четыре келлии для братии он построил своими руками, сам рубил и колол дрова, носил их к келлиям, молол в ручных жерновах, пек хлебы, варил пищу, кроил и шил одежду и обувь, носил на гору воду в двух водоносах и поставлял у келлии каждого брата. Когда кто-нибудь из братий отходил ко Господу, угодник Божий своими руками омывал и приготовлял к погребению усопшего°[69]. Одним словом, он служил братии, по выражению блаженного Епифания, как купленный раб°, всячески стараясь облегчить их трудную жизнь пустынную, хотя и приводил братию в немалое смущение таким глубоким смирением и трудолюбием.
Служа другим в течение дня, Сергий не имел и одного часа, свободного от труда и молитвы; питался он только хлебом и водою, и то малою мерою, а ночь почти всю проводил в келейной молитве, и где бы он ни был, что бы ни делал, всегда имел в уме и на устах слово Псалмопевца: «*Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся*»

(Пс. 15, 8). И все сии многотрудные подвиги не только не ослабили его сил телесных, но и укрепляли их; преподобный Епифаний говорит, что в молодые годы свои угодник Божий был столь крепок телом, что «имел силу против двух человек»°, – это было следствием его трудолюбия и строгого воздержания, замечает при этом святитель Платон°. Когда же Сергий ощущал брань вражию и стрелы разжженные, пускаемые рукою стреляющего во мраке в правых сердцем (Пс. 10, 2), он еще более усиливал свой пост и молитвенные подвиги. Так порабощал духу тело свое смиренный подвижник, прилагая труды к трудам, так подвизался этот земной ангел, желавший паче всего соделаться гражданином горнего Иерусалима!° А братия с любовию и благоговением взирали на своего возлюбленного авву и всеми силами старались подражать ему. И трудно было пришедшему в первый раз посетителю различить, кто был старший из них и кто младший, кто начальник места сего и кто подчиненный, потому что, взирая на смиренного и кроткого Сергия, каждый старался смирять себя пред смиреннейшим. Все считали друг друга братиями, и никто из них не хотел быть старшим. Какой поучительный урок гордым сынам нашего суетного века, желающим весь мир переделать по своим безумным мечтам! Не путем безначалия, насилий и полной разнузданности страстей человеческих достигаются истинно братские отношения между людьми, а путем глубочайшего смирения, путем полного самоотречения в духе Евангельской любви, когда люди забывают о своих правах и во имя любви думают только о своих обязанностях да горько оплакивают немощи падшей природы своей...

Свободные от молитвы часы отшельники проводили в постоянных трудах. Молитва и труд, по учению святых Отцев, неразлучны в жизни инока – и ученики Сергиевы трудились над возделыванием своих небольших огородов для своей скудной трапезы пустынной, заботились каждый о своей убогой келлии, сами готовили себе пищу, шили себе одежды, переписывали книги и, можно думать, занимались даже иконописанием[70].

Разлучившись с Сергием, брат его Стефан, конечно, не прерывал с ним духовного общения и, живя в Москве, быть может, по временам навещал его в пустыне Радонежской. Может быть, иногда приводил он сюда и малютку сына, *Иоанна,* который в детстве жил в доме своего дяди, Петра, в Радонеже. Наслышавшись о богоугодной жизни своего святого дяди, двенадцатилетний Иоанн возгорелся желанием жить под его духовным водительством и однажды пришел к нему вместе с отцом. Держа отрока за руку, Стефан сам ввел его в пустынную церковь и, передавая его брату, к удивлению всей братии, заявил свое желание немедленно облечь его в ангельский образ... Не стал противоречить Сергий этому желанию старшего брата, который, подобно древнему Аврааму, отдавал Богу своего сына. И вот отрок Иоанн принимает пострижение,

быть может от своего отца, и нарекается *Феодором...*[71] Чистый душею и сердцем отрок беззаветно отдал себя Преподобному дяде, и скоро навык всем добродетелям иноческим. В обители Сергиевой будущий Архиепископ Ростовский прожил около двадцати двух лет; в это, конечно, время он научился здесь иконописанию и был одним из первых иноков-иконописцев Сергиевой Лавры[72].

ГЛАВА VIII
Власть за послушание

Нужда в игумене. «Черная смерть». Желания братии. Скорбь смирения
Сергиева. Просьбы братии. Угроза любви. Братолюбие побеждает.
Святитель Афанасий. «Ты не имеешь послушания».
Сергий – иеродиакон, иеромонах и игумен.
Святительское поучение
(1354)
Радуйся, образе истиннаго смирения…
Акаф. 1. Ик 6
Радуйся, иноком наставниче предивный!
Акаф. I. Ик. 7
Радуйся, Духу Святому подклонивыйся со всяким смирением…
Акаф. I. Ик. 8

Около двенадцати лет протекло со времени прихода к Преподобному Сергию его первых сподвижников, а игумена в новой обители все еще не было.° Правда, в среде отшельников царило полное единодушие и братская любовь; каждый готов был, если бы оказалось нужным, пожертвовать самою жизнию, не говоря уже об удобствах, для сохранения мира и спокойствия остальных братий, и такое безначалие, конечно, было крепче всякого порядка, существующего в миру, тем более что одно слово любимого наставника могло прекратить всякое несогласие и побудить к подчинению уставам монашеским, но таков уж Самим Богом изначала установленный закон для обществ человеческих, чтоб во главе их непременно стояла власть, в послушании коей выражалось бы послушание людей Самому Богу – Творцу и Владыке всяческих. Правда, что Сергий на деле был истинным руководителем в духовной жизни своих учеников, но все же он не был еще и без сана священного не мог быть их духовным отцом в Таинстве покаяния°, а эта должность в древних обителях нередко соединялась с должностью игумена, или настоятеля обители. Притом неудобно было каждый раз для Богослужения призывать соседнего священника; нельзя было не иметь в обители лица, облеченного священною властию вязать и решить согрешающих.

Особенно должна была сказаться нужда в священнослужителе в то время, когда над Русскою землей разразилось тяжкое бедствие – моровая язва, известная в истории под именем «черной смерти», она появилась в пределах России около 1348 года и опустошала ее в продолжение нескольких лет, переходя из края в край, из города в город. Справедливо говорит один историк: «Ангел смерти никогда не губил вдруг столько людей с самого Ноева потопа, сколько погибло их с 1348 по 1350 и в следующие годы. Страх и ужас объял всех и каждого, уныние распространилось повсюду. Ничем нельзя было остановить грозного шествия “черной смерти”, не было от нее никакого спасения». В одном Китае легло в могилу до 13 миллионов народа; вымирали целые города, становились безлюдными целые области. «В Киеве, Чернигове, Смоленске и Суздале едва уцелела одна третья часть населения, в Глухове и Белозерске не осталось ни одного человека». Не успевали хоронить умерших: отпевали по тридцати – по сорока человек зараз, клали по три, по пяти человек в один гроб... В короткое время умерли Митрополит Феогност, два сына Великого Князя и сам Великий Князь Симеон Иванович...[73]

В эту тяжкую годину многие православные Русские люди шли в монастыри: под благодатным кровом святых обителей не так страшно было и умереть, как в среде мирской суеты; здесь каждый мог с мирною душою совершенно предать себя в волю Божию и приготовиться к смерти по-христиански. Можно ли сомневаться, что и к Преподобному Сергию, в его пустынную обитель, в это время особенно много приходило людей, искавших у сего благодатного инока-подвижника утешения в горестях жизни, в тяжкой потере близких сердцу, мирного приготовления к переходу в будущую жизнь? И мог ли он, любвеобильный отец, отвергать сих несчастных пришельцев? Но, принимая их, он должен был заботиться и об удовлетворении их духовных нужд, о напутствии приготовляющихся к смерти таинствами Церкви.° Так самые обстоятельства, а лучше сказать, Промысл Божий располагал эти обстоятельства к тому, чтобы в обители Сергиевой был свой совершитель таин Божиих°, а с умножением братии – и свой игумен...

Преподобный Сергий, по своему смирению, и слышать не хотел, чтобы ему принять эту должность, он всегда говорил, что «желание игуменства есть начало и корень властолюбия»; тем не менее и сам он сознавал нужду в духовном пастыре для своей обители. Одного боялся он: чтобы братия не стали настаивать на своем желании иметь его своим игуменом, и потому усердно молил Господа, чтобы Сам Он дал им наставника, который мог бы управить душевный корабль их от волн потопления к пристанищу спасения. И Господь, всегда готовый исполнить волю боящихся Его, услышал молитву Своего угодника и, поелику никто лучше самого просившего не

мог послужить на сем месте к славе имени Его, благоволил его самого и дать игуменом братии. Вот как это было.
В сердцах братии уже давно сложилось желание поставить на игуменство своего возлюбленного авву, а при столь скорбных обстоятельствах, о коих мы сейчас упомянули, еще более усилилось это единодушное желание. «И в самом деле, – замечает святитель Платон, – на ком прежде всего могли они остановиться мыслию? Каждый, сравнивая свои подвиги с его подвигами и добродетелями, с его опытностию и заслугами пред Богом, и в мыслях стыдился присвоивать себе такое преимущество, чтобы затмить собою свет столь ясно горящего светильника». Сообщая свои чувства один другому, они решились наконец обратиться со своим желанием к Преподобному. Укрепив себя надеждою на Бога, братия пришли к нему все вместе и сказали: «Отче! Мы не можем долее жить без игумена, исполни наше сердечное желание – будь нам игуменом, будь наставником душ наших; мы будем каждый день приходить к тебе с покаянием и открывать пред тобою нашу совесть, а ты будешь подавать нам прощение, благословение и молитву. Мы желали бы видеть тебя совершающим ежедневно Божественную литургию и от твоих честных рук причащаться Святых Христовых Таин. Ей, честный отче, таково наше общее сердечное желание, не откажи нам в этой милости!»°
Такое единодушное заявление всей братии, конечно, не было неожиданным для угодника Божия, тем не менее его глубокому смирению нелегко было выслушать это. «Не труда и подвига убегал он, – говорит святитель Платон, – а считал себя недостойным такого сана и рассуждал, что, будучи подначальным, он удобнее устроит дело своего спасения, нежели тогда, когда примет на себя нелегкое бремя попечения о спасении других». С другой стороны, он хорошо понимал, что его решительный отказ глубоко опечалит всю братию, столь горячо им любимую, и будет иметь скорбные последствия для самой обители. Поставленный в такое затруднительное положение, подвижник вздохнул из глубины сердечной и смиренно отвечал просителям: «Братие мои! У меня и помысла никогда не было об игуменстве; одного желает душа моя – умереть здесь простым чернецом. Не принуждайте же меня и вы, братия! Оставьте меня Богу – пусть Он что хочет, то и творит со мною».°
Но братия настаивали на своем: «Зачем ты, отче, отказываешься исполнить наше общее желание? Ведь ты основатель обители сей – будь же ей и настоятель. Твоя добродетель собрала нас сюда – она же пусть и управляет нами. Ты насадил виноград сей° – ты и питай нас своим учением и плодами примера твоего. Вот наше последнее слово: или сам будь нам игуменом, или, если не хочешь, иди испроси нам

игумена у святителя; если же не так, то мы все разойдемся отсюда».
Мысль об ином игумене лично для смиренного Сергия, конечно, была приятна: он готов был сделаться последним послушником у кого бы то ни было, лишь бы самому не быть начальником. Но любовь к ближнему требовала на этот раз забыть о себе и подумать о пользе братии, а духовный опыт указывал опасность, что новый, чуждый по духу обители игумен задумает вводить новые порядки, что эти порядки могут смутить братию, которая привыкла смотреть на порядки, установленные самим основателем пустынножительства, как на неизменный закон, а отсюда может возникнуть немало искушений и нестроений в юной обители.° Посему, не решая вопроса окончательно, но желая по возможности отдалить это решение, Преподобный кротко сказал братии: «Идите пока с Богом каждый в свою келлию; лучше помолимся все поусерднее Господу Богу, чтобы Он Сам открыл нам волю Свою, и тогда увидим, что нам делать». Братия послушались любимого аввы и разошлись, но ненадолго. Прошло несколько дней, и старцы опять пришли к Преподобному и стали умолять его принять сан игумена. «Ведь ради тебя мы и сошлись-то сюда, в это место пустынное, – говорили они, – мы слышали о твоих подвигах, знаем труды твои, ведь ты своими руками построил и эту церковь во имя Живоначальныя Троицы. И мы веруем, что в тебе обитает благодать Ее, и потому вот пришли сюда, возложив упование на Господа, и желаем совершенно предать себя твоему руководству. Итак, будь нашим игуменом и духовным отцем и, предстоя престолу Божию, возноси за нас свои теплые молитвы. Ведай, отче, – присовокупляли к сему старейшие из них, – мы шли сюда в надежде, что ты упокоишь нашу старость и похоронишь наши кости».
Тронутый до глубины души такою любовию братии, смиренный подвижник открыл пред ними все свое сердце: он стал говорить им о своем недостоинстве, всячески упрашивал и умолял не принуждать его к принятию священного сана и игуменства. «Простите меня, отцы мои и господие, – так говорил он, – кто я, грешный, чтобы быть мне иереем Божиим? Как дерзну я на такое служение, пред которым со страхом и трепетом преклоняются и самые Ангелы? Нет, это выше меры моей, отцы мои, я еще не начинал жить по-монашески – как же я осмелюсь коснуться святыни Божией? Вот мое дело – плакать о грехах моих, чтобы вашими же святыми молитвами достигнуть оного края желаний, к которому стремится от юности моя грешная душа».
Сказал сие Преподобный и, чтобы не продолжать более сего тяжкого для его смирения спора, ушел в свою келлию...
Тогда сподвижники его поняли, что им не склонить его к своему желанию кротким словом сыновней любви, оставалось употребить средства более решительные. Уже не со слезами

только, но и с горьким словом упрека и даже угрозы приступили они теперь к своему авве. «Мы не желаем спорить с тобою, отче честный, – сказали они, – мы веруем, что Сам Бог привел нас сюда; мы сердечно желали подражать твоему житию и подвигам и чрез то надеялись достигнуть вечного блаженства. Но если уже ты не хочешь пещись о душах наших и быть нашим пастырем, то мы все принуждены будем оставить это место, мы уйдем от храма Пресвятыя Троицы и будем невольными нарушителями нашего обета, будем блуждать, как овцы без пастыря, и расхитит нас мысленный волк°, а ты дашь за нас ответ нелицеприятному Судии – Богу!»

Еще раз попытался было угодник Божий отклонить от себя высокую честь, еще раз сказал братии: «Отцы мои! Вы излишне понуждаете меня, я излишне отрицаюсь, – к чему это?» Но все было напрасно – братия стояли на своем, и братолюбие победило.

– Желаю, – сказал Преподобный, – лучше учиться, нежели учить, лучше повиноваться, нежели начальствовать, но боюсь суда Божия, не знаю, что угодно Богу; святая воля Господня да будет!

Это значило, что он более спорить не будет и предает все дело в волю Божию.

«Какая прекрасная распря! – замечает святитель Филарет Московский, – распря едва ли не превосходнейшая, нежели самое согласие. Здесь смирение старшего сражается с любовию и покорностию младших – единственная брань, в которой ни одна сторона не теряет, а обе приобретают в каждом сражении! Как благополучны были бы общества, если бы члены их так же препирались между собою за сохранение подчиненности, а не за домогательство власти!»°

«В мирских обществах, – говорит другой святитель, Филарет Черниговский, – люди сражаются друг с другом за власть, и чрез то производят расстройство в делах, расстройство в сердцах, и губят себя и других жаждою власти. А тут – все совершенно обратно: как благотворен закон Твой, Господи!»°

Побежден был смиренный Сергий любовию к братии, однако же не хотел выступить из обычного порядка, а может быть не терял еще надежды, что высшая церковная власть не соизволит на поставление его во игумена. «Отцы и братия, – сказал он сотрудникам своим в подвиге пустынном, – не хочу более прекословить вам, но не нам решать это дело – пусть решит его святитель; итак, пойдемте же к нему».

Московского первосвятителя Митрополита Алексия в то время не было в России: в 1354 году он путешествовал в Царьград по делам церковным°[74], а управление делами митрополии° на время своего отсутствия поручил Волынскому епископу Афанасию°, который жил в Переяславле-Залесском, в Нагорном

Борисоглебском монастыре°[75]. Туда и отправился Преподобный Сергий, взяв с собою двух старейших иноков.
Ранним утром, пред самою литургиею, явился Преподобный к святителю. Он пал к ногам его и просил благословения. Епископ спросил его, кто он и откуда.
– Грешный инок Сергий мое имя, – смиренно отвечал пришедший.
Имя Сергия давно было известно Афанасию: он раньше много слышал о его пустынных подвигах, об основанной им обители и о постройке церкви и теперь очень рад был видеть у себя такого гостя. Он с любовию принял его, отечески поцеловал и долго беседовал с ним о спасении души.
В заключение сей беседы гость смиренно поклонился хозяину и стал просить у него игумена для новой обители.
«Сын и брат мой! – отвечал ему как бы по вдохновению свыше святитель Божий, – Господь Бог устами Пророка Давида сказал: «*Вознесох избраннаго от людий Моих… ибо рука Моя заступит его*» (Пс. 88, 20, 22), и Апостол говорит: «…*никтоже сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон*» (Евр. 5, 4). А тебя воззвал Господь Бог от чрева матери твоей, как от многих слышал я о том, посему ты и будь отныне отцем и игуменом для братии, тобою же собранной в новой обители Живоначальныя Троицы».
Подвижник стал было отклонять от себя это назначение, ссылаясь на свое недостоинство, но блаженный пастырь внушительно остановил его, сказав: «Возлюбленный! Ты все стяжал, а послушания не имеешь», – и сим словом обезоружил смиренного Сергия, который с покорностию на это отвечал: «Как Господу Богу угодно, так и пусть будет; благословен Господь вовеки!» И все присутствовавшие при этом единодушно сказали: «Аминь!»
Тогда святитель со всеми священнослужителями пошел в церковь, взяв с собою и Преподобного; там он облачился во все священные одежды, велел Сергию гласно произнести Символ веры и, осенив крестообразно его преклоненную главу, поставил его во иподиакона. Началась Божественная литургия, и Сергий произведен был во иеродиакона°, а на другой день облечен и благодатию священства. Святитель распорядился, чтобы на следующий день новоблагодатный иеромонах Сергий один совершил Божественную литургию. Нужно ли говорить, с каким сердечным умилением впервые приносил Преподобный Сергий бескровную жертву собственными руками? Он весь исполнен был благоговейного страха и весь сиял неземною радостию…
По окончании литургии святитель Афанасий произнес над ним молитвы, совершающие его поставление во игумена. Затем он пригласил нового игумена в свои келлии и там в отеческой с ним беседе наедине наставил его в правилах апостольских° и святоотеческом учении о спасении души и руководстве

подчиненных ему иноков. «Чадо, – говорил он, – вот ради святого послушания к нам восприял ты теперь сан священный; знай же, что сие служение дается только *верным человеком*, как говорит Апостол Христов, *иже довольни будут и иных научити* (2 Тим. 2, 2). Посему надлежит тебе, возлюбленный, по заповеди великого Апостола, *немощи немощных носити и не себе угождати* (Рим. 15, 1). Помни слово его: «*Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов*» (Гал. 6, 2). Если будешь так поступать, то и себя спасешь и живущих с тобою».

Так заключил свое поучение святитель и, благословив новопосвященного, отпустил его с миром. И пошел он, новый игумен, облеченный теперь свыше благодатию и властию иерейскою°, в свою родную обитель, чтобы прилагать там труды к трудам и, восходя на небо по лествице Христоподражательного смирения°, вести туда же за собою и всех присных учеников своих...

Глава IX
Смиренный Игумен

Радость обители. Первое поучение братии. Смиренное прошение
игумена. Труды игумена. Архимандрит-послушник.Умножение братии.
Расширение обители. Сергий «яко един от древних».
Свидетельство Преподобного Иосифа Волоколамского
(1354 – 1391)

Радуйся, добрый стада своего иночествующих наставниче и правителю…
Акаф. 1. Ик. 9

Радуйся, желаемых благ пришедшим к тебе подателю…
Акаф. 1. Ик. 4

Радуйся, свещнице тричастный, светлейшими богословскими добродетельми светящий. Радуйся, светильниче двойственный, любовию к Богу и к ближнему горящий!
Акаф. 2. Ик. 11

С нетерпением ожидали братия своего первого игумена, – говорим «первого» потому, что почивший в Бозе игумен Митрофан был только случайным представителем власти, которым Преподобный Сергий только хотел оградить себя от необходимости начальствовать. С какою же радостию вышли они теперь навстречу своему новому начальнику, или, лучше сказать, своему давнему наставнику и любимому отцу! Со слезами сыновней любви поклонились они ему до земли. Радовался и святой игумен, смотря на радость любимых чад своих. Войдя во врата обители, он прошел во храм и там, весь в слезах, пал ниц пред святою иконою Живоначальныя Троицы, прося благодатной помощи в предстоящем ему многотрудном

служении. В пламенной молитве своей он призывал на помощь Пресвятую Владычицу Богородицу и бесплотных служителей у престола благодати – святых Ангелов и Архангелов, святого Предтечу Христова° и мудрых апостолов; он вспомянул и великих Святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого° и всех святых, дабы их молитвами укрепила его десница Вседержителя неосужденно, со дерзновением и несмущенным сердцем предстоять престолу Пресвятыя Троицы и касаться руками Агнца Божия, закланного за спасение мира.°

Окончив молитву, он обратился к братии со словом поучения, убеждая их не ослабевать в подвигах ради царства небесного. «Царствие Божие, – говорил он между прочим, – с нуждею восприемлется, и только понуждающие себя восхищают оное° (Мф. 11, 12). Подвизайтеся же, братие, войти в него узкими вратами! (Мф. 7, 3). *Приидите, чада, послушайте мене*, по слову Давидову, *я страху Господню научу вас* (Пс. 33, 12). Помните слова Апостола: *плод же духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22–23). Подвиг немалый предстоит нам противу невидимого врага, ибо *диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Не устрашимся, други, этого подвига, чтобы страшного геенского мучения избегнуть°; пусть сведены будут руки от трудов – будем простирать их только к Богу, а ноги пусть неподвижно стоят на молитве!.. Не будем, братие, щадить естество тленное, со всем усердием возьмемся за подвиг, чтобы получить победные венцы от Христа Бога!»[76]

После поучения святой игумен в первый раз благословил свою братию. При этом он поручал себя их молитвам, исповедуя свою немощь ввиду той тяжкой ответственности пред Богом, какую он принимал на себя, если бы кто подвергся соблазну по его вине. «Молитесь, братие, обо мне, – говорил смиренный игумен, – ибо я человек малосведущий и неопытный. Вот я принял от Царя Небесного талант и должен буду отдать в нем отчет. Страшит меня слово Господа: *…иже аще соблазнит единаго малых сих верующих в Мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей* (Мф. 18, 6). Какое же горе угрожает тому, кто своим неразумием погубит многие души! И буду ли я иметь дерзновение, представ пред Господа, сказать Ему: *“Се, аз и дети, яже ми даде Бог“*? (Ис. 8, 18). Услышу ли я сей Божественный глас великого Пастыря горних и дольних, с милосердием вещающего: “*…рабе благий и верный… вниди в радость Господа твоего*” (Мф. 25, 21)?».

Так вступил Преподобный в управление своею родною обителию. Поучая братию, он избегал многоглаголания; его речь обнаруживала глубокое знание Священного Писания, дух и смысл которого он постигал не умом только, но и сердцем, просвещаемый благодатию Божией и руководимый опытом

духовной жизни. Оттого все его поучения, при своей простоте и краткости, были проникнуты особенною силою, дышали благодатным помазанием и властно действовали на сердца слушателей. В одной из рукописей XVII века, принадлежавших Новгородской Софийской библиотеке, а ныне находящихся в библиотеке С.-Петербургской Духовной Академии, есть такое поучение Преподобного Сергия: «Внимайте себе, братие, всех молю, прежде имейте страх Божий и чистоту душевную и любовь нелицемерную, к сим и страннолюбие, и смирение с покорением, пост и молитву. Пища и питие в меру, чести и славы не любите, паче же всего бойтеся и поминайте час смертный и второе пришествие»[77].

Вот и все поучение. Действительно ли оно написано самим Преподобным Сергием или только записано его учениками, но от него, несомненно, веет духом Сергиева смирения, и потому мы читаем его, в несколько сокращенном виде, на многих древних иконах угодника Божия написанным в свитке.°

Блаженный Епифаний говорит, что Преподобный Сергий всегда имел пред духовным взором своим великие образцы ангелоподобной жизни таких светильников монашества, как великие Антоний и Евфимий, Савва Освященный и Пахомий, Феодосий Киновиарх° и др. Поэтому в своих беседах с братиею и в поучениях он любил воспоминать об их подвигах и всегда удивлялся, как они, будучи облечены плотию, побеждали врагов бесплотных и были страшны диаволу; сильные земли в удивлении склонялись пред ними, а они во смирении благодетельствовали людям – исцеляли больных, избавляли от бед на суше и на море, предстательствовали в час смертный, питали нищих, вдов и сирот, по слову Апостола: *ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 10). Размышляя о сем, Преподобный усердно молил Бога, дабы сподобил его непреткновенно идти по стопам сих подвижников, и убеждал братию подражать их равноангельной жизни.

Игуменство Преподобного Сергия во многом напоминало игуменство Преподобного Феодосия Печерского°: та же строгость к себе и любовь к братии, та же неутомимость в трудах, бессонные ночи, обличение праздных, тихие, кроткие речи, растворенные слезами отеческой любви. В отношении к братии и в сане игумена он нисколько не переменился. По-прежнему он учил не столько словом, сколько своим примером. К великому утешению братии, каждый день совершал он Божественную литургию. Никакая усталость, никакие дела и заботы не могли помешать ему первым являться в церковь ко всякому Богослужению, и выходил он из церкви всегда последним. В продолжение всей службы Божией он стоял как свеча и отнюдь не позволял себе прислоняться к стене, «что знаменовало, по выражению святителя Московского Филарета, мысль, в Богомыслии водруженную°, и дух, непобеждаемый леностию тела». Сидения в церкви не допускал никогда.

Памятуя слова Господа: …*иже аще хощет в вас быти старей, да будет всем раб* (Мк. 10, 44), он и в сане игумена продолжал по-прежнему служить братии в домашних делах: он сам скатывал свечи°, варил кутию, или коливо°, которое в те времена было приносимо в церковь на память всех великих святых, особенно же просфоры всегда приготовлял сам, не допуская никого из братии участвовать в этом, хотя, конечно, многие и желали того; даже и пшеницу для сего молол сам. А потом приносил сии чистые труды благоговейных рук своих к алтарю Божию для бескровной жертвы Господу Богу.
В начале игуменства Преподобного Сергия, как мы уже говорили, число братий в его обители не превышало двенадцати. Так было до 1357 года, когда пришел к нему архимандрит Симон° – первый принятый им сверх сего числа. С этого времени число братии стало возрастать. «Многие христолюбцы, имена коих записаны у Господа в книге жизни, – говорит блаженный Епифаний, – стали издалека приходить к Сергию, оставляя суету житейскую и приклоняя свои главы под благое иго Господне».° Кажется, всего чаще приходили к нему земляки–ростовцы, кроме Елисея и Онисима, мы знаем Андроника и Афанасия, уроженцев ростовских.°
Упомянутый выше архимандрит Симон был дивный муж, старейший из архимандритов области Смоленской, известный своими добродетелями и строгою жизнию. Слушая рассказы о подвигах Преподобного Сергия, он возгорелся ревностию по Боге, оставил свое настоятельство в Смоленске, оставил почет и уважение, коими пользовался там, оставил, наконец, родную сторону, расстался с друзьями и всеми близкими и с посохом простого странника пришел в пустыню Радонежскую. С глубоким смирением просил он Преподобного Сергия принять его в число своих послушников, и Преподобный с любовию и радостию принял смиренного архимандрита. Много лет провел усердный Симон в послушании у святого игумена; на его пожертвование был построен более просторный, но только деревянный, как первый, храм Живоначальныя Троицы; украшенный всеми добродетелями подвижника пустыни, в глубокой старости преставился он к Богу, и Преподобный игумен с великою честию проводил его в могилу.
Мало-помалу расширялась обитель Сергиева и принимала вид вполне благоустроенного монастыря. Там, где прежде была непроходимая чаща, где некогда бродили страшные медведи и никогда не ступала нога человеческая, – там теперь расцвела пустынная обитель; ее келлии, сначала разбросанные без порядка по дремучему лесу, мало-помалу были поставлены четвероугольником вокруг церкви, которая, таким образом, стояла среди монастыря в своей скромной пустынной красоте и была видима из всех келлий. И в этой церкви, и в этих убогих на вид келлиях не умолкало славословие Господу, и в тишине пустынной смиренные иноки неустанно трудились под опытным

руководством своего святого игумена Сергия над очищением своего сердца от страстей, стараясь вовсе позабыть о том, что там, за пределами их заветной пустыни, есть другой мир, который шумит и волнуется, как море непостоянное, погружая людей в мутные волны житейской суеты… «Есть, – замечает преподобный списатель жития Сергиева, – есть в древних книгах отеческих такое сказание: сошлись однажды святые отцы и повели между собою беседу о последних временах. В пророческом духе говорили они, что в последние времена люди будут слабы и не будет среди них таких великих подвижников, каковы были первые Отцы-пустынножители. Но вот Бог укрепил Преподобного Сергия и в последнем роде и явил в нем как бы одного из древних Отцев. Он водворился в глуши лесной, не страшась привидений диавольских, и за то Бог оградил обитель его полками Ангельскими. Многие приходили к нему, чтобы спасать души свои под его мирным кровом, и никому он не отказывал – ни старому, ни юному, ни богатому, ни убогому; всех принимал он с радостию и с любовию, по слову Евангельскому: *Грядущаго ко Мне не изжену вон* (Ин. 6, 37), только не скоро постригал. Прикажет, бывало, одеть пришельца в длинную свитку° из грубого черного сукна и велит ему проходить какое-нибудь послушание вместе с прочими братиями, пока тот не навыкнет всему уставу монастырскому; потом облечет его в одежду монашескую», или, как ныне говорят, в рясофор°, «и только после тщательного испытания пострижет уже в мантию и даст ему клобук.° А когда видел, бывало, что который-либо инок стал опытен в духовном подвиге, таковаго удостоивал и святой схимы°»[78].

Одним из правил порядка, установленного Преподобным Сергием в своей обители, требовалось, чтобы после повечерия братия не ходили из келлии в келлию и не беседовали друг с другом, кроме крайней нужды, когда, например, нужно было побывать зачем-нибудь у самого игумена[79]; каждый в своей келлии должен был заниматься молитвою и рукоделием. Преподобный сам строго наблюдал за исполнением этого правила. Бывало, в глубокий вечер, особенно в долгие осенние и зимние ночи, заботливый игумен, совершив свою келейную молитву°, тихо обходит все келлии и через малые волоковые оконца° замечает, кто чем занимается. Если инок стоит на молитве, или занят своим рукоделием, пишет, читает святую книгу, или же погружен в размышление о грехах своих, – святой игумен радуется, благодарит за него Бога и молится, чтоб Господь подкрепил труженика в подвиге спасения. А если слышит он беседу непозволенную, то ударяет в дверь или в окно и удаляется. Наутро же призывает к себе празднословивших, кротко вступает с ними в разговор об обязанностях монашеских и, не обличая прямо, говоря будто о других, склоняет их к смиренному признанию в прегрешении; кроткий и послушливый инок тут же, бывало, сознается и со

смирением просит и получает от своего аввы прощение, но случалось и то, что неразумный инок уклоняется от признания; тогда авва с кротостию и любовию обличает его, по слову Псалмопевца: «*Накажет мя праведник милостию и обличит мя*» (Пс. 140, 5); если же и тут инок упорствует, Преподобный налагает на него какую-нибудь епитимию.° Так любящий отец подавал руку помощи немощным чадам своим, так умел он совмещать кротость со строгостию, не послабляя нерадению и не подавая повода к унынию!
Нельзя без умиления читать страницы древнего жития, повествующие о том, как Сергий воспитывал своих иноков, с какою любовью, с каким терпением и знанием человеческого сердца он следил за теми, которые вверили себя его мудрому руководительству. Можно сказать, что он глаз не спускал с каждого новичка, возводя его со степени на степень иноческого искуса°, постепенно приучая его к самоотверженному труду, к строгому порядку в занятиях, помыслах, чувствах и подвигах. Богомудрый наставник терпеливо трудился над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства. По последующей самостоятельной деятельности учеников Преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством ученики не обезличивались; напротив, каждый, постепенно очищая свое сердце от страстей, в то же время служил Богу теми свойствами своей души, какими его Бог наделил. Наблюдение и любовь к людям, собственный духовный опыт, а наипаче благодать Божия, обитавшая в его чистом сердце и преисполнявшая его тихою духовною радостью о Господе, дали ему умение и способность тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства, умиляя сердце речами благоуветливыми[80]. «Слышахом, – писал о Преподобном Сергии другой Преподобный, живший спустя только сто лет после него, Иосиф Волоколамский°, – слышахом о блаженном Сергии и о прочих святых от неложных свидетелей, иже бяху в лета их, яко толику бодрость и тщание имеяху о пастве, яко нимало небрежение или преслушание презрети. Бяху бо милостиви, егда подобаше, и напрасни (строги), егда потреба бываше, и обличающе, и понуждающе ко благому согрешающия; непослушающия же не оставляху своим волям последовати, но всячески возбраняху, и от Церкви отлучаху»[81]. Таковы были порядки в пустыне Радонежской в первое время игуменства Сергиева. Число братства постепенно возрастало. «Добродетель, – говорит блаженный Епифаний, – так же творит явным стяжавшего ее, как зажженная свеча – носящего оную. И как оленей привлекают к себе источники вод, так и жаждущих спасения влекли к себе благодатные дарования души Сергиевой»°.

ГЛАВА X
Пустынная нищета

Строгие правила пустыни Сергиевой. Богослужение с лучиной. Книги на бересте. Игумен-древодел. Дорогие куски гнилого хлеба,
снедаемого в поте лица. Ропот братии. Отеческое увещание. Упование
непосрамляющее. Безвестные благотворители. Чудотворный источник.
Золото и мишура. Благоговейные думы святителя Филарета (1354 – 1372)

Радуйся, оставльший имения и возлюбивый нищету Христову…
Акаф.1. Ик. 8

Радуйся, ленивых подвигнувый твоими христоподражательными нравы…
Акаф. I. Ик. 12

Радуйся, чудесных вод умолением наполнивый обители твоея ограду, Радуйся, брашны неведомо принесенными алчной братии сотворивый отраду…
Акаф. 2. Ик. 12

Апостол Павел, по его собственным словам, день и ночь работал своими руками, чтоб не жить на чужой счет и не быть никому в тягость, хотя, как благовестник спасения, и имел на то полное право (1 Сол. 2, 7–9). Такого же правила строго держались и святые подвижники Христовы; то же узаконил в своей обители и Преподобный отец наш Сергий. Он строго запрещал братии выходить из монастыря для собирания по селам и деревням подаяния от мирян на обитель; каждый инок должен был доставать сам для себя пропитание трудами рук своих°, а в случае недостатка просить и с терпением ожидать милости от Бога. Так учил он и словом, и собственным примером. Понятно, что это было нелегкое правило даже и для такого монастыря, который находился недалеко от мирских селений и чаще посещался богомольцами, а обитель Преподобного Сергия в то время была в полном смысле слова пустынею. «На далекое расстояние, – рассказывает блаженный Епифаний, – ее окружали густые, непроходимые леса, изобиловавшие всякими дикими животными – от робкого зайца до кровожадного волка и страшного медведя».° Даже полсотни лет спустя после того времени, о коем мы говорим, во время игуменства Преподобного Никона°, когда вокруг обители уже было немало мирских поселений, по лесным рекам в окрестностях Лавры ловили бобров[82]; что же было раньше, когда тут не было поблизости даже отдельных дворов и к обители едва можно было пробраться по узкой и прерывающейся тропинке? В такой глуши кто стал бы посещать пустынников и приносить им что-нибудь из жизненных припасов? С другой стороны, в обители не было тогда учреждено правильного общежития° –

пустынники имели общение друг с другом только в молитвенных собраниях церковных, остальное время дня и ночи каждый трудился для себя, в своей уединенной келлии: ни общей трапезы, да и общих послушаний еще не было. Неудивительно посему, что богатая благочестием пустыня Сергиева часто нуждалась в самом необходимом. Чего ни хватись – всего нет, как выражается блаженный списатель жития Сергиева; нередко случалось, что ни у кого из братий не было ни куска хлеба, ни горсти муки, даже недоставало соли, о масле же и других приправах нечего было и говорить. И много приходилось пустынникам терпеть нужды при таких суровых порядках пустынного жития, но Сергий веровал Богу верою твердою, испытанною скорбями, и Бог исполнял по вере его; он уповал, и упование никогда не посрамляло его!
Случалось, что недоставало вина для совершения литургии, пшеницы для просфор, фимиама для каждения°, и тогда пустынники терпели лишение Божественной литургии; недоставало воска для свеч, елея для лампад° – они зажигали березовую или сосновую лучину, которая с треском и дымом светила их чтению и пению; и вот при таком-то освещении они отправляли утреннюю или всенощную службу, с трудом читая в полумраке каноны и Псалтирь.° Нужно ли говорить, что такое служение было не менее приятно Богу, как и торжественная служба, совершаемая в величественных храмах при свете бесчисленных лампад и множества светильников, а сердца святых подвижников горели тише и яснее всяких свеч, и пламень их молитвы трепетал воздыханиями, из глубины сердечной восходившими к престолу Божию!
По свидетельству Преподобного Иосифа Волоколамского, в обители Сергиевой бывала такая нищета, такое нестяжание, что и самые книги иногда писались не на хартиях, а на берестех[83], потому что у пустынников не было средств достать пергамента.° Самая святыня не блистала тогда золотом, и поныне благочестивые поклонники с благоговейным удивлением рассматривают хранимые в Лаврской ризнице заветные памятники этой заветной нищеты – деревянные сосуды, употреблявшиеся Преподобным Сергием при совершении Божественной литургии, и простое крашенинное его облачение...°
Сам Преподобный игумен всего менее заботился о насущном хлебе лично для себя, и потому нередко случалось, что недостаток в пропитании ему приходилось терпеть прежде всех. И он, постившийся еще в колыбели младенческой, с благодарным сердцем переносил всякое лишение, подавая собою пример всей братии. Так однажды у него не было ни хлеба, ни соли, и во всем монастыре ощущалась крайняя скудость в пище. Три дня провел смиренный игумен без пищи, а на рассвете четвертого взял топор и пошел к одному из братии, по имени Даниилу.

– Слышал я, старче, – сказал он своему сподвижнику, – ты хочешь пристроить сени к своей келлии, позволь мне построить их для тебя, чтоб руки мои не были без дела.
– Правда, – отвечал ему Даниил, – мне очень бы хотелось построить их, у меня уже все и для работы давно заготовлено, и вот только поджидаю плотника из деревни. А тебе как поручить это дело? Пожалуй, запросишь с меня дорого.
– Эта работа не дорого тебе обойдется, – сказал ему Сергий, – мне вот хочется гнилого хлеба, а у тебя он есть; больше этого с тебя не потребую. Разве ты не знаешь, что я умею работать не хуже плотника? Зачем же тебе, старче, звать другого плотника помимо меня?
Тогда Даниил вынес ему решето с кусками гнилого хлеба, которого он сам не мог есть, и сказал: «Вот, если хочешь, возьми все, что тут есть, а больше не взыщи». «Хорошо, – сказал трудолюбивый игумен, – этого с избытком довольно для меня; побереги же до девятого часа°: я не беру платы прежде работы».
Сказав сие, он крепко подтянул себя поясом и принялся усердно за работу. С раннего утра до позднего вечера, несмотря на голод, он пилил, тесал доски, долбил столбы и при помощи Божией окончил постройку. Солнце уже скрылось за дремучим лесом, когда старец Даниил снова вынес ему гнилые куски хлеба как условленную плату за труд целого дня. Положив их пред собою, подвижник помолился, благословил их и начал есть с одною водою, даже и без соли. Это был его и обед и вместе ужин!
Некоторые из братии при этом заметили, что когда он вкушал в поте лица заработанный им хлеб, то из уст его исходила пыль от гнилости хлеба, и, конечно, немало дивились великому терпению своего игумена, который и такую дурную пищу не хотел принять без труда. Так строго держался он заповеди Апостола Христова: *аще кто не хощет делати, ниже да яст* (2 Сол. 3, 10). А взирая на его пример, и братия укреплялись в подвиге терпения.
Но где люди, там и немощи. Нашлись такие, которые поголодали дня два и зароптали... Один из таких нетерпеливцев решился даже сказать от лица всех игумену: «Вот мы смотрели на тебя, все тебя слушались, а теперь приходится умирать с голоду, потому что ты запрещаешь нам выходить в мир просить милостыни. Потерпим еще сутки, а завтра все уйдем отсюда и больше не возвратимся: мы не в силах выносить такую скудость, такие гнилые хлебы!»
Преподобный игумен видел, что братиею начинает овладевать дух уныния; нужно было подкрепить их малодушие. И вот он созвал к себе всех иноков и с обычною кротостию повел с ними такую беседу: «О чем скорбите вы, братие мои? Зачем так смущаетесь? Уповайте на Господа, ибо сказано: *воззрите на древния роды, и видите, кто верова Господеви и постыдеся?* Кто

веровал слову Его – и обманулся? *Или кто пребысть в страсе Его и оставися?* Кого из призывающих Его Он не услышал? (Сир. 2, 10). «Не Я ли, – глаголет Господь, – не Я ли податель всякой пищи? Не Я ли извожу плоды от земли и наполняю ими житницы? Не Я ли кормитель всего мира, питатель всей вселенной, подающий пищу всякой плоти, отверзающий щедрую руку Свою во благо время, насыщающий всякое животное благоволением?» Братие мои! И во святом Евангелии Господь сказал: «*Ищите же прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам... Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их... не много ли паче вас, маловери*» (Мф. 6, 33, 26, 30). А мы разве напрасно и бездельно подвизаемся? Мы ожидаем получить за свои подвиги жизнь вечную. Люты скорби, но сладок рай, болезненны труды, но вечная за них награда! Не поленимся, братие! Потерпим хоть немного, чтобы получить нетленные венцы° от Христа Бога[84], Который Сам говорит: «*В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19), ибо *претерпевый же до конца, той спасен будет*» (Мф. 10, 22). Вот, – продолжал угодник Божий, – вы скорбите из-за недостатка пищи, но ведь это случилось на краткое время, ради испытания веры нашей; ведь если вы перенесете это лишение как подобает инокам, с верою и благодарением, то это самое искушение вам же послужит на пользу. Благодать Божия ведь никому не дается без скорбей и искушений. «Без огня, – говорит святой Лествичник, – и золото не бывает чисто». А вот, даст Бог, минует скорбь – дождемся радости; ведь так обыкновенно бывает, что радость следует за скорбию: *вечер*, сказано, *водворится плачь и заутра радость* (Пс. 29, 6). Так и вы: сегодня терпите оскудение хлеба и недостаток всякой пищи, а завтра – Бог пошлет – вы будете наслаждаться в изобилии и ястием, и питием, и всем потребным. Я, грешный, верую, что Бог не оставит места сего и живущих в нем».
Так утешал скорбящую братию святой игумен, и Бог действительно чудесным образом оправдал веру его. Еще он беседовал с братией, как послышался сильный стук в монастырские ворота; привратник взглянул в окошечко и увидел: к воротам кто-то привез много хлеба. Будучи сам очень голоден, от радости он не отпер ворота и побежал к Преподобному.
– Отче, – говорил он, – привезли много хлебов, благослови принять! Вот, по твоим святым молитвам, они у ворот!
– Отвори им, пусть войдут, – сказал игумен.
Монастырские ворота отворились, и в них въехало несколько повозок, нагруженных печеным хлебом, рыбою и другими припасами для монашеской трапезы. Все прославили милосердие Божие, а Преподобный Сергий весело сказал: «Ну вот, теперь вы, алчущие, накормите кормильцев ваших, позовите их разделить с нами общую трапезу, угостите их и

успокойте как следует». И немедленно он приказал ударить в било и всем идти в церковь°; тут он отслужил благодарственный молебен Господу Богу, милующему и питающему рабов Своих, и только после сего благословил братии садиться за трапезу. Все сели, и сам игумен стал оделять братию привезенными хлебами. Они были теплы и мягки, как будто только что испечены, и на вкус были необыкновенно приятны, будто печены были с маслом, с медом или с каким-либо благовонным зелием. Так некогда манна, сей хлеб ангельский, по выражению Псалмопевца°, имела для Израильтян особенную сладость во вкусе. И Преподобному Сергию за его дивное терпение, взамен черствых корок гнилого хлеба, послал Бог эту чудную пищу, ибо, по слову Давида, *терпение убогих не погибнет до конца* (Пс. 9, 19).
За трапезою святой игумен сказал: «Где же тот брат, который роптал на заплесневелые хлебы? Пусть войдет сюда и отведает, какую пищу послал нам Господь, пусть при этом вспомнит Царя и Пророка Давида, который *пепел яко хлеб* вкушал и *питие... с плачем* растворял (Пс. 101, 10)».
Потом Преподобный спросил: «А где же наши благодетели?» Но никто не мог ответить ему на этот вопрос, все только смотрели в недоумении друг на друга.
– Разве я не говорил вам, – сказал игумен, – чтобы вы пригласили их к трапезе? Почему же их нет?
– По слову твоему мы звали их, отче, – отвечали иноки, – мы даже спрашивали их, от кого все это прислано. Но они только сказали нам, что один христолюбец, человек богатый, прислал их издалека, чтобы передать тебе эти припасы, а от трапезы отказались и говорили, что им дано еще другое поручение, которое должны также немедленно исполнить, и потому спешат в дорогу.
Можно себе представить общее удивление, когда узнали, что хлебы привезены издалека, а между тем они были еще теплые, как бы только что вынутые из печи!
Преподобный игумен воспользовался сим случаем для назидания своей братии. «Видите сами теперь, – сказал он, – что Господь не оставляет места сего и рабов Своих, которые служат Ему здесь с верою день и ночь и терпят с благодарением всякое лишение. Помните же слово Апостола: «*...имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем*» (1 Тим. 6, 8). Зачем нам излишне заботиться о телесных потребностях? Лучше будем всегда уповать на Господа, Который пошлет все, что нужно и полезно и душе и телу нашему. Тот, Кто сорок лет питал в пустыне непокорных и неблагодарных Израильтян, ниспосылая им манну с небес и крастелей досыта°, разве не силен пропитать и нас, Ему работающих? Или Его могущество и благость истощились ныне, и Он перестал промышлять о Своих созданиях? Нет, братие! Как в древние времена, так и теперь

Он един и тот же всеблагий Бог, всегда готовый подать нам все потребное для жизни нашей!»
Сильно подействовал этот урок на малодушных, и с того времени не было слышно ропота при случавшихся недостатках в чем-либо; а между тем, рассказывает блаженный Епифаний, к большему укреплению веры в Промысл Божий, и на другой и на третий день неведомые благотворители присылали в обитель обильную пищу для братии. Так Господь оправдывал упование Своего избранника на Его Божественное Промышление.
Не раз, впрочем, и в других случаях, когда сего требовало или назидание братии, или же вообще человеколюбие, вера Преподобного Сергия проявляла себя с тою силою, какую присвояет ей Христос Спаситель, когда говорит: «…*вся елика аще воспросите в молитве, верующе, приимете*» (Мф. 21, 22). Был, например, такой случай, возбудивший сперва ропот, а потом обратившийся во славу Божию по молитвам угодника Божия. Когда Преподобный избирал себе место для пустынного безмолвия, он вовсе не заботился о том, чтобы иметь воду поблизости; трудолюбивому подвижнику даже было приятно носить ее издалека, дабы тем еще более утруждать свою плоть. Так было до семи лет по основании обители[85]. Но с умножением братии недостаток воды становился все ощутительнее. Не раз братия жаловались ему, что приходится далеко ходить за водою, и некоторые, менее терпеливые, даже говорили ему с упреком: «Для чего на таком месте построил ты обитель?» На это Преподобный отвечал: «Я хотел здесь безмолвствовать один; Богу угодно было воздвигнуть здесь обитель во славу Его Пресвятого Имени; дерзайте в молитве и не унывайте, если Он в безводной пустыне дал воду из камня непокорному народу Еврейскому°, то неужели Он оставит вас, работающих Ему на сем месте день и ночь?» Раз после такого наставления братии он взял с собою одного инока и пошел с ним в лесной овраг под монастырем; тут он нашел немного дождевой воды, преклонил над нею колена и помолился так: «Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю и все видимое и невидимое, создавший человека и не хотящий смерти грешника! Молим Тебя мы, грешные и недостойные рабы Твои, услыши нас в час сей и яви славу Твою! Как в пустыне чудодействовала крепкая десница Твоя, от камня воду источив, так и здесь яви силу Твою – даруй нам воду на месте сем, и да разумеют все, что Ты послушаешь боящихся Тебя и имени Твоему славу воссылающих – Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков, аминь!»
Так молился угодник Божий, и едва произнес он эту молитву и осенил крестным знамением место, где стояла дождевая вода, как вдруг из-под земли пробился обильный источник холодной ключевой воды, и она потекла быстрым ручьем по долине…[86] С той поры многолюдная обитель Сергиева не имела недостатка в воде; преподобный Епифаний, ученик Сергиев,

свидетельствует, что бывали исцеления от воды сей и даже издалека присылали за нею для болящих, так что ручей тот получил прозвание Сергиевой реки, и в этом наименовании сказалось чувство благодарности к угоднику Божию. Но смиренный чудотворец, узнав об этом, призвал к себе старейших из братии и сказал им: «Братие мои, ведь не я вам воду дал – это Господь милосердый утешил нас, недостойных, Своею милостию. Зачем же вы зовете источник моим именем? При чем тут я, грешный?» И с того времени братия, из послушания к заповеди своего святого аввы, мало-помалу отвыкли от сего наименования.

«О достолюбезное, святое смирение! – размышляет по поводу этого рассказа один проповедник слова Божия, – ты не видишь даже и того, что чудеса творишь, ты везде и во всем видишь только одну благодать Божию да свое недостоинство!.. Ты боишься, угодниче Божий, как бы не почли тебя за святого человека, ты готов бы убежать, укрыться в глушь лесную, в чащу непроходимую, в темные пещеры и мрачные дебри пустынные, чтобы не славили люди имя твое, не указывали на тебя как на Божия избранника!.. А мы, грешные... сделаем что-нибудь доброе, – (да и то иногда с грехом пополам!..) да сами же и начинаем трубить о том!.. Если же иной раз, из приличия, чтобы не называли нас самохвалами, и молчим о себе, зато уж как же бываем довольны, как утешаемся, когда люди скажут о нас словечко доброе! Точно малые дети игрушкой, – так и мы забавляемся похвалою людской!.. И как же не сказать после этого, что как небо от земли, так и наша жизнь далека от святой жизни угодников Божиих! А вся беда наша в том, что смирения у нас нет, нет ни единой крупицы этого некрадомого сокровища небесного, этого злата мытарева°, которым так богаты были святые угодники Божии, а без этого золота нельзя купить и царства небеснаго, без смирения все наше добро – мишура одна, а не золото!»[87]

Но чтобы стяжать себе хотя малую крупицу этого многоценного в очах Божиих золота, нам должно чаще переноситься мыслию и сердцем в те давние времена, когда жили святые угодники Божии, подобные Богоносному Сергию, чтобы привитать духом около избранников благодати и поучаться у них христоподражательному смирению. *С преподобным*, сказано, *преподобен будеши* (Пс. 17, 26) и незаметно для самого себя навыкнешь мыслить и жить по примеру преподобных.° В этом мысленном и духовном общении с Преподобным Сергием любил привитать в Бозе почивший святитель, митрополит Филарет; в этом общении он почерпал великую силу благодатного помазания°, когда из его сердца изливалось умилительное слово, дышащее беззаветною любовию к самому месту обитания Сергиева. Не можем не привести здесь этого трогательного обращения его к пустыне Сергиевой.

«Прости мне, – так взывал он, – великая Лавра Сергиева, мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергиеву. Чту, и в красующихся ныне храмах твоих, дела святых, обиталища святыни, свидетелей праотеческаго и современнического благочестия; люблю чин твоих Богослужений, и ныне с непосредственным благословением Преподобнаго Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда поколебалась было Россия; знаю, что и Лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же и тем же богата сокровищем, то есть Божией благодатию, которая обитала в Преподобном Сергие, в его пустыне и еще обитает в нем и в его мощах, в его Лавре; но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятыя Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем, с треском и дымом, горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свещи, и пламень их досягает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келлии, чтобы я мог вздохнуть ея воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий Преподобнаго Сергия, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророчественных, чудодейственных. Дайте мне облобызать праг ее сеней, который истерт ногами святых и чрез который однажды переступили стопы Царицы Небесной.° Укажите мне еще другия сени другой келлии, которые в один день своими руками построил Преподобный Сергий, и, в награду за труд дня и за глад нескольких дней, получил укрух согнивающего хлеба. Посмотрел бы я, как позже других насажденный в сей пустыне, Преподобный Никон° спешно растет и созревает до готовности быть преемником Преподобнаго Сергия. Послушал бы молчания Исаакиева°, которое, без сомнения, поучительнее моего слова. Взглянул бы на благоразумнаго Архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником у Преподобнаго Сергия, нежели начальником в другом месте. Ведь это все здесь: только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге! Откройте мне ковчег, покажите сокровище: оно непохитимо и неистощимо; из него без ущерба его можно заимствовать благопотребное, например, безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования°»[88].

ГЛАВА XI
Смиренный чудотворец

Искажение пустыни. Слава Сергиева. Сердобольный отец и воскрешенное дитя. Исцеление поселянина. Вельможа с берегов Волги

и изгнание бесов. Обилие потребных. Худость ризная. Соблазнившийся простец и благодатный старец
(1354 – 1391)

Радуйся, увеселение и отрада к тебе прибегающим!
Радуйся, чудес пучино, Богом излиянная!
Акаф. 1. Ик. 4

Радуйся, господствию духа плоть свою покоривый, Радуйся, силу дарования в чудесех явивый!
Акаф. 2. Ик. 1

Льготы, объявленные наместником князя Андрея Радонежского° для переселяющихся в его родной удел, мало-помалу привлекали новых поселенцев, которые подвигались незаметно своими поселками к обители Сергиевой; однако же в продолжение десяти-двенадцати лет после ее основания обитель оставалась как бы в стороне от мира, отделенная от него дремучими лесами. Но с течением времени слава о подвигах Преподобного Сергия распространялась все больше и больше, а потому и место его пребывания становилось все открытее. Около 1352–1354 годов, при Великом Князе Иоанне Иоанновиче°, брате Симеона Иоанновича Гордого, в окрестностях обители Сергиевой стали кое-где селиться земледельцы, никто не запрещал им вырубать леса, до которых не касалась еще рука человеческая. Мало-помалу обратили дебри пустынные в чистое поле, которое засевали хлебом, в пролесках поставили одиночные дворы, а в иных и селения, и таким образом, как не без сожаления выражается блаженный списатель жития Сергиева, «исказиша пустыню и не пощадеша… и составиша селы и дворы многи».° Затем проложена была мимо монастыря большая дорога в северные города, и обитель стали посещать не только простые люди, но и бояре. Мир, как говорит один историк, приходил в монастырь Сергиев, и «то, что он видел, – быт и обстановка пустынного братства, поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно, или, как выразился разочарованно один мужичок, пришедший в обитель Преподобного Сергия повидать прославленного, величественного игумена, “все худостно, все нищетно, все сиротинско”; в обиходе братии столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной ряске° игумена, но все дружны между собою и приветливы к пришельцам, каждый делает свое дело, каждый работает с молитвой, и все молятся после работы, во всех чуелся скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный, подобно тому как мутная волна, прибивая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струей»[89]. Таково было

впечатление обители Сергиевой на всех, кто ее посещал тогда, – впечатление глубоко благотворное и назидательное. Незаметно, подобно закваске, о которой говорит Спаситель в Своей притче°, это впечатление ложилось на душу посетителей и уносилось ими в их родные семьи как светлый пример жизни по заповедям Божиим. Но не в этом только впечатлении была главная сила, самое важное, что влекло в тихую, бедную обитель Сергиеву православных русских людей. Их привлекал сюда светлый образ самого дивного подвижника, они шли сюда затем, чтоб попросить у него молитв, получить от него благословение, услышать от него слово духовного назидания, открыть ему свои скорби душевные и в беседе с ним найти себе утешение и подкрепление. Чудный некогда юноша Варфоломей стал теперь великим Сергием, который был всем для всех, чтобы всех руководить ко спасению. И он тихо совершал это великое дело как «святое послушание», возложенное на него Господом.° Целые полвека приходившие к нему, вместе с водой из его источника, черпали в его келлии утешение и ободрение и, возвращаясь в свой круг, по каплям делились ими с другими, так что к концу жизни великого старца Божия «едва ли, – как выражается тот же почтенный историк, – вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом имени святого старца»[90]. Особенно привлекала к Преподобному молва о чудесных знамениях, в которых проявляла себя благодать Божия, обильно почившая на своем избраннике. Сии благодатные знамения открылись молитвенным изведением источника в пустынном овраге у стен обители, но преподобный Епифаний повествует и о других, более разительных чудесах угодника Божия. Послушаем теперь рассказы о них блаженного ученика Сергиева.

Жил в окрестностях его обители один благоговейный муж, имевший большую веру к Преподобному. У него был единственный сын-малютка, который опасно заболел. С верою понес его в обитель на своих руках скорбящий отец. «Только бы мне донести его до человека Божия, – рассуждал благочестивый муж, – а там – я верю, что он непременно исцелит его». И он донес сына живым до келлии Преподобного, но, пока он слезно умолял смиренного игумена помолиться об исцелении дитяти, пока Сергий готовился совершить молитву, мальчик от жестокого припадка испустил дух...

Потеряв последнюю надежду, огорченный родитель с плачем стал укорять Преподобного Сергия, что он, вместо желанного утешения, только увеличил его скорбь. «Что же мне теперь делать? – взывал он. – Лучше бы для меня было, если бы мальчик мой умер дома, – тогда, по крайней мере, я не оскудел бы верою, которую доселе питал к тебе, человече Божий!»

И безутешный отец оставил своего мертвеца в тесной келлии подвижника, а сам пошел приготовить гроб для любимого дитяти.
Сжалился угодник Божий над несчастным родителем; оставшись наедине с умершим отроком, он преклонил колена и стал молиться... Еще не окончил он своей молитвы, как вдруг дитя ожило, открыло глаза и протянуло ручки к Преподобному молитвеннику.
Возвратился отец. Он принес все нужное для погребения, но святой игумен встретил его на пороге келлии словами: «Напрасно ты, человече, не рассмотрев, так возмутился духом – видишь, отрок твой вовсе не умирал».
Изумленный родитель не хотел верить словам его, но, увидев сына живым, пал к ногам человека Божия.
«Ты обманываешься и не знаешь сам, за что благодаришь, – говорил ему смиренный подвижник, – когда ты нес сюда больного отрока, он изнемог от сильной стужи и впал в обморок, а тебе показалось, что он умер. Видишь: он вот согрелся у меня в теплой келлии, а тебе опять показалось, что он воскрес».
Счастливый отец стал было настойчиво утверждать, что его сын действительно ожил молитвами Преподобного, но святой строго запретил ему об этом говорить. «Если ты осмелишься рассказывать кому-нибудь, – промолвил он, – то и вовсе лишишься сына».
Тот обещал молчать и, взяв малютку, теперь совершенно уже здорового, возвратился домой, прославляя Бога, творящего чудеса чрез Своего угодника. Боясь потерять сына, он, конечно, не смел разглашать о совершившемся чуде, но в силах ли он был скрыть от всех радость родительского сердца? Первый заметил эту радость келейный ученик Преподобного, чрез которого и стало известно впоследствии это чудо, записанное с его слов и блаженным Епифанием.
Из многих чудесных исцелений, совершившихся по молитвам Преподобного Сергия, Епифаний рассказывает о следующих двух. Один из окрестных жителей заболел тяжкою болезнию – в течение трех недель он не мог ни заснуть, ни принять пищи. Его родные братья решились обратиться за помощию к угоднику Божию. «Столько чудес творит Господь руками блаженного старца, – говорили они, – может быть, он смилуется и над нами». И вот они принесли больного в обитель и, положив к ногам Сергия, усердно просили его помолиться за немощного. Преподобный с молитвою покропил болящего святою водою, и он в ту же минуту почувствовал облегчение, тут же крепко заснул, а проснувшись, в первый раз после столь продолжительной болезни пожелал вкусить пищи, и Преподобный сам предложил ему оную и отпустил от себя совершенно здоровым.

Другой случай исцеления был с бесноватым° вельможею, которого привели к Преподобному с отдаленных берегов Волги. Этот знатный человек находился в исступлении ума: мучимый злым духом, он кусался и бился с такою нечеловеческою силою, что десять человек не могли удержать его, приходилось усмирять его железными цепями, но и те он нередко разбивал на себе. Подобно упоминаемому в Евангелии гадаринскому бесноватому°, он убегал от людей в пустынные места и там бродил, как бессмысленное животное, пока не находили его домашние. И вот, когда достигла молва народная о Радонежском пустыннике-чудотворце до этого далекого края, сердобольные родные решились отвезти несчастного вельможу к человеку Божию. Многих трудов стоило им исполнить свое благое намерение: бесноватый всеми силами противился этому и кричал диким голосом: «Куда вы меня тащите? Не только видеть, но и слышать не хочу о Сергии». Но его сковали цепями и повезли. Когда они были уже в виду обители, бесноватый вдруг рванулся с такою силою, что разбил на себе оковы, и, бросаясь на всех окружающих, кричал: «Не могу! Не хочу!.. Вернусь туда, откуда пришел!» Его голос был так страшен, что казалось, сам несчастный расторгается на части, и дикие вопли его были слышны внутри ограды монастырской. Сказали об этом Преподобному, он немедленно велел ударить в било и собраться братии в церковь; началось молебное пение о болящем, и тот стал мало-помалу укрощаться. Родным удалось ввести его в монастырь. Преподобный Сергий вышел из церкви с крестом Господним в руке. Лишь только угодник Божий осенил им бесноватого, как тот с диким воплем отскочил в сторону. Недалеко была вода, скопившаяся от проливного дождя; увидев ее, больной бросился в лужу с ужасным криком: «Горю, горю страшным пламенем!» И с той минуты стал здрав, благодатию Христовою и молитвами Преподобного Сергия. Рассудок возвратился к нему, и на вопрос, зачем он бросился в воду, когда увидел Сергия, он спокойно отвечал: «Когда привели меня к Преподобному и он хотел осенить меня крестом, я увидел великий пламень, который исходил от креста и охватил меня со всех сторон, вот я и бросился в воду, чтобы не сгореть».

Несколько дней провел исцеленный вельможа под благодатным кровом обители Сергиевой, прославляя Божие милосердие, и с миром возвратился в свой дом.

По мере того как Господь прославлял Своего возлюбленного раба дивными знамениями благодатных исцелений и даром прозорливости, сей досточудный муж все более и более нисходил в глубину смирения. «Он бегал, – говорит святитель Платон, Митрополит Московский, – суетной славы человеческой, как погибели, и почитал обидою для себя то, чего не редко с таким усилием домогаются, не пренебрегая никакими средствами, гордые властелины земли: теми

руководит одно тщеславие, простирающееся до самозабвения, а им – одна пламенная, чистая, святая любовь к Богу и ближнему».°

С умножением числа посетителей улучшилось и материальное благосостояние обители Сергиевой. Она уже не терпела такой нужды, как прежде; скромные потребности пустынножителей, при их собственных постоянных трудах, с избытком удовлетворялись приношениями благочестивых посетителей и окрестных жителей, которые, сознавая великую духовную пользу от обитателей пустыни, с усердием доставляли все для них потребное, по слову Апостола: «*Аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем?*» (1 Кор. 9, 11). Есть даже мнение, что еще при жизни Преподобного Сергия его обители были пожалованы во владение некоторые ближайшие к ней села[91]. По крайней мере об одном промысле известно, что он был пожертвован в обитель еще при жизни Преподобного Сергия, – это половина варницы и половина соляного колодезя° у Соли Галичской, что ныне город Солигалич Костромской губернии; этот промысел пожертвован одним Галичским боярином незадолго до смерти Преподобного Сергия, когда он уже передал игуменство Никону[92]. «Владение образовавшимися в окрестностях обители поселками, – говорит один ученый исследователь старины, – было в то время единственным средством как для содержания умножившейся братии, так и для ограждения самой обители от произвола соседних поселян, которые, не принадлежа монастырю, а другим владельцам, служили бы для него источником не благосостояния, а беспокойства и разорения. Во всяком случае, ясно, – заключает тот же писатель, – что запрета на приобретение населенных вотчин со стороны святого основателя обители Преподобного Сергия не было; иначе воля его была бы законом для его блаженного ученика и непосредственного преемника, им самим избранного, Преподобного Никона»[93].

Итак, теперь обитель Сергиева изобиловала всем потребным, но душа Сергия была по-прежнему свободна от всякого пристрастия к земным вещам. Если случалось ему иметь в руках что-нибудь излишнее, он тотчас отдавал или в церковь, или беднякам. Жившие с ним много лет старцы рассказывали преподобному Епифанию, что никогда новая одежда не восходила на тело его, никогда не одевался он в красивые или мягкие одежды, помня слово Евангельское, что носящие такие одежды – *в домех царских суть* (Мф. 11, 8). Вместо дорогих сукон он носил сермяжную ткань из простой овечьей шерсти, да притом еще ветхую, которую, как негодную, другие отказывались носить. Большею частию такая одежда и сшита бывала его святыми руками и отличалась от одежды его сподвижников разве тем, что вся была покрыта заплатами и, по прекрасному выражению святителя Платона, «вместо дорогих

камней обильно украшалась каплями его пота».° Эта одежда у него была одна и та же и летом и зимою. «За рай, который мы потеряли, – говаривал блаженный Сергий своим ученикам, – надобно теперь отложить одежды теплые; за грех мы некогда покрыты были одеждою°, потерпим же теперь лишение одежды, чтобы облечься потом в нетленные ризы, будем изнурять плоть, чтобы получить нетленные венцы от Христа Бога»[94]. Так думал, так учил, так и сам поступал смиренный игумен Сергий.

Однажды не случилось хорошего сукна в его обители – была всего одна половинка°, гнилая, какая-то пестрая и плохо сотканная. Никто из братии не хотел ею воспользоваться, один передавал ее другому, и так обошла она до семи человек. Но Преподобный Сергий взял ее, сам скроил себе рясу и, надев ее на себя, не хотел уже более расставаться с нею, пока в продолжение одного года вся она не распалась от гнилости.

Нередко случалось, что люди, которые, по пословице, встречают по одежде, увидев его, не хотели верить, чтобы то был знаменитый игумен Сергий. Обыкновенно принимали его за какого-нибудь странника или одного из последних трудников в его обители.° По этому поводу блаженный Епифаний рассказывает один случай, прекрасно характеризующий смирение и кроткое, благостное устроение души Преподобного Сергия. Кажется, Епифаний сам был свидетелем этого случая, который так глубоко запечатлелся в душе благоговейного ученика, что он передает его со всеми подробностями. Приводим его рассказ.

«Многие приходили издалека, желая хотя бы только взглянуть на Преподобного. Много слышал о нем поселянин, простой земледелец, и пожелал видеть его. При входе в монастырскую ограду он стал спрашивать братию, где бы повидать их славного игумена. А Преподобный в это время трудился на огороде, копая заступом землю под овощи.

– Подожди немного, пока он выйдет оттуда, – отвечали иноки пришельцу.

Нетерпеливый посетитель заглянул в огород через отверстие в заборе и увидел там смиренного старца в разодранной, ушитой заплатами одежде, трудившегося в поте лица над грядою. Простодушный поселянин не хотел поверить, чтобы этот старичок был тот самый Сергий, которого он желал видеть. Он снова стал докучать братии, требуя, чтобы показали ему игумена.

– Я издалека пришел сюда, чтобы видеть его. У меня есть до него важное дело, – говорил он.

– Мы уже указали тебе игумена, – говорили ему иноки, – если не веришь, что это он, то спроси его самого.

Тогда поселянин стал у калитки огородной, поджидая, пока выйдет старец.

Преподобный вышел, и случившиеся тут иноки опять показали на него поселянину, говоря: “Вот он самый, кого тебе нужно”. Но простец отвернулся от него в сторону и сказал: “Я издалека пришел посмотреть на пророка, а вы мне показываете какого-то нищего! Напрасно же я трудился, шел сюда; я думал получить пользу душе своей в вашей честной обители, а вместо того встречаю только насмешки... Но я еще не дожил до такого безумия, чтобы почесть этого убогого старичка за того знаменитого Сергия, о котором так много слышал я славных вещей!“

Так рассуждал простец, в своем неведении смотревший на все только телесными очами, а не внутренними. Понятно, что братия оскорбились за честь своего любимого игумена, и некоторые даже сказали Преподобному: “Только тебя не смеем, отче, а то гостя твоего мы выслали бы вон из обители – такой он невежа! Да еще нас же укоряет, будто мы смеемся над ним!“

Но человек Божий взглянул на них с удивлением. “Нет, – сказал, – зачем выгонять его? Он не к вам пришел, а ко мне, не трогайте его, своими простодушными словами он не причинил мне никакого зла. Да если бы и погрешил он в чем-нибудь, то нам, духовным, подобает, по слову Апостола Христова, исправлять таковового *духом кротости* (Гал. 6, 1)“.

И, не дождавшись себе поклона от поселянина, угодник Божий сам подошел к нему и с великим смирением поклонился ему до земли... Потом поцеловал его, с любовию благословил и поблагодарил за то, что этот простец имеет об его убожестве надлежащее мнение... Так смиренномудрый радуется своему бесчестию и унижению столько же, сколько тщеславный приходит в восторг от почестей и похвал людских!

Но и этого мало. Преподобный взял гостя за руку, посадил рядом с собою за трапезу и сам стал угощать его. Простодушный поселянин, видя такое радушие старца, поверил ему печаль свою, что доселе ему не удалось видеть игумена Сергия.

– Не скорби, брате, – утешил его Преподобный, – Бог так милостив к месту сему, что никто отсюда не выходит печальным. И тебе Он скоро покажет, кого ты ищешь.

И вот они еще продолжали беседу, как в обитель прибыл князь (может быть, Радонежский), окруженный многочисленною свитою из бояр и рабов. Преподобный встал, чтобы встретить именитого гостя, и рабы князя, расчищая дорогу для своего господина, далеко оттолкнули поселянина и от своего князя, и от игумена... Между тем прибывший князь еще издали смиренно поклонился до земли угоднику Божию, который поцеловал его и благословил; затем оба они сели, а все бояре и братия почтительно стояли вокруг них. Смущенный простец ходил около них, стараясь сквозь толпу рассмотреть, который был Сергий; он опять спросил одного из иноков: “Кто же этот чернец, что сидит направо от князя?“ Инок взглянул на него с

упреком и сказал: “Разве ты пришлец здесь, что не знаешь Преподобного отца Сергия?“
Тогда только понял свое невежество поселянин и, укоряя себя, стал просить некоторых из братий, чтобы они попросили за него прощения у старца, которого он оскорбил своим невежеством. “Вот уж справедливо зовут нас, мужиков, невежами, – говорил он, – как будто я ослеп и не вижу, с кем говорю! С какими же глазами покажусь я теперь святому старцу?“
Так горевал простодушный гость, и, дождавшись, когда князь вышел из обители, он бросился к ногам Преподобного, умоляя простить его невежество и неверие.
Но смиренный игумен сказал ему: “Не скорби, чадо, один ты справедливо рассудил обо мне, ведь они все ошибаются!“ И он утешил его назидательным словом и отпустил его с благословением... Но доброе сердце простого человека так было тронуто смирением и любовию великого подвижника, что он скоро опять пришел в обитель, дабы уже никогда ее не оставлять; здесь он принял пострижение и, потрудившись несколько лет, с миром преставился к Богу...»°

ГЛАВА XII
Пророческое видение и дальние посланцы
Избранники Божии. Птицы небесные. Радость о Господе. Гости с Востока.
Патриаршие «поминки». Недоумение старца. Патриаршее послание.
Благословение святительское. Начало общежития. Новые должности
и послушания. Списание книжное. Библиотека. Число братии возрастает. Завет странноприимства и обетование старца (1372)
Радуйся, преблагий и добрый наставниче иноков, Радуйся, образе пустынножителей и устроителю общаго жития.
Акаф. 1. Ик. 12

Дивен Бог во святых Своих! Прославляя Своих избранников, Он чрез них же устрояет и наше спасение. В истории Церкви Божией мы постоянно видим примеры такого попечительного промышления Божия, а в трудные для Церкви времена, когда благотребна была особенная помощь Божия к укреплению веры православной в сердцах людских или когда нечестие людское грозило подавить собою благочестие и веру православную, – в такие трудные времена Бог нарочито посылал особых избранников Своих, которые, будучи преисполнены благодати Божией, своею дивною жизнию, своим смирением привлекали к себе сердца людей и делались наставниками и руководителями в духовной жизни для всех, кто искал очищения от страстей и спасения души своей. Целые тысячи монашествующих

воспитывались под их духовным руководством и потом расходились в разные стороны, основывали свои обители – в свою очередь делались также наставниками других в иноческой жизни, делились добрым советом духовного опыта и с мирянами, были избираемы в сан святительский° или же выходили на проповедь Евангелия к неверующим в истинного Бога. Каково же было их смирение, когда им и на мысль не приходило, что они совершают великое дело Божие, что из их уединения, из их пустынь обильным потоком разливается свет благодатный по лицу их родной земли! А между тем именно чрез них-то благодать Божия и отбирала чистую пшеницу от плевел°, выделяя и привлекая ко Христу Спасителю всех способных восприять в свое сердце благодатное семя слова Божия и соделаться сынами Царствия Божия.
Одним из таких великих избранников Божиих был и Преподобный отец наш Сергий. Ему суждено было обновить дух подвижничества на земле Русской, зажечь благодатный огонек во многих отдаленных пределах Русской земли и чрез то соделаться духовным родоначальником бесчисленного лика монашествующих. Справедливо поэтому говорят, что он был для северной, Московской, Руси тем же, чем были для южной, Киевской, Руси Преподобные Антоний и Феодосий.°
И Богу угодно было утешить еще при жизни смиренного подвижника Радонежского пророческим откровением о будущем многочисленном духовном его потомстве. Это было незадолго до введения в его обители устава общежительного, который справедливо почитается образом совершеннейшего иноческого жития во всех православных обителях.
Святому игумену было уже за пятьдесят лет. Около тридцати лет он уже подвизался на Маковице. Отовсюду стекались к нему искатели безмолвия° под его кров, и монашествующие, покидая свои прежние обители, считали для себя более полезным жить в послушании у такого аввы. Таков был Смоленский архимандрит Симон, таков был и брат Преподобного Стефан, который оставил игуменство в Богоявленском монастыре и жил теперь в обители Сергиевой вместе со своим сыном Феодором.° И Преподобный Сергий, видя над своею обителью благословение Божие, еще с большим усердием и дерзновением молился° о преуспеянии братии. И вот однажды, в глубокий вечер, когда он совершал свое обычное молитвенное правило и весь был погружен в сердечную молитву за духовных чад своих°, вдруг он слышит голос, который звал его по имени: «Сергий!» Удивился Преподобный столь необычному зову в тишине ночной; сотворив молитву, он открывает оконце своей келлии и видит дивное видение: в высоте небес сияет чудный свет и разгоняет тьму ночную, так что стало светлее дня, а неведомый голос снова говорит ему: «Сергий! Ты молишься о детях твоих духовных – Господь принял твою молитву. Посмотри кругом –

видишь, какое множество иноков собрано тобою под твое руководство во имя Живоначальныя Троицы!»
И Сергий видит пред собою множество прекрасных птиц, никогда дотоле им не виданных; они летают не только по всему монастырю, но и вокруг ограды его, – летают и поют несказанно сладостно...
А он опять слышит таинственный голос с высоты небес: «Так умножится стадо учеников твоих, и после тебя не оскудеют они, так чудно они будут украшены разными добродетелями, если только захотят последовать стопам твоим!»
Небесная радость наполнила сердце смиренного Сергия: пророческое видение касалось не его одного, но и всего возлюбленного его братства, всех дорогих чад его по духу, и он пожелал разделить свою духовную радость с кем-нибудь из присных учеников своих. В соседней с ним келлии жил Смоленский архимандрит Симон, его и пригласил Преподобный быть участником чудного видения.
Удивленный нечаянным зовом игумена в ночное время, Симон поспешил на его голос, но не сподобился полного видения и только успел видеть некую часть чудного света. Тогда Преподобный поведал ему все, что сам видел и слышал, и оба они, по слову Псалмопевца, возрадовались о Господе с трепетом...
Читая этот рассказ, невольно оглянешься на теперешние окрестности Лавры: вот Вифания, вот Гефсимания, Пещеры, Киновия, а там, в чаще лесной, – уединенная пустынь Святаго Духа Утешителя°; все эти обители как дети на виду у своей матери – славной Лавры Сергиевой, но не забудем, что это дети младшие, сто лет назад их еще не было; а сколько обителей было основано в течение пятисот лет сынами обители Сергиевой! Ниже мы увидим, что еще при жизни угодника Божия его учениками было основано до двадцати пяти монастырей, а потом число их возросло до семидесяти.
Но для высшего духовного преуспеяния самих учеников Сергиевых их святому наставнику нужно было сделать нечто очень важное в устройстве монастырской жизни. До сего времени каждый брат сам заботился обо всем необходимом для жизни, а потому каждый имел свою собственность, и, может быть, некоторые, подобно архимандриту Симону и схимникам-воинам Пересвету и Ослябе°, приносили из мира средства для жизни. Такой порядок открывал путь зависти, любостяжанию и превозношению одних перед другими; чтоб устранить все поводы к усилению в среде братии таких пороков, нужно было ввести в обители общежитие. Впервые в русских обителях было введено общежитие Преподобным Феодосием Печерским, но ко времени Преподобного Сергия мало-помалу общежительные порядки в наших обителях ослабли и забылись. Иноки того времени, по недостаточному рассуждению духовному, не любили общежития. Много стоило трудов пастырям Церкви и

после того устроять жизнь апостольской общины в обителях.° Вот, может быть, причина, почему Преподобный Сергий, всегда кроткий и смиренный сердцем, всегда склонный снизойти немощам братии, сколько можно это сделать без ущерба основным требованиям иноческой жизни, не решался сам, своею личною волею, без особенного указания свыше ввести общежитие в своей обители. Тем не менее именно ему, а не кому другому судил Господь восстановить строгие общежительные уставы в монастырях северной Руси. И действительно, мы видим, что в тех обителях, которые основаны были его учениками, как-то: Пешношской, Андрониковой, Симоновской° – общежитие было введено при самом учреждении сих обителей, и это сделано, конечно, по заповеди Преподобного Сергия. Промысл Божий помог ему ввести общежительный устав и в его Лавре, – помог совсем неожиданным образом.
Около 1372 года в его обитель прибыл один греческий митрополит, в сопровождении нескольких греков, из Царьграда.° Они объявили святому игумену, что «Вселенский Патриарх Константинопольский Кир Филофей° благословляет его и посылает ему поминки – крест, параманд и схиму°, вместе с своим писанием».
Смутился смиренный Сергий: думал ли он, чтобы имя его было известно Вселенскому Первосвятителю? Целые три тысячи верст отделяли его скромную пустыню от Царьграда, да и кто он, чтобы удостоиться такой великой чести от Патриарха Вселенского?
– Смотрите, – сказал он патриаршим посланцам, – не к другому ли кому вы посланы? Кто я, грешный, чтоб мне получать поминки от Святейшего Патриарха?
– Нет, отче святый, – отвечали они, – мы не ошиблись. Мы хорошо знаем, что к тебе посланы, а не к иному кому, ведь ты Сергий Радонежский?
– Да, я грешный чернец Сергий, – сказал он.
– Тебя-то вот и благословляет святейший Филофей, Вселенский Патриарх, – подтвердили пришельцы[95].
Тогда игумен поклонился им до земли. Он угостил их пустынным обедом и, пригласив отдохнуть в обители, приказал братии успокоить дальних гостей, а сам, не раскрывая послания патриаршего, поспешил в Москву, к Святителю Алексию: смиренный пустынник не решился принять даров Патриарха без благословения своего святого друга и Архипастыря. Явившись к нему, Преподобный рассказал о пришельцах и подал ему Патриаршую грамоту. Митрополит велел прочитать ее, и было читано следующее: «Божиею милостию Архиепископ Константинограда° Вселенский Патриарх Кир Филофей, о Святем Дусе сослужебнику нашего смирения Сергию°: благодать и мир, и наше благословение да будет с вами. Слышахом убо еже по Бозе житие твое добродетельно, и зело

похвалихом, и прославихом Бога, якоже рече Господь: *да возсияет свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех.*[96] Но едина главизна (правило) еще не достаточествует ти°: яко не общее житие стяжаете. Понеже веси, Преподобне, и самый Богоотец Пророк Давид, иже вся обсязавый (исследовавший) разумом, ничтоже ино возможе тако похвалити, точию: *се ныне что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе*.° Потому же и аз совет благ даю вам: послушайте убо смирения нашего, яко да составите общее житие, и милость Божия на вас и Пречистыя Богородицы, и всех святых, и наше благословение и молитва да есть с вами»[97].

– Ты что же повелишь, владыко святый? – спросил Преподобный Сергий Святителя Алексия, когда было прочтено это послание.

– Сам Бог прославляет славящих Его, – отвечал Митрополит, – Он сподобил и тебя такого блага, что имя твое и твоя святая жизнь стали известны в такой далекой стране, и даже сам Вселенский Патриарх шлет тебе советы на общую пользу. Можем ли мы предложить тебе лучший совет? Мы очень благодарны Святейшему Патриарху за такой совет, и что он повелевает и благословляет, то благословляем и мы.

Для смиренного игумена этих слов было довольно, чтобы знать волю Божию. Возвратившись из Москвы, он объявил братии желания Патриарха и Митрополита. Пустынники с радостию согласились на введение в обители общежития. Правда, и между ними нашлись недовольные, но они не стали возражать, потому что невозможно же было идти против воли Патриарха и Митрополита, их было немного, и некоторые из них вскоре оставили обитель[98].

Теперь Преподобный Сергий со всем усердием занялся устройством полного общежития в своем монастыре. Немало новых трудов и забот легло на него при введении новых порядков в обители. До сего времени он мог не заботиться о житейских потребностях всего братства, потому что каждый заботился сам для себя, к нему приходили больше за духовным советом, для откровения ему своих помыслов°, своих скорбей и нужд духовных; теперь приходилось заботиться и о пище, и об одежде, и обо всем необходимом для братии. Иметь свою собственность или называть что-нибудь своим было строго запрещено, и потому каждый шел с своею нуждою к игумену. Трудиться должны были все способные к труду, исключая, конечно, престарелых и больных, к которым были приставлены послушники, но пример трудолюбия подавал всем святой игумен.

Общежитие потребовало устройства особых помещений для трапезы, хлебопекарни, амбаров, кладовых и подобного. И все это было построено.

Соответственно общежительному уставу распределены были и должности между старейшею братиею. Самый почтенный из

братии, пользовавшийся всеобщим уважением, был поставлен *келарем*. Эта должность известна с самого основания монашества в России: она учреждена Преподобным Феодосием Печерским. Келарь в наших древних монастырях исполнял должности казначея, эконома и благочинного°, он был в монастыре вторым лицом после настоятеля, а в то время, когда монастырь имел вотчины, келарь заведовал оными – и всем хозяйством, и судебными делами. Одним из первых келарей в обители Преподобного Сергия был Преподобный Никон. Списатель жития его говорит: «И умысли Сергий сего пастыря обители оныя поставити вместо себе, еже и бысть, и устрояет его в служении, яко быти ему вторым по настоятели. Блаженный же Никон милосердие на всех просто имея, и еже до конца тихо и человеколюбиво о всех бо всегда печашеся, благоразумне же и великодушне тем служа, и премудре их утешая, и коегоже лишение подаянием исполняя. Никтоже им от братии презираем бываше, и толико, яко ни от родитель неким удобно таковая к чадам сотворити, елика он к братии творяше».° Такое усердие Преподобного Никона много радовало его великого старца игумена.
Наиболее опытный в духовной жизни, отличавшийся смиренномудрием и кротостию старец был назначен *духовником* для всей братии.° Из первых духовников Троицкой Лавры известен был Преподобный Савва°, впоследствии основатель Сторожевского Богородичного близ города Звенигорода монастыря. Позднее духовником был преподобный Епифаний, премудрый списатель жития Сергиева.
Для соблюдения порядка и благочиния в церкви во время Богослужения был избран *экклесиарх.* На его обязанности лежало наблюдение за точным выполнением церковного устава, он испрашивал у игумена благословения начинать благовест к Богослужению и вообще проходил послушание нынешнего уставщика и отчасти ризничного.° Таким экклесиархом был, например, преподобный Симон, один из приближенных учеников Преподобного Сергия.
У экклесиарха под рукою был *параэкклесиарх*, или пономарь, который назывался также кандиловжигателем. На его обязанности лежало, как видно из самого названия, соблюдать в церкви безукоризненную чистоту; он зажигал и гасил лампады и свечи, приготовлял кадило, заведовал звоном по указанию экклесиарха и подобное.
В подчинении тому же экклесиарху был и *канонарх*, которому поручено было ведать клиросное послушание и хранить Богослужебные книги. Петь на клиросе обязаны были все к тому способные.
Что касается до устава богослужебного, то, вероятно, вначале употреблялся в обители Сергиевой устав Студийский°, как более простой и несложный. Но с учреждением общежития в Троицкой обители введен был устав Иерусалимский° (обители

Преподобного Саввы Освященного), так как в это время в ней было уже достаточное число священников, которые могли без нужды совершать Богослужение хотя бы ежедневно с большею торжественностию – по Иерусалимскому уставу.
За исполнением правил общежития строго наблюдал сам Преподобный Сергий. От начальствующих он требовал быть кроткими и милостивыми к подчиненным, а братии заповедовал быть в беспрекословном послушании у начальствующих. Поступь у всех должна быть тихая и спокойная, с наклоненною головою, чтобы наружность соответствовала внутреннему смирению[99]. В свободное время братия должны были находиться в своих келлиях, а чтобы руки их не были праздны, должны были заниматься рукоделием, или, как говорят иноки, «поделием», потому что настоящее «дело» инока – спасение своей души. Одним из важных келейных послушаний, судя по оставшимся в Лаврской библиотеке и ризнице памятникам, было «списание книжное» и переплет рукописей в кожу[100]. Жизнеописатель Сергиев об Афанасии, впоследствии основателе Высоцкого монастыря, говорит, что Сергий особенно любил Афанасия за его трудолюбие в переписании книг[101]. И теперь в Лаврской ризнице можно видеть Евангелие Преподобного Никона, на пергамене, малой меры, с надписью на нем: «Евангелие четвертное, на харатье, Никона чудотворца.° А не отдати его никому», Служебник, писанный, может быть, для Преподобного Сергия рукою Преподобного Никона в 1381 году, на пергамене, в 12-ю долю. В библиотеке Лавры также сохранилось несколько драгоценных рукописей от времен Преподобного Сергия. Некоторые из них принесены из Ростова, где в то время процветало книжное учение в обители Григория Богослова° и откуда пришел к Преподобному списатель жития его Епифаний Премудрый, а другие рукописи писаны в самой обители Сергиевой или же относятся к более раннему времени и драгоценны для нас потому, что они бывали в руках угодника Божия, по ним он молился, читал братии поучения и сам поучался в слове Божием. Таковы: на пергамене Пятокнижие Моисеево° (№ 1); собрание некоторых книг Ветхого Завета (№ 2); «Паремейник»° (№ 4); Евангелие (№ 5); Поучения Ефрема Сирина° (№ 7); 16 слов святого Григория Богослова° (№ 8), с искусною заглавною заставкою из перевитых фигур с красками и с надписью: «Елисеевской», – может быть, эта рукопись принадлежала преподобному Елисею, ученику Преподобного Сергия°; Иоанна Златоуста (№ 9)°; «Златая Цепь»° (№ 11); два Сборника (№ 12 и 13); Пандекты Никона Черногорца° (№ 14); «Мерило Праведное»° (№ 15); из Богослужебных на пергамене замечательны «Кондакарь» XII века, с крюковыми нотами°, по которым пели при Преподобном Сергии, и «Стихирарь», писанный преподобным Епифанием°, как видно из его подписи на первой странице: «многогрешный раб Божий Епифан недостойный...» (далее трудно прочитать).

Под 12 мая, на память святого Епифания Кипрского, подписано: «господине святый Епифание Кипрский, съименинниче мой, елеисон ми°». Из рукописей на бумаге упомянем «Потребник», по которому тогда постригали иноков° (№ 229), и «Слова Постническия Преподобного Исаака Сирина»°, писанные при Преподобном Сергии, в 1381 году (№ 172). Некоторых драгоценных рукописей сохранились одни заглавия в описях древних°, таковы: *«Два служебника на харатье»; Свертки на деревце, чюдотворца Сергия; Евангелие в десть, на бумаге, Исаковское Молчалниково; Псалтирь в полдесть° на бумаге, письмо Исаака Молчалника»,* ученика Преподобного Сергия. От времен Преподобного Никона тоже сохранилось несколько рукописей, из коих здесь упомянем только две – «Лествицу»°, списанную «рукою грубаго и худаго, страннаго и последняго во иноцех, смиреннаго многыми грехы Варлаама», в конце книги смиренный инок приписал: «О ленивый Варлааме, готовися к ранам. Близь есть конец». Но особенно замечательна из числа сохранившихся от времени Преподобного Никона другая рукопись – Псалтирь с последованиями°, писанная около 1428 года, изобретательность писца в почерках и художественное выполнение красками с золотом разных заставок изумительны! С характером этих прекрасных заставок читатель может ознакомиться по заставкам, какие видит в этой книге°[102]. Но обращаемся к правилам общежития в пустыне Сергиевой. Одежду и обувь иноки получали от монастыря. И Епифаний, и Преподобный Иосиф Волоколамский свидетельствуют, что сам игумен Сергий шил одежду и обувь для братии; посему можно думать, что была мастерская для приготовления их. Без особенной нужды выходить за ворота монастырские запрещалось. Правило строго исполнялось братиею не только при жизни Преподобного Сергия, но и по кончине его. Когда Преподобный Пафнутий Боровский° приходил в Троицкий монастырь помолиться Святой Троице и чудотворцу Сергию и, исполнив свое желание, намерен был возвратиться в свою обитель, тогда братия вышли было провожать преподобного богомольца за ворота монастырские, но, вспомнив завет Преподобного отца своего Сергия не выходить за ворота, тут же остановились и, помолившись, простились с Преподобным Пафнутием[103].

Когда совершилось благоустройство обители, то еще больше возросло число ее братства, и она стала всем изобиловать. А чтобы избыток не привел с собою нерадения или не подал повода к зависти и осуждению, чтобы, напротив, он послужил к умножению благословения, мудрый распорядитель ввел в обители страннолриимство. Он считал это учреждение столь важным для обители, что в пророческом духе подкрепил свою волю относительно сего особенным обещанием Божия покровительства. «Если вы, дети, – так говорил он братии, – сию

мою заповедь сохраните без роптания, то и по отшествии моем от жития сего обитель процветет и на многие лета неразрушима постоит благодатию Христовою». Рука Сергиева простерта была к нуждающимся, по красноречивому выражению блаженного Епифания, как река многоводная, тихая струями, и если кому приходилось в зимнее время от сильного мороза, или глубоких снегов, или бурной метели умедлить в обители долее обыкновенного°, то во все время пребывания своего в ней он получал все необходимое.° А странники, нищие и болящие подолгу в ней отдыхали, пользуясь полным довольством и покоем, по заповеди старца. Уединенная дотоле, обитель Сергиева теперь как бы вдруг выдвинулась из дремучих лесов на распутие жизни людской: мимо ее гостеприимных ворот часто проходили князья и воеводы со своими полками, и всех она принимала радушно, с подобающею честию и отпускала со щедрым запасом. А бывали годы, отмеченные в летописях тяжкими скорбями для всей Русской земли. Так, в 1357 году «велика была истома князем русским» от посла татарского Кошака°[104]; в 1364 году был мор повсюду[105], так что в Смоленске осталось от него живыми всего 15 человек; в 1368 году Москва претерпела опустошение от Олгерда°[106]; в 1382 – земля Русская опустошена Тохтамышем.° В 1384 году была «великая дань, тяжелая по всему княженью великому, всякому без отдатка (уступки), со всякия деревни по полтине» [107]. Нет сомнения, что в такие годы много нуждающихся приходило в обитель Сергиеву, и она делилась с ними всем, что имела. Делится она и поныне, строго исполняя святой завет гостеприимства, оставленный ей святым ее первоначальником, и как тогда, так и теперь в обилии потребных нельзя не видеть над нею особенного Божия благословения за молитвы досточудного старца.

ГЛАВА XIII
Внезапная буря

Беды в пустыне. Случай в церкви. Смиренный игумен в добровольном
изгнании. Уроки митрополита Филарета. Махра. Встреча святых друзей.
На Киржаче. Скорбь троицких братий. Новая обитель.
Братия у Митрополита Алексия. Послы у Сергия. Послушание «устам Христовым». Торжество любви и «другое солнце»...
Болезнь Преподобного Сергия
(1372 – 1375)

Радуйся, правило веры и образе кротости духовныя...
Акаф. 1. Ик. 2
Радуйся, покоривый себе воле Божией и начальником, от Него поставленным...
Акаф. 1. Ик. 10

Радуйся, вышний столп добродетелей создавый, Радуйся, сердце незлобиво во всем житии стяжавый…
Акаф. 2. Ик. 5

Казалось, после введения общежития обитель Сергиева была отовсюду крепко утверждена и от всякой превратности безопасна, но кто знает, что принесет с собою наступающий день. О, как нужно бодрствовать, чтобы наружный мир и утверждение не превратились во всегубительство посредством страстей, таящихся в глубине человеческого сердца!
«Нередко, – говорит святитель Платон, – Бог и на праведников Своих попускает искушения, дабы чрез то их добродетель просияла еще более, как золото, в огне искушенное».° Это судил Бог претерпеть и Преподобному отцу нашему Сергию. Вдруг пронеслась над его обителью буря, которая едва не сорвала с нее благодатный покров и едва не разрушила самых ее оснований, лишив ее святого игумена... «И кто бы мог подумать, – говорит тот же святитель, – чтобы это произошло от его роднаго брата Стефана, того самаго Стефана, который вместе с ним был основателем обители и соревнителем его подвигов? – Но видно от бед и искушений никуда не уйдешь°: *беды во градех, беды и в пустыни* (2 Кор. 11, 26)». Беды от лжебратий, беды и от сродников...
Стефан пришел в пустынную обитель своего брата, вероятно, по влечению к более строгой жизни, чем какую он мог вести в Москве, но при этом желании, отказавшись от игуменства в Богоявленском монастыре, он не мог победить в себе страсти властолюбия. Он был старший брат Преподобного, он вместе с ним полагал основание новой обители, может быть, он принес и денежное пожертвование из Москвы на новую обитель – все это питало в нем желание первенства. Можно думать, что в среде недовольных новыми порядками в обители были некоторые на стороне Стефана.
В один субботний день Преподобный Сергий сам служил вечерню и был в алтаре, а брат его Стефан, как любитель церковного пения, стоял на левом клиросе. Вдруг Преподобный слышит довольно громкий голос брата:
– Кто тебе дал эту книгу? – вопрос обращен был к канонарху.
– Игумен, – отвечал канонарх.
Помысл гнева и властолюбия поколебал Стефана при этом ответе. «Кто здесь игумен? – сказал он уже запальчиво. – Не я ли первый основал это место?» Сказаны были и другие немирные слова.
Преподобному стало понятно, что в этом раздражении брата излилось тайное недовольство некоторых из братий на новые порядки в обители. Мы уже говорили, что некоторые из этих недовольных оставили обитель, но были, по-видимому, и такие, которые желали бы сменить самого игумена.

Игуменство не привлекало, а тяготило смиренного Сергия, тем менее желал он управлять такими, которые не желали его управления, и он воспользовался случаем сложить с себя это тяжкое бремя. Предоставляя своевольных суду их совести, Преподобный по окончании вечерни не пошел уже ни в келлию, ни в трапезу, куда пошли все братия[108]; никем не замеченный, он вышел из обители и удалился по дороге, ведущей на Кинелу[109]…
Благоговейный читатель жития Сергиева невольно останавливается мыслию над этим поступком угодника Божия. Приводим здесь рассуждение по сему случаю приснопамятного святителя Филарета, митрополита Московского. «Очевидны, – говорит он, – в сем поступке терпение, кротость и смирение святого. Но вот что недоуменно: почему не вразумил он брата, по долгу игумена? Как за одного человека оставил всю братию и служение, в которое поставлен священною властию?»
«Есть особенные пути святых, – отвечает на сей вопрос мудрый святитель, – пути, пред которыми все должны благоговеть, поелику они особенною благодатию Божиею управлены и оправданы в своих последствиях, но которым не всякий имеет право последовать, потому что было бы дерзновенно, если бы каждый стал приписывать себе ту же благодать. Таков случай, теперь рассматриваемый.
Если у отца сын или у начальника подчиненный бесчинствует: берегитесь молчать и оставлять его без обличения и исправления. Вспомните грозное прещение и наказание, которым за небрежение сего рода Бог поразил несчастнаго Илия: *отмщу Аз на доме его до века в неправдах сынов его, о нихже ведяше, яко злословиста Бога сынове его, и не наказа их* (1 Цар. 3, 13). Если от какого-нибудь искушения или неудовольствия приходит тебе желание бежать от места, на котором ты поставлен законною властию: остерегись; может случиться, что вину своеволия понесешь; от зла путем своего произвола не избегнешь, и преследуемого тобою спокойствия не уловишь.
Но если святый Сергий в известном случае не по сим обыкновенным правилам действовал: то по каким же? Ибо святому по святым правилам действовать надлежит. Мы уразумеем дело его, если приложим к его поступку правило Апостола: *сие паче судите, еже не полагати претыкания брату или соблазна* (Рим. 14, 13). Видел прозорливый Сергий, что неудобно было прямо обличить любоначальствующего, потому что в сем случае обличение казалось бы препирательством за начальство, и вид личной распри между игуменом и старшим по нем (тоже имевшим игуменский сан), и притом между родными братиями по плоти, был бы не без претыкания и для прочих братий обители.
В сих трудных обстоятельствах премудрый старец нашел средство не только не положить претыкания со своей стороны,

но и положенный другим соблазн уничтожить. Он никому не сказал о поступке брата, и своим удалением от начальствования подал и сильнейшее врачевство против страсти любоначалия. Бог же, оправдывая путь угодника Своего, чрез его добровольное изгнанничество паче прежнего утвердил в любви к нему братию его первоначальной обители и возвратил его к ней властию Святителя Алексия»°[110].

Так размышлял о сем «добровольном изгнании» Преподобного Сергия святитель Филарет. Обратимся теперь к повествованию. На пути в Кинелу Преподобного застигла ночь, которую он провел в глухом лесу, в молитве и кратком сне. Наутро он продолжал путь свой и пришел в Махрищский монастырь°. Здесь был игуменом его духовный друг и собеседник, Преподобный Стефан°. Постриженник Киево-Печерской Лавры, он ушел от преследований латинян в пределы Московского княжества и здесь, в 35 верстах от обители Преподобного Сергия, основал свою пустынную обитель, так же как и Сергий – во имя Пресвятыя Троицы. Преподобные друзья посещали друг друга для духовной беседы и взаимного утешения, и теперь, узнав о прибытии Сергия, Стефан велел ударить в било и со всею братиею вышел навстречу к нему. И как же трогательна была эта встреча! Они поклонились друг другу до земли, прося друг у друга молитв и благословения, и ни один из них не хотел первый подняться – так велико было их смирение! Наконец святой гость уступил, он встал, благословил святого хозяина и друга с его братиею, и все вместе вошли в церковь для краткой молитвы. Затем гостеприимный Стефан предложил Сергию пустынную трапезу, и долго они беседовали о спасении души.

Преподобный Сергий гостил у своего друга несколько дней; он обходил с ним пустыню и радовался процветанию его обители. Наконец он сказал Стефану: «Желал бы я, отче, найти себе, при помощи Божией, такое уединенное место, где можно было бы безмолвствовать. Твои ученики хорошо знают здешние пустынные места; итак, прошу твою любовь, дай мне одного из них в провожатые».

Стефан не только с любовию исполнил эту просьбу, отпустив с Сергием ученика своего Симона, но и сам проводил святого друга версты за три от обители, где они отдохнули у источника и распростились. И поныне стоит над этим источником часовня° – памятник их дружеского прощания[111], и ежегодно к этой часовне бывает крестный ход из Махрищской Сергиевой приходской церкви.

Преподобный Сергий обошел в сопровождении Симона много пустынных дебрей и нашел наконец прекрасное место на реке Киржач[112], где и поселился для безмолвия.

Нужно ли говорить, в какое уныние была приведена Троицкая обитель нечаянным удалением из нее святого игумена? Лучшие иноки встревожились, но сначала думали еще, что он скоро

возвратится. Ожидание их, однако же, не исполнялось… Тогда братия отправились по двое и по трое искать его по пустынным лесам, по селам и городам, но его нигде не находили… Некоторые, чувствуя духовное сиротство в разлуке с любимым старцем игуменом, решались уже покинуть и самую обитель, в которой теперь все казалось так пусто и бесприютно… Но вот один из братии пришел на Махру к Преподобному Стефану и от него услышал, что Сергий прошел в дальнюю пустыню, дабы там основаться. В порыве радости усердный инок хотел было устремиться по следам своего игумена, но потом одумался и поспешил возвратиться в Троицкую обитель, чтобы утешить скорбевших братий радостною вестию. Понятно, как велика была эта радость осиротевших иноков, когда они узнали, где привитает их любимый наставник и отец. Они не могли долее сносить разлуки и один по одному стали переселяться на Киржач.° А Преподобный с любовию принимал их и сам помогал строить им келлии, сам, своими руками, ископал и кладязь, который существует доныне. Братия пожелали, чтобы построена была церковь; тогда Преподобный послал двух учеников своих к Митрополиту Алексию просить у него благословения на это; благословение скоро было получено, и церковь основана… Списатель жития Сергиева сохранил и молитву, которою помолился угодник Божий при основании сей церкви, вот эта молитва: «Господи Боже Сил, иже древле Израиля многими уверивый великими чудесы° и законодавца Своего Моисея многими и различными известив знаменьми°, и иже Гедеону руном образ победы показавый!° Сам и ныне, Владыко Вседетелю, услыши и мене, раба Твоего, молящагося Тебе! Приими убо молитву мою и благослови место сие, его же благоизволи создатися во славу Твою, в похвалу же и честь Пречистыя Твоея Матере, честнаго Ея Благовещения. Да и в том всегда славится имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!»

При помощи Божией постройка церкви пошла успешно; над строением новой обители трудились добровольно многие иноки и миряне: кто строил келлии и церковь, кто доставлял материал, нашлись благотворители из князей и бояр, которые присылали и денежные пожертвования на постройки. Число братии быстро увеличивалось. Преподобный и здесь ввел общежительный устав.

Прошло три-четыре года[113]. Иноки Троицкой обители, не пожелавшие расстаться с первоначальным местом подвигов Преподобного своего игумена, все еще утешали себя надеждою, что их старец скоро возвратится в свою возлюбленную обитель! Им казалось невозможным, чтобы любвеобильный Сергий навсегда покинул место, на котором так долго трудился и над которым уже видел и Божие благословение. Не раз приходили они в Киржач и упрашивали Преподобного возвратиться под кров Живоначальныя Троицы, но он отклонял их просьбы и

оставался в новой обители. Тогда троицкие старцы в порыве сыновней любви к своему святому игумену и сердечной привязанности к родной обители пошли в престольный град Москву к самому Святителю Алексию и, зная, как Сергий свято чтит волю Архипастыря, со слезами стали умолять его, чтобы он своею святительскою властию возвратил им, осиротевшим детям, чадолюбивого отца.
– Владыко святый, – говорили они Митрополиту, – ведает святое твое владычество о разлуке нашей с отцем нашим духовным; живем мы теперь как овцы без пастыря; священноиноки, и простые старцы, и все святое, Богом собранное, братство, не в силах будучи сносить разлуку эту, один за другим покидают нашу обитель и уходят к нему... Да и сами мы не можем дольше жить без него... Итак, если соизволишь, Богом данный Архипастырь наш, исполнить смиренное моление наше, то повели ему возвратиться в свою прежнюю обитель, чтобы она не пришла в запустение.
Святитель хорошо понимал, как нужен Сергий для обители Троицкой, но видел и то, как тяжело огорчили блаженную душу своевольные, которые возмутились и против отца своего, и против воли Вселенского Патриарха. Жаль ему было и учеников, безутешно скорбящих в разлуке с наставником, но не хотел он действовать и на святого друга своего одною только властию архипастырской... Благословив троицких иноков и сказав им слово утешения, Митрополит отпустил их в свою обитель и немедленно отправил почетное посольство к Преподобному Сергию, состоявшее из двух архимандритов – Герасима и Павла. Посланные прибыли на Киржач и братски приветствовали Сергия. «Отец твой, – сказали они, – Алексий Митрополит, благословляет тебя и очень рад, что имеет добрые вести о твоей жизни в этой далекой пустыне и что имя Божие и тут прославляется чрез тебя. Но он повелел нам сказать тебе: “Довольно и того, что ты здесь построил церковь и собрал немало братий. Избери теперь из числа своих учеников опытного в духовной жизни и оставь его строителем новой обители, а сам возвратись опять в монастырь Пресвятыя Троицы, дабы братия, так долго скорбящие о разлуке с тобою, не разошлись вовсе из той обители. Непокорных и строптивых я выведу вон оттуда, чтобы там не было ни одного твоего недоброжелателя. Только не ослушайся нас, и милость Божия и наше благословение всегда да будут над тобою!”»
– Так скажите от меня, – отвечал смиренно Преподобный, – господину моему Митрополиту: «Все, что исходит от твоих уст, принимаю с радостию, как исходящее от уст Христовых, и ни в чем тебя не ослушаюсь».
С таким ответом архимандриты возвратились к Святителю, который был очень обрадован совершенным послушанием Сергия. Немедленно послал он в новую обитель священников и утварь церковную, и церковь была освящена в честь

Благовещения Пресвятой Богородицы. А Сергий избрал из своих учеников Преподобного Романа°, которого Митрополит рукоположил в священный сан и поставил строителем на Киржаче. Закончив, таким образом, благоустроение новой обители, Преподобный игумен возвратился в свою первоначальную пустынь.

Это возвращение было торжеством добра над злом, праздником взаимной любви учеников и наставника. Как только стало известно в обители, что Преподобный идет в свою родную Лавру, все братия поспешили к нему навстречу. «Умилительно было видеть, – рассказывает преподобный Епифаний, который, может быть, сам был свидетелем этой встречи, будучи тогда еще послушником, – как, одни со слезами радости, другие со слезами раскаяния, ученики бросались к ногам святого старца, одни целовали его руки, другие – ноги, третьи – самую одежду его; иные, как малые дети, забегали вперед, чтобы полюбоваться на своего желанного авву, и крестились от радости; со всех сторон слышались возгласы: “Слава Тебе, Боже, о всех промышляющий! Слава Тебе, Господи, что сподобил Ты нас, осиротевших было, снова увидеть нашего отца, нашего пастыря и учителя! Пришел он наконец к нам, заблудшим! И вот теперь будто другое солнце взошло для нас!..” Что же их отец? Ликовал и он духовно, любуясь детьми своими, которых он же собрал в этой пустыне; он теперь целовал их, как любящий отец после долгой скорбной разлуки, он видел теперь на деле их искреннюю сыновнюю любовь, сыновнее послушание...»° Так был вознагражден за скорбь свою великий праведник!.. По своему глубокому смирению и кротости он добровольно изгнал самого себя из обители ради умиротворения изгонявших его: он не мог видеть в монастыре мирского своеволия; за то утешен был теперь сыновнею любовью и преданностью своих учеников.

А что же сталось с его братом Стефаном, который своим неосторожным, грубым словом огорчил смиренного игумена и подал ему повод уйти из обители?

При встрече Преподобного Сергия мы его не видим, – может быть, он сам или по распоряжению Святителя Алексия на это время удалился из Лавры или в Богоявленский монастырь, или в Симонов, к своему сыну Феодору, но позднее, по кончине Преподобного Сергия, мы видим его опять живущим в обители и поведающим списателю жития Сергиева историю его детства. Ясно, что он раскаялся в своей минутной вспышке и примирился со своим святым братом-игуменом[114].

Впрочем, нерасположение к общежитию примечалось в некоторых из братий и впоследствии, даже спустя лет 10–12, – это видно из того, что около 1382 года Вселенский Патриарх Нил° в утешение святому игумену в борьбе с недовольными прислал свое послание, в котором называл обычный образ жизни тогдашних русских иноков жизнию мирских людей и

делом «дикой, невежественной земли»; напротив, введенное Сергием общежитие называл делом высокой духовной мудрости и предлагал братии наставление о необходимости и достоинстве послушания[115].

Вскоре после описанных событий, именно в 1375 году, Преподобный Сергий был тяжко болен, так что опасались за жизнь его. Он пролежал на одре болезни со второй недели Великого поста до Семенова дня°, то есть до 1 сентября. Жизнь праведника так была дорога в глазах современников, что летописец счел нужным занести известие об этом в свою летопись. «Пусть не удивляются тому, – замечает при этом дееписатель, – что праведникам посылаются скорби и болезни: *многими скорбми подобает… внити в царствие Божие* (Деян. 14, 22). А что грешные люди живут здравы и веселы и не терпят на сем свете никаких скорбей – за то им готовится вечное мучение в будущей жизни. А для страждущих праведников готовится Господом Богом много венцов и неизреченная слава на небесах»[116].

ГЛАВА XIV
Друг святителей

Духовное злато и медницы. Светильник в пустыне. Церковные смуты
на Востоке. Святитель Алексий в Царьграде. Буря на Черном море.
16 августа. Исполнение обета. Памятник исцеления Тайдулы.
Мысль Святителя. «От юности я не был златоносцем». Предложение
высокого сана и отречение от него. Уроки мудрости духовной.
Честолюбивый архимандрит. Кончина Святителя Алексия и скорби
Русской Церкви. Преподобный Дионисий Суздальский. Пророчество
Сергиево. Переписка Святителя Киприана с Преподобным Сергием.
Пророчество исполняется. Пимен и Киприан. Гнев Великого Князя.
Удаление и возвращение митрополита Киприана
(1354 – 1391)

Радуйся, смирением возвышаемый…
Акаф. 1. Ик. 8

Радуйся, ничесого на небеси и на земли,
разве Христа Иисуса, видети желавый.
Акаф. 1. Ик. 9

До сих пор мы говорили о деяниях игумена Радонежского только в тесном кругу иноческой жизни, мы видели в нем пустынника, великого подвижника, великого наставника

иноков, теперь скажем о нем как служителе Церкви Христовой и гражданине земного отечества. С благоговением взирали мы на его иноческие подвиги, с благодарною любовию посмотрим теперь на деяния его как православного Русского человека. И мы увидим в нем друга святителей, советника Князей, печальника всей Русской земли. «Мудрость, – говорит один писатель, – соединяясь со смирением, образует тот духовный разум, который святые Отцы называют порождением искушений, или плодом опыта духовного». Это дивное свойство святых подвижников привлекает к ним сердца как простых людей, так и сильных земли; к ним идут Князья и вельможи, идут и мудрые пастыри Церкви, почитая для себя великою милостию Божией беседовать с такими подвижниками и укреплять себя в трудные минуты жизни, под тяжестью великих трудов, утешением их слова благодатного. Справедливо Исаак Сирин называет слово опыта духовного золотом, в поте лица приобретенным, а слабое слово человеческого рассуждения без опыта – медницею; первое, по его прекрасному сравнению, подобится живой воде ключевой, а последнее – воде, на стенах написанной![117]
Дорого ценили мудрое слово Преподобного Сергия современные ему Святители и Князья Русской земли. Его имя – «яко священие некое обношашеся» в устах всякого чина людей: от Великого Князя и бояр до последнего простолюдина, жившего в пределах Московского княжества. В этом отношении пустынник Радонежский был для своего времени тем же, чем были древние Пророки, с которыми и сравнивает его блаженный Епифаний. Готовился было сему великому светильнику Церкви и отечества и высший свещник, но «непреложный жребий его, по прекрасному выражению Московского святителя Филарета, был – из пустыни светить престолам, а не с престола светить Церкви и государству». Вот почему «самое послушание, столь свято хранимое Сергием во всех других случаях, не могло привести его к тому, чтобы расстаться с сладкою для него пустынею»°[118].
В 1354 году Святитель Алексий был утвержден от Вселенского Патриарха Каллиста в звании Митрополита Всероссийского.° В том же году, как знают читатели, Преподобный Сергий был возведен в сан игумена. С сего времени тесная дружба соединила их союз любви, и эта святая дружба не прекращалась уже до самого гроба. Они вместе делили и радость и горе, вместе служили Церкви и родной земле. Едва Митрополит Алексий возвратился в новом сане из Царьграда, как его смирение омрачилось смутами на Востоке. Патриарший собор в Константинополе, уступая требованию западнорусских князей°, поставил некоего Романа митрополитом Западной Руси.° Роман, не довольствуясь Галицией и Волынью, потребовал доходов от Тверского Епископа. Но и в Киеве не приняли Романа, а Тверской Епископ, несмотря на желание

своего Князя, не хотел иметь никакого сношения с Романом.° Россия, почитая законным Митрополитом только Алексия, встревожилась. Чтобы положить конец этим смутам и тревогам, смиренный Святитель вынужден был в 1356 году снова отправиться в Царьград. Туда же явился и Роман. Патриарх подтвердил Роману, чтобы он был митрополитом только Литвы и Волыни, а Алексию предоставил считаться Митрополитом Киевским и Великой России. На возвратном пути из Царьграда блаженный Святитель встретил новое бедствие. На Черном море поднялась страшная буря – волны катались как горы, и корабль каждую минуту готов был исчезнуть в страшной пучине. Все бывшие с Митрополитом отчаивались в спасении. Святитель молился, молился усердно; он дал обет соорудить храм во имя того святого, которого память будут праздновать в день высадки пловцов на берег. Господь услышал молитву Святителя, настала тишина, и корабль благополучно пристал к берегу 16 августа. И так Святитель стал теперь должником Всемилостивому Спасителю.° Скопившиеся в его отсутствие дела по управлению Церковью замедлили исполнение сего обета.

Прошло пять лет. Митрополит нередко посещал своего пустынного друга, Преподобного Сергия, и совещался с ним обо всем, что касалось церковных дел.

В одно из таких посещений Святитель сказал игумену:

– Возлюбленный! Хочу просить у тебя одного благодеяния и надеюсь, что твоя любовь не откажет мне в этом.

– Мы все готовы служить твоей святыне, – смиренно отвечал Сергий, – ничто тебе не возбранено в моей обители.

– Хочу, – продолжал Митрополит, – исполнить мое давнее обещание построить монастырь в честь нерукотворенной иконы Спасителя°, – и Святитель рассказал о том, что было с ним на Черном море.

– Доброе дело затеял ты, – сказал пустынножитель, – помоги тебе Господь выполнить его! А чего потребуешь от сына твоего – все готово для тебя[119].

– Уступи же мне своего возлюбленного Андроника в настоятели для этой обители°, – сказал тогда Митрополит.

– Твоя воля, – отвечал Сергий, и Святитель, наделив обитель Пресвятыя Троицы милостынею, тогда же взял с собою в Москву Преподобного Андроника. Обитель была основана в 1361 году на берегу Яузы°.

В 1365 году Святитель Алексий основал обитель в самом Кремле в честь чуда Архистратига Михаила, на месте, подаренном ему татарскою царицею Тайдулою.° Это был благодарный памятник чуду, совершившемуся над сею царицею 6 сентября. И для Чудова монастыря, по свидетельству Преподобного Иосифа Волоколамского, Митрополит Алексий «испросил честных старцев у Сергия», а других взял из иных монастырей. И эти иноки «жили иночески, жизнию духовною,

так что многие приходили к ним, старые и юные, и получали пользу»[120].
Мудрые советы смиренного старца и его святая равноангельная жизнь подали Святителю мысль приготовить в лице Сергия достойного себе преемника первосвятительской кафедры. Чувствуя ослабление старческих сил своих, он хотел поступить по примеру своего предшественника, Митрополита Феогноста, который еще при жизни, вместе с Великим Князем, просил Патриарха не назначать себе другого преемника, кроме него, то есть Алексия.
И вот он вызывает к себе в Москву Преподобного Сергия из его любимого уединения. Пеший идет старец игумен к своему другу Митрополиту. «До глубокой старости любил угодник Божий труды, – замечает при этом летописец, – и никогда не ездил на конях, а всегда ходил пешком»[121].
С любовию встречает Святитель пустынного гостя. Среди беседы он вдруг приказывает принести золотой «парамандный» крест°, украшенный драгоценными каменьями, и дарит его Сергию. Смутился смиренный любитель нищеты. Ему и на мысль не приходили такие почести.
– Прости мне, владыко святый, – говорит он с глубоким поклоном Святителю, – от юности я не был златоносцем, а в старости тем паче желаю в нищете пребывать.
– Знаю, – отвечает ему старец Митрополит, – знаю, что таково всегда было твое житие, но теперь покажи послушание и прими от нас сей дар в благословение.
Сказав это, он своими руками возлагает на Сергия золотой крест, «как бы в знак обручения святительского сана»[122], и говорит ему: «Ведаешь ли, Преподобный, для чего я теперь призвал тебя и что хочу сделать с тобою?» «Почему могу знать это, господин мой?» – скромно отвечал смиренный Сергий. «Держал я, – говорит Святитель, – Богом врученную мне митрополию, сколько Ему, Господу, было это угодно, теперь вижу, что близок мой конец, не знаю только дня моего скончания. Я желал бы, пока сам жив, найти человека, который мог бы после меня пасти стадо Христово». Тут Митрополит упомянул, что на его место, вероятно, будет назначен Киприан°, но что он совсем не знает этого человека и потому не может спокойно положиться на него. «В тебе вижу я мужа, достойного править слово истины, – продолжал он. – Знаю достоверно, что все – от великодержавного до последнего человека – тебя пожелают иметь своим пастырем. Теперь, заблаговременно, ты почтен будешь саном Епископа, а после исхода моего и престол мой восприимешь».
Глубоко смутило смиренномудрую душу Сергия столь неожиданное предложение старца Святителя; с великим уничижением, даже со скорбию он стал отрекаться от предлагаемой ему чести: сан святительский казался ему бременем не по силам. «Прости мне, владыко святый, – говорил

он, – ты хочешь возложить на меня бремя свыше меры моей, ибо кто я, грешный и худейший паче всех человек? Нет! Ты не найдешь во мне чего ищешь!»

Долго Святитель уговаривал Сергия принять великий сан; он приводил ему примеры из житий святых и убеждал словами Священного Писания, но все было напрасно – смиренный пустыннолюбивый Сергий никак не мог примириться с мыслью о принятии на себя архиерейского сана и наконец решительно сказал своему другу Святителю: «Владыко святый! Если не хочешь ты отгонять моей нищеты от твоей святыни, то не говори больше об этом моей худости, не дозволяй и другим побуждать меня к тому – поверь, что невозможно найти во мне того, чего желаешь ты»[123].

Тогда прозорливый Святитель увидел, что если он еще будет настаивать на своем желании, то заставит Сергия удалиться в какую-нибудь безвестную пустыню, и, опасаясь, чтобы совсем не скрылся светильник, тихим светом озарявший и благодатною теплотою согревавший его паству, переменил разговор. Утешив старца словом отеческой любви, он отпустил его с миром в обитель.

Исполненный глубокого смирения отказ Преподобного Сергия от святительской кафедры всегда останавливал на себе благоговейную мысль писавших о его житии. Соберем здесь уроки духовной мудрости, извлеченные пастырями Церкви из сего поступка Сергиева.

«Кто может изъяснить сию священную распрю? – рассуждает Московский святитель Филарет. – *Духовный же*, по слову Апостола, *востязует убо вся, а сам той ни от единаго востязуется* (1 Кор 2, 15). Мы только знаем от того же Апостола, что *комуждо же дается явление Духа на пользу* (1 Кор. 12, 7): и один дар нельзя переменить на другой по произволу».°

«В этой духовной борьбе, – говорит другой святитель Московский, митрополит Платон, – один старался одержать победу над другим, а сей другой старался одержать победу над самим собою, – и оба остались победителями! – Один дал верх и торжество своему смиренномудрию; другой, уступая изволению Духа Божия, управляющего сердцами праведников, как бы возложил венец славы на смиренного подвижника! Редкая вещь! Чего другие, подстрекаемые честолюбием, всеми мерами ищут, того всемерно отрицается и избегает праведник! Но не позволим себе думать, будто Сергий в сем случае воспротивился званию Божию. Нет, он исполнен был Святаго Духа, Который управлял его душею и располагал ее к тому, чего требовала его добродетель и польза других».°

Третий архипастырь, Херсонский архиепископ Никанор, рассказав сию историю в поучение своим слушателям, с горечью восклицает: «А мы кто? Златоносцы, недостойные быть келейниками у Преподобного, и носим сии златотканые

одежды, и тяготу, и высший долг архиерейства!.. И больно нам за наше недостоинство, когда читаем все это в житии Преподобного Сергия!.. Что же делать? Бежать ли всем в пустыню?» – вопрошает проповедник-святитель. И указав на многих святых Божиих, свято поживших и Богу угодивших в высоком сане и звании, среди богатства и блестящей обстановки, указав на того же Святителя Алексия, который «вот тоже носил золотой крест, камнями дорогими украшенный», заключает, что не во внешности дело, а в смирении, что лучше всего в сем случае следовать заповеди Апостола Христова Павла: *каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал* (1 Кор. 7, 17). Так святой Апостол не только заповедует, но и повелевает по всем церквам[124].

«Великий отец наш Сергий, – говорит святитель Филарет, – как бы в некоторое вознаграждение Православной Церкви за то, что не отдал ей в Епископство самого себя, в обилии возращает под сению своею сынов послушания и разума духовного, которых потом избрание церковное призывает к Епископству»[125].

Чтобы понять, почему Митрополит Алексий так настойчиво желал иметь Преподобного Сергия своим преемником, должно знать, что Великий Князь Дмитрий Иоаннович был увлечен пристрастием к своему любимцу, духовнику и хранителю его великокняжеской печати, Новоспасскому архимандриту *Михаилу°,* и желал его видеть на Московской кафедре. Этот Михаил, или, как его прозвали, *Митяй,* был человек видной наружности, с громкой и чистой речью, хорошо толковал силу книжную, знал все старинные повести, книги и притчи и обо всем рассуждал красноречиво. Но, щедро наделенный дарами Божиими, он плохо помнил, что все это не его, был горд, самонадеян и заносчив.

Великий Князь не раз просил Митрополита Алексия – и сам, и через Серпуховского князя Владимира Андреевича, и через ближних бояр Святителя, – чтобы он благословил Митяя после себя на митрополию. Но Святитель хорошо знал дурные свойства Новоспасского архимандрита и говорил Князю: «Митяй еще недавний монах – надобно ему запастись духовным опытом и потрудиться в монашестве. Если даст Бог и Святейший Патриарх с собором благословит, то пусть будет, а я не могу благословить его». Если бы не это пристрастие Великого Князя к своему духовнику, то и Святителю Алексию не было бы особенной нужды так заботиться о преемнике, потому что еще в 1376 году был посвящен по просьбе Литовских Князей в сан Митрополита Киприан, с тем чтобы по смерти Алексия он стал Всероссийским Митрополитом. А перед волею Патриарха благоговели и Алексий и Сергий. Богомудрый Сергий видел, что принять предлагаемый сан в таких

обстоятельствах значило увеличить церковные смуты или взять на себя тяжкое дело умиротворения этих смут; глубокое смирение старца не приняло на себя и этого подвига. Все, что мог он взять на себя для блага Церкви, он сделал: он убеждал Великого Князя принять Киприана, выставляя на вид вредные последствия разделения митрополии Русской. Но Великий Князь был недоволен Киприаном за то, что он еще при жизни Святителя Алексия, в 1376 году, позволил себе приехать в Москву в звании Митрополита Всероссийского, но, понятно, не был здесь принят и должен был удалиться в Киев, где и жил.
12 февраля 1378 года не стало Святителя Алексия... С его кончиною начинаются скорбные времена для Русской Церкви, до того скорбные и смутные, что некоторые повествователи, излагая историю этого времени и обращая внимание только на внешний ход событий, без надлежащей оценки нравственного характера тогдашних деятелей, обвиняют в корыстолюбии, честолюбии и других человеческих немощах даже таких лиц, которые за свою святую жизнь Самим Богом прославлены и Церковию чтутся в лике святых Божиих... И тем выше, чище и светлее выступает в этот смутный период церковной жизни святая личность смиренного игумена Радонежского, тем важнее то служение, его личное участие в тогдашних событиях, что он дает беспристрастному историку верное руководство для надлежащей нравственной оценки лиц и событий, дает возможность избрать верную точку зрения на того или другого деятеля и сказать слово правды, сколько беспристрастное, столько же и безобидное...
По смерти Святителя Алексия и сам Великий Князь, и многие из знатных людей[126] снова предлагали Преподобному Сергию принять святительский жезл, но Преподобный опять указал на Киприана как законного Архипастыря; а когда Великий Князь не согласился на это, то он указал на Суздальского епископа Дионисия как человека наиболее достойного сего сана[127]. Но Великий Князь опять обратился мыслию к своему любимцу – Новоспасскому архимандриту, и Митяй избран в Митрополиты. Этот гордый человек не хотел даже соблюсти должного приличия в своем положении. Еще не посвященный в сан святителя, он облачался в митрополичью мантию, носил белый клобук и золотой крест с украшенным бисером парамандом, садился на святительскую кафедру и позволял себе подвергать наказаниям не только архимандритов, но и епископов. Он внушил было Великому Князю противную правилам того времени мысль – посвятить его в сан Митрополита в Москве, без участия Вселенского Патриарха. Великий Князь пригласил было уже и епископов для сего посвящения. Но Суздальский епископ Дионисий восстал: «Кто это учит тебя, Государь, переменять церковный закон по своему усмотрению? Не следует быть тому, чего желают от тебя и от нас». Так говорил правдолюбивый Дионисий Великому Князю, и тот отказался от

своего желания. Это раздражило честолюбивого Митяя; он потребовал от Дионисия объяснения, почему тот не являлся к нему на поклон.
– Потому, – отвечал Дионисий, – что я епископ, а ты только священник – не тебе судить меня.
– Да я тебя и попом не оставлю! – гневно закричал Митяй. – Я своими руками спорю твои скрижали!
Зная добрые отношения Дионисия к Преподобному Сергию и подозревая, что они оба против него в заговоре, Митяй пожаловался на Дионисия Великому Князю, будто он хочет ехать в Царьград, чтобы там получить себе сан Митрополита, и Князь посадил Дионисия под стражу. Но Преподобный Сергий взял своего друга на поруки, и Дионисий был освобожден. Через неделю он действительно уехал, сначала к себе в Суздаль, потом – в Нижний, а оттуда поехал в Царьград, куда вызвал его Вселенский Патриарх по церковным делам[128]. Это страшно раздражило честолюбца Митяя против Преподобного Сергия: ему всегда казалось, что Преподобный Сергий действует против него заодно с Дионисием и что именно по совету Сергия покойный Митрополит Алексий не захотел иметь его, Митяя, своим преемником. «Вот вернусь из Царьграда, – хвалился он, – тогда до основания разорю монастырь Сергиев»[129]. Эта похвальба дошла до смиренного сподвижника. «Молю Бога, – сказал на это старец, – чтобы Он не попустил Митяю разорить место сие и изгнать нас без вины. Митяй побежден гордостию; он грозит обители нашей, но сам не получит желаемого и даже не увидит Царьграда».
Между тем в Москву ехал из Киева Митрополит Киприан. Когда Преподобный Сергий имел случай лично познакомиться с этим Святителем – нельзя сказать с точностью. До нас дошли три письма Митрополита Киприана, писанные к «преподобным игуменом Сергию и Феодору», Симоновскому[130], и из первого письма можно заключить, что до 1379 года они не были лично знакомы. Письмо это писано с дороги, из Любутска (ныне село в Калужской губернии), когда Киприан, узнав о кончине Святителя Алексия, ехал в Москву. Вот это письмо.
«Благословение о Святем Дусе, возлюбленным сыном нашего смирения, преподобным игуменом Сергию и Федору. Молюся Богови, да пребываите в спасении душевном с Богом даною вам братьею. Наставляйте их к путем спасеным (спасительным). Слышу о вас и о вашей добродетели, како мирьская вся мудрования преобидите (вменили ни во что), и о единой воли Божией печетеся; и о том велми благодарю Бога и молюся Ему, да сподобит нас видити друг друга и насладитися духовных словес. Буди же вам сведомо: приехал есмь в Любутеск, в четверк, месяца иуня 3 день (1378 г.), а еду к сыну к своему ко Князю к Великому, на Москву. Иду же якоже иногда Иосиф от отца послан к своей братии, мир и благословение нося. Аще неции о мне инако свещают, аз же святитель есмь, а не ратный

(военный) человек; благословением иду, якоже и Господь, посылая ученики Своя на проповедь, учаше их, глаголя: приемляй вас Мене приемлет. Вы же будите готови видитися с нами, где сами погадаете; велми жадаю (жажду) видитися с вами и утешитися духовным утешением. А милость Божиа и Святыа Богородица и мое благословение да будет на вас!»° В ответ на это отеческое послание Преподобные отправили было послов навстречу первосвятителю, но Великий Князь Димитрий велел этих посланцев воротить назад[131]. Из этого письма видно, что Киприан знал о происках Митяя, но, по-видимому, вовсе не ожидал такой встречи, какая ему готовилась в Москве. Он был расположен дружелюбно к Великому Князю и вез с собою несколько священных вещей, чтобы подарить их Князю; но с ним поступили именно «как с Иосифом»: он был схвачен каким-то боярином Никифором, который ограбил Митрополита, осыпал неслыханными ругательствами и насмешками и полуобнаженного, голодного запер под стражу в сырую клеть. На другой день его с бесчестием выпроводили из столицы. Оскорбленный до глубины души Святитель 23 июня остановился где-то неподалеку от Москвы и написал второе послание «честному старцю игумену Сергию и игумену Феодору». Тут он излил всю свою скорбь на эти несправедливости, сильно восставал против незаконных притязаний Митяя и предал отлучению всех принимавших участие в нанесении ему, законному Митрополиту, такого бесчестия и поругания, какого, по его выражению, «не створилося есть ни над единым святителем, како Руская земля стала». «Яз, – пишет он, – Божиим изволением и избранием великаго и святаго собора, и благословлением и ставлением Вселенскаго патриарха поставлен есмь митрополит на всю рускую землю, а вся вселенная ведает (о том); и нынече поехал есмь был со всем чистосердием и з доброхотением к князю великому…»° Рассказав далее о том, что потерпел от Никифора, который обобрал донага не только его, но и всех бывших с ним и выпроводил из города на тощих клячах, «в обротех лычных», без обуви и даже без сорочек, Святитель с горьким упреком жалуется: «Тако ли не обретеся никтоже и на Москве, добра похотети души князя великаго и всей отчине его?.. А аще миряне блюдутся (боятся) Князя, занеже у них жены и дети, стяжания и богатьства, и того не хотят погубити;.. вы же, иже мира отреклися есте,.. и живете единому Богу, како, толику злобу видив, умолчали есте?.. Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте пред цари не стыдяся; аще быша вас послушали, добро бы; аще быша вас убили, и вы святи».° Тут Киприан приводит церковные правила, угрожающие анафемою «купующим и продающим мздою или силою княжескою святительство», а «у вас, говорит, стоить на митрополице месте чернець в манатии святительской и в клобуце, и перемонатка

(параманд) святительская на нем, и посох в руках. И где се бещиние и злое дело слышалося?.. Аще брат мой (св. Алексий) преставилъся, аз езмь святитель на его месте; моя есть митрополия!»° Он свидетельствуется Богом, что его совесть чиста в отношении к Великому Князю, что он всегда отдавал ему должную честь, всегда за него молился, что и в Литве он делал все, что мог, для пользы Великого Князя и Русской митрополии. А польза Церкви требует не разделения, а единства митрополии. Указав далее на то, что никакой Князь не имеет права судить епископа, даже и виновного, без собора и Патриарха, Святитель восклицает: «Слыши небо и земля и вси християне; что створиша надо мною християне!.. И яз колика сила (сколько мог) хотел есмь, чтобы злоба утишилася. То Бог ведает, что любил есмь от чистаго сердца князя великаго Дмитрия, и добра ми было хотети ему и до своего живота... Вы же, честнии старци и игумени, отпишите ми наборзе (поскорее), да угонить мене ваша грамота наборзе, что мудрьствуете (как вы думаете)... А ко Царю-городу еду оборонитися Богом и святым Патриархом, и великим сбором; и тии (враги мои) на куны надеются и на фрязы (генуэзцев, у которых можно было брать «куны» в долг), яз же на Бога и на свою правду...»°
Не приводим вполне этого очень обширного послания, но и сделанных нами выдержек довольно, чтобы видеть, что скорбящий Святитель не имел людей, более Сергия и Феодора близких по духу, пред которыми он мог бы раскрыть все свое горе и облегчить душу излиянием скорбных чувств. И он не ошибся. Из его третьего послания видно, что Преподобные не оставили без ответа его скорбной исповеди. «Елико смирение и повиновение, и любовь имеете к святей Божией Церкви и к нашему смирению, все познал есмь от слов ваших, – пишет Святитель от 18 октября уже из Киева. – А како повинуитеся к нашему смирению, тако крепитеся».° Теперь Киприан уже спокойнее смотрел в будущее, зная свою правоту. «Яз бо славы не ищу, ни богатьства, но митрополию свою, юже ми есть предала святая Божиа Церкви, а смирения (мира) и съединения церковнаго желаю и христианьскаго. А хто нас не въсхотели, потом познають истину. А яз без измены (непременно) еду к Царю-городу. А пред собою вести послал же есмь. А вы, сынове, не тужите; молите же Господа Бога, да сподобить нас видетися, и тогда утешимся веселием духовным и възрадуемся».° Так Святитель Киприан заключает свое третие послание к Преподобным.
Между тем Митяй с большою свитою и дарами отправился в Царьград для посвящения в сан Митрополита. Но над гордым честолюбцем сбылось пророчество смиренного игумена Сергия: во время плавания он вдруг заболел и в виду самого Константинополя скоропостижно умер. «Рассказывали, – говорит летописец, – что корабль, на котором он плыл, во время

его болезни вдруг стал на одном месте без всякой причины; и тогда как другие суда шли взад и вперед беспрепятственно, он, как бы удерживаемый невидимою рукою, не трогался с места, несмотря на попутный ветер и все усилия пловцев. Когда же Митяй умер и был свезен на особом судне в Галату, где и похоронен°, то корабль немедленно тронулся и пошел своим путем»[132].
Преподобный Дионисий, Епископ Суздальский, в это время находился в Царьграде. При расположении к нему Патриарха, который почтил его саном Архиепископа, Дионисий мог бы «после несчастной смерти Митяя испросить себе сан Митрополита. Но он не искал земной чести, а только славы Божией желал»[133]. Нашелся другой искатель высокого сана, – это был архимандрит Пимен, один из спутников Митяя. И без согласия княжеского, обманом и подкупом, он добился того, что был поставлен в сан Митрополита. Когда Великий Князь узнал об этом, то распорядился взять Пимена еще на пути в Москву и послать в заточение, а своему новому духовнику, Преподобному Феодору Симоновскому, приказал ехать в Киев, чтобы звать в Москву Митрополита Киприана. В мае 1381 года Киприан с честию был встречен в Москве. Но в августе 1382 года, во время нашествия Тохтамыша, он имел неосторожность удалиться из Москвы в Тверь, где в то время княжил давний враг Великого Князя Московского – Михаил Александрович. Московский Князь оскорбился и после того не захотел принять к себе Киприана, который вынужден был снова удалиться в Киев. Туда сопровождал его ученик Преподобного Сергия, Преподобный Афанасий Серпуховской. Сохранилось от этого времени еще письмо Киприана, по всей вероятности писанное так же, как и вышеупомянутые три, к Преподобному Сергию, но уже одному, без Феодора. «Буди ти сведомо, сыну, – писал Митрополит, – еду к Царю-городу коньми, на волошьскую землю. Мне не хотелося от своих дети нигде не бывати (расставаться), да что взяти! Хто мене в труд путный вложил в сее время, Господь Бог пакъ да подасть ему (Великому Князю) познати истину. А мне борзо (скоро надо) быти у вас из Царягорода, а лживаго человека и льстиваго (Пимена) Бог объявит. Ты же прележи своей пастве, ведый, яко о них слово въздаси Богови; аще ли кто не послушаеть, о том болши прилежи и учи, веси бо слово Господне, глаголющее: изводять честное от недостоиньства яко уста Моя будеть. Маловременна бо есть жизнь наша, и блажен человек ходяй в заповедех Господних. Отпиши же ми ко мне, дати ми сведомо, како еси (как ты живешь). А Господь Бог да съблюдет вас невређены».°
Так писал Святитель Киприан смиренному пустыннику, так он поверял ему свои скорби и заботы, так и самого его укреплял в подвигах добродетели. Как жаль, что до нас не дошли ответные послания святого игумена, можно судить, как они были дороги и утешительны для скорбящего, гонимого Архипастыря!

На место Киприана в Москву был вызван из заточения Пимен. Но и он был не по сердцу Великому Князю, который послал теперь Преподобного Дионисия, Архиепископа Суздальского, в сопровождении Феодора, племянника Сергиева, в Царьград для поставления в сан Митрополита. Дионисий действительно был поставлен и уже ехал в Москву, но на пути был задержан князем Владимиром Ольгердовичем, и Феодор возвратился в Москву один. Заключенный в Киево-Печерской Лавре, Дионисий скорее успел достигнуть почести небесного звания, нежели воспользоваться почестями нового сана церковного: в 1384 году он там скончался.
Только в конце 1389 года, уже по смерти Великого Князя Димитрия Иоанновича, митрополит Пимен был низложен, а Киприан Патриархом Антонием и соборным деянием в Константинополе был окончательно утвержден Митрополитом Киевским и всея России и в марте следующего, 1390 года прибыл в Москву. Но недолго ему пришлось «утешаться духовным утешением» в собеседовании с великим старцем Радонежским: в сентябре 1391 года сего Богоносного старца не стало![134]

ГЛАВА XV
Печальник Русской Земли

Мир и пустынки. Сергий – печальник родной земли. Мамаево нашествие.
Великий Князь в Троицкой обители. Его беседа со святым игуменом.
Иноки-воины. Пророчество святого старца. Икона и крест. Страх
Рязанского Князя. Утро 8 сентября 1380 года. Просфора и грамота
от святого игумена. Татарский богатырь и русский схимник. Грозная
битва. Молитвенная помощь Преподобного Сергия. Памятная запись
Троицкого инока на 21 сентября 1380 года. Благодарный Великий Князь
в обители Живоначальныя Троицы. Димитриевская суббота.
Обетные монастыри. Нашествие Тохтамыша
(1380 – 1381)

Радуйся, великославный Российский наш заступниче, отче Сергие!
Акаф. 1. Ик. 12
Радуйся, похвало Отечеству твоему.
Ик. Минеи
Радуйся, пособителю крепкий весем христианским, Радуйся, прогонителю страшный полчищем поганским.
Акаф. 2. Ик. 8

«Мир видит в пустынниках людей бесполезных для гражданских обществ, полагая, что он-то с своею волею, он-то с своим умом, он-то с своими шумными уставами и есть единственный благотворитель обществ. Но мир не понимает значения нравственных сил для общества, не знает ни силы молитвы, ни обширности зрения духовного»° – так говорит святитель Филарет Черниговский. «В благочестивых пустынножителях, отрекшихся от мира, – говорит Московский святитель Филарет, – мир не думает видеть деятельных сынов отечества и мужей государственных», он даже презирает, ненавидит их. «Но справедлив ли мир, когда он ненавидит людей, которые, оставляя его на всю жизнь, в то же время на всю жизнь обрекают себя желать ему истинного добра в непрестанных молитвах, – и не только желать, но и самым делом доставлять то, чего желают? Святые подвижники подвигами благочестия и чистыми молитвами отводят от него громы раздраженного неба и низводят на него могущественные и действенные благословения, а мир отвергает сих благодетелей! Если бы мир судил о них хотя бы только по одним временным выгодам, и тогда он отвергал бы в них свою собственную пользу; ибо если он считает их ни к чему неполезными, то ясно, что он не знает собственных выгод»[135]. Эти рассуждения двух соименных святителей наших прекрасно идут к житию Преподобного Сергия: его жизнь еще раз засвидетельствовала возвещенную Апостолом истину, что *благочестие на все полезно есть, обетование имущее живота нынешняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8). «Отказался Преподобный от высокой чести быть Ангелом Церкви Российской, – говорит один благочестивый писатель, – но мог ли он, смиренный Сергий, отказать благоговейно им чтимому и горячо его любившему Архипастырю, Митрополиту Алексию, – духовно отказать в послушании, проведши в оном всю иноческую жизнь свою? Ведь он же говорил некогда, что всякое слово из уст сего Святителя он приемлет, яко из уст Христовых, – как же согласить с сими словами его отречение от сана Архиерейского? Нет, Сергий и тут остался послушен своему духовному другу и отцу; только *на небесах* довершил он сей подвиг послушания, приняв *горе* предложенное ему *долу*, и с тех пор не переставал радеть о пастве, дивно являя свое Святительство… Время общественных действий есть *его* время: когда все уже кажется гибнущим, тогда воздвигается Сергий!»[136] Мысль глубокая и достойная приятия. Но и при жизни своей разве Сергий не действовал для родной земли и для Церкви Божией так, как в древней Руси имели дерзновение и силу действовать только Святители? Никто, как Сергий, не принимал столь живого участия в делах России непрестанными знамениями своего покровительства после своей смерти, но никто, как он же, и при жизни и сам лично, и чрез своих

учеников – никто так не содействовал духовному возрождению и обновлению всей Русской земли, а чрез то и освобождению ее от подчинения и рабства ее диким азиатским ордам. И теперь, воспоминая над его ракою все наше славное минувшее, невольно восклицаешь с приснопамятным великим святителем Филаретом: «братие! Ведь это все *здесь!*»°

Да, великий избранник Божий Сергий дарован Богом земле Русской именно в такое тяжкое время, когда татары заполонили почти все пределы ее, когда междоусобия князей доходили до кровавых побоищ, когда эти усобицы, бесправие, татарские насилия и грубость тогдашних нравов грозили Русскому народу совершенною гибелью. С лишком полтораста лет томилась многострадальная Русь под тяжелым игом татарским. И вот наконец призрел Господь Бог на мольбы Руси Православной – приближался час освобождения, в котором Сергий явился истинным печальником родной земли. «Примером своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее... Преподобный Сергий своею жизнию, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло... помог ему заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаревший их светоч». И вот мы видим, что «народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Знаем только, что Преподобный Сергий благословил на этот подвиг главного вождя Русского ополчения... и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах Преподобного Сергия»[137], под его благодатным воспитанием... Вот как повествует об этом история. Один из гордых ханов татарских, Мамай°, поднялся на Русь со всеми полчищами. Напрасно Великий Князь Димитрий Иоаннович пытался умилостивить его дарами и покорностью – Мамай и слышать не хотел о пощаде. Как ни тяжело было Великому Князю после недавних войн с Литовцами и другими беспокойными соседями° снова готовиться к войне, а делать было нечего: татарские полчища надвигались, подобно грозовой туче, к пределам тогдашней России.

Готовясь выступить в поход, Великий Князь Димитрий Иоаннович счел первым долгом посетить обитель Живоначальныя Троицы, чтобы там поклониться единому Богу, в Троице славимому, и принять напутственное благословение от Преподобного игумена Сергия. Он пригласил с собою брата,

Владимира Андреевича, всех бывших тогда в Москве православных Князей и воевод Русских с отборной дружиной воинской и после Успеньева дня°[138] выехал из Москвы. На другой день они прибыли в Троицкую обитель. Воздав здесь свое смиренное поклонение Господу Сил, Великий Князь сказал святому игумену: «Ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар, и вот они идут на мою отчину, на Русскую землю, разорять святые церкви и губить христианский народ... Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!»

Святой старец успокоил Великого Князя надеждою на Бога, и так как тот спешил в обратный путь, то просил его отслушать Божественную литургию, а по окончании оной пригласил его вместе с другими Князьями и воеводами вкусить хлеба-соли монастырской. Великий Князь отказывался: гонцы один за другим приносили ему известия о приближении Мамая к пределам Русским.

Но любвеобильный старец умолял Димитрия Иоанновича вкусить хлеба у него в трапезе. «Обед сей, – говорил он, – тебе, Великий Княже, будет на пользу».

Дорогой гость согласился, и обрадованный старец в духе предведения сказал ему: «Господь Бог тебе помощник, еще не приспело время тебе самому носить венец этой победы с вечным сном, но многим, без числа многим сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечной памятью».

Между тем Преподобный распорядился приготовить освященную воду и по окончании трапезы окропил ею Великого Князя° и всех бывших с ним Князей, воевод и христолюбивых воинов. Беседуя с Великим Князем, святой старец советовал ему почтить дарами и честию злочестивого Мамая. «Тебе, господине Княже, – говорил он, – следует заботиться и крепко стоять за своих подданных, и душу свою за них положить, и кровь свою пролить, по образу Самого Христа, Который кровь Свою за нас пролил. Но прежде, господине, пойди к ним с правдой и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. Ведь и Василий Великий утолил дарами нечестивого царя Иулиана°, и Господь призрел на смирение Василия и низложил нечестивого Иулиана. И Писание учит нас, что если такие враги хотят от нас чести и славы, дадим им, если хотят злата и сребра, дадим и это, но за имя Христово, за веру Православную нам подобает душу свою положить и кровь свою пролить. И ты, господине, отдай им честь, и злато, и сребро, и Бог не попустит им одолеть нас, Он вознесет тебя, видя твое смирение, и низложит их непреклонную гордыню».

– Все это я уже сделал, – отвечал ему Великий Князь, – но враг мой возносится еще более.

– Если так, – сказал угодник Божий, – то его ожидает конечная гибель, а тебя, Великий Княже, – помощь, милость и слава от Господа. Уповаем на Господа и на Пречистую Богородицу, что Они не оставят тебя.
И, осеняя преклонившегося пред ним Великого Князя святым крестом, Богоносный Сергий воодушевленно произнес: «Иди, господине, небоязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов!» А затем, понизив голос, сказал тихо одному Великому Князю: «Победиши враги твоя».
С сердечным умилением внимал Великий Князь пророческому слову святого игумена, он прослезился от душевного волнения и стал просить себе у Преподобного особого дара в благословение своему воинству и как бы в залог обещанной ему милости Божией.
В то время в обители Живоначальныя Троицы в числе братии, подвизавшейся под руководством Сергия против врагов невидимых, были два инока-боярина – *Александр Пересвет,* бывший боярин Брянский, и *Андрей Ослябя*[139], бывший боярин Любецкий.° Их мужество, храбрость и искусство воинское были еще у всех в свежей памяти: до принятия монашества оба они славились как доблестные воины, храбрые богатыри и люди очень опытные в военном деле. Вот этих-то иноков-богатырей и просил себе в свои полки Великий Князь у Преподобного Сергия: он надеялся, что эти люди, посвятившие себя всецело Богу, своим мужеством могут служить примером для его воинства и тем самым сослужат ему великую службу. И Преподобный Сергий не задумался исполнить просьбу Великого Князя, на вере основанную, он тотчас же повелел Пересвету и Ослябе изготовляться на дело ратное. С радостью приняли доблестные иноки повеление своего любимого старца игумена, а он приказал им в замену лат и шлемов возложить на себя схимы, украшенные изображением креста Христова. «Вот вам, дети мои, оружие нетленное, – говорил при сем Преподобный, – да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!» Поручая их Великому Князю, святой старец сказал ему: «Вот тебе, возлюбленный Княже, мои оруженосцы и послушники, а твои избранники!» А им сказал: «Мир вам, возлюбленные мои о Христе братия! Мужайтесь, яко доблии воины Христовы! Приспело время вашей купли!»°
Благословив крестом и окропив еще раз освященною водою Великого Князя, своих иноков-витязей и всю дружину княжескую, Преподобный Сергий сказал Великому Князю: «Господь Бог да будет твой помощник и заступник, Он победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя!»
Тронутый до глубины души пророчественными речами старца, Великий Князь отвечал ему: «Если Господь и Пресвятая Матерь Его пошлют мне помощь противу врага, то я построю монастырь Пресвятой Богородицы».

Есть предание, что в это время Преподобный Сергий вручил Великому Князю икону Господа Вседержителя, которая и поныне хранится в Московском Симоновом монастыре, близ коего, на Старом Симонове, погребены сподвижники Донского – Пересвет и Ослябя.° Предание говорит, что сюда принесена была эта икона при гробе славного Пересвета после битвы Куликовской. Икона богато украшена золотом, жемчугом и дорогими камнями. Кроме Спасителя, на ней изображены Святитель Николай Чудотворец и святой Кирилл Иерусалимский, а на дверцах киота° – Богоматерь и Предтеча. В подтверждение этого предания можно было бы указать на древний характер письма этой иконы, походный створчатый киот и богатые украшения, приложенные, может быть, впоследствии к иконе, а также и на то, что в обители Преподобного Сергия еще при его жизни занимались иконописанием[140]. Но в недавнее время, именно в 1888 году, в Церковно-Археологический Музей при Киевской Духовной Академии в числе прочих древних вещей был пожертвован деревянный восьмиконечный крест, длиною около полуаршина, в серебряном вызолоченном окладе. На этом окладе ученые любители старины разобрали такую надпись: «Сим крестом благословил Преподобный Игумен Сергий Князя Дмитрия на погана царя Мамая и река: сим побеждай врага. В лето 1380 августа 27 дня». Если этот крест есть действительно благословение Преподобного Сергия Великому Князю Димитрию Иоанновичу, то упомянутый выше складень мог быть просто походною иконою Великого Князя, к которой позднейшее предание приложило имя Преподобного Сергия только потому, что крест был уже утрачен, а предание о вещественном знамении благословения угодника Божия оставалось в памяти потомства[141].
Преподобный Сергий проводил гостей своих до святых ворот обители и, преподав в лице их мир и благословение всему православному воинству, отпустил их с молитвенными благожеланиями.
По возвращении в Москву Великий Князь рассказал Митрополиту Киприану о своем путешествии в Троицкую обитель°, о беседе с великим старцем и о его предсказании. С сердечным участием выслушал Святитель его рассказ и посоветовал ему хранить эту тайну в глубоком молчании, особенно же слова святого старца: «Победиши супостаты твоя», до тех пор, пока событие оправдает прозорливость угодника Божия и Бог благословит дело счастливым успехом.
Между тем быстро пронеслась по лицу Русской земли молва о том, что Великий Князь ходил к Троице и получил благословение и ободрение на брань с Мамаем от великого старца, Радонежского пустынника; светлый луч надежды блеснул в сердцах Русских людей, а те, которые готовы были стать противу Великого Князя Московского заодно с Мамаем,

поколебались... Таков был старый Рязанский Князь Олег, он уже готовился соединиться с Мамаем°, чтобы поживиться на счет Московского Князя, со стороны коего не ожидал большого сопротивления такому сильному врагу, как вдруг получил известие, что Московские силы уже переправились чрез Оку. Это известие так его опечалило, что он стал упрекать своих бояр: «Почему вы не предупредили меня об этом? Как мы теперь будем сноситься с нашим другом-союзником, Литовским Князем Ягайлом Ольгердовичем°? Все пути теперь заняты». Бояре на это сказали ему: «Мы боялись тебе говорить об этом, хотя давно об этом слышали. Говорят, что в отчине Московского Князя есть один инок-подвижник, зовут его Сергием, он имеет от Бога дар пророчества; говорят, что этот инок благословил Московского Князя идти против Мамая». Когда Олег услышал об этом, то очень встревожился: «Что же вы раньше ничего не сказали мне об этом? Тогда я пошел бы к Мамаю навстречу и стал бы умолять его не ходить на сей раз на Москву, и не было бы беды никому тогда». Так высоко ставили благословение Преподобного Сергия даже сами враги Московского Князя. Благословение такого святого старца даже в их глазах считалось уже достаточным ручательством победы Великого Князя Московского. И Олег отложил всякую мысль идти на помощь татарам против Московских полков[142].

Скоро под личным начальством Великого Князя Димитрия Иоанновича и его брата-сподвижника князя Серпуховского Владимира Андреевича° Русские войска достигли Куликова поля (в нынешней Тульской губернии, в Епифанском уезде). 8 сентября 1380 года с раннего утра они стали в боевой порядок между рек Дон и Непрядва, готовые встретить безбожного врага.

В это самое время является перед Великим Князем инок Нектарий[143], посланный с другими братиями от Преподобного Сергия, неся мир и благословение ему и всему Христолюбивому его воинству. Святой старец провидел духом нужду еще раз укрепить мужество Великого Князя перед самою битвою и прислал ему в благословение Богородичную просфору° и своеручную грамотку, конец которой сохранила для потомства одна из наших летописей. Грамотка эта, увещевая Великого Князя сражаться мужественно за дело Божие и пребывать в несомненном уповании, что Бог увенчает их дело счастливым успехом, оканчивалась следующим изречением: «Чтобы ты, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Троица»[144].

Великий Князь прочитал грамотку, вкусил от святой просфоры и, воздев руки, громко произнес молитву из чина Панагии°: «Велико имя Пресвятыя Троицы! Пресвятая Госпоже Богородице, спаси нас! Тоя молитвами, Христе Боже, и за молитвы святых Чудотворцев Петра и Алексия и Преподобного игумена Сергия помогай нам на сопротивные силы и спаси нас!»

Быстро разнеслась по полкам весть о посланцах Сергиевых; в лице их великий печальник Русской земли как бы сам посетил и благословил Русское воинство, и это посещение в такую важную и решительную для всех минуту было сколько неожиданно, столько же и благовременно. Теперь и слабые духом воодушевились мужеством, и каждый воин, ободренный надеждою на молитвы великого старца, бесстрашно шел на битву, готовый положить душу свою за святую веру Православную, за своего Князя любимого, за дорогое свое отечество.

С честию отпустил Великий Князь посланцев Сергиевых и стал на высоком холме. Пред ним стояли стройные, необозримые ряды войск°; легким ветром развевались бесчисленные знамена; на ярком осеннем солнце блестели оружие и доспехи; слышны были громкие восклицания: «Боже, даруй победу Государю нашему!» При мысли, что многие тысячи этих храбрых витязей падут чрез несколько часов как усердные жертвы любви к отечеству, Димитрий Иоаннович в умилении преклонил колена и, простирая руки к золотому образу Спасителя, сиявшему вдали на черном знамени великокняжеском°, в последний раз горячо молился за Христиан и Россию...

Потом он сел на коня, объехал все полки, воодушевляя их и называя воинов «верными товарищами и милыми братьями».

– Готовы головы наши сложить за Христа, и отечество, и за тебя, Великий Княже! – отвечали ему со всех сторон дружины храбрых героев.

Вооружившись железною палицею, Великий Князь выступил из полка вперед, чтобы лично подать пример другим° и собственною особою начать бой. «Мне должно, – говорил он, – общую с вами пить чашу, смерть ли, или живот – едино с вами вкушу!» Но усиленные просьбы всех Русских Князей и воевод не вдаваться без нужды в опасность и щадить свою дорогую жизнь для общей пользы едва удержали его от такого великодушного порыва. На время он покорился их желанию и оставил за собою только общее распоряжение ходом битвы.

Наступил грозный час этой битвы, которая должна была решить участь тогдашней России. Солнце переходит шестую степень дня (12-й час – полдень); лишь небольшое пространство отделяет Русские передовые полки, при которых находился сам Великий Князь, от несметных полчищ татарских°; уже начались небольшие сшибки под начальством какого-то Тулина... В самый полдень оба войска сошлись лицом к лицу при устье реки Непрядвы... Вдруг с татарской стороны выехал вперед богатырь огромного роста, крепкого сложения, страшной наружности, звали его Челибей Тамир Мурза, а родом он был печенег.° Тщеславный своею силою, подобно древнему Голиафу°, грозно потрясал он копьем и вызывал на единоборство кого-либо из Русских витязей... Страшно было

смотреть на этого великана, и Русские думали про себя: «Ах, если бы нашелся кто-нибудь из наших, который бы поразил его!» И хотя было немало среди них храбрых воинов, но никто не решался сам, добровольно, вызваться на такой подвиг. Прошло несколько минут томительного ожидания, и вот из полка Владимира Всеволодовича° выступает один из Сергиевых иноков – его усердный послушник схимонах Александр Пересвет... Пламенея ревностию по вере Христовой и любовию к дорогой родине, он не стерпел поношения от дерзкого татарина всему воинству православному, выехал вперед и, обратившись к Великому Князю и другим Князьям, сказал: «Не смущайтесь этим нисколько: велик Бог наш и велика крепость Его! Гордый татарин не мнит найти среди нас равного себе витязя, но я желаю с ним переведаться, я выхожу против него во имя Господа Сил! Готов воспринять венец царства небесного!»

Вместо брони и шлема Александр облечен был, по завету своего старца игумена Сергия, в схиму ангельского образа; на этой одежде, на челе, на груди и назади, было нашито знамение воина Христова – Господень Крест. Доблестный инок-воин, выходя на единоборство, окропил себя святою водою, заочно простился с отцом своим духовным Сергием, простился с своим собратом Андреем Ослябею, с Великим Князем, со всеми вождями и воинством православным и громко воскликнул: «Отцы и братия! Простите меня, грешного!»

– Бог тебя простит, благословит и молитвами Сергия да поможет тебе! – было ему всеобщим ответом.

Все были тронуты до слез самоотвержением инока, все молили Бога, да поможет ему, как древле Давиду на Голиафа. А он, в одном схимническом одеянии, без лат и шлема, вооруженный тяжеловесным копьем, подобно молнии устремился на своем быстром коне противу страшного татарина... Раздались громкие восклицания с той и другой стороны, оба противника сближаются, ударяют друг друга тяжелыми копьями столь крепко, столь громко и сильно, что, казалось, потряслось самое место их битвы, – и оба богатыря пали мертвыми на землю!.. Тогда-то «закипела битва кровавая, заблестели мечи острые, как молнии, затрещали копья, полилась, – повествует Святитель Димитрий Ростовский[145], – кровь богатырская под седлами, покатились шлемы золоченые под ноги конские, а за шлемами и головы богатырские...»

Не выдержал и Великий Князь, он сошел с коня великокняжеского, отдал его своему любимому боярину (Михаилу Бренку)°, повелел ему вместо себя быть под знаменем, а сам достал бывший у него на персях под одеждою крест с частицами Животворящего Древа°, поцеловал его и ринулся в битву с татарами наравне с простыми воинами...[146]

И много доблестных Русских воинов полегло костьми на поле том. Летописи говорят, что из ста пятидесяти тысяч воинов

вернулось в Москву не более сорока тысяч°; многие воеводы также сложили свои головы° в этом кровавом бою. Но вдвое более побито татар°, и битва окончилась совершенным поражением полчищ Мамая и бегством его самого с поля, усеянного на много верст трупами ордынскими.
Между тем как длилась грозная битва Куликовская, в обители Живоначальныя Троицы святой игумен Сергий собрал всю свою братию и возносил Богу молитвы сердечные за успех великого дела. Телом стоял он на молитве во храме Пресвятыя Троицы, а духом был на поле Куликовом; прозревая очами веры все, что совершалось там, он, как очевидец, поведал предстоявшей братии о постепенных успехах нашего воинства; от времени до времени он называл павших героев по имени, сам приносил за них заупокойные молитвы и повелевал то же делать братии. Наконец он возвестил им совершенное поражение врагов и прославил Бога, побороающего русскому оружию.
Мы имеем основание думать, что этим не ограничились заботы великого печальника земли Русской в тяжкую годину Мамаева нашествия об умиротворении родной земли. Куликовская победа настолько обессилила Русское войско, что ему необходимо было дать отдых, а у Московского Князя, как мы уже видели, тогда было немало врагов и кроме татар. На одной пергаменной рукописи, хранящейся в библиотеке Троицкой Лавры, писанной именно в 1380 году, в тревожные дни борьбы с Мамаем, осталась следующая замечательная приписка:
«В… нощи месяца септебрия в 21 день в пяток на память апостола Кондрата по литургии почата бысть писатися терт 16… Симоновскии приездил. Во тойже день келарь поехал на Резань. Во тойже д., ма: ага чернца увещали. Во тойже день Исакий Андренков приехал к нам. Во тойже день весть приде яко Литва грядуть с Агаряны… во тойже (день) придоша две телезе со множемь скрипеньем в 1 час нощи»[147].
«Вчитываясь в эту запись, – говорит один исследователь старины, – невольно замечаешь в ней набросок для памяти чего-то такого, что казалось автору обильным последствиями, невольно усматриваешь тесную связь между отрывочно намеченными событиями дня…»° Кто этот *Симоновский*? Должно думать, что не кто иной, как Симоновский настоятель, будущий святитель Ростовский, святой Феодор, племянник и ученик Преподобного Сергия. Каким образом приезд святого Феодора мог вызвать отъезд келаря в Рязань?.. Все дело по записи представляется так: святой Феодор приехал после обедни, прямо направился к Преподобному Сергию, о чем-то переговорил с ним. Позвали келаря, дали ему какое-то поручение. Келарь поспешно собрался и отправился в Рязань; за ним или с ним, кажется, обратно выехал святой Феодор, как показывает слово *приездил*, в отличие от слова *приехал*. Приехал позже, уже под вечер, Исакий Андрейков и привез, по-видимому, весть о Литве и Агарянах°; к ночи весть эта

распространилась в неясной форме и заставила испугаться «многого скрипения» двух телег среди ночи. Стало быть, приезд Симоновского настоятеля был по важному и спешному делу, с поручением от кого-то из Москвы. От кого же? Великий Князь в то время стоял с своим победоносным воинством в Коломне, в Москве оставались его супруга и Митрополит Киприан.° Весьма вероятно, что Святитель Киприан при известии о движении Литовцев решился предотвратить столкновение Великого Князя, по крайней мере, с Олегом Рязанским, но, не надеясь на собственный авторитет, как еще только что вступивший на митрополию°, обратился для этого к содействию великого старца Божия Преподобного Сергия чрез посредство своего друга – его племянника святого Феодора. И вот Преподобный Сергий тотчас же посылает в Рязань своего келаря. И не напрасно было это посольство – летопись говорит о раскаянии Олега, хотя и ненадолго; еще сильнее убеждения троицкого келаря подействовали на Рязанских бояр, и Олег, готовый прежде «кому Господь Бог поможет, к тому» и сам «своинственная показати»°[148], стало быть, имевший наготове войско, теперь «отбежа от града своего Рязани и побеже», одинокий, «к Ягаилу, князю Литовскому»[149]. Возможно ли, чтобы Олег, имея близкую помощь от Литвы, испугался 40-тысячного остатка Московской рати, если и сам Донской тщательно избегал всякого повода к столкновению, если одна весть: «Литва грядут» заставляла тогда дрожать Москвичей? Очевидно, Олег боялся не Донского, а того впечатления, которое произвел келарь Сергиев в Рязани. Так вот кому обязана Русь своим спасением и после знаменитой Куликовской битвы, когда ее враги зорко следили за ней, готовые воспользоваться ее ослаблением от великого боя с Мамаем! И тут Преподобный Сергий явился заступником Руси, и тут он предупредил страшное кровопролитие, тем более страшное, что это было бы пролитие родной, братской, русской же крови...

Так можно заключить на основании вышеупомянутой краткой приписки на лаврской рукописи[150].

Возвратясь в Москву и распустив по домам воинов-победителей, Великий Князь Димитрий Иоаннович, прозванный за эту победу *Донским,* со своим братом и сподвижником Владимиром Андреевичем, получившим прозвание *Храброго,* снова прибыл в обитель Живоначальныя Троицы, чтобы воздать благодарение сильному во бранех Господу, лично поведать великому старцу о Богодарованной победе и вместе поблагодарить его за теплые молитвы и за помощь, оказанную его ратниками, от ангельского лика данными.° Радостно было это свидание благоверного Князя со святым старцем! Преподобный встретил его у святых ворот обители со святыми иконами и святою водою и, осенив его крестом, поздравил с победою. Великий Князь поведал старцу о ходе битвы, рассказал и о геройской смерти

доблестного его послушника Александра Пересвета, примолвив: «Если бы, отче святый, твой послушник Пересвет не убил татарина-богатыря, сколь бы многие испили от него чашу смертную! И без этого великое множество христианского воинства избито татарами, помолись о них, честный отче!»[151]
В бытность свою на этот раз в Троицкой обители Великий Князь велел петь панихиды и служить заупокойные литургии° по всем убиенным на Куликовом поле. Это поминовение совершается и теперь ежегодно по всей Православной России под именем *Дмитриевской Субботы,* пред 26-м числом октября (день Ангела Великого Князя Димитрия Иоанновича)°, и, конечно, установлено не без совета с Преподобным Сергием. Может быть, потому-то нигде оно не совершается так торжественно, как в Троицкой Сергиевой Лавре, причем поминаются по имени все главные подвижники сего боя, и в числе их схимонахи Александр Пересвет и Андрей Ослябя.
В это посещение Великий Князь наделил монастырь Сергиев щедрыми дарами, раздал много милостыни народу, который собрался со всех окрестных селений навстречу ему, учредил для Преподобного Сергия и его братии обильную трапезу, в которой и сам принимал участие со всеми своими спутниками, и с радостным духом возвратился в Москву. Впоследствии он исполнил и обет свой: при пособии Преподобного Сергия им был построен Стромынский Успенский монастырь на реке Дубенке, где первым настоятелем был ученик Преподобного Сергия Савва одноокий°; не забыто было и место славной победы над Мамаем – на Куликовом поле тоже был построен монастырь в честь Рождества Богородицы на том месте, где теперь село Монастырщина. В церкви этого села и доселе хранятся как драгоценная святыня простые деревянные царские врата, очень небольшого размера, по преданию, пожертвованные сюда Богоносным Сергием[152].
Не успела Русская земля оправиться от страшных потерь в Куликовскую битву, как явился новый враг – Тохтамыш. Разбив Мамая и овладев престолом в Золотой Орде, он потребовал себе покорности от Русских Князей. Некоторые приняли его послов, но в Москву эти послы не решились идти: татары не забыли еще Куликовского поражения. Тогда Тохтамыш решился разогнать этот страх и двинулся на Москву окольными путями, избегая встречи с Великим Князем, который поспешно собирал войско на Костроме, Переяславле и других городах. 23 августа 1382 года Тохтамыш внезапно появился под Москвой. Защиты не было – Москва пала. Новооснованные монастыри: Чудов, Симонов, Андрониев и другие – были разорены. Можайск, Звенигород, Руза, Боровск, Дмитров были опустошены…
Преподобный Сергий на это время удалился из своей обители в Тверь[153], куда выехал и Митрополит Киприан. Но вражья рука не коснулась пустыни Сергиевой. Тохтамыш так же скоро ушел, как и пришел: Великий Князь заходил ему с тыла…

ГЛАВА XVI
Умиротворитель князей

Любовь Великого Князя Димитрия ко святому старцу. Преподобный
Сергий благословляет новокрещенного «державца» Терновского иконою.
Святой игумен на служении отечеству. Его путешествие в Ростов.
Закрытие церквей в Нижнем Новгороде. Домогательство Тверского Князя.
Олег Рязанский. Сила слова Сергиева. Усиление Москвы. Кончина
Донского и его духовное завещание. Преподобный Сергий – охранитель и споручник самодержавия Русских Государей
(1358 – 1391)

Радуйся, имеяй власть власти тьмы побеждати, Радуйся, начальствующих наставивый богоугодно управляти.
Акаф. 2. Ик. 1

После описанных событий 1380 года обитель Сергиева стала еще более близка сердцу Великого Князя Димитрия Иоанновича. Лишившись в Святителе Алексии отца и благодетеля, он всею душою расположился к смиренному игумену Радонежскому. В нем он нашел мудрого советника и теплого молитвенника, к нему не раз обращался за помощью в делах государственных, его приглашал быть восприемником от купели святого крещения детей своих – Юрия (родившегося 26 ноября 1374 г.) и Петра° (родившегося 1385 г. июня 29)[154]. По смерти Митяя он избрал себе в духовники племянника и ученика Преподобного Сергия – игумена Феодора Симоновского, который крестил и его сына Андрея° (родившегося в 1382 г., августа 14, вероятно Феодор в сем случае заменил Сергия, находившегося в это время в Твери°)[155]. Примеру Великого Князя следовали Серпуховский Князь Владимир Андреевич (Преподобный крестил у него сына Иоанна° в 1381 г.) и некоторые другие удельные Князья и бояре; «мысль, по справедливому замечанию святителя Филарета, достойная мужей, разумеющих силу христианских установлений, – избирать в восприемники испытанного духовного наставника и молитвенника».°
В 1384 году к Великому Князю Димитрию из Пруссии приехал служить «державец» Терновский Воейко Войтегович в сопровождении ста пятидесяти человек Сербов, Болгар и Прусак. Воейко был родом из Болгарии, из города Тернова°; по смерти отца, оставив город Тернов своему брату Фрианду, он переселился сначала в Пруссию, где было также имение его отца, а оттуда прибыл в Россию. По своему вероисповеданию он

принадлежал к Аполлинариевой ереси°; святитель Киприан убедил его принять православную веру, и Великий Князь повелел дяде своему, князю Андрею Ивановичу°, восприять его от святой купели. Священнодействие крещения и миропомазания совершал сам святитель Киприан с прилучившимся тогда в Москве Преподобным Сергием в церкви Архангела Михаила, в Чудовом монастыре, причем Преподобный игумен Сергий благословил новокрещенного Прокопия Воейкова иконою Святителя Николая Чудотворца, а Митрополит Киприан – золотым крестом со святыми мощами, украшенным драгоценными каменьями и жемчугом. Предание это записано в родословной книге рода Воейковых°, а устное предание дополняет, что Преподобный Сергий выразил при этом свою волю, чтобы сия икона передаваема была из рода в род, от отца к сыну, дотоле, пока род Воейковых будет продолжаться по прямой линии, а в случае прекращения рода икона была бы возвращена в обитель его, «если милостию Божиею сия обитель будет существовать до того времени». Переходя из рода в род, благоговейно чтимая икона Святителя Николая наконец дошла до последнего в роде Воейковых – Сергия Феодоровича Воейкова, который, будучи совершенно одиноким, почел долгом совести исполнить завещание Преподобного Сергия и в 1895 году возвратил благословение угодника Божия в его родную обитель. Теперь эта святая икона находится в южном притворе Троицкого собора, где, по преданию, была келлия Преподобного Сергия, и пред нею горит неугасимая лампада. Она покрыта золотою ризою и украшена жемчугом и драгоценными камнями[156].

Смутное, тревожное было то время. Читая летописные сказания, то и дело встречаешь известия, что такой-то князь поехал в Орду добывать себе титул великокняжеский°, другой разорил или совсем отнял удел соседа, третий подговорил Литву или тех же татар идти ратью на Москву... Кровь лилась потоками в этих ссорах и раздорах княжеских, и только мудрое, властное слово Святителей да таких великих подвижников, как Преподобный Сергий, удерживало князей, и то не всегда, от этих гибельных усобиц и кровопролитных войн. Так, есть сведение, что еще в малолетство Донского героя, при жизни Великого Князя Иоанна Иоанновича, в 1358 году, Преподобный Сергий путешествовал в свой родной город Ростов, чтобы уговорить Ростовского князя Константина Васильевича° признать над собою власть Великого Князя Московского[157]. В 1363 году мы видим святого игумена опять путешествующим в Ростов на «богомолие к ростовским чудотворцам»[158]; сопоставляя это путешествие, с одной стороны, с тем, что ходить на богомолие, хотя бы и по святым местам, без особенной нужды и повода, кажется, не было в правилах Преподобного Сергия[159], с другой – с известием летописцев, что Ростовский князь в 1360 году выходил себе в Орде грамоту[160],

чтобы самовольно распоряжаться в своем уделе, думают, что Преподобный Сергий приходил в Ростов не на богомолие только, но имел еще поручение убедить старого Ростовского князя ничего не затевать ко вреду Великого Князя Московского[161]. Действительно, мы видим, что князь Константин обязался после сего быть в совершенной зависимости от Великого Князя Московского[162].
Прошел год, и пустынник – примиритель Князей – снова должен был отправиться в путь, на этот раз уже в Нижний Новгород. Дело было так: по смерти Великого Князя Иоанна Иоанновича°, в 1359 году, Суздальский Князь Димитрий Константинович добыл себе у хана великокняжеский ярлык. Честолюбивый князь вовсе не ожидал, чтобы малолетний князь Московский (Димитрию Иоанновичу было тогда всего 9 лет) решился отбивать у него этот титул. Не видя возможности отстоять права Димитрия Иоанновича своим личным влиянием, мудрый воспитатель юного Князя Святитель Алексий благословил Димитрия Константиновича во Владимирском соборе, но во внимание к пророчественному слову Святителя Петра относительно будущего величия Москвы и по любви к роду Калиты он не согласился перенести митрополичий престол из Москвы во Владимир[163]. Вполне сознавая всю опасность для только что начинавшей тогда слагаться единодержавной власти Московского Князя, Святитель побудил молодого Князя отправиться в Орду, чтобы там дорогими подарками возвратить себе у хана Великое Княжение. Это путешествие увенчалось желанным успехом, и Суздальский князь смирился. Но скоро хан Мурат, утвердивший Димитрия Московского на Великом Княжении°, умер, и Суздальский князь пытался снова овладеть великокняжеским титулом: он занял было Владимир°, но чрез неделю был изгнан оттуда Димитрием Московским. Этот великодушный юноша Князь позволил побежденному сопернику спокойно владеть своим Суздальским уделом и через то так расположил к себе последнего, что когда сын Суздальского князя Василий Димитриевич привез отцу из Орды ярлык на Великое Княжение°, то благоразумный отец отказался от него добровольно в пользу Князя Московского. Спустя два года, в 1366 году, князь Суздальский выдал за Московского Князя Димитрия свою дочь, благочестивую княжну Евдокию, и с того времени стал навсегда верным союзником Великого Князя. Но брат его, Борис Константинович, не захотел признать власти Московского Князя и самовольно захватил у брата Нижний Новгород.° Димитрий Суздальский жаловался на него Московскому Князю. Не желая прибегать к кровопролитию, Великий Князь просил Святителя Алексия послать Преподобного Сергия в Нижний, чтобы вызвать Бориса в Москву. Сергий исполнил послушание, но Борис не послушался его и в Москву не пошел[164]. На увещания Сергия он отвечал, что Князей судит только Бог, что

он знает только хана, который утвердил за ним Нижний Новгород, и больше не желает подчиняться никому. Приходилось смирять гордого князя более строгими мерами. По данной от Митрополита власти Преподобный Сергий затворил все храмы в Нижнем, Богослужение прекратилось. Борис вынужден был покориться, тем более что из Москвы под начальством его брата, Димитрия Суздальского, пришла сильная рать. И Борис вышел навстречу брату с повинною. Это было в 1365 году.
Особенно много хлопотал из-за великокняжеского ярлыка Тверской Князь Михаил Александрович.° Он не раз путешествовал в Орду, не раз нападал на пределы Московские, два раза он поднимал против Великого Князя Димитрия Ольгерда Литовского, который был женат на родной сестре Михаила°; оба раза Ольгерд подступал к самой Москве и опустошал ее окрестности. Чтобы положить конец проискам Тверского Князя, Великий Князь Московский вынужден был опять путешествовать в Орду (1371 г.), где получил новое подтверждение своего великокняжеского достоинства. В это путешествие провожал его до Оки Митрополит Алексий. Думают, что умиротворению Тверского Князя с Московским содействовал своим благодатным словом игумен Радонежский[165].
Другой беспокойный сосед Московского Князя был Олег, Князь Рязанский. Хитрый и вероломный, он не раз нарушал договоры, входил в сношения то с Ольгердом и Тверским Князем, то с Мамаем и Тохтамышем. Великий Князь не раз посылал к нему доверенных лиц с мирными предложениями, но Олег не хотел и слышать о мире. Тогда Великий Князь призвал Преподобного Сергия и лично просил его принять на себя труд убедить упрямого Князя Рязанского к примирению. Позднею осенью 1385 года[166] смиренный старец отправился, по своему обыкновению, пешком в Рязань. Олег уже много слышал о Радонежском игумене – еще пять лет назад он не решился присоединиться к полчищам Мамая только потому, что Московский Князь получил от Преподобного Сергия благословение на битву с Мамаем, – и теперь рад был видеть святого старца своим гостем и благословиться у него. Кроткие увещания Богомудрого Сергия смягчили сердце сурового Князя Рязанского, и он чистосердечно открылся Преподобному в своих замыслах и «взял с Великим Князем Димитрием вечный мир и любовь в род и род»[167]. Этот мир впоследствии скреплен был семейным союзом: сын Олега Феодор взял за себя дочь Великого Князя Софию Димитриевну[168].°
Так, при неусыпном попечении и отеческом руководстве Святителя Алексия и благодаря деятельному участию игумена Радонежского, Преподобного отца нашего Сергия, постепенно возрастала власть Великого Князя Московского, а под ее знаменем стала постепенно объединяться и Русская земля,

обессиленная раздорами удельных Князей. Мало-помалу эти Князья свыклись с мыслию о необходимости подчиниться власти Московского Князя, а в народе пробуждалось сознание нужды сплотиться воедино, дабы общими силами сбросить с себя ненавистное иго татарское. Бог знает, мог ли бы достигнуть какого-нибудь успеха в этом великом деле Великий Князь Московский, предоставленный самому себе, без содействия Церкви в лице таких святых мужей, исполненных духа и силы, каковы были угодники Божии Митрополит Алексий и Богоносный Сергий, игумен Радонежский. Преподобный Сергий присутствовал при кончине и погребении угасшего во цвете лет Великого Князя Димитрия Иоанновича, он умер в 1389 году, 19 мая. В его прекрасном по духу христианскому завещании нельзя не ощущать веяния духа Сергиева. «Вы, дети мои, – говорил благочестивый Князь, – живите заодно, а матери своей слушайтесь во всем... Кому что даст она, то тому и есть; дети мои из воли ее не выйдут... Который сын не станет слушаться матери своей, на том не будет моего благословения... Вот я отхожу к Богу и вас поручаю Богу и матери вашей, под страхом ее будьте всегда... Бойтесь Бога, бояр своих любите, будьте приветливы ко всем своим слугам. А вы, бояре, знаете мой обычай и нрав: я родился у вас на глазах, при вас я возрос, с вами ходил на врагов, с вами свою отчину защищал... Я любил вас и детей ваших, с вами делил и радость и горе... Вспомните, что говорили вы мне всегда: “На службе тебе и детям твоим мы должны сложить и свои головы”. Будьте же верны слову своему, послужите Княгине моей и чадам моим, повеселитесь с ними в их радости, не оставьте их и во время скорби…» Так говорил умирающий Донской герой, а в своей духовной грамоте он навсегда заповедал своим детям и потомству своему, чтобы после отца наследовал великокняжеский престол старший сын его, помимо других лиц, старших в роде, и таким образом установил новый порядок престолонаследия°, не допускавший никаких споров и претензий со стороны братьев усопшего Великого Князя. И вот охранение этого столь важного постановления, которому не только Москва, но и вся Россия навеки обязана укреплением единой самодержавной власти, было вверено Промыслом Божиим не иному кому, как великому печальнику земли Русской Преподобному Сергию! Его драгоценная для нас подпись украшает и скрепляет это великое по своему значению государственное законоположение, которому в 1889 году, мая 19, исполнилось ровно пятьсот лет…[169] «Как не признать, – замечает один внимательный к путям Промысла Божия исследователь, – как не признать в этом особого благоволения Божия к Самодержавию и ко всем верным оному сынам России! Русский народ так и понял это и доселе в лице Преподобного Сергия чтит особенно великого и сильного молитвенника за своего Самодержавного Царя, Его Августейшую Супругу и

старшую Богорасленную ветвь, именуемую, в отличие от всех других, Государем Наследником Цесаревичем»[170].

ГЛАВА XVII
Благодатный старец

Два вида духовного креста. Лучи благодати. Душа после победы над страстями. Заочное приветствие святых. Обличенный в лакомстве
слуга. Благодатный пламень от руки старца. Небесный сослужитель.
Причащение небесным огнем. Небесная Гостья. Ее дивное обетование.
Трепещущий ученик. Радость святых. Сомневающийся грек. Его вразумление. Наказанный обидчик. Святолепный образ святого старца. Наши духовные предки и мы
Радуйся, Духа Святаго обитель...
Ик. Минеи
Радуйся, святыням чистое и непорочное жилище.
Акаф. 1. Ик. 2

Святые отцы строго различают в духовной жизни две степени, два состояния – крест деятельный и крест созерцательный. Первое состояние есть страдный, многоскорбный, узкий путь креста, время подвига, усилий и борьбы с самим собою – с ветхим человеком° и с врагами спасения – миром и диаволом.° Второе состояние есть упокоение сердца в Боге, глубокий мир души, Христовою благодатию победившей страсти, очищенной, просветленной и в таинственном общении с Богом обретшей еще здесь, на земле, залог блаженства небесного. Первый путь есть общий, для всех спасаемых неизбежный; второй – удел только особых избранников благодати, о котором святые отцы не позволяют и мечтать тому, кто не очистил сердца от страстей.° Нам, страстным, никогда не постигнуть своим воистину слепотствующим умом° дивной тайны облагодатствованного состояния души обновленной, освященной, восстановленной в своей первобытной Богоподобной красоте и совершенстве.° Это мир для нас, грешных, сокровенный, мир, в котором действуют свои законы, не подходящие под нашу земную мерку, под мерку нашего ограниченного разумения, и мы можем наблюдать только внешние проявления этого небесного еще на земле, одухотворенного еще во плоти состояния святых Божиих избранников; мы можем благоговейно созерцать только те слабые лучи их светлой, Богоподобной чистоты, которые противу их воли как бы прорываются наружу в их необычных поступках, словах и движениях. Ударяя в наше страстное сердце теплотою благодати, они поражают и смиряют наш ум необычайным для него сиянием иного, высшего порядка вещей и влекут наши души к этим дивным избранникам благодати...

И Преподобный отец наш Сергий прошел общим путем скорбей и подвига крестного°, прежде чем явился тем дивным, благодатным мужем, каким мы видим его во второй половине и особенно в последние годы его жизни. Мы видели его в подвиге и борьбе, в борьбе неустанной, для мира непонятной, но для Христова послушника неизбежной. Победа наконец одержана. Стихли страсти. Убито себялюбие, повержен в прах идол плотоугодия, не смеет подступиться мир со своими соблазнами. «Рубище прикрывало его святое тело, – говорит митрополит Платон, – тесная хижинка была собеседницею в его Богомыслии, и простой жезл подкреплял подвигами добродетели ослабленную плоть. Но его дух был преисполнен обилием благодати, его сердце вкушало те сладости, коих вкус есть вкус манны животной и нетленной°»[171]. В смиренном сердце подвижника тихо сиял неизреченный свет благодати Божией, согревая все его духовное существо. Ему преизобильно сообщены все дары Божии – и дар чудотворений, и дар пророчества, и дар утешения и назидания, совета и разума духовного. Для его духовного взора как бы не существует ни преград вещественных, ни расстояния, ни самого времени – он видит далече отстоящее яко близ сущее, зрит будущее как бы настоящее... Мы уже говорили о том, как прозорливый старец предсказал несбыточность мечтаний гордого Митяя, как он успокоил Великого Князя обетованием победы над Мамаем, как в самый час битвы созерцал он духовными очами то, что совершалось на поле сражения. Вот еще случаи этой дивной прозорливости старца, записанные его преподобным учеником. В 1390 году просветитель Пермии, святой Епископ Стефан°, путешествовал в Москву. Путь его лежал мимо славной обители Сергиевой, всего в десяти верстах от нее, и святому Стефану очень захотелось видеться со святым ее игуменом. Но обстоятельства требовали спешить в столицу, и он решил посетить Преподобного на обратном пути. И вот, поравнявшись с обителью, святой Епископ прочитал *«Достойно есть яко воистинну...»*° и издали поклонился в ту сторону, где стояла обитель Сергиева, проговорив: «Мир тебе, духовный брат мой!» Справедливо говорят, что «сердце сердцу весть подает». Так бывает иногда даже с нами, грешными, а сердца святых Божиих еще более связаны союзом любви и потому еще скорее отзываются на привет любви. Преподобный Сергий сидел за трапезою с братией, вдруг он встает из-за стола и после краткой молитвы делает поклон к западу, тихо промолвив: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою!»

Братия были очень удивлены таким необычайным поступком своего игумена, более опытные старцы поняли, что он имел какое-нибудь видение, и по окончании трапезы спросили его о случившемся. Преподобный не скрыл от них своего духовного видения. «В этот самый час, – сказал он,– Епископ Стефан на

пути в Москву остановился противу нашего монастыря и поклонился Святой Троице и нас, смиренных, благословил». Преподобный Сергий назвал даже место, где это произошло, и некоторые из братии тотчас поспешили туда и еще застали там людей, сопровождавших Святителя Стефана. Троицкие иноки спросили их, как было дело, и, услышав их рассказ, прославили Бога, прославляющего их святого старца даром прозорливости. Памятником сего необычайного взаимного приветствия святых друзей служит и поныне каменная часовня на 11-й версте Московской дороги, с большим деревянным крестом на том месте, где останавливался Святитель Стефан Пермский[172]. А в обители Преподобного Сергия и доселе свято соблюдается, в воспоминание этого заочного свидания святых, такой обычай: во время трапезования, пред последним блюдом, ударяют в колокольчик, братия встают и чередной иеромонах произносит°: «Молитвами Святителя Стефана и Преподобного Сергия, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!» – после чего все садятся оканчивать трапезу.
Вот другой случай прозорливости старца. Серпуховской князь Владимир Андреевич, сын Князя Андрея Радонежского, в отчине которого находилась обитель Сергиева, часто сам посещал Преподобного Сергия, а иногда посылал ему в подарок что-нибудь из житейских потребностей. Раз он послал своего слугу со съестными припасами на утешение братии. Дорогою слуга соблазнился и украдкою что-то съел из посланных князем гостинцев. Вот он является к святому игумену, но прозорливый старец не принимает от него подарков князя. Слуга упрашивает, боясь гнева княжеского, тогда Преподобный говорит ему: «Зачем ты, брат мой, послушался врага? Зачем отведал брашен, которых тебе без благословения не подобало есть?» Обличенный слуга упал в ноги святому старцу и со слезами стал просить у него прощения, сознавая вину свою. Тогда только Преподобный Сергий принял от него гостинцы, простил его и отпустил с миром, поручив передать благоверному князю благодарность за его любовь и благословение от обители Пресвятыя Троицы.
Но не в прозорливости только давала себя видеть благодать Божия, обитавшая в святой душе Радонежского игумена. Для тех, чьи очи духовные были чище, кто сам шел по стопам святого старца в подвигах духовных, – для присных учеников Богоносного Сергия было дано видеть высокое благодатное состояние его души в чувственных образах, и особенно в те священные минуты, когда святая душа старца как бы отрешалась от всего видимого мира и, вся пламенеющая любовию ко Господу, уносилась к Нему всем духовным существом своим. Это были святейшие минуты совершения им Божественной литургии.
Так, когда один из любимых учеников его, Преподобный Исаакий, любитель безмолвия, просил святого старца

благословить его на подвиг совершенного молчания, то он сказал ему: «Если желаешь, чадо, безмолвствовать, то завтра, когда совершим Божественную литургию, стань у северных дверей, и там я благословлю тебя». Старец желал благословить ученика именно после литургии, после приобщения Святых Христовых Таин, когда сам ощущал в себе особенное действие благодати Божией, – желал так потому, что самый подвиг молчания столь высок и столь многотруден со стороны искушений вражеских, что нужно было оградить ученика от этих искушений особенною молитвою.
На другой день, по слову игумена, Исаакий встретил его в назначенном месте; Преподобный Сергий осенил его крестным знамением и сказал: «Господь да исполнит желание твое!»
И вот в самую минуту благословения Исаакий видит, что чудный пламень исходит от руки благодатного старца и объемлет его, Исаакия.
И с той минуты, огражденный молитвами старца, ученик вступил в избранный им подвиг; и если иногда молчальник хотел бы тихо произнести какое-либо слово, и тогда возбраняла ему это молитва Сергиева; и молча пребыл Исаакий до конца дней своих, по слову Божественного Писания: *яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих* (Пс. 37, 14).
В другое время Преподобный Сергий совершал Божественную литургию вместе с братом своим Стефаном и племянником Феодором, уже посвященным тогда в сан пресвитерский. Молчальник Исаакий стоял в церкви. Вдруг он видит в алтаре четвертого, чудного образом мужа, сослужащего сим трем и сияющего необычайным светом, в блистающих ризах... В Малом входе с Евангелием° чудный муж шел вслед за Сергием, и лицо его сияло, как солнце, так что Исаакий не мог даже взирать на него... Это чудное видение разрешило ему уста, и он обратился к стоявшему подле него благоговейному старцу Макарию° с вопросом: «Что это за чудное видение, отче? Кто этот дивный муж?»
Макарий и сам был поражен чудом и отвечал: «Не знаю, чадо, но и меня объемлет страх... Разве не пришел ли какой священнослужитель с князем Владимиром?»
А князь Владимир Андреевич гостил тогда в обители, и тут же, в церкви, стоял его боярин. Иноки спросили его, нет ли священнослужителя с князем? Боярин сказал, что нет. Тогда блаженные ученики Сергиевы уразумели, что с их аввою служит Ангел Божий, ибо «Ангелы любят себе подобных»[173]. Литургия окончилась, и чудный оный муж стал невидим. Оба ученика, удостоенные видения, улучив удобную минуту, наедине спросили Преподобного о его таинственном сослужителе. Смиренный старец сначала уклонялся от объяснений. «Что чудное видели вы, дети мои? – говорил он. – Служил брат мой с сыном своим и с ними я, недостойный, а еще никого с нами не было». Но ученики не переставали

упрашивать его: «Господа ради не скрой от нас, честный отче, ведь мы своими очами видели четвертого, точно Ангела Божия, служившего с тобою». Тогда Преподобный сказал им: «Дети мои любезные! Если уж Сам Господь Бог открыл вам эту тайну, то могу ли я скрыть ее от вас? Тот, кого видели вы, действительно Ангел Господень; и не теперь только, а и всегда, когда я совершаю Божественную литургию, мне, недостойному, бывает такое посещение. Но вы строго храните это в тайне, пока я жив».

А вот и еще неложный свидетель благодатного видения – это блаженный Симон экклесиарх°, муж испытанной добродетели, о котором с похвалою отзывался сам Преподобный Сергий. Однажды, когда святой игумен совершал Божественную литургию, он видел, как небесный огонь сошел на Святые Таины в минуту их освящения°, как этот огонь ходил по святому престолу, озаряя весь алтарь, обвиваясь около святой трапезы° и окружая всего священнодействующего Сергия. А когда Преподобный хотел причаститься Святых Таин, Божественный огонь свился, «как бы некая чудная пелена», и вошел внутрь святого потира.° Таким образом, угодник Божий причастился сего огня «неопально, как древле купина неопально горевшая».°

Ужаснулся Симон от такого видения и в трепете безмолвствовал, но не укрылось от Преподобного, что ученик его сподобился видения. Причастившись Святых Христовых Таин, он отошел от святого престола и спросил Симона: «Чего так устрашился дух твой, чадо мое?»

– Я видел благодать Святаго Духа, действующую с тобою, отче, – отвечал тот.

– Смотри же, никому не говори о том, что ты видел, пока Господь не позовет меня из этой жизни, – заповедал ему смиренный авва.

Долго было бы повествовать, замечает списатель жития Сергиева, о многих других знамениях, в которых по разнообразной потребности утешения и назидания разнообразно являлась пребывавшая с блаженным Сергием благодать Духа Господня, но не должно умолчать еще об одном чудесном видении, которое не только самого Сергия исполнило утешением, но и всех пребывающих в его Лавре не престает исполнять сердечною радостию, надеждою и благодарностию к Господу Богу. «Сама Царица Небесная, ближними Царя царствующих сопровождаемая, нисходила в его святое уединение, чтобы утвердить в его пустыне благословение неба, которое, впоследствии времени, враждебные силы мира, при всем видимом их могуществе, тщетно покушались разрушить»[174]. Вот что поведает об этом посещении Небесной Гостьи преподобный Епифаний.

Однажды в глубокую ночь Преподобный Сергий совершал свое келейное правило и перед иконою Богоматери пел Акафист, что

он делал, по своему обычаю, ежедневно[175]. Часто взирал он на святую икону и усердно молил Матерь Божию о своей обители. «Пречистая Мати Христа моего, – взывал святой старец, – ходатаица, и заступница, и крепкая помощница роду человеческому! Буди и нам, недостойным, ходатаицей, присно моли Сына Твоего и Бога нашего, да призрит Он милостиво на святое место сие, посвященное в похвалу и честь Его святого имени навеки! Тебя, Матерь сладчайшего моего Христа Иисуса, призываем на помощь, рабы Твои, ибо Ты имеешь великое дерзновение у Сына Твоего и Бога! Будь же всем спасительное упокоение и пристанище!»
Так молился Преподобный, его чистое сердце горело благодатным пламенем, его смиренный ум весь погружен был в молитву, и он, как дитя, в простоте души беседовал с Пречистой Материю всех возлюбивших чистым сердцем Ее Божественного Сына.
Окончив молитву, он сел для отдохновения, но вдруг его святая душа ощутила приближение небесного явления, и он сказал своему келейному ученику Преподобному Михею°: «Бодрствуй, чадо, мы будем в сей час иметь чудесное посещение». Едва сказал он это, как послышался голос: «Се, Пречистая грядет!..» Тогда старец встал и поспешно вышел в сени, здесь осиял его свет паче солнечного, и он узрел Преблагословенную Деву, сопровождаемую Апостолами Петром первоверховным и Иоанном девственником – Богословом... Не в силах будучи вынести этого чудного сияния и неизреченной славы Матери Света, Преподобный Сергий пал ниц, но благая Матерь прикоснулась к нему рукою и ободрила его словами благодати. «Не бойся, избранниче Мой, – изрекла Она. – Я пришла посетить тебя, услышана молитва твоя об учениках твоих; не скорби больше и об обители твоей: отныне она будет иметь изобилие во всем, и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоем к Богу. Я неотступна буду от места сего и всегда буду покрывать его...» Сказала так – и стала невидима.
Вострепетал старец от страха и радости, несколько минут он был как бы в восторженном состоянии, а когда пришел в себя, то увидел ученика своего Михея лежащим на полу, как бы умершим; великий наставник мог видеть Царицу Небесную и слышал голос Ее, а ученик, пораженный ужасом, не в состоянии был видеть все и видел только свет небесный...[176]
– Встань, чадо мое, – кротко сказал старец. Михей пришел в чувство, поднялся, но тут же упал к ногам Преподобного Сергия. «Скажи, отче, Господа ради, – говорил он, – что это за чудное видение? Душа моя едва не разделилась от тела».
Но Сергий и сам еще не мог говорить от волнения душевного, только лицо его цвело небесною радостию. «Подожди, чадо, – сказал он ученику, – и моя душа трепещет от этого видения».
Когда, наконец, старец несколько успокоился, то послал Михея пригласить двух благоговейнейших мужей из братии – Исаакия

молчальника и Симона экклесиарха. Те поспешили на зов своего старца игумена, и он рассказал им все, что сейчас было у него в келлии. И все вместе совершили они молебное пение Богоматери, а Преподобный Сергий всю ночь провел без сна, внимая умом Божественному видению, которое было венцом его подвигов еще здесь, на земле. «Не гаданием, не в сонном видении, а наяву видел он Матерь Божию, как видел Ее некогда Преподобный Афанасий Афонский», – замечает при сем летописец[177].
По древнему преданию, записанному в Никоновой летописи[178], это небесное посещение было в пост Рождества Христова°, в ночь с пятницы на субботу и, как думают, в 1384 году[179]; по другому предположению это событие относят к Рождественскому посту 1379 года, указывая на то, что в наступавших летом 1380 года трудных обстоятельствах (нашествие Мамая) сам великий заступник земли Русской Преподобный Сергий имел духовную нужду в особенном подкреплении, и обращают внимание на то, что Преподобный послал на поле Куликово именно *Богородичную* просфору[180]. В благодарное воспоминание сего чудного посещения в обители Преподобного Сергия установлено каждую пятницу, с вечера, совершать всенощное бдение с Акафистом Богоматери в юго-западном притворе Троицкого собора°, на том месте, где, по преданию, стояла келлия Преподобного Сергия и где красуется теперь величественная икона, изображающая это чудное пришествие Небесной Гостьи. А каждую субботу после ранней литургии в церкви Преподобного Никона, в том же притворе, совершается молебное пение во славу Богоматери, причем поется нарочито составленный по образу пасхального канон в воспоминание сего посещения (попеременно с двумя другими канонами).

Рассказав о сем таинственном событии, блаженный Епифаний сообщает два чудесных случая, которые показывают, что та же всемогущая сила Божия, которая обильно действовала чрез святого старца в утешение скорбящих, во исцеление болящих, – она же, когда то было потребно, вразумляла неверующих, наказывала не покоряющихся слову благодати, исходившему из уст Богоносного Сергия. Вот эти случаи.
Прибыл из Царьграда в Москву, вероятно за сбором милостыни, что часто бывало тогда, один епископ и пожелал видеть святого старца в его пустынной обители. Нужно думать, что сюда влекло его только любопытство, потому что в душе он не верил рассказам о дивных подвигах Преподобного и о чудесных знамениях, чрез него бывающих. Может быть, тут замешано было безотчетное чувство превозношения грека пред русским: его ослепленному самолюбию не хотелось верить рассказам о таких подвигах, которые русского инока ставили в ряд древних великих подвижников Греческой Церкви; по крайней мере, вот

как он рассуждал, по словам Епифания: «Может ли быть, чтобы в сих дальних и недавно обращенных к свету Христову странах воссиял такой светильник, которому подивились бы и наши древние отцы?»° Грек, по-видимому, не знал или не хотел знать о подвигах русских Киево-печерских Преподобных отцев°; как бы то ни было, однако же его неверие не было так упорно, чтобы совсем не могло подчиниться смиряющей деснице Божией. Последствия показали, что заблуждения его ума еще не совсем омрачили сердце, способное к смирению.
Епископ уже подходил к обители, как вдруг им овладел непонятный страх, а когда он вошел в ограду монастырскую и впервые взглянул на святого старца, то внезапно поражен был слепотою, так что Преподобный игумен, встретив его, должен был взять его за руку и вести таким образом в свою келлию. Это наказание или, лучше сказать, прикосновение вразумляющей десницы Божией так подействовало на епископа, что он со слезами исповедал пред старцем свое неверие и, сознавая свою вину, просил исцеления. Смиренный Сергий с молитвою прикоснулся к его зеницам – и тотчас же от очей его отпали как бы чешуи, и он прозрел.
Тогда сказал старец смирившемуся епископу с кротким упреком: «Вам, премудрым учителям, подобает учить нас – не высокая мудрствовать и не превозноситься над смиренными; а вы пришли искушать неразумие наше... Какую же вы получите пользу от нас, простых невежд? Но праведный Господь зрит сердца человеческие».
И епископ, прежде колебавшийся сомнением, с того времени стал всех открыто уверять, что нашел в Преподобном Сергии истинного человека Божия и что Господь сподобил его видеть земного ангела и небесного человека. С подобающей его сану честию проводил его Сергий из своей обители, и он возвратился в свое место, прославляя Бога и Его угодника.
Так наказано было горделивое самомнение, а вот какое наказание понесла жадность человеческая.
Один скупой человек, живший близ обители, отнял у своего соседа, круглого сироты, откормленную им свинку, не уплатив за нее денег. Обиженный прибегнул к посредничеству святого старца, на которого все смотрели как на миротворца и судию помышлений человеческих. Милостивая душа – угодник Божий сжалился над бедняком и пригласил к себе обидчика.
– Сын мой, – сказал ему кротко старец, – веришь ли ты, что есть Бог? Знай же, что Он – Судия праведным и грешным, Отец сиротам и вдовицам. Он всегда готов на отмщение неправды людской, и страшно впасть в Его руки... Как же мы не страшимся отнимать чужое, обижать ближнего и творить всякое зло? Ужели мы еще недовольны тем, что дает Он нам по благости Своей, когда засматриваемся на чужое добро? Или ни во что ставим Его долготерпение? Разве не видим мы, как у нас на виду творящие неправду становятся нищими, их домы

пустеют и память о них исчезает навсегда?.. А в будущей жизни их ждет вечное мучение! Отдай же, сын мой, отдай сироте то, что ему следует, и впредь так не делай!
Долго увещевал Преподобный жестокосердого скупца, и тот как будто устыдился своего поступка и даже обещался уплатить обиженному что стоит свинка, но, возвратясь домой, легкомысленный, пожалел денег и не сдержал своего слова. Дело было зимою. Вот он входит в клеть, где хранилась зарезанная им свинка, и с изумлением видит, что все мясо, несмотря на мороз, уже изъедено червями... На него напал такой страх, что он и после долго боялся показаться на глаза святому игумену. Между тем он тогда же уплатил бедняку цену свинки, а испорченное мясо выбросил собакам, но и те не польстились на его лихоимную добычу.

Так восходил от силы в силу, преуспевая в духовном просветлении и приближаясь к Богу, благодатный старец. Сбылось над ним таинственное слово таинственного инока – Ангела, просветившего в детстве его ум к уразумению слова Божия, он стал воистину обителью Пресвятыя Троицы! Сбылось дивное обетование Господа: «*Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его* (Ин. 14, 23), *и Аз возлюблю его* (Ин. 14, 21), *и к нему приидемъ и обитель у него сотворимъ* (Ин. 14, 23)». Справедливо замечает его ученик и списатель жития его, что Сергий был «яко един от древних великих отцев». За свою крепкую веру он удостоился лицезреть камня веры – Петра°, за свою девственную чистоту – девственника и друга Христова Иоанна, а за свое величайшее смирение – смиреннейшую из земнородных°, Владычицу мира Пресвятую Богородицу... С раннего детства и до глубокой старости во всех его действиях мы видим прежде всего два прекрасных свойства его святой души – глубокое смирение и детскую простоту. Эти две добродетели составляют основные черты его нравственного облика, они, так сказать, окрашивают в свой цвет все прочие его добродетели: его благостное ко всем отношение, его голубиное незлобие, все его великие подвиги. В соединении с духовным рассуждением они образуют в нем тот цельный нравственный характер, красота которого невольно влечет к себе человеческое сердце. Когда ближе всматриваешься в святолепный образ° сего старца Божия, каким изображает его жизнеописатель, то сердце переполняется каким-то неземным чувством красоты и душа рвется упасть к стопам угодника Божия! Это чувствовали добрым сердцем еще его современники. «Еще в жизни сей, – говорит святитель Платон, – за святость жития своего он был почти от всех любим, и почитаем, и уважаем более, чем сколько позволяло это его тогдашнее смиренное состояние. А ведь в этой жизни как часто добродетель бывает закрыта, как часто бросают на нее тень и даже преследуют! Если же его добродетель еще в сей жизни

сияла так светло, что ни развращение мира, ни страсти злых, ни слепота гордых не могли помрачить ее, то какова же ее светлость там, где нет ни страстей, ни мрака, где все праведники сияют яко солнце в царствии небесном? (Мф. 13, 43)»[181].

И льется этот тихий свет с высоты небесной на нас, грешных обитателей их земной родины, и пробуждается в душе чувство горького упрека нашей немощи: вот, думается, каковы были наши духовные предки – истинные последователи Христова учения! А мы что?.. Господи, какая пропасть отделяет нас, плотяных, от них – одухотворенных, нас, оземленившихся рабов греха, от них – святых, чистых, свободных граждан горнего Иерусалима! И кто же тому виною, братие-читатели мои?.. Кто, кроме нас же самих?.. Ведь святые Божии такие же люди были, что и мы, тою же плотью были облечены, те же немощи имели, те же скорби несли; значит, и нам никто не помешал бы такими же стать, какими они были, если бы только сами мы того пожелали, – да пожелали всем сердцем, всею душой, всем помышлением своим!

Будем же чаще всматриваться в дивные образы их. О, недаром ведь сказано в Писании: *с преподобным* и сам *преподобен будеши*, с благодатным и сам облагоухаешься ароматом благодати, исходящим от одеяния души его!

ГЛАВА XVIII
Кончина праведника

У тихой пристани. Откровение о кончине. Передача управления Преподобному Никону. Последние заветы старца. Предсмертное
причащение. Блаженная кончина. Благоухание. Вопрос о месте погребения. Решение Святителя Киприана. Глубокая скорбь осиротевших иноков. Утешение им из загробного мира. Молитвенное обращение к Преподобному
(1391)

Радуйся, восшедый на гору превысоку добродетелей Божественных;
Радуйся, яко от твоя удобь возшел еси на гору небесную.
Акаф. 1. Ик. 11

Как корабль, обремененный множеством сокровищ, тихо приближается к доброму пристанищу, так Богоносный Сергий приближался к исходу из сей временной жизни. Вид смерти не страшил его, потому что он готовился к ней подвигами всей своей жизни. Ему было уже за 70 лет; непрестанные труды изнурили его старческие силы, но он никогда не опускал ни одной службы Божией и «чем больше состаревался возрастом, тем больше обновлялся усердием», подавая собою юным поучительный пример.

За полгода до кончины великий подвижник удостоился откровения о времени своего отшествия к Богу. Он созвал к себе братию и в присутствии всех передал управление обителью присному ученику своему, Преподобному Никону, а сам начал безмолвствовать. Наступил сентябрь 1391 года, и Преподобный старец тяжко заболел... Еще раз собрал он вокруг своего смертного ложа всех учеников своих и еще раз простер к ним свое последнее отеческое поучение... Сколько простоты и силы в этом предсмертном поучении умирающего отца иноков! Сколько любви к тем, которых оставляет! Он желает и заповедует, чтобы его духовные дети шли тем же путем к царству небесному, каким шествовал он сам в продолжение всей своей жизни. Прежде всего он учит их пребывать в Православии. «Высокая черта духа Апостольского в преподающем завещание! – замечает один учитель церковный. – Основанием всякого дела, всякого намерения, по учению слова Божия, должна быть вера, без веры угодить Богу невозможно. Но вера должна быть Православная, основанная на учении Апостолов и святых Отцев, чуждая суетного высокомудрствования, которое часто ведет к маловерию и неверию и сбивает с пути спасения. Далее Преподобный завещавает братии хранить единомыслие, блюсти чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, советует удаляться от злых похотей, предписывает умеренность в пище и питии, смирение, страннолюбие (”страннолюбия не забывайте!” – эти слова Апостола, кажется, особенно любил повторять угодник Божий, и мы читаем их на многих древних иконах его, в развернутой хартии начертанные) и единственное стремление к горнему, с презрением суеты житейской».[182] Вот достолюбезный венец добродетелей, которыми украшал себя сам Сергий и которые он, как бесценное сокровище, завещавал своим возлюбленным ученикам! В своей последней, прощальной, беседе умирающий старец со всею силою отеческой любви заботился напечатлеть в детски преданных ему сердцах спасительные правила иноческой жизни; он многое напомнил им из того, что говорил прежде, и наконец заповедал не погребать его в церкви, а положить на общем кладбище, вместе с прочими усопшими отцами и братиями...[183] Безмолвно стояли с поникшими главами скорбящие чада Сергиевы и с болью сердечной внимали последним наставлениям любимого старца. О, как тяжело было им расставаться со своим отцем, под молитвенным кровом которого им так тепло и уютно жилось! Кто без него утешит их в монашеской скорби так, как он умел утешать? Кто понесет их немощи так, как носил любвеобильный их авва? Кто с такою горячею любовью будет пещись о спасении душ их? Нежнее матери был для них Сергий, и кто же в состоянии его заменить? Особенно грустно было им слышать последнюю волю своего смиренного игумена относительно места его последнего покоя.

Один вид могилы его в храме Божием, среди собора молящихся братий, мог бы служить для них некоторым утешением. «Нет, он не покинул нас – духом он с нами, вот и залог его незримого присутствия между нас, вот тут покоится его многотрудное тело» – так могли бы утешать себя осиротевшие дети. Но старец не желал быть погребенным в храме, и ученики лишались сего утешения... Не хотели они огорчать его смирения своим противоречием, а может быть и боялись, чтобы это противоречие не побудило старца сделать более строгое (например, с заклятием°, как делали некоторые подвижники) распоряжение относительно места его погребения, и вот всякое слово замирало невольно на их дрожащих устах...
А старец между тем с любовью смотрел на них; он видел их горе сердечное и тихим, изнемогающим голосом утешал их: «Не скорбите, чада мои! Я отхожу к Богу, меня призывающему, и вас поручаю Всемогущему Господу и Пречистой Его Матери; Она будет вам прибежищем и стеною от стрел вражиих!»
Перед самым исходом души своей старец пожелал в последний раз приобщиться пречистого Тела и Крови Христовой. Руки учеников поддерживали его ослабевшие члены; с помощью их он приподнялся со своей убогой постели, чтобы встретить грядущего во святых Тайнах Господа°; с глубоким благоговением вкусил он от Чаши Христовой и в изнеможении опустился на смертное ложе...
Весь исполненный благодатного утешения, он возвел горе свои слезящие от радости очи и еще раз, при помощи учеников, простер к Богу свои преподобные руки... «Господи, в руце Твои предаю дух мой!» – тихо произнес святой старец[184] и в дыхании сей молитвы отошел чистою своею душею ко Господу, Которого от юности возлюбил...
Это было 25 сентября 1391 года[185]. Лишь только Преподобный Сергий испустил последний вздох, несказанное благоухание разлилось по его келлии... Лицо усопшего праведника сияло небесным блаженством, и смерть не посмела наложить свою мрачную печать на святолепный лик новопреставленного старца Божия...
Немедленно старшие из братии отправились в Москву со скорбною вестью к Митрополиту Киприану. Они сообщили ему как завещание старца о месте погребения, так и усердное желание всей братии положить его в церкви Пресвятыя Троицы, им самим созданной, и просили его архипастырского о том распоряжения. И Святитель не затруднился благословить их на погребение смиренного игумена в церкви, хотя сам он не желал того. И вот, с горькими слезами и рыданиями, которые заглушали псалмопения°, братия понесли честное и многотрудное тело своего великого отца и наставника в храм Живоначальныя Троицы... Весть о его преставлении привлекла в обитель множество народа не только из окрестных селений, но и из ближайших городов; каждому хотелось приблизиться и

прикоснуться если не к самому телу Богоносного старца, то по крайней мере ко гробу его или же взять себе на память и на благословение что-нибудь из его одежды и келейных вещей. Тут были и Князья, и бояре, и почтенные старцы игумены, и честные иереи столицы, и множество иноков, – кто со свечами, кто с кадилами и святыми иконами провожая святые останки блаженного старца к месту последнего их упокоения. И похоронили его у правого клироса в церкви Пресвятыя Троицы.
Трогательными чертами изображает скорбь осиротевших учеников Сергиевых блаженный списатель жития его, сам свидетель и участник этой скорби. «Все сетовали, – говорит он, – все плакали, воздыхали, ходили с поникшей головой... Встречаясь друг с другом, братия обливались слезами и в умилении скорбящего сердца изливали друг перед другом свои печальные чувства. «Прости, отче, благослови, возлюбленный о Господе брате! – так говорили они. – Вот добрый и блаженный старец наш покинул нас, ко Господу отошел, сиротами оставил нас... Он ушел туда, где ждет его великая награда и воздаяние за все его труды и подвиги, ушел с миром ко Господу, Которого возлюбил!.. Он уснул сном вечным и почил от трудов своих, а мы осиротели, мы вот оплакиваем его, нет его больше с нами, остались мы как овцы без пастыря, как корабль без кормчего, сад без сторожа, больной без врача!.. О, горе нам, бедным, сиротам безутешным!»[186]

И в горести души своей часто приходили они на могилу старца и здесь в слезной молитве припадали к его мощам святым и беседовали с ним как бы с живым, поверяя ему скорбь свою... «О святче Божий, угодниче Спасов, избранниче Христов! – говорили они. – О священная главо, преблаженный авво Сергие великий! Не забуди нас, убогих рабов твоих, не забуди нас, сирот своих; поминай нас всегда во святых твоих и благоприятных молитвах ко Господу, поминай стадо, тобою собранное, молись за нас, отче священный, за детей твоих; ты имеешь дерзновение у Царя Небесного – не премолчи же, вопия за нас ко Господу! Тебе дана благодать за нас молитися... Мы не считаем тебя умершим, – нет, хотя телом ты и преставился от нас, но дух твой с нами, не отступай же от нас, пастырь наш добрый!»[187]

Так оплакивали святые ученики святого старца, так крепко веровали они в его благодатное сопребывание духом с ними. И по вере их угодник Божий не оставлял их без утешения; так, однажды благочестивый инок Игнатий видел наяву во время всенощного бдения, что Преподобный Сергий стоит на своем месте игуменском и поет вместе с братией. Это видение было как бы ответом любвеобильного старца своим присным ученикам из загробного мира, ответом на их сердечный молитвенный плач над гробом его... И поныне слышится этот трогательный плач у гроба Сергиева – каждый раз после молебного пения.°

И много говорит этот плач душе богомольца, и каждый внимательный читатель жития Сергиева не может не согласиться с блаженным Епифанием, который говорит: «Покажите мне жизнеописания древних прославленных угодников Божиих, и мы увидим, что воистину ничем не уступал Сергий божественным мужам, в древности просиявшим, ибо и сам он был великим подвижником на пути к царствию небесному и пустыню населил добродетельными иноками. Похваляем его не потому, как будто он требует от нас похвал, – нет, мы только просим, чтобы помолился за нас сей истинный подражатель Христов!»°

Заключим наше сказание о житии и подвигах Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия словами святителя Платона, обращенными к самому угоднику Божию: «Святый муж, ныне и присно нами прославляемый! …*Скончався вмале*, ты исполнил *лета долга* (Прем. 4, 13). Се уже около четырехсот (теперь уже пятисот) лет как Церковь празднует память твою: но пройдут и тысячи лет, а имя твое останется незабвенно. Да хотя б и люди до такого дошли развращения, что имя твое предали бы забвению, но оно у Бога вечно, в блаженной вечности записано в книгах животных° и из оных никогда не будет изгладимо… Хотя б чудесные силы, от тебя текущие, по судьбам Божиим, и иссякли, но истина Евангельская пребывает во веки, а она говорит: *не радуйтеся, яко дуси вам повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10, 20)»[188].

ГЛАВА XIX
Ученики Сергиевы в родной обители

Первые сподвижники. Архимандрит-келейник. Молчальник. Келарь. Экклесиарх. Воины-иноки. Добрый рачитель послушания.
Духовный плод сего подвига. Никон-игумен. Нашествие Едигея.

Открытие святых мощей Преподобного Сергия. Троицкий собор.
Кончина преподобного Никона
(1391 – 1428)

Радуйся, иноком наставниче предивный.
Акаф.1. Ик. 7
Радуйся, предводителю добрый в путь спасения текущим…
Акаф. 2. Ик. 8

В пророческом видении Преподобному Сергию показаны были прекрасные птицы, во множестве летавшие в стенах его обители и вокруг нее. Под руководством великого наставника действительно образовались дивные ученики. Одни из них до гроба подвизались в родной обители, другие, по внутреннему влечению благодати Божией или за послушание к своему

великому авве, вышли из нее, чтобы основать новые обители в разных местах. Скажем кратко сначала о первых.

Первыми сподвижниками Преподобного Сергия в его тяжелой отшельнической жизни, как известно из предшествующего рассказа, были:

1. *Василий Сухой.*
2. *Онисим.*
3. *Елисей, сын Онисима.*
4. *Иаков*, прозванием *Якута* [189].

Позднее пришли под его благодатный кров:

5. Архимандрит *Симон*, променявший власть на звание послушника Сергиева и за то удостоившийся быть участником видения Преподобного о судьбе его учеников.
6. *Михей*. Это был любимый келейник Преподобного Сергия, «возливавший, по выражению Епифания, воду на руце его». Под руководством великого старца он взошел на высокую степень духовного совершенства, как сие особенно видно из того, что он один из всех сподвижников Сергиевых удостоился видеть Матерь Божию, посетившую своего избранника. Кроткий ученик почил в 1385 году, мая 6. Мощи его почивают под спудом в небольшой церкви, устроенной в честь явления Богоматери Преподобному Сергию, свидетелем коего (видения) удостоился быть Преподобный *Михей*[190].
7. *Исакий Молчальник.*. Преподобный Сергий желал поставить его строителем новооснованной обители на Киржаче, но любитель безмолвия упросил старца благословить его на подвиг молчания. По отзыву летописца, преподобный Исаакий отличался незлобием, необыкновенною кротостию и послушанием, любил читать Священное Писание и, смиряя тело свое строгим постом, стяжал благодатный дар слез[191]. Он удостоился видеть Ангела, сослужившего Преподобному Сергию, скончался зимою 1388 года, за три года до кончины своего блаженного наставника, и погребен близ Троицкого собора, к востоку.
8. *Макарий,* соучастник Исаакия в видении Ангела.
9. Келарь *Илия*, «старец добрый и послушливый» [192], скончался 1384 года на Троицкой неделе.
10. Экклесиарх, *Симон* видевший благодатный огонь, коим причащался Преподобный Сергий. О нем с похвалою отзывался сам Преподобный.
11. *Игнатий*, вскоре после смерти Преподобного Сергия удостоившийся видеть его стоящим в церкви на своем месте и поющим с братией.

12 и 13. *Варфоломей* и *Наум*, известные по явлению Преподобного Сергия во время осады Лавры[193].

14. *Александр Пересвет* и
15. *Андрей Ослябя*, названные в древних рукописных святцах° преподобномучениками[194].

16. *Иоанникий*, не упоминаемый в житии, но изображенный на древней иконе вместе с другими учениками Преподобного Сергия.
17. *Епифаний Премудрый*, также изображен купно с своим наставником и прочими его учениками на иконе Троицкого собора. Епифаний впоследствии был духовником в обители Сергиевой и оставил нам описание жития своего великого старца. Это был человек образованный для своего времени, много путешествовавший по святым местам и написавший, кроме жития Преподобного Сергия, похвальное ему слово, житие и похвальное слово в честь Святителя Стефана Пермского, с которым он вместе жил в молодости своей в Ростове, в монастыре Григория Богослова, именуемом Затвор° [195].
18. *Никон*, подобно Михею, удостоившийся сожития в одной келлии с святым старцем и бывший потом его преемником по игуменству. Древний жизнеописатель, говоря о его строгоподвижнической жизни, выражается, что его имя «яко священие некое обношашеся» еще во время его земной жизни. Имя сего ученика Сергиева так тесно связано с историей обители Сергиевой в первое время по кончине ее основателя, что о нем следует сказать подробнее, чем о прочих учениках великого старца. Никон был продолжателем дела Сергиева в его обители, и, как видно из жития его, отошедший ко Господу наставник не переставал и по кончине своей благодатно руководить своего достойного ученика.°
Родиною Преподобного Никона (родился в 1355 г.) был город Юрьев Польской, не в дальнем расстоянии от обители Сергиевой. В ранней молодости слышал он о равноангельной жизни святого старца и пожелал видеть его и последовать по его стопам. И вот приходит он в обитель Пресвятыя Троицы и просит Сергия принять его в число своих учеников. Но случилось то, чего, конечно, не ожидал проситель: Сергий не принял в Лавру своего будущего преемника. «Дела святых, – замечает по сему случаю святитель Филарет, – и в малом велики, и в виде недоразумений премудры. Точно так же некогда поступил Евфимий Великий с Саввою Освященным°, когда сей пришел в его Лавру° в юном возрасте, и отослал его в подчиненный монастырь к Преподобному Феоктисту.° Несообразным находил он причислить к собору старейших иноков юношу, который требовал иногда отдельнаго руководства. Так, вероятно, рассуждал и Преподобный Сергий о юном Никоне. А может быть, провидя его особенные достоинства, старец пожелал поставить его в неожиданный подвиг послушания и смирения, и вместе с тем хотел, чтобы тот, кому суждено – младшему – начальствовать над старейшими подвижниками Лавры, явился к ним, по крайней мере, не юношею, а уже пресвитером. Как бы то ни было, авва

послал юношу к ученику своему Афанасию, в Высоцкий монастырь, что в городе Серпухове.°
Нелегко было юному Никону понести это испытание его послушания. Святость и мудрость Сергия он знал, в Сергии он надеялся найти себе совершенного руководителя. Афанасия, по всей вероятности, Никон не знал и не мог иметь к нему такой веры, какую имел к Сергию. Кто в подобных обстоятельствах не поколебался бы? Но Никон не прекословил. Он согласился быть в удалении от Сергия, чтобы исполнить подвиг послушания Сергию, согласился быть учеником ученика, чтобы достигнуть большего смирения. Зато впоследствии никто не пользовался такою близостью к Сергию, как он, из послушания удалившийся от него! Таков жребий беспрекословного послушника!» – замечает святитель Московский Филарет[196].
И Афанасий не без испытания принял Никона. Он устрашал его трудностями монашеского жития, но, видя его твердую решимость на все, наконец принял и облек в ангельский образ. Никон отдал себя руководству Афанасия как бы самого Сергия и за то скоро почтен был саном священства. Афанасий любил Никона, как сына, но душа Никона стремилась в пустыню великого Сергия. Года через два после прибытия к Афанасию Никон стал просить своего наставника отпустить его к Сергию, и Афанасий охотно согласился. Старец с радостию встретил Никона и уже навсегда оставил в своей обители. Здесь он сначала проходил келарское послушание, а потом старец взял его в свою келлию. В этой убогой келлии Никон нашел для себя и высшее училище духовного любомудрия в беседах Богомудрого Сергия, и новое поощрение к подвигам в близком примере святого старца, и ограждение от искушений в его прозорливом руководстве, и подкрепление против немощей в его сильной молитве, и райское утешение в общении сей молитвы. Любящее сердце Сергия было для Никона отверстою дверью, откуда исходил к нему благодатный свет и мир; верное сердце Никона было также отверстою дверью для открытия Сергию помыслов° и душевных движений, дабы никакое сомнение или смущение не уменьшило чистоты совести. Так почил на Никоне дух Сергия, и Сергий в последние годы сложил на Никона часть своих забот о братии, а потом, за шесть месяцев до кончины, и совсем передал Никону начальство над своею Лаврою.
«Кто мог наполнить безмерную пустоту, оставленную в Лавре кончиною Преподобного Сергия? – вопрошает святитель Филарет и отвечает: – По крайней мере, никто лучше Преподобного Никона не мог уменьшить чувства сего лишения.»° Между прочим он положил себе за непременное правило, во-первых, в точности и с любовию выполнять все то, что учредил и заповедал святой основатель обители, и, во-вторых, был первым на общих братских трудах. Он часто предлагал братии поучения в церкви, и его слово дышало

отеческою любовию и духовною мудростию. Кротостию в обращении, заботливым управлением и отеческими советами он не только приобрел любовь и уважение всей братии, но и далеко за ограду обители распространились о нем благоговейное мнение и слава. Но эта слава очень тяготила его и устрашала. От своего великого наставника Сергия он научился только поневоле, ради блага других, начальствовать, а по влечению собственной души – уединяться и безмолвствовать. И вот от молвы дел начальнических он удалился в особую келлию, а как братия много скорбели о том, то он предоставил им избрать другого игумена. Избран был Савва, бывший дотоле братским духовником, но через шесть лет и тот оставил начальствование в обители Сергиевой и по просьбе Звенигородского князя Юрия Димитриевича° удалился в его удел, чтобы там основать новую обитель – «на Сторожах».° Тогда братия слезными молениями убедили Преподобного Никона снова принять на себя труды управления, и Преподобный, из любви к братии, уступил их желанию, но с условием, чтобы ему не препятствовали известную часть дня посвящать богомыслию и слезной молитве.

Великий Сергий шел путем жестким, путем крайних лишений по своей доброй воле. Ученикам его пришлось идти путем нужд и лишений поневоле. В ноябре 1408 года к Москве подступил свирепый Едигей.° Преподобный Никон молил Господа о защите обители и призывал на помощь своего наставника, дабы не погибли плоды трудов его пустынных. Раз после долгой ночной молитвы сел он для отдыха и задремал. Вдруг явились ему Святители Петр и Алексий и с ними Преподобный Сергий. «Так угодно судьбам Божиим, – сказал Сергий, – чтобы нашествие иноплеменных коснулось сего места. Но ты, чадо, не скорби, не смущайся: искушение будет непродолжительно, и обитель не запустеет, а распространится еще более». Преподав мир°, святые стали невидимы. Преподобный Никон пришел в себя, поспешил к дверям келлии и нашел их запертыми. Он отпер и вышел и увидел святых, идущих от его келлии к церкви, чем и удостоверился, что это был не простой сон, а истинное видение.

Предсказание исполнилось. Обитель сожжена. Предупрежденные небесным известием, Преподобный Никон и братия временно удалились из нее и сберегли от расхищения некоторые святыни, книги и келейные вещи Преподобного Сергия. 20 декабря, в день памяти Святителя Петра, Едигей отступил от Москвы и скрылся в степях. Никон и братия возвратились на пепелище обители, которая через три года была обстроена вся заново, кроме церкви. Место, где погребен был Преподобный Сергий и где ныне стоит Троицкий собор, Преподобный Никон сберегал для будущего каменного храма[197], почему деревянный храм и был построен на том месте, где теперь церковь Сошествия Святаго Духа. Этот храм был

освящен в 1412 году, 25 сентября, в день памяти Преподобного Сергия[198]. И достойные видели, как Святитель Алексий с Преподобным Сергием приходили освящать новые здания обители[199].
Преподобный Никон пользовался любовию и уважением князей: в 1401 году он крестил сына Дмитрия у князя Кашинского Василия Михайловича°; в 1410 году, по просьбе Серпуховского князя Владимира Андреевича, он свидетельствовал его духовное завещание; Великий Князь Василий Димитриевич дал на его имя несколько жалованных грамот обители°, которая при Никоне приобрела несколько земель – частью вкладами, частью покупкою. Но всего более заботился Преподобный об устроении душевного спасения себе и другим. Под его руководством братия усердно занималась списыванием Богослужебных и отеческих книг.
Сладостнейшею наградою Никону за его труды для обители было открытие святых мощей великого учителя – Преподобного Сергия. Это совершилось при копании рвов для каменного храма Пресвятыя Троицы. Незадолго пред тем Преподобный Сергий сам повелел в видении одному благочестивому мужу, жившему близ обители, возвестить игумену и братии: «Вскую мя остависте толико время во гробе, землею покровена, воде, утесняющей тело мое?» [200] И вот 5 июля 1422 года в присутствии крестного сына Сергиева, князя Звенигородского Юрия Димитриевича, Преподобный Никон изнес из земли нетленные мощи отца своего и временно поставил их в деревянном храме. С благоговейною любовию и усердными молитвами созидался и украшался каменный храм как место покоя для мощей великого Сергия, которые и были перенесены в него по освящении храма. Над украшением сего святилища потрудились преподобные иконописцы Даниил и Андрей Рублев°, вызванные для сего из обители Преподобного Андроника. И доныне стоит этот храм Никонова строения, непотрясаемый веками, освящая и ныне молящихся в нем. И до сих пор красуется в нем чудотворный образ Пресвятыя Троицы, написанный преподобным Андреем.°
Преподобный Никон скончался на семьдесят третьем году своей жизни. Почувствовав приближение кончины, он призвал братию и дал ей последние наставления, в которых как бы слышалось завещание великого Сергия. Никон завещал братии строго соблюдать чин молитвы дневной и ночной, не часто выходить из обители, быть мужественными в искушениях, повиноваться начальствующим, любить труд и безмолвие и ни одного бедного пришельца не отпускать с пустыми руками. Наконец, приобщившись святых Христовых Таин, уже в крайнем изнеможении умирающий старец благословил каждого и сказал: «Отнесите же меня в светлую храмину, уготованную мне молитвами отца моего, не хочу более здесь оставаться!» Видно, в откровении ему был показан блаженный

покой, ему уготованный, хотя смиренный подвижник никому о том ясно не говорил. «Изыди, душе моя, – тихо промолвил он наконец, – идеже ти уготовано пребывалище°; пойди радующися, Христос зовет тя!» И, оградив себя крестным знамением, мирно почил о Господе 17 ноября 1428 года[201].
Его святое тело положено близ мощей Преподобного Сергия°, и Богу, дивному во святых Своих, угодно было, чтобы это служило не только памятником их взаимной близости в жизни временной, но и знамением их взаимного общения в жизни вечной, ибо любовь святых, как любовь Божественная, не подлежит закону времени. Неоднократно Сергий и Никон оба вместе являлись и вместе чудодействовали...

ГЛАВА XX
Ученики и собеседники Сергиевы в своих обителях

В Костромских пределах. На Обноре и Нурме. В Москве и на Пешноше.
На Белом озере. В Серпухове. На Дубне. В пределах Вологодских
и тверских. В пределах Калужских и Звенигородских. Опять в Костромских.
Собеседники в Вологде, на Махре, в пределах Ростовских, Суздальских и Пермских.
Отдаленные отголоски преданий и неясные следы. Звезды полунощных стран
(1345 – XV ст.)
Радуйся, светильниче многосветлый, возведый ко Христу монахов множества.
Ик. Минеи
Радуйся, прохождением своим в пустынях многия обители насадивый.
Акаф. 2. Ик. 11

Учениками и духовными друзьями Преподобного Сергия основано до сорока монастырей; из них, в свою очередь, вышли основатели еще до пятидесяти монастырей, так что духовное потомство великого Радонежского подвижника распространилось по всей северо-восточной Руси, повсюду зажигая благодатный огонек духовной жизни и разливая свет просвещения христианского. В настоящем очерке мы не можем представить полной картины распространения монашества из обители Сергиевой[202] и ограничимся здесь краткими сведениями об учениках и собеседниках Преподобного Сергия, основавших свои обители и имевших к нему личные отношения.
1. Одним из первых учеников и постриженцев Преподобного Сергия был Преподобный *Авраамий Галицкий*, называемый в наших месяцесловах также *Городецким* и *Чухломским*[203]. Судя

по тому, что он, по свидетельству рукописного жития, скончался 20 июля 1375 года в глубокой старости, надо полагать, что он был летами много старше Преподобного Сергия, которому в это время было только 56 лет. В обители Радонежской Авраамий трудился в хлебне и поварне, носил дрова и воду для братии, а потом был удостоен сана пресвитерского. Желая высшего подвига, он испросил у великого старца благословения и удалился в дикую тогда страну Галицкую.° Здесь, на одной горе близ Галицкого озера, он обрел чудотворную икону Богоматери «Умиление сердец»° и поставил себе часовню и келлию. Когда его убежище стало известно Галицкому князю Димитрию Феодоровичу°, он принес, по просьбе сего князя, обретенную им святыню в Галич, куда прибыл по озеру в рыбачьей лодке. Народное предание говорит, что там, где плыл Преподобный, еще и теперь видна струя, отличающаяся от прочих и называемая Авраамиевою[204]. В Галиче от святой иконы было много чудес, почему усердный князь дал средства Преподобному построить на месте явления сей иконы монастырь в честь *Успения Пресвятой Богородицы°* [205], а самого Авраамия убедил быть игуменом сей обители. Много потрудился здесь святой игумен над обращением дикого племени Чудского к Христовой вере, и Матерь Божия видимо помогала ему в том обильными чудесами от святой Своей иконы. Когда обитель стала очень многолюдна, Преподобный удалился верст за семьдесят; ученики нашли его и здесь, и скоро основана была другая обитель – *Положения пояса Богоматери°* (ныне село Озерки). Затем Авраамий удалился на реку Вига° и основал там монастырь во имя *Собора Богоматери*.° Наконец он ушел и отсюда и в двадцати верстах от Вигской обители построил четвертую обитель – в честь *Покрова Пресвятой Богородицы°*, где и почил о Господе. Так переносим был сей светильник смирения с одного места на другое и везде возжигал светочи духовной жизни[206].

2. Преподобный *Павел Обнорский°,* или *Комельский,* родом Москвич, постриженец одного из приволжских монастырей, был также одним из первых учеников Преподобного Сергия. Подобно Авраамию, он проходил в обители великого старца послушания и в кухне, и в трапезе, был и в келейном послушании у самого игумена Сергия[206]. Так трудился он несколько лет. Потом испросил у старца благословения жить в уединении в окрестных лесах. Чрез пятнадцать лет такой жизни, когда его стали посещать братия, он снова просил у Преподобного Сергия благословения идти в пустыню уже более отдаленную. Святой старец дал ревностному ученику – любителю безмолвия – медный крест на благословение, и Павел, после долгих странствий по пустынным местам, остановился наконец в Комельском лесу.° Над речкою Грязовицею Павел избрал себе дупло старой липы вместо келлии и три года подвизался тут никому не ведомый. Потом он

перешел на реку Нурму° и здесь поставил келлию немного просторнее оставленного дупла. Преподобный Сергий Нуромский, также ученик Сергия Радонежского, однажды пришел к нему и увидел вот что: стаи птиц вились около Павла, иные из них сидели на голове и на плечах его, и он кормил их из рук; тут же стоял медведь, ожидая себе пищи от пустынника; лисицы и зайцы бегали кругом, ожидая того же... Вот жизнь невинного первого человека!° Когда стали и сюда приходить к нему любители безмолвия и просили позволения жить с ним, то он сначала не соглашался, а потом, вспомнив советы наставника своего Преподобного Сергия Радонежского, испросил у Митрополита Фотия° благословения на устроение общежительного монастыря во имя *Живоначальныя Троицы*.° По глубокому смирению он не принял священного сана. Стодвенадцатилетним старцем, лежа на смертном одре, 6 января 1429 года он со слезами поведал братии о сожжении в тот день Костромы татарами, а 10 января отошел ко Господу. В его обители и поныне хранится крест, данный ему Преподобным Сергием° на благословение[208].

3. В четырех верстах от пустынного жилища Преподобного Павла подвизался его друг и духовный отец – Преподобный *Сергий Нуромский*. Он был родом грек, пришел в Радонежскую пустыню к Преподобному Сергию с Афонской горы и долго жил под руководством великого отца иноков. По его благословению он основал на реке Нурме монастырь *Преображения Господня*.° Сергий и Павел часто посещали друг друга, причем Павел из уважения к Сергию провожал его обыкновенно на две трети расстояния от своей обители. Место, где расставались святые друзья, ознаменовано часовнею. Преподобный Сергий скончался 7 октября 1412 года.

4. В двадцати верстах от обители Преподобного Павла была обитель Воскресения Христова°, основанная еще раньше Павловой учеником Преподобного Сергия Радонежского – *Сильвестром Обнорским*. Долго подвизался здесь, на берегу Обноры, в глухом лесу этот угодник Божий, пока не нашел его один заблудившийся поселянин. После того около его пустынной келлии стали селиться ревнители духовного подвига, и основалась обитель. Святитель Алексий благословил построить храм во имя *Воскресения Христова*. Преподобный Сильвестр часто удалялся в глухое место дремучего леса, которое и теперь называется *заповедною рощей*. Оттуда по временам выходил он для беседы с посетителями на то место, где теперь часовня. Скончался он в 1379 году, апреля 25 дня.

5 и 6. Преподобные *Андроник* и *Савва*. Преподобный Андроник, «тихий, кроткий, смиренный», по отзыву летописца[209], был родом из той же Ростовской области, из которой происходил его великий авва. Святой наставник очень любил своего святого ученика за его добродетели и безответное послушание и особенно молил о нем Бога, чтобы покрыл эту невинную душу

от вражеских козней и помог ему довершить свое течение до конца. Андроник давно питал в душе желание основать свою общежительную обитель и не таил сего желания от старца. Мы видели выше, как это святое желание исполнилось, когда Святитель Алексий испросил у Преподобного Сергия сего ученика для устроения обители *Всемилостивого Спаса*. Место было избрано в семи верстах от Кремля, на речке Яузе, и сам Преподобный Сергий приходил благословить это место. В 1361 году обитель была окончена строением. Великий старец не раз приходил сюда к любимому своему ученику и подкреплял его в подвиге своими беседами. Однажды великий подвижник зашел сюда поклониться образу Спаса (который был принесен Святителем Алексием из Царьграда) перед отправлением в дальний путь, в Нижний Новгород (в 1365 г.), и при прощании долго беседовал с Андроником. Впоследствии на месте их разлуки поставлена часовня, – это на пути во Владимир. Под руководством Преподобного Андроника воспитались его спостник и преемник по игуменству Преподобный *Савва*° и знаменитые иконописцы *Андрей Рублев* и *Даниил*, которые расписывали придворный Благовещенский собор и соборные храмы во Владимире и Сергиевой Лавре.° И поныне стоит на правой стороне царских врат Троицкого собора чудотворная икона Пресвятыя Троицы, написанная преподобным Андреем.
7. В одно время с Андрониковым монастырем (в 1361 г.) возникла обитель *Пешношская*, основанная пустыннолюбивым *Мефодием*[210]. В молодых летах пришел он к Преподобному Сергию и жил несколько лет под его руководством. Потом по благословению старца он уединился в глушь дубового леса за рекою *Яхромою°* и на небольшом возвышении среди болота поставил себе келлию. Когда около него стали собираться братия, Преподобный Сергий, посетив его, посоветовал ему построить обитель и храм на другом, более сухом месте и благословил то самое, где теперь стоит эта обитель.° Преподобный Мефодий сам трудился при ее построении, *пеш нося* деревья через реку. Оттого обитель получила наименование *Пешношской*, а речку прозвали Пешношей.° По временам Преподобный Мефодий для безмолвия уединялся за две версты от обители, и сюда приходил к нему для духовной беседы Преподобный Сергий. Отсюда эта местность названа *Беседою,* и здесь стоит часовня. «Собеседник и спостник» Преподобного Сергия Мефодий преставился спустя восемь месяцев после кончины своего великого старца, 4 июня 1392 года. В его обители честно хранится деревянный потир, в коем он священнодействовал, и ковчежец с частию мощей Преподобного Сергия[211].
8. Преподобный *Феодор*, в миру Иоанн, родной племянник Преподобного Сергия, в юности постриженный им, был одним из самых усердных и любимых его учеников[212]. Удостоенный сана священства, он возымел желание основать свой

общежительный монастырь и открыл свою мысль Богомудрому дяде-наставнику. Преподобный Сергий благословил его на это дело и даже сам пришел осмотреть избранное им на высоком берегу Москвы-реки место для обители.° Это было около 1370 года. Слава о святой жизни Феодора скоро собрала около него много братий. Великий Князь избрал себе Феодора в духовники° и посылал с поручениями по делам церковным к Вселенскому Патриарху; Митрополит Алексий относился к нему с отеческою любовью, и Киприан писал ему послания вместе с Преподобным Сергием. Высокое положение, в какое был поставлен Феодор, тревожило его святого дядю, который «болезновал о чести и славе его» и молился, «во еже совершити ему течение без преткновения». Великий отец иноков почитал обитель Симоновскую родственною о Христе своей Радонежской обители, и когда потребность и польза вызывали его в Москву, он приходил прямо в Симонов монастырь, где для него устроена была даже особая келлия. Любитель смирения и труда, он и здесь вместе с братиею возделывал собственными руками землю для огородов, насаждал деревья, копал пруды и кладязи. И теперь еще видны здесь плоды его труженической жизни: недалеко от монастыря на ровном возвышенном песчаном месте находится обширный (в окружности до 150 сажен) и глубокий (на средине до 6 аршин) пруд, обнесенный валом и обсаженный березами. Общее предание Москвы уверяет, что этот пруд ископан руками первых святых подвижников на Симонове и что в сих трудах принимал живое участие Преподобный Сергий. Оттого и зовут этот пруд *Сергиевым*. И московские старожилы говорят, что многие страждущие, несмотря на время года, погружаясь в воду сего пруда с верою и молитвою об исцелении, получали просимое. С древних лет в день Преполовения Пятьдесятницы сюда бывает крестный ход для освящения воды° [213].
Преподобный Феодор впоследствии был Архиепископом в Ростове°, где, несмотря на кратковременное управление паствою, оставил по себе вековечный памятник основанием *Богородицерождественского* женского монастыря.° Он скончался 28 ноября 1394 года.
9 и 10. Из Симоновской обители вышли два подвижника *Белозерские*, *Кирилл* и *Ферапонт*, которые оба пользовались наставлениями Преподобного Сергия. Первого из них привел сюда друг Сергиев, Преподобный Стефан Махрищский. Когда Преподобный Сергий приходил в Симонов, он прежде всех посещал Кирилла в хлебне. Прозорливый старец видел, что будет Кирилл впоследствии, и с любовью беседовал с ним о спасении души. После Феодора Кирилл некоторое время был настоятелем Симоновской обители, но потом, по любви к безмолвию, удалился в свою уединенную келлию на Старом Симонове°, а оттуда вместе с другом своим Ферапонтом ушел в пределы Белозерские.° Там Кирилл положил основание

общежительной обители *Успения Пресвятой Богородицы°* (в 1397 г.), а Ферапонт основал тоже общежительный монастырь – *Рождества Богородицы°* (в 1398 г.). В 1408 году Преподобный Ферапонт, по желанию Можайского князя Андрея Димитриевича, перешел в Можайск° и здесь, в версте от города, основал *Лужецкий монастырь°*, в котором и почил в 1426 году, 27 мая. А Преподобный Кирилл скончался в 1427 году°, 9 июня.

11. Около 1373 года князь Владимир Андреевич, основатель Серпухова, пожелал устроить в этом городе иноческую обитель, как лучшее училище благочестия. Он пригласил к себе Преподобного Сергия и просил его совета. Святой старец благословил доброе намерение князя и вместе с ним осмотрел место будущей обители. Место это называлось *Высоким*, потому что находилось на возвышенном берегу Нары, близ Оки, в лесу, в версте от города. 2 декабря 1373 года Преподобный Сергий заложил храм обители в честь *Зачатия Богоматери* Праведною Анною. Князь просил старца оставить строителем новой обители пришедшего с ним ученика, Преподобного *Афанасия*. Афанасий, в миру Андрей, еще в юности пришел к угоднику Божию в его Радонежскую пустыню, и старец очень любил его за его безответное послушание и смирение. Преподобному Сергию жаль было отпустить от себя Афанасия, а блаженному Афанасию не хотелось расстаться с Богомудрым Сергием, но «так угодно Господу», – сказал старец, и Афанасий повиновался. При содействии благочестивого князя обитель скоро окончена была строением, и к Афанасию собралось много братий. Преподобный Сергий не раз посещал своего ученика в Серпухове[214] и прислал сюда своего будущего преемника, Преподобного Никона, который и был здесь первым иноком, а потом и пресвитером. Князь построил в обители каменный храм, и Митрополит Киприан сам освятил его. С этого времени между Святителем и Высоцким игуменом установилась самая тесная духовная дружба, Киприан не раз писал Афанасию самые дружеские послания, а искренно преданный ему игумен разделял скорби Святителя, сопутствуя ему в Киев и Царьград.° В 1387 году Преподобный Афанасий купил себе в Константинопольском Предтечевском монастыре° келлию и остался там с несколькими учениками своими навсегда. Он много потрудился над переводом и списыванием святоотеческих творений (известен написанный им устав «Око Церковное»°), присылал из Царьграда в свою обитель иконы и скончался там около 1401 года. В Высоцком монастыре его преемником по игуменству был соименный ему ученик *Афанасий°*, прославившийся по кончине чудотворениями[215]. Из других его учеников известен преподобный *Никита°*. В этой обители сохранились крашенинные ризы Преподобного Сергия[216].

12. Год спустя после основания Серпуховской обители Преподобный Сергий положил начало уже известной читателям обители на *Киржаче*.° Здесь первым игуменом был его ученик – Преподобный *Роман*, скончавшийся 1392 года июля 29 дня.
13 и 14. В 1378 году был основан Стромынский монастырь *Успения Богоматери* на реке Дубенке°; первым его игуменом, или строителем, был преподобный *Леонтий°*, ученик Преподобного Сергия[217]. Спустя три года, в 1381 году, после славной победы Куликовской Великий Князь Димитрий Иоаннович основал другой *Дубенский Успенский* монастырь, что «на острову»°, где игуменствовал Преподобный *Савва*, также ученик Преподобного Сергия, изображенный в Успенском соборе Троицкой Лавры с закрытым правым глазом.° В благословение сей обители великий старец дал, как гласит предание, икону Пресвятой Богородицы «Кипрскую», которая и поныне чтится в приходской церкви села Стромыни[218].
15. Преподобный *Афанасий* пустынник°, «зовомый *Железный посох*» [219], подвизался на месте, где потом был основан *Череповецкий Воскресенский* монастырь и где теперь *Воскресенский* собор° в Череповце.
16. Преподобный *Ксенофонт Тутанский°* основал *Тутанский Вознесенский* монастырь° на берегу реки Тьмы, в тридцати верстах от Твери, где ныне село Тутань. Память его местно чтится 26 января[220].
17. Преподобный *Ферапонт Боровенский*, основатель *Успенского Боровенского* монастыря°, в десяти верстах от города Мосальска ||(Калужской губернии). По преданию, Преподобный Сергий благословил Ферапонта иконою Успения Богоматери; Ферапонт пришел с нею в окрестности нынешнего погоста Боровенска; утружденный от пути, он лег под тенью одного из вековых деревьев, поставив на нем образ. Но, проснувшись, не нашел его на своем месте; долго искал он икону и наконец нашел в лесной чаще, на одной сосне. До трех раз повторялось чудесное исчезновение иконы и обретение ее в одном и том же месте. Преподобный принял это событие за указание, что Пресвятая Богородица благоволила избрать сие место для обители, и поселился тут. Скоро собрались около него любители отшельничества, и обитель основалась. Год кончины преподобного Ферапонта неизвестен. Святая икона Успения Богоматери и поныне стоит в церкви Боровенского погоста[221].
18. Преподобный *Савва Сторожевский*, по кончине Преподобного Сергия и по удалении Преподобного Никона на безмолвие шесть лет управлял Лаврою Преподобного Сергия. Памятником его попечений об обители Преподобного Сергия служит источник, изведенный его молитвами и поныне называемый *Саввиным* (близ церкви Воскресения Христова в Кокуеве). По желанию Звенигородского князя Юрия

Димитриевича в 1398 году Савва основал близ Звенигорода на горе Стороже монастырь во имя *Рождества Богородицы°*, в котором и почил 3 декабря 1406 года.
19. Преподобный *Иаков Железноборский°,* или *Галицкий*, родом из Галицких дворян Амосовых, почти до самой кончины Преподобного Сергия жил в его обители, а потом поселился в глухом лесу у железных рудников, в тридцати верстах от Галича. В 1415 году случилось ему быть в Москве, где имел он пребывание в Предтеченском под Бором монастыре.° В то время Великая Княгиня Софья Витовтовна, супруга Великого Князя Василия Димитриевича°, страдала родами; Великий Князь послал просить молитв у подвижника Иакова, и преподобный предсказал посланным, что супруга Великого Князя родит ему наследника престола. София родила сына, и благодарный Великий Князь дал Иакову средства построить монастырь во имя *Предтечи°* на месте его подвигов. Иаков скончался 1442 года 11 апреля.
20. Преподобный *Григорий Голутвинский°,* первый игумен *Голутвинского* монастыря в Коломне.° В этой обители, основанной около 1385 года в честь *Богоявления Господня*, хранится посох Преподобного Сергия, с которым он, по преданию, встречал после победы Димитрия Донского[222].
К ученикам Преподобного Сергия причисляют:
21. Преподобного *Пахомия Нерехтского°*, основателя *Троицкого Сыпанова монастыря* близ Нерехты° Костромской губернии. Скончался в 1384 году 23 марта.
22. Преподобного *Никиту Костромского°*, основателя Богоявленского монастыря в городе Костроме°, и
23. Преподобного *Никифора Боровского°*, изображенного на иконе Троицкого собора[223].

Современные Преподобному Сергию подвижники благочестия высоко ценили его духовную опытность и дорожили его мудрыми советами и наставлениями. Отсюда – целый сонм его святых друзей и «собеседников». И как сладостно звучит для сердца это умилительное наименование! Все они более или менее от него заимствовали свое иноческое образование, потому что «не в меру излилась благодать Божия на сего избранника, и он, смиренно стараясь быть ниже других, невольно превозмогал всех обилием своих духовных дарований, которые так высоко и, можно сказать, одиноко поставили его над ликом иночествующих° своего века и последующих» [224].
Поименуем здесь более известных из них.
1. Преподобный *Димитрий Прилуцкий*, основатель обители *Прилуцкой*, близ самой Вологды.° В первый раз он познакомился с Преподобным Сергием, вероятно, в 1354 году, когда Преподобный Сергий приходил в Переяславль просить игумена для своей обители и, сколько ни отказывался, был сам посвящен в сан игумена Епископом Афанасием. Преподобный

Димитрий в то время подвизался в основанном им *Никольском* монастыре на берегу *Переяславского* озера.° Весьма вероятно, что он упросил Преподобного Сергия и остановиться в его обители[225]. С того времени он часто ходил к Преподобному Сергию. Из Переяславля в 1371 году он удалился в Вологодские пределы и там основал первую в той области общежительную обитель во имя *Спасителя*. Почил 11 февраля 1392 года.

2. Преподобный *Стефан Махрищский*. О нем уже говорено было выше (гл. XIII). Подобное тому, что потерпел Преподобный Сергий в своей обители, случилось и с его святым другом: против него вооружились соседние жители, братья Юрковские, и грозили его убить. Давая место гневу, кроткий Стефан тайно ушел° в вологодские леса и здесь, на реке *Авнеже*, основал пустынную обитель *Пресвятыя Троицы*.° Вызванный Великим Князем Московским° опять на Махру, он оставил там двух учеников – *Григория и Кассиана°*. Преставился 14 июля 1406 года.

3 и 4. Преподобные *Павел* и *Феодор Ростовские*. Когда Преподобный Сергий (в 1363 г.) был на своей родине, в Великом Ростове, сии подвижники просили его избрать им место для обители и благословить начало их святого дела. Углубившись в непроходимые тогда лесные дебри, окружавшие Ростов, Преподобный Сергий избрал место на берегу реки Устья и сказал пустынникам: «Призрит Бог и Пресвятая Богородица на место сие». Тут и был основан *Борисоглебский* монастырь.° Феодор основал еще *Никольский* монастырь на реке *Ковже°*, впадающей в Белое озеро. Он скончался 22 октября 1419 года. Вскоре после него преставился и Павел[226].

5. Преподобный *Дионисий, Архиепископ Суздальский°*, постриженец Киевский, основатель *Печерского Вознесенского* монастыря на берегу *Волги°*, в 5 верстах от Нижнего Новгорода. Скончался 15 октября 1384 года в Киеве[227].

6. Преподобный *Евфимий*, ученик Дионисия, во время своего пребывания в Суздале неоднократно приходивший к Преподобному Сергию для духовного собеседования с ним. Он основал две обители – *Васильевскую*, в 5 верстах от Гороховца, и известный *Спасо-Евфимиев* монастырь° в *Суздале*. Почил 1 апреля 1405 года.

7. Святитель *Стефан Пермский,* основал 3 обители – на устьях *Выми, Вычегды и Сысоли*°.

8. Святитель *Михаил Смоленский°*, ученик Преподобного Феодора Симоновского, или Ростовского, чудотворца. Блаженный Епифаний, упомянув об основании Преподобным Сергием некоторых монастырей, замечает: «Не толико же святый Сергий монастырей постави, елико зде написахом, но многи монастыри воздвиже на славу Божию и Пречистыя Богородицы, и *своя ученики* постави в тех монастырех начальствовати». Из вышеприведенного списка учеников и собеседников Преподобного Сергия видно, что действительно

Епифаний о многих из них не упоминает вовсе. Но и наш список, конечно, далеко не полон. Так, известно, например, что на обратном пути из Нижнего Новгорода в 1365 году Преподобный Сергий положил основание *Георгиевской* пустыни° в Гороховецком уезде, на берегу реки *Клязьмы*[228]. Нет сомнения, что в этой пустыни первыми подвижниками были ученики или собеседники великого отца иноков, но кто именно – сведений не сохранилось. Известно также, что еще Великий Князь Димитрий Иоаннович Донской пожаловал Преподобному Сергию в самом Кремле, близ своего дворца, место для келлий и церкви на случай пребывания его в Москве и что впоследствии тут существовал *Богоявленский* монастырь[229], но кто был строителем сего монастыря – неизвестно. В Рязанском Троицком монастыре сохранилось предание об основании его Преподобным Сергием в то время, когда он приходил в Рязань для примирения Князя Олега с Московским Великим Князем, но никаких подробностей о его построении не сохранилось[230]. О многих обителях, вероятно, до нас не дошло и преданий. Есть, например, села, в которых находят могильные плиты с именами погребенных под ними иноков, хотя никаких воспоминаний исторических, никаких даже преданий о существовании в этих местах монастырей нет[231]. Но уже одни эти надгробные плиты свидетельствуют, что тут были «монастырьки», которые, конечно, имели свое благотворное действие на окрестных жителей и служили проводниками духа православного подвижничества в народную среду, и это действие, как бы оно ни было ограничено в смысле пространства, было важно уже потому, что сказывалось постоянно, становилось повседневным... А если мы примем во внимание вышеприведенный список учеников и собеседников Сергиевых, то с большою вероятностью можем предположить, что и число духовных питомцев Преподобного Сергия, и число обителей, основанных ими и их учениками, было несравненно более, чем сколько нам известно на основании свидетельств исторического предания.

Древнему избраннику Божию, великому отцу верующих, было некогда сказано°: «*Воззри на небо и изочти звезды, аще возможеши исчести я... тако будет семя твое*» (Быт. 15, 5). И Преподобному Сергию, великому отцу иноков, было показано в видении множество птиц и сказано: «Посмотри кругом!.. Так умножится стадо учеников твоих!» И сбылось это обетование небесное. Точно птички райские, разлетелись птенцы Сергиевы из родного гнезда Радонежского по всему востоку и северу Русской земли и прославили Господа своею дивною жизнью; будто звезды по небу полуночному, рассыпались они по лицу родной земли и ярко горят по всему необъятному пространству ее пределов северных. И пока не заслонят собою этого дивного сияния суетные облака мудрований человеческих, пока будет

веять на Руси дух истинного подвижничества, дотоле не будут страшны ей никакие напасти, ибо *семя свято – стояние ея!..*

Примечания

В своем предисловии мы сказали, что наша книга не есть ученое исследование, поэтому мы и не стали пестрить ее страницы разными ссылками и примечаниями. Но так как подобные ссылки и примечания могут иметь свою цену в глазах тех читателей, которые пожелали бы знать, какими источниками мы пользовались для своего рассказа и какими соображениями руководились в том или другом случае, а может быть, эти примечания будут небесполезны и для будущего ученого исследователя, то мы сочли нелишним собрать их здесь, в конце нашей книги.

Не считаем нужным приводить здесь список исторических сочинений, какие были у нас под руками при составлении этой книги; большая часть их будет указана ниже, в примечаниях, в своем месте. Заметим только, что в тех местах, где мы приводили выдержки из сочинений митрополитов Платона и Филарета и преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского, не делая точных указаний на самые сочинения в особых примечаниях, там разумеются составленные этими святителями отдельные Жития преподобного Сергия.

Примечания к предисловию

[*] Значком (°) отмечены места в тексте, имеющие редакционные комментарии.

[1] Недавно, уже в 1903 году, вышел такой перевод, или, вернее, полный пересказ Епифаниева Жития. Издан в Сергиевой Лавре [22]. – 3.

[2] Поучение Никанора, архиеп. Херсонского. Странник, 1883, сент., с. 30 [45]. –5.

[3] Проф. В. О. Ключевский. «Благодатный воспитатель русского народного духа». Троицкий Цветок, № 9 [34, с. 5–6]. – 6.

[4] Поучение Никанора, архиепископа Херсонского. Уфимские Епархиальные ведомости, 1883, № 19. С. 646 [44]. – 6.

[5] Лествица, сл. 26, гл. 211 [27]. – 6.

[6] Слово митр. Платона на день Преп. Сергия, т. V, с. 26 [52]. – 6.

[7] Письма митр. Филарета к архиеп. Филарету Черниговскому. Прибавления к изданию Творений святых отцов. 1884, ч. 33, с. 341 [87]. – 7.

Примечания к 1-й главе

[8] Эпиграфы в каждой главе подобраны из двух Акафистов Преп. Сергию. Первый из них составлен в 1650 году князем Симеоном Шаховским (Рукоп. о новоявл. чудесах Преп. Сергия,

чудо 33 [2]) в благодарность угоднику Божию° как взбранному воеводе Русской земли, когда еще у всех была в памяти знаменитая осада Лавры. *Митрополит Филарет* говорил А. Н. Муравьеву, что этот Акафист «послужил основанием других Акафистов в честь св. угодников, ибо и у нас прежде, как в церкви Греческой, существовало только два Акафиста – Господу Иисусу и Богоматери. Но поелику Акафист в честь Богоматери составлен был в благодарность за избавление Царьграда от нашествия врагов, то и Преп. Сергию, как избранному воеводе, освободившему Лавру свою от долгой осады, долгом почли составить такую же победную службу» (Путешествие к святым местам русским, ч. I, с. 235 [42]; Собрание мнений и отзывов *митр. Филарета*, т. V, ч. I, 1887, с. 246 [88]). – Второй Акафист составлен в прошлом столетии и приписывается митрополиту Платону (Исторический словарь духовных писателей, изд. 2-е, т. 2, с. 187 [19])°, но не позже 1761 г. (Описание славянских рукописей библиотеки Св.-Тр. Серг. Лавры, т. 3, с. 174, под № 764 [8]). – *9.*

[9] Варницким монастырь назван по находившимся близ него и, может быть, принадлежавшим ему соляным варницам. Время основания его с точностью неизвестно. Из жалованной грамоты Царя Михаила Феодоровича 1624 года видно, что монастырь сей существовал еще при Царе Иоанне Грозном и при отце его Василии Ивановиче. По местному преданию, он построен вскоре после открытия святых мощей Преподобного Сергия, в 1422 году. При учреждении штатов в 1764 году монастырь сей не был обращен в приходскую церковь единственно по уважению к месту рождения Преподобного Сергия. Соборная церковь его построена в 1770 году на собственное иждивение Ростовского епископа Афанасия.° В ней главный престол – во имя Живоначальныя Троицы, а придельные – один во имя Преподобного Сергия и Никона, а другой – Святителей Афанасия (тезоименитого самому строителю) и Кирилла (тезоименитого родителю Преп. Сергия). – *9.*

[10] История не сохранила нам фамильного прозвания родителей Сергиевых, но старшего брата Преподобного Сергия, Стефана, считает своим родоначальником род Иванчиных (Жизнеописание угодников Божиих, живших в пределах нынешней Ярославской Епархии, гр. *М. В. Толстого*. Яросл., 1885, с. 10 [76]). – *9.*

[11] Константин Борисович преемствовал брату своему Дмитрию по его кончине в 1294 году (Святыни и древности Ростова Великого, гр. *М. В. Толстого,* изд. 3-е, с. 21 [80]). – *9.*

[12] «Дневи сущи недели» (*Епифаний*) [21, с. 10]. – *10.*

[13] Так определяют приблизительно год рождения Преподобного Сергия: *митрополит Макарий* в своей «Истории Русской Церкви» (т. IV, с. 352) [41]; профессор *В. О. Ключевский* в исследовании «Древне-русские жития Святых» (с. 102–108) [33]; *Д. И. Иловайский* в «Истории России» (т. II, с. 101) [25];

о. *архим. Леонид°* в своем Предисловии к древнейшему тексту жития Преподобного Сергия, написанного Епифанием [21], и др. Но *архиепископ Филарет Черниговский* в книге «Русские Святые» (изд. 3-е, сентябрь, с. 126 [83]) полагает год рождения Преподобного Сергия 1313; *митр. Филарет Московский* в отдельном житии [86] и *П. С. Казанский* в неоконченном и потому неизданном «Житии Преподобного Сергия Радонежского» [29] полагают 1314 год.° – Причина такого разногласия° в том, что сам Епифаний не указывает с точностью года, а говорит неопределенно: «...в княжение великое Тверское, при Великом Князе Дмитрии Михаиловиче°, при Архиепископе Петре Митрополите всея Русии, егда рать Ахмулова бысть». Тверской Князь Димитрий Михайлович сделался Великим Князем осенью 1322 года (Полн. Собр. Русск. Летописей, III, 72; V, 216; VII, 198; XV, 414 [55]); в том же году, летом, приходил посол ордынский Ахмыл, причинивший много зла низовым городам. Св. Петр был Митрополитом с 1308 по 1326 год. Эти указания очевидно ближе подходят к принятому нами 1319 году, чем к 1313 или 1314 годам.
Всего бы легче определить год рождения простым арифметическим вычитанием числа лет жизни Преподобного из того года, в котором он скончался. Митрополит Филарет и профессор П. С. Казанский так и делают, принимая за год кончины 1392-й°, вместо 1391-го, равно и преосвященный Филарет Черниговский, хотя сей последний и полагает год кончины 1391-й.° Все они полагают число лет жизни Преподобного 78. «Определенное показание годов жизни Сергия, – говорит *Казанский*, – гораздо вернее неопределенного указания на время его рождения. Старец Сергий в последние годы своей жизни, конечно, не раз говорил своим ученикам о том, сколько ему лет. Особенно понятно это указание при сдаче им должности игумена за несколько месяцев до кончины Преп. Никону. Ссылаясь, без сомнения, на свою старость, он передавал управление своему ученику. Епифаний жил при Преподобном Сергии в последние годы его жизни и много раз сам мог слышать от него, сколько ему лет. О детских годах жизни Преподобного Сергия Епифаний, его жизнеописатель, не имел вполне точных сведений. Он не назвал даже «веси», в которой жили родители Преподобного Сергия. Епифаний слышал от старцев, от брата Преподобного Сергия, Стефана, или от самого Преподобного, что родился он тогда, когда Великим Князем был Тверской Князь». «В год смерти Сергия, – замечает г. *Ключевский*, – едва ли были в монастыре люди, помнившие его рождение... (заметим: кроме Стефана, брата его, но он сам был в то время дитятею), тем менее можно предположить их присутствие чрез 26 лет после, когда писалось Житие» [33, с. 106].
Итак, если Преподобный Сергий жил 78 лет, то, конечно, родился он в 1313 году. Но этот год слишком удалился бы от

тех исторических событий, какие указывает Епифаний как близкие ко времени рождения Преподобного Сергия. «По всем историческим данным, – говорит *митр. Макарий*, – полагаем время рождения Преподобного Сергия… между 1318–1322». Остается предположить одно из двух – что Преподобный Сергий скончался не в 1391 году, а в 1397, как означено в некоторых списках его жития, или же что он жил 72 года, а не 78 лет. Но первое предположение противоречило бы году основания Саввина монастыря (см.: Историческое описание Саввина Сторожевского монастыря, примеч. 12 [65], слич. ниже, примеч. 184), остается признать последнее. И действительно, прежде всего достойно замечания, что сам Епифаний не воспользовался таким простым способом определения года рождения, как вычитание числа лет жизни из года кончины. И это обстоятельство тем более заслуживает внимания, что «Епифаний, – по справедливому замечанию *П. С. Казанского* [29], – видимо, сам отыскивал хронологические указания, но не совсем удачно. Так, он говорит, что Преподобный Сергий родился при Патриархе Каллисте. Но Патриарх Каллист был уже в 1350–1362». Чего бы лучше, вместо таких неопределенных соображений, сделать простое вычитание и указать год? Но он этого не делает… А это само собою наводит на мысль, что в первоначальном тексте жития Епифаниева, кажется, вовсе не было означено числа лет жизни Преподобного Сергия и что это сделано рукою позднейшего переписчика, может быть Пахомия, – сначала на поле, а потом внесено и в текст. Так полагают В. О. Ключевский и архим. Леонид, указывая в самом грамматическом построении речи древнейших списков жития в этом месте признаки позднейшей вставки. Отец Леонид в подтверждение своего определения года рождения Преподобного Сергия – 1319– приводит место из похвального слова *Епифания* Преподобному Сергию (по всем признакам, написанного много раньше жития)°, где он, делая краткий очерк жизни Преподобного, берет круглые числа и говорит, что он подвизался в монашестве 50 лет, а умер 70-ти лет.° Так в списке Слова по Четням-Минеям митр. Макария [11, стб. 1573]. Если положим, что Преподобный Сергий родился в 1319 году, а пострижен, как известно из того же Жития, на 23 году, то, действительно, число лет его чернечества будет без 13 дней 50 лет, а число лет жизни – 72. Ясно, что для круглого числа удобнее взять 70 вместо 72-х, чем вместо 78, в последнем случае ближе бы было взять число 80 (см.: Житие Преподобного Сергия в «Памятниках древней письменности», 1885 г., с. VII–VIII [21]). Что же касается числа 78, имеющегося во многих списках жития, то оно легко могло образоваться из 72, особенно если принять во внимание славянское старинное начертание буквы «в» в виде квадратика: oz иh ’z. Один из первых переписчиков легко мог опустить ’z° и принять союз иh за 8. Мы остановились

довольно подробно на определении года рождения Преподобного Сергия потому, что без такого определения нельзя установить хронологию важнейших событий в жизни угодника Божия и связать их с другими событиями времени. – Подтверждение наших соображений находится в одной из рукописей XVII в., именно в святцах, где прямо сказано, что Преподобный Сергий жил 72 года (Описание рукописей гр. Уварова, № 685 [39, с. 60]). *– 15.*

[14] По древнему обычаю, крещение младенца совершалось в 40-й день по его рождении, причем нарекали ему имя того святого, коего память праздновалась в день его крещения. Преподобному Сергию при крещении дано имя Варфоломей; память Апостола Варфоломея празднуется 11 июня, следовательно, угодник Божий родился 3 мая.° Так определяет день рождения Преподобного Сергия *П. С. Казанский* [29]. *– 15.*

[15] Мысль *митр. Платона* (см. Житие, им сост. [49] и Акафист [69, с. 17]).° В «Опыте библейского словаря собств. имен» *прот. Солярского* слово Варфоломей переведено просто – сын Талмая [71]. *– 15.*

[16] Летоп. *св. Димитрия, Митр. Рост.*, ч. II, с. 161–162, по изд. 1800 г. [14]. *– 17.*

[17] Слова и Речи *митр. Филарета*, т. III, с. 350 [84]. *– 17.*

[18] На Матфея, беседа 82 [26]. *– 17.*

Примечания ко 2-й главе

[19] *У Строева* («Списки Иерархов»): Прохор, епископ Ростовский с 1311 по 1328 г. († 7 сент.), Антоний – с 1328 по 1336 г. [73, стб. 329]. См. также рукопись *П. С. Казанского* [29]. *– 18.*

[20] *У Пахомия,* по списку Четиих-Миней митр. Макария. Мы пользовались изданием Археографической Комиссии [11, стб. 1412]. *– 22.*

[21] В лицевом житии Преподобного Сергия XVI века, хранящемся в Лаврской ризнице, старец инок изображен девять раз, и везде – в виде молодого и безбрадого инока, с крылами и с надписью: «Ангел-Господень». «Книжное же учение, – говорит келарь *Симон Азарьин,* – от Ангела Божия прием, а не от человек» (см.: Предисл. к «Новоявл. чуд. Преп. Сергия» [2, с. 12]). *– 22.*

[22] Ник. Лет. IV, 206–207 [59; 55, т. XI, с. 129-139]. *– 25.*

[23] Седален на утрени по полиелеи, в Службе Преп. Сергию. *– 27.*

Примечания к 3-й главе

[24] Ист. Госуд. Росс., т. IV, стб. 150 [31]. *– 29.*

[25]Там же, V, стбц. 216–217 и IV, примеч. 319. *– 29.*

[26] Там же, IV, стб. 141, примеч. 303; Новгород. лет., 603 [55, т. III (М., 2000), с. 98 и 341–342]. – *30.*
[27] Ник. Лет. IV, 204 [59; 55, т. XI, с. 128]. – *31.*
[28] Преосвященный *Филарет Черниговский* полагает, что «Туралыково нападение на Ростов не могло быть между причинами удаления родителей Сергиевых из Ростова; если оно могло иметь влияние на их судьбу, – говорит он, – то разве тем, что касалось недвижимого имения их, которое, быть может, оставалось в Ростовской области по водворении их в Радонеже» («Русск. Святые», сент., с. 130, примеч. 234 [83]). Но приводимое им сопоставление годов решительно ничего не доказывает. Будь это нашествие в 1337-м году, а не в 1327-м, тогда его соображения имели бы свою силу. К тому же преосвященный автор противоречит сам себе: в примечании он предполагает переселение родителей Преподобного Сергия совершившимся ранее Туралыкова нашествия, то есть ранее 1327 года, а сам на той же странице, в тексте, говорит, что это переселение не могло быть ранее 1330 года. Вообще, 234-е примечание есть ошибка памяти – принят 1327 год за 1337-й – и потому должно бы быть совсем исключено. – *31.*
[29] Предположение митр. Платона.° – *31.*
[30] Собр. гос. грамот и договоров, т. I, с. 30–36 [70, № 21] – *32.*
[31] Отец славного князя Серпуховского Владимира Андреевича Храброго, князь Андрей Иоаннович, родился в 1326 году.° – *32.*
[32] По списку Вел. Четии-Минеи [11, стб. 1487] – Андрея.° – *32.*
[33] По другим, ошибочно, – Вищева. – *32.*
[34] Так по списку Вел. Четии-Минеи [11, стб. 1487]; у преосв. *Филарета Черниговского* – Иоанн Феодорович; по печ. Сурожск. издан. 1786 г.: [20] Иван и Феодор Тормасов, зять его. – *32.*
[35] «Онисим, велможа, бывый в Ростове» (Ник. Лет. IV, 205 [59; 55, т. XI, с. 129]). – *32.*
[36] Епифаний не называет монастырей, в которые поступили родители Варфоломея. Но так как они оба погребены в Хотькове° и так как здесь же мы видим и Стефана, брата Варфоломея, то нет сомнения, что в этой обители и провели они остаток дней своих. В древности были такие общие монастыри с отделениями для старцев и стариц, пока сей обычай не был запрещен соборным определением 1504 года.° (См.: «Покровский Хотьков мон.» *С. Смирнова* [66]). – Память Кирилла и Марии совершается в Хотькове монастыре 28 сентября. – *34.*
[37] Что Стефан овдовел и поступил в Хотьков – это видно из рассказа *Епифания* о том, что Варфоломей, по исполнении положенного уставом 40-дневного поминовения Кирилла и Марии, не медля более, идет в Хотьков к брату Стефану, который был тогда уже монахом [21, с. 37]. – *34.*

[38] Там же впоследствии был погребен и младший брат Преподобного Сергия Петр с супругою Екатериною (Церковно-Истор. Месяц. Серг. Лавры. 1854, с. 41 [67]). – *34.*
[39] Соч. *митр. Платона*, т. XVI, с. 293–294 [51]. – *35.*
[40] Слова и Речи *митр. Филарета.* М., 1874, т. II, с. 121–122 [84]. – *35.*
[41] Там же, с. 282. – *35.*

Примечания к 4-й главе

[42] Лествица, сл. 1, гл. 13 [27]. – *37.*
[43] «Глаголет же древний, видяху на том месте преже свет, а инии огнь, а инии благоухание слышаху» (2 Соф. лет. в Полн. Собр. Русск. Летописей, т. VI, с. 120 [55]). – *38.*
[44] В описании явления Преподобного Сергия иерею Симеону в 1439 году Преподобный сам говорит о себе: «Аз есмь Сергие Маковскый» (Полное Описание Лавры, с. 3, примеч. 1 [13]). В Летописце, помещенном в «Русском Временнике», I, 326: «преставись преподобный игумен Сергие Радонежский Маковский, тихий и кроткий» [60]. – *38.*
[45] П. С. Казанский в упомянутом выше рукоп. житии [29]. – *39.*
[46] Жизнеописатели Преподобного Сергия, принимающие за год его рождения 1314-й, полагают, что он удалился в пустыню в 1336 году, а пострижен в 1337-м.° В подтверждение своего мнения они указывают на то, что Стефан, брат его, «пожив с ним год или два (заметим здесь же, что Епифаний не говорит о годах, а выражается неопределенно: немного – может быть три-четыре месяца только), удалился в Богоявленский монастырь и здесь некоторое время жил с Алексием, впоследствии Митрополитом, и певал с ним на клиросе. Но Алексий за 12 лет до посвящения своего в Епископа (в 1352 г.) оставил Богоявленский монастырь. Стефан должен был немало прожить тут, чтобы доброю жизнью обратить на себя внимание Князя, чтобы по его указанию Митр. Феогност рукоположил его во пресвитера и потом игумена монастыря, а Князь избрал его себе в духовники». Так рассуждал *П. С. Казанский* [29]. Преосв. *Филарет Черниговский*, приведя слова Епифания, замечает: «Ясно, что Епифаний, говоря об освящении храма при Кн. Симеоне, говорит гадательно» (Русск. Св., сент., с. 132, примеч. 237 [83]). С этим соглашается и *А. В. Горский* в Полн. Описании Лавры, ч. I, с. 2 [13, изд. 1-е]. – В оправдание принятой нами хронологии заметим, что: 1) для того, чтобы Стефан имел право рассказывать Епифанию в своих воспоминаниях о близких своих отношениях к св. Алексию еще во время чернечества последнего, довольно было, если Стефан жил при Алексии в Богоявленском монастыре несколько месяцев, а не лет, особенно если принять во внимание, что святитель Алексий и по переходе во двор Митрополита,

вероятно, часто навещал свою любимую обитель Богоявления и по старой памяти иногда становился на клирос и певал вместе со Стефаном; 2) Епифаний об освящении церкви выражается так: «священна бысть церкви… при великом князи Симеоне Ивановиче, мню убо еже рещи, в начяло княжения его» [21, с. 40]. Тут он, действительно, говорит гадательно, но очевидно колеблется в указании года, а не имени Вел. Князя; 3) Епифаний вовсе не говорит, будто Стефан поднялся до степени священства и игуменства в бытность в Богоявленской обители еще св. Алексия, – у него эти обстоятельства, имевшие место гораздо позднее, рассказаны тут только кстати и к слову; 4) рассказ Епифания о пострижении юного сына Стефанова гораздо более говорит в пользу нашей хронологии, которая дает возможность отодвинуть это событие к 1349–1352 годам. – Принимая за год рождения Преподобного Сергия 1319, мы располагаем события так: 1330 год – переселение его родителей в Радонеж, 1339 год (приблизительно сентябрь, когда празднуется их память) – их кончина. В конце ноября того же года (чрез 40 дней по кончине последнего из них) – удаление Варфоломея в пустыню, двадцатилетним юношею. Епифаний рассказывает, что отшельники сначала устроили шалаш из древесных ветвей, вероятно потому, что дело было глубокою осенью и необходимо было иметь хоть какой-нибудь приют от осенней непогоды; потом они строят келлию, необходимую для зимнего пребывания, и наконец уже приступают к постройке церквицы, вероятно уже зимою. Церковь освящается в 1340 году, раннею весною. Стефан, проведя суровую зиму в лесной глуши, весною покидает Варфоломея. Теперь предположите, что св. Алексий взят во двор Митрополита осенью, и станет понятно, что Стефан имел довольно времени с ним подружиться. А рекомендовать Стефана Князю и Митрополиту Феогносту св. Алексий, конечно, мог и после, не прерывая своих добрых отношений к нему и по переселении на новое место. – На окладе гробницы Кирилла и Марии в Хотькове монастыре поставлен год их кончины – 7845 (1337), но ни месяца, ни числа кончины того и другого не означено. Оклад устроен в 1827 году, и указание на год сделано, вероятно, по применению к хронологии, принятой в житии Преподобного Сергия, сост. митр. Филаретом [86]. – *40.*
[47] *Филарет Черниг.* Русск. Св., февр., 12 [83]. – *41.*
[48] Ник. Лет. IV, 57–58, 209–210 [59; 55, т. XI, 30–31, 130–131]. – *41.*

Примечания к 5-й главе

[49] Лествица, сл. 26, гл. 2 и далее [27]. – *43.*
[50] Там же, сл. 4, гл. 105. – *43.*
[51] Там же, сл. 26, гл. 1. – *43.*

[52] Что Митрофан не случайно пришел к Варфоломею, а был призван им, – это показывает, что Варфоломей и прежде знал его; а наше предположение относительно совершения Митрофаном литургии для отшельника в его церквице основывается на том, что в подвижнической жизни возможно частое причащение Святых Христовых Таин есть одно из самых необходимых условий успешности подвига, и если у Варфоломея была своя церквица, то, конечно, не для совершения только правила (для сей цели довольно иметь часовенку и даже просто совершать его в келлии), а служить литургию сам он не мог. Вторая Соф. Лет. (Полн. Собр. Русск. Летописей, VI, 120 [55]) прямо говорит, что Преподобный Сергий еще до своего пострижения «часто призывая священика и веляше творити литургею». Не был ли Митрофан «сельским игуменом», т. е. настоятелем одного из тех маленьких монастырьков, которых в старину было множество? Иногда все братство таких «монастырьков» состояло из одного игумена, который и совершал для окрестных поселян требы, как приходский священник. *– 44.*
[53] Сначала в рассказе о пострижении *Епифаний* [21, с. 45] говорит только об одном Митрофане, но несколько ниже говорит о бывших при этом свидетелях чудесного благоухания, называя их «воистину неложными» и давая тем понять, что это не были миряне, случайно пришедшие, или «родственники и Радонежские знакомые», как думает *Е. Голубинский* [12, с. 26]. *– 44.*
[54] Соч. *митр. Платона,* IV, 112–113 [50]. *– 46.*

Примечания к 6-й главе

[55] Откуда Епифаний заимствовал рассказы об искушениях пустынных, какие претерпел Преподобный Сергий? Конечно, из рассказов самого старца, потому что он «един единствоваше с Богом» и никто не был свидетелем его подвигов. Впрочем, Епифаний не раз и прямо говорит, что о том или другом случае поведал сам Преподобный Сергий. *– 49.*
[56] Соч. *митр. Платона*, IV, 117–118 [50]. *– 50.*
[57] Рукопись *П. С. Казанского* [29]. *– 52.*
[58] Соч. *митр. Платона*, XIX, 256 [53]. *– 53.*
[59] Лествица, сл. 21, гл. 7, 12 [27]. *– 54.*
[60] Руководство к духовной жизни, отв. 56 [10].° *– 56.*
[61] Заметим, кстати, что медведи и теперь изредка попадаются в окрестных лесах, хотя эти леса уже нисколько не напоминают собою дремучих лесов времен Сергиевых; так, зимою 1882 года верстах в 15–20 от Лавры, в Александровском уезде, убита большая медведица. В 1892 году в самые дни торжеств в память 500-летия блаженной кончины угодника Божия к ограде Гефсиманского скита подходила медведица с двумя

детенышами – как будто и звери лесные, коих миловал угодник Божий, хотели почтить его память посещением мест, освященных его подвигами! Позднею осенью того же года медведица была убита. – *56.*

[62] Ник. Лет. IV, 213° [59; 55, т. XI, с. 132]. – *56.*

Примечания к 7-й главе

[63] *Епифаний* говорит приблизительно: «Пребывшу ему в пустыни единому единствовавшу или две лете или боле или меньши, Бог весть» [21, с. 59]. То же в Русск. Времен., I, с. 274 [60]. – *59.*

[64] Лет. Ник. IV, 214 [59; 55, т. XI, с. 133–134]. – *60.*

[65] Там же, 215 [55, т. XI, с. 134]. – *60.*

[66] *Костомаров* в своей «Русской Истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (кн. I, с. 199 [36]) напрасно думает, что более 12 братий не допускалось по скудости средств монастыря, он забывает, что обитель в то время не была еще общежительною и каждый подвижник сам заботился о житейских своих потребностях, значит, сколько бы их ни было – от этого монастырь не стал бы беднее. Нет, современники Преподобного Сергия, его ученики, смотрели на это иначе: число 12 им казалось знаменательным, хотя никто не препятствовал его изменению – дело само собою так слагалось. – *61.*

[67] С берегов Дубны – так в списке Великих Четиих-Миней [11, стб. 1506], в иллюстрированном списке Лаврской ризницы° и др. [21, с. 63]. В некоторых – Северной Двины (у *Преосв. Филарета Черниговского*, с. 149 [83]) – очевидная ошибка писца: Двина находится в 1000-верстном расстоянии от Лавры, куда весть о подвигах Преподобного Сергия едва ли могла проникнуть, тем более что плавание по Двине находилось тогда в руках Новгорода, а не Москвы. – *61.*

[68] В некоторых списках Елисей называется отцом Онисима [11, стб. 1506], в других – наоборот [21, с. 64]. Принимаем последнее чтение потому, что Онисим упоминается раньше в числе переселенцев из Ростова в Радонеж. – *62.*

[69] О сем *Епифаний* говорит в похвальном слове Преподобному Сергию [21, с. 151]. – *63.*

[70] Так думаем потому, что преподобный Феодор, ученик и племянник Преподобного Сергия, с ранней молодости воспитанный в обители своего святого дяди и остававшийся здесь до 1370 года, был хороший иконописец (см. ниже, примеч. 71), и ему негде было обучиться сему художеству, как только здесь же, в обители Сергиевой. Может быть, отсюда это художество перешло и в Андроников монастырь, где жили славные иконописцы Андрей Рублев и Даниил. – *64.*

[71] Говоря о возрасте, в каком пострижен Иоанн, Епифаний выражается нерешительно: «…неции же реша десяти лет пострижен бысть, инии же двоюнадесяте»° [21, с. 78]. Вероятно, старцы, современники событию, рассказывая Епифанию, и сами не могли точно определить возраст Иоанна во время его пострижения: у всех остался в памяти необыкновенный случай, что Иоанн пострижен таким молодым, что его можно было тогда назвать еще мальчиком. Итак, если предположить, что Преподобный Сергий лично постригал его, уже будучи игуменом, то Феодору было в то время никак не менее 15 лет. Заметим, что 15-летнего юношу трудно смешать с 10–12-летним отроком, а если обратим внимание на то, что Феодор отличался высоким ростом и красотою (*Филарет Черниговский.* Русские Святые, ноябрь, с. 476 [83]), то в 15 лет, вероятно, он скорее показался бы 20-летним юношею, чем 10–12-летним мальчиком. Вот почему мы склоняемся к мысли, что Иоанн был приведен отцом своим к Преподобному Сергию еще до возведения последнего в сан игумена°, между 1349–1352 годами. *П. С. Казанский* держится того же мнения. «Допустить, – говорит он, – что Иоанн был приведен к Сергию в 1354 г. 10 или 12 лет (не говоря о том, что его отец в 1340 г. был уже иноком – [*архим. Никон*]), не позволяет дальнейшая история этого племянника Сергиева. В 1378 году Митрополит Киприан обращается к нему как к одному из самых почетных игуменов вместе с Сергием. Феодор еще ранее 1374 г. был уже игуменом и приобрел такое уважение, что В. Князь Димитрий Иоаннович избрал его своим духовником. В пустыне Сергия он был немало пресвитером, до какого сана иноки достигали только в зрелом возрасте. И Преп. Сергий не отпустил бы основывать новый монастырь инока, не имевшего 30 лет» (Рукоп. Жит. Преп. Сергия [29]). – *65.*

[72] В Ростове, в основанной им обители Рождества Пресвятой Богородицы, есть написанная им икона Богоматери°, по особенному видению, которое вызвало его и на основание обители (*Фил. Черн.,* ноябрь, с. 478 [83]). Но приписываемый ему в Клинц[овском] Подл[иннике] (Древности Гос. Росс. 1, с. XXVIII [18]) Деисис°, судя по письму, едва ли можно относить к его времени. – *65.*

Примечания к 8-й главе

[73] Душ. Чт. 1890 г., ноябрь, с. 323 и д. [63]. – *67.*

[74] Профессор *Е. Голубинский* полагает° (см. его примеч. 21 [12]), что Преподобный Сергий был поставлен во игумена в 1340–1341 годах, в то время, когда Митрополит Феогност предпринимал поездки в Новгород и в Орду. Но блаженный *Епифаний* положительно говорит, что это было не при Феогносте, а при Алексии, и именно во время путешествия

Алексия в Константинополь. Ужели Епифаний даже этого не знал – когда Преподобный стал игуменом? Ужели он мог так перепутать имена – с одной стороны, Феогноста и Алексия, с другой – Константинополь и Новгород с Ордой? Делать такие предположения относительно близкого ученика Сергиева нам представляется по меньшей мере оскорбительно... Ведь нет сомнения в том, что Епифаний слышал рассказ об этом важном событии от самого угодника Божия. И ради чего такие предположения, когда так легко улаживается хронология жития Преподобного более простым предположением, что пустынники, живя единственно для Бога и спасения души, обходились без официального, так сказать, открытия монастыря, пока «черная смерть» не заставила их так настойчиво искать игумена-священнослужителя? *– 72.*
[75] Монастырь Борисоглебский находился там, где теперь городское кладбище. Он упоминается в летописях под 1155 годом (*Филарет Черниговский,* май, примеч. 377 [83]). Это был домовый монастырь митрополитов и патриархов. (*Строев*. Списки иерархов, стб. 712 [73]). Здесь же пострижен и принял посвящение и друг Преподобного Сергия, святой Димитрий Прилуцкий, основатель Никольского Переславского монастыря, что на Болоте (Московские Ведомости. 1892, № 250). – *72.*

Примечания к 9-й главе

[76] Стихира на «Господи, воззвах» в Службе Преподобному Сергию. – *75.*
[77] Рукоп. Новг. Соф. библ. № 1157–1072. – *76.*
[78] *П. С. Казанский* замечает: «Хотя сам преп. Феодор Студит не желал, чтобы было разделение пострижения на великое и малое, но в том изложении устава Студийского, которое сделано Патриархом Алексием° и перешло в Киево-Печерский монастырь, повелевал сначала ходить в своей одежде и искушал во всех службах, потом облекал в монашескую одежду; после сего постригал, облекал в мантию и, когда по жизни своей окажется искушенным иноком, удостоивал великой схимы. Так постригал и Преп. Сергий» [29]. – *79.*
[79] Ник. Лет. IV, 223 [59; 55, т. XI, с. 139]. – *79.*
[80] Проф. *В. О. Ключевский*. Троицкий Цветок № 9 [34]. – *80.*
[81] «Духовная грамота» *преп. Иосифа Волокол*. [28, стб. 549–550]; – История православного монашества со времен Преп. Сергия диакона *М. Кудрявцева*, 33 [38]. – *81.*

Примечания к 10-й главе

[82] Акты, изд. Арх. Экспедицией°, т. 1, с. 16 [5]. – *83.*
[83] «Духовная грамота», сл. 10.° Великие Четии-Минеи *митр. Макария* [28]. – *84.*

[84] Служба Преподобному Сергию, стихира на «Господи, воззвах». – *86.*
[85] Софийская 2-я Летопись в Полном Собр. Русск. Летописей, т. VI, с. 121 [55]. – *88.*
[86] Где теперь тот источник°, который изведен молитвами Преподобного Сергия? – *Авраамий Палицын°* [1], а за ним *А. Н. Муравьев* [42] и др. утверждают, что это так называемый Пятницкий кладязь, над коим теперь есть и часовня. «Но в одном, и притом древнейшем из списков Жития Преп. Сергия, – говорит *А. В. Горский* в полном Описании Лавры 5 [13], с. – источник сей назван рекою. Там сказано°: «…бяше чаща и дубравы, идеже ныне честный монастырь есть. Тогда убо река течаше, яже есть и до ныне, иже от Клементьева не вельми близь монастыря течет (разумеется ручей, который теперь пересыхает и который заканчивается Келарским прудом). Другая же река, яже ныне под монастырем течет (конечно, Кончура, или, по древнему произношению, – Консера), на том же месте от искона река не бяше. Темже и труд приимаху братия, отдалека воду приносяще на потребу монастырскую» и далее: «…обрет св. Сергие в едином рову воду от наводнения, над ним же став молитву творяше, и воду освящь, и преклонь колена, начат молитву сице: "Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, даждь нам воду на месте сем". И сия рекшу святому, абие внезапу вода явися велия, яже и до ныне нами зрима есть, отнеле же и почерпаем воду на всяку потребу, благодаряще Бога, даровавшаго нам таковую благодать. Прозвашеся же река таа "Сергиева река" даже до десяти лет или двадцати».

Преосвященный Филарет Черниговский говорит, что чудотворный источник одним из древнейших списков Жития указывается на северной стороне обители [83, с. 139]. Что чудотворный источник Сергиев существовал при Пахомии, которому принадлежит вышеприведенная выписка из Жития, видно и из 2-го канона Преподобному Сергию, им составленного (песнь 1, троп. 2). – Мы склонны думать, что источник, о котором идет речь, и есть именно ручей, называемый теперь Кончура, ибо: 1) Пятницкий кладязь все же отстоит от обители не так близко, как Кончура; 2) это ископанный колодезь, и довольно глубокий, а в Житии ясно говорится о простой луже от дождя, из которой образовался источник; 3) в вышеприведенной выдержке идет речь о текущей воде, а не о колодце; 4) источник Сергиев находился на северной стороне обители, а Пятницкий кладязь – на юго-восточной; Кончура же, действительно, протекает с севера, вдоль западной лаврской стены, на юг; 5) если бы сей ручей существовал в то время, когда обитель только что основывалась, то непонятны были бы жалобы братии на недостаток воды, которая протекала тут же, под горою; а если принять во внимание, что в то время все окрестности были

покрыты дремучими непроходимыми лесами, то нужно полагать, что ручей этот был значительнее, чем теперь; он и теперь никогда не пересыхает, хотя по его берегам вовсе нет кустарников до самого сада монастырского, а в первой половине нынешнего столетия он был так обилен водою, что покойный наместник Лавры архимандрит Антоний с А. Н. Муравьевым могли спуститься по нему на лодке до Вифанского пруда [42, с. 58]. Наконец, 6) если этого ручья не существовало тогда, при благоприятствовавшей лесистой местности, и если он существует ныне, несмотря на отсутствие лесов, то уже одно это обстоятельство не указывает ли на чудесное происхождение этого ручья? Здесь уместно с благодарением к угоднику Божию упомянуть и о том, что его обитель и теперь пользуется обильным источником вод, напояющим посредством водопровода не только всю Лавру, но и все гостиницы, богоугодные и хозяйственные заведения обители, и что этот источник находится также на отвесной стороне обители, заимствуя, быть может, свои воды от тех же подземных ключей, которые, повинуясь благодатному слову молитвы Сергиевой, пробились тогда на поверхность земли и образовали реку Сергиеву. – *89.*

[87] Троицк. Лист. № 134 [24]. – *90.*

[88] Слова и Речи *митр. Филарета*, по изд. 1882, IV, 193–194 [84]. – *91.*

Примечания к 11-й главе

[89] Проф. *В. О. Ключевский*. Троицкий Цветок № 9 [34, с. 19–20]. – *93.*

[90] Там же [с. 22]. – *93.*

[91] Подробное исследование сего вопроса можно найти в «Летописи занятий Археографической Комиссии», в т. VII статья *иеромонаха Арсения* «О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя Преп. Сергия» [7]. Автор решает сей вопрос отрицательно, хотя и ослабляет силу своих заключений словом «кажется». Его мнение подтверждает 2-я Софийская летопись: «Святый пребываше в велицей нищете, ни коего имения притяжа, ни сел, но пребывая уповая к Богу» (Полн. Собр. Русск. Летописей, VI, 122 [55]). – *97.*

[92] *Е. Голубинский*, с. 29 [12]. «Акты юридические» Калачева, I, № 63 [4, стб. 441–442]. – *97.*

[93] Полное Опис. Лавры, ч. I, с. 189, примеч. архим. Леонида [13]. – *98.*

[94] Служба Преподобному Сергию, стихиры на «Господи, воззвах». – *98.*

Примечания к 12-й главе

[95] Ник. Лет. IV, 223 [59; 55, т. XI, с. 139]. – 106.
[96] Там же, 224. – *106.*
[97] Приведено по Лет. Ник. 224 [59; 55, т. XI, с. 139]. – *106.*
[98] Там же, 225 [59; 55, т. XI, с. 140]. – Рассказ о посольстве Патриарха к Преподобному Сергию и о введении в его обители общежития мы изложили так, как он записан преподобным *Епифанием* [21, с. 106–108]. Если относить это событие, как мы относим, к 1372 году, то оказывается, что Епифаний прибыл в обитель Сергиеву спустя лишь три-четыре года после введения общежития, следовательно, слышал историю этого важного в жизни обители события и от братии, и от самого Преподобного Сергия во всех подробностях, под свежим впечатлением самого события. Поэтому мы признаем необходимым не только верить этим подробностям, но и тому впечатлению, какое произвело это событие, то есть посольство Вселенского Патриарха, как на смиренного игумена, так и на братию обители, – впечатлению, которое так ярко выступает в рассказе Епифания. А Епифаний именно говорит, что это посольство было совершенно неожиданно для самого Преподобного Сергия... Вот почему ||мы решительно не можем согласиться с г. *Е. Голубинским°*, который говорит, что «необходимо представлять дело иначе», что необходимо думать, что «Сергий и Алексей (так пишет это имя г. Голубинский) лишь прибегали к авторитету Патриарха», что «им нужно было послание Патриарха, чтобы при помощи его придать своему начинанию большую твердость... И вот, говорит ученый-историк, профессор, чтобы подействовать на большинство (тех монахов, которым не могло быть приятно введение общежития), Алексей и Сергий решились прибегнуть к авторитету Патриарха, который бы своим голосом верховного пастыря Русской Церкви подтвердил и одобрил их благое предприятие». Но ведь если так, то «необходимо предполагать», что Преподобный Сергий ждал этого послания, которое ему «было нужно», а если ждал, то что же значит это его удивление при получении послания, эти вопросы: не ошиблись ли, к нему ли посланы патриаршие люди? Что значит, что он даже не решился сам вскрыть это послание, а пошел для этого в Москву, к Митрополиту Алексию?.. Да простит нам ученый профессор, но думать так, как он думает, значит, представлять себе Преподобного Сергия притворяющимся пред братией, а это значило бы считать его «себе на уме», что было бы хулою на угодника Божия... Мы не смеем также бросать тень подозрения во лжи и на ученика его, которому мы обязаны столь драгоценными сведениями о житии угодника Божия... По-видимому, этого не желает и г. Голубинский (с. 29) [12], хотя в данном случае противоречит себе, не доверяя Епифанию в таком показании, в котором нельзя ему не верить. – *107.*
[99] История православного монашества со времен Преп. Сергия *диакона М. Кудрявцева*, ч. I, с. 57–63 [38]. – *109.*

[100] Подробные сведения о рукописях° того времени, хранящихся в Лаврской ризнице и библиотеке, можно найти в полном Историческом Описании Лавры [13] и в «Описании славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры», 1879, в трех частях [8]. – *109.*
[101] Русские Святые, *Фил. Черниг.,* сент., 12, с. 49 [83]. – *109.*
[102] Она значится под № 308. Исследование *Ф. И. Буслаева* о сей рукописи с факсимиле образцов ее письма и украшений издано Обществом любителей древней письменности в 1881 г. [9] и поднесено автором Государю Императору. – *111.*
[103] История Российской Иерархии, IV, с. 446–447 [6]. Ср.: Посл. царя Грозного в Кириллов монастырь, в Акт. Истор., т. I, с. 382 [3]. – *111.*
[104] *Карамзин*. Ист. Гос. Росс., IV, стб. 175 [31]. – *112.*
[105] Там же, V, примеч. 5. – *112.*
[106] Там же, примеч. 15. – *112.*
[107] Там же, примеч. 103. – *112.*

Примечания к 13-й главе

[108] Ник. Лет. IV, 225 [59; 55, т. XI, с. 140]. – *114.*
[109] Одна из Переяславских волостей. – *114.*
[110] Слова и Речи *митр. Филарета* изд. 1882, т. IV, с. 126–128 [84]. – *116.*
[111] Местное предание. – *117.*
[112] В Покровском уезде Владимирской губернии. – *117.*
[113] Определенных указаний нет, но сохранилось на Киржаче предание, что Преподобный Сергий подвизался на Киржаче около 4-х лет. См.: Кр. История упраздн. Благов. Киржач. мон., с. 9, по изд. 1880 г. [37]). – *118.*
[114] Стефан скончался в глубокой старости и погребен, вероятно, в Троицкой же обители. – *121.*
[115]Сие послание помещено в «Православном собеседнике», 1860, ч. I, с. 459–462 [46]. – *121.*
[116] Полн. Собр. Русск. Летописей, I, под 1375 г. (6883) [55, т. I, стб. 535]; Ник. Лет. IV, 41 [59; 55, т. XI, с. 21–22]. – *121.*

Примечания к 14-й главе

[117] Преп. *Исаака Сирина* Слова Духовноподвижнические, сл. I, с. 8. – *123.*
[118] Слова и Речи *митр. Филарета*. 1874, II, 121–122 [84]. – *123.*
[119] Ник. Лет. IV, 59. [59; 55, т. XI, с. 31–32]. – *124.*
[120] Духовная грамота *преп. Иосифа Волоколамского,* гл. 10 [28, стб. 558]. – *125.*
[121] Ник. Лет. IV, 222 и 232 [59; 55, т. XI, с. 134 и 144]. – *125.*

[122] Мысль митр. Платона. – Этот крест и поныне хранится в Лаврской ризнице° как священный памятник смирения Сергиева и его любви к нищете, вместе с его крашенинною ризою, деревянными сосудами и др. – *125.*
[123] Ник. Лет. IV, 63–64 [59; 55, т. XI, с. 34]. – *126.*
[124] Поучения *преосв. Никанора*, архиеп. Херсонск. и Одесск., по изданию 1886, т. III, с. 392, 398 [44]. – *127.*
[125] Ответ *митр. Филарета* на речь Ректора Московской Семинарии архимандрита Леонида при наречении его во епископа Дмитровского [84, т. V, с. 491]. – Из обители Преподобного Сергия вышло до 100 архипастырей, из коих одни были ее настоятелями или наместниками, другие получили воспитание в Лаврской Семинарии и Дух. Академии. – Рассказы из Истории Русской Церкви гр. *М. В. Толстого,* вып. II, с. 130–131 [78]. – Полное Описание Лавры, ч. 2-я, с. 112–117 [13]. – *128.*
[126] Степенная кн., ч. I, с. 468 [35]. – *129.*
[127] *Преосв. Филарет Черниговский*. Русские Святые, окт., с. 233 [83]. – *129.*
[128] У него же. – Грамота Патриарха в Акт. истор. 1, № 251 [3, с. 472–473]. – *130.*
[129] Рукописный Летописец, принадлежавший о. архим. Леониду, лист 38. – *130.*
[130] Они напечатаны в «Православном собеседнике» 1860 г., к. 2 [32, с. 84–106]. – *130.*
[131] *Митр. Макария* История Русской Церкви. Т. IV. С. 66 [41; по 2-му изд.: Кн. III, с. 50]. – *131.*
[132] Ник. Лет. IV, 74 [59; 55, т. XI, с. 39]. – *134.*
[133] Русские Святые, окт. 15, с. 235 [83]. – *134.*
[134] См.: Житие Митрополита Киприана у *преосв. Филарета Черниговского.* (Русские Святые, 16 сентября [83]). – Историки, в том числе и покойный митрополит Макарий, обвиняют Святителя Киприана в умышленном действии против святителя Алексия. Один Бог – Сердцеведец и Судия помышлений сердечных. Но нам хотелось бы отметить вот что: если бы Киприан по личным корыстным расчетам был врагом Святителя Алексия, если бы он искал его кафедры по таким нечистым побуждениям, то можно ли было бы ожидать, чтобы Преподобный Сергий, друг Святителя Алексия, хотя бы и по смерти последнего, стал так настойчиво, вопреки желаниям Великого Князя, держать сторону Киприана? Преподобному Сергию лучше были известны тогдашние обстоятельства, чем позднейшим историкам; его племянник Феодор был духовником Великого Князя и, конечно, был хорошо обо всем осведомлен, а между тем мы и его видим на стороне Киприана… Это замечательно! Не забудем, что и тот, и другой, и третий, и четвертый – все прославленные Церковью угодники Божии… Мы не отрицаем слабостей человеческих, которые возможны и у святых людей, но мы не хотим так решительно разделять

мнения историков о намеренных клеветах Киприана на Алексия пред Вселенским Патриархом, точно так же как не смеем обвинять Феодора в измене Киприану и в сочувствии Пимену; опять замечательно, что тот же Патриарх, который осудил Пимена, возвел в сан Архиепископа рукоположенного им Феодора! – *135.*

Примечания к 15-й главе

[135] Слова и Речи *митр. Филарета*. 1874, II, 120–121 [84]. – *137.*
[136] Путешествие к святым местам Русским *А. Н. Муравьева,* изд. 3-е, ч. I, с. 7 [42]. – *137.*
[137] Проф. *В. О. Ключевский*. «Благодатный воспитатель русского народного духа». Троицкий цветок № 9 [34, с. 29; 22–23]. – *138.*
[138] По одним летописям – 17 августа, по другим – 20 и 23. – У *Иловайского* в «Истории России», т. II, с. 117 [25], говорится, что Великий Князь прибыл в обитель 18 авг. и 20 выступил из Москвы. – У *Карамзина* он 20 авг. выступает уже из Коломны° к устью р. Лопасни (V, стб. 37 [31]). – *139.*
[139] Так они названы в древних синодиках Лаврских.° В летописях вместо Андрея – Иродион; у *Филарета Черниговского*, по рукописным Святцам, в иноцех – Адриан [83, сент., с. 146, примеч.]. Смешение созвучных имен очевидно. – *140.*
[140] Историческое описание Симонова монастыря, *Пассек*, 68–69 [48]. – *142.*
[141] В надписи на кресте обращает на себя внимание 27-е число августа – оно несогласно с показанием летописей. Почтенный профессор Киевской Духовной Академии *В. Завитневич*, которому мы обязаны благодарностью за доставление нам фотографического снимка с креста, в своей статье об этом кресте (Труды Киевской Духовной Академии 1889 г., январь [23]) объясняет эту разницу тем, что в надписи указано время устройства самого оклада, а не день благословения. Как ни хотелось бы нам верить его соображениям в пользу того мнения, что надпись сделана «чрез девять дней после благословения» и что она «редактирована самим Великим Князем», смеем, однако же, в этом усомниться; нам кажется, что едва ли бы Князь, «редактировавший надпись», допустил такую несообразность – увековечить, так сказать, день устройства оклада и не упомянуть о столь знаменательном для него самого дне благословения у Преподобного... Скорее можно думать, что ошибка в числе есть, с одной стороны, доказательство, что оклад сделан гораздо позднее, с другой – это один из вариантов сказания о посещении героем Донским обители Сергиевой, вариант менее достоверный, чем указанные выше, в примеч. 138. Что касается подлинности креста, то покойный знаток древностей о. Архим. Леонид высказывал нам

сомнение в том, чтобы Преподобный действительно благословил таким крестом Великого Князя Димитрия, в одной записке, сохранившейся у нас в черновике, он говорит: «1. Литейщик (чеканщик?), кто бы он ни был, едва ли бы посмел на окладе креста, принадлежащего В. Князю, назвать его в надписи просто Князем Димитрием, а не Великим Князем Димитрием Ивановичем Московским, а Мамая современник назвал бы в подписи скорее безбожным, чем поганым. 2. Зная то высокое внимание, какое оказывали обители Преподобного Сергия как сам В. Князь Димитрий, так и сын его, В. К. Василий Дмитриевич, трудно предположить, чтобы крест, столь драгоценный по своему значению, не был бы ими *своевременно* отдан на хранение туда, где ему быть надлежало, – в обитель Преподобного. А из этих *двух* положений невольно уже возникает 3) что подпись эта вырезана на басменном окладе креста, действительно *стариннаго*, в новейшее время для корыстных целей – для сбыта его *богатому* собирателю, но плохому археологу». – «Если бы Преп. Сергий *благословил* В. К. Д. И. крестом от своей обители, – продолжает *о. Леонид*, – то, конечно, только крестом-*тельником*, какие Великие Князья тогда действительно носили на персях и каковые могли в обители быть». *Голубинский* прямо говорит в примечании к своей книге: «Не может подлежать сомнению, что крест этот есть фальсификация, – Преподобный Сергий мог благословить В. Князя в смысле дарения крестом тельным, но с какой бы стати он благословил его крестом напрестольным? Последним крестом Преподобный несколько раз благословил государя в смысле осенения и поднесения к целованию» ([12], примеч. 45). – Нам представляется не невозможным принять среднее мнение, именно: предположить, что этот крест и есть тот самый *напрестольный*, который Преподобный Сергий употребил при осенении Князя, но который не сопутствовал Князю, а оставался после в обители. Ведь надпись не говорит, что сей крест был *вручен* Великому Князю. При таком предположении понятна и надпись, сделанная, может быть, долго спустя, по преданию иноков в обители. Как крест мог попасть в посторонние руки – это вопрос другой, который может быть решен только предложением какой-либо случайности. – *142.*

[142] Древний Летописец. СПб, 1775, ч. II, с. 31–32 [40]. – *143.*

[143] Имя Нектария сохранилось в одной из рукописей XVI в., которою мы пользовались. – *143.*

[144] «А поможет ти Бог и Троица»° – это выражение можно читать еще в Псковских и Новгородских летописях того же XIV века при рассказе о моровой язве 1352 года (см.: Душеполезное чтение, 1890 г., ноябрь, статья о моровой язве [63, с. 328]). Выражение это имело приблизительно такой смысл: «А поможет ти Бог, по молитвам Церкви, возносимым во храме Пресвятыя Троицы». Во Пскове был соборный храм,

посвященный имени Пресвятыя Троицы, так же как и в обители Преподобного Сергия. – *144.*

[145] Синопсис, с. 97 [15]. – *146.*

[146] *Карамзин*. История Гос. Росс., т. V, гл. I, примеч. 76 [31]. – *146.*

[147] Стихирарь № 22°, л. 40 [8, ч. 1, с. 36–37]. – *147.*

[148] Ник. Лет. IV, 104 [59; 55, т. XI, с. 55]. – *148.*

[149] Там же, 124 [55, т. XI, с. 66]. – *148.*

[150] Церковные Ведомости. 1892, № 41 [90]. – *149.*

[151] Гробницы иноков-героев находятся в церкви Рождества Богородицы, что на Старом Симонове, близ Симонова монастыря. Вероятно, по перенесении в Москву останков Александра Пересвета здесь пожелал положить их святой игумен Симоновский, преподобный Феодор. В Арханг. Лет. сказано, что Ослябя тоже убит (*Карамзин.* Истор. Госуд. Росс. V, стб. 47 [31]), но в одном рукописном уставе Троицкого Сергиева монастыря есть запись: «Пересвет – инок Александр, Ослябя – инок Иродион, иже был боярин Лубутской, посылан был с милостынею в Царьград 906 (6906–1398) лета В. Князем Василием Димитриевичем. А сын его Акинф был боярин у Митрополита Фотия 933 (1425) г.». Значит, в битве пал один Пересвет, который и в сказании о Мамаевом побоище упоминается один же (Соф. Вр. Строев. I, 364 [72; ПСРЛ, т. VI (СПб., 1853), с. 96]; – Полное Описание Лавры, I, 53 [13]). – *149.*

[152] В селе Монастырщине после 500-летия Куликовской битвы возобновлен храм; Его Императорское Величество Благочестивейший Государь Император Александр Александрович во внимание к нуждам этого храма изволил двукратно для него делать от своих монарших щедрот пожертвования – в первый раз в сентябре 1883 года Высочайше повелеть изволил выдать из собственных сумм Его Величества пособие в количестве 1000 рублей, а потом, в марте 1885 года, благоволил принять на собственный счет все расходы по восстановлению древних Царских врат и исполнению вновь для этих врат, в древнем стиле, иконостаса для придела во имя Преподобного Сергия (Тульские Епархиальные Ведомости 1885 г. № 10, отд. офиц., с. 158). – Таким образом, эта древняя святыня будет говорить русскому сердцу в одно и то же время о благочестивом усердии великого подвижника святого игумена и венценосного монарха. – *150.*

[153] Соф. Временник. Строев. I. С. 402 [72; ПРСЛ, т. VI, с. 122 (СПб., 1853)]. – *150.*

Примечания к 16-й главе

[154] Ник. Лет. IV, 40 [59; 55, т. XI, с. 21]; Воскр. II, 49 [55, т. VIII]. – 151.

[155] Ник. Лет. IV, 131 [59; 55, т. XI, с. 71]. – *151.*

[156] Богословский Вестник, февр., 1896 [79]. – *152.*
[157] *Кудрявцев*. Ист. прав. мон. со времен Преп. Сергия, с. 50 [38]. – *153.*
[158] Рукопись Лаврск. библ. № 782 [8, ч. 3, с. 203], Повесть о Борисоглебском монастыре [54]. – *153.*
[159] «И не исходя от места своего во иные пределы, разве нужды некия, и не взыска царствующаго града, ни св. горы или Иерусалима»... *Епифаний* в Похв. Слове Преп. Сергию [21, с. 159]. – *153.*
[160] Святыни и древности Ростова В., *гр. М. В. Толстого*, с. 23 [80]; Ник. Лет. III, 216 [59; 55, т. X, с. 232]. – *153.*
[161] Русские Святые, *Фил. Черниговский*, окт., с. 245–246 [83]; – *М. Кудрявцев*. История православного монашества, с. 188 [38]. – *153.*
[162] Собр. гос. грамот и договоров, 209 [70]. – *153.*
[163] Рассказы из Истории Русской Церкви *гр. М. В. Толстого*, кн. II, 114 [78]. – *154.*
[164] Ник. Лет. IV, 10 [59; 55, т. XI, с. 5]. Воскр. II, 13 [55, т. VIII]. – *154.*
[165] *М. Кудрявцев,* с. 53 [38]. – *155.*
[166] *Татищев* в «Истории России» (IV, 315) [74] говорит, что Преподобный Сергий ездил (ходил) в Рязань в Филиппово заговенье, при Рязанском епископе Феоктисте.° – *155.*
[167] Ник. Лет. IV, 148 [59; 55, т. XI, с. 87]. Воскр. II, 49 [55, т. VIII]. – *155.*
[168] *Карамзин*. Истор. Гос. Росс. V, стб. 52 [31]. – Памятником посещения Рязани Преподобным Сергием остался основанный им, по преданию, Троицкий монастырь (см. ниже, примеч. 230). – *155.*
[169] Собр. гос. грамот и договоров. I. 61 [70]. – Воскр. Летоп. II, 56 [55, т. VIII]. – *157.*
[170] Памятники древней письменности. 1885. Житие Преп. Сергия, с. XVII. Издано архим. Леонидом [21]. – *С. 157.*

Примечания к 17-й главе

[171] Соч. *митр. Платона,* V, с. 34 [50]. – *159.*
[172] В одной древней рукописи в большой подробности описывается место, где останавливался Стефан. «Оставя Пермь, пойде к Москве. Идущу же ему путем тем против Плащева и Елошек, Стромынския и Ярославския дороги, от дороги семь верст, и провидя духом Стефан, яко в то время Сергий Преподобный бе за столом, в трапезе с братиею обедует, поклонился ему» (Церк. Месяцеслов Серг. Лавры, изд. 2-е, 1854, ‖с. 111 [67]). – В 1900 году при часовне построен каменный двухэтажный дом, в котором с сентября 1901 года открыта церковно-приходская школа имени Святителя Стефана Пермского. – *160.*

[173] Мысль *митр. Платона* [49, с. 39]. – *162.*
[174] Слова и Речи *митр. Филарета*, 1874, II, с. 119 [84]. – *164.*
[175] Ник. Лет. IV, 236 [59; 55, т. XI, с. 145]. – *164.*
[176] На иконе посещения Богоматерию Преподобного Сергия Михей изображается обыкновенно позади Преподобного Сергия, коленопреклоненным, закрывающим лицо свое мантиею от сияния славы небесной. Стоит замечания, как объясняет простой народ это закрытие мантией. «Преподобный Михей, – говорят простецы, – за три года пред тем выпил одну частицу вина и вот вспомнил теперь о своем согрешении и боялся оскорбить Царицу Небесную своим дыханием». Такое толкование пишущему эти строки случалось слышать от многих простолюдинов. Здесь не место входить в оценку нравственного смысла этого объяснения, выразительно характеризующего взгляд благочестивой русской души на винопитие, хотя жизнь и расходится далеко с таким взглядом, но не голос ли это какого-нибудь древнего предания? – *165.*
[177] Ник. Лет. IV, 238 [59; 55, т. XI, с. 146]. – *165.*
[178] Там же, 236 [55, т. XI, с. 145]. – *165.*
[179] *Карамзин.* V, примеч. 137 [31]. – *165.*
[180] Опыт Естественного Богословия. Современное Общество, сборник г. А. Савицкого, 1879, кн. I, с. 252 [47]. – *166.*
[181] Соч. *митр. Платона,* V, 27 [50]. – *169.*

Примечания к 18-й главе

[182] Слово на день Преп. Сергия, 5 июля [1863], в Прибавлениях к изданию Творений Святых Отцов. 1863, ч. 22. – *172.*
[183] *Епифаний* в Похвал. Слове Преп. Сергию [21, с. 158]. –*172.*
[184] Ник. Лет. IV, 239 [59; 55, т. XI, с. 147]. –*173.*
[185] Кончина Преподобного Сергия записана под 6900 годом° в летописях Троицкой, Софийской, Воскресенской и Никоновской. Вот, например, запись Воскресенской летописи: «В лето 6900... о преставлении игумена Сергия Троетцкаго. Тое же осени сентября 25 на память преподобныа Евфросинии, преставися Преподобный и Богоносный отец наш игумен Сергий Троетцкий, иже в Радонежи, иже бе началник и учитель всем монастырем, иже в Руси, и положен бысть в честней обители Святыя Троица, юже сам созда» (см.: Полн. Собр. Русск. Лет. Т. VIII. С. 62 [55]; сличи: I, 232–233 [55, т. I. стб. 537 (М., 2001)]; V, 245 [55]; VI, 119 [55, т. IV]; Русск. Временник. Ч. I. С. 326 [60]). Только *Шевырев* видел какую-то редакцию Жития с годом 6905 (см.: Ист. русск. словесности, ч. III, с. 153 [89], в поздней рукоп. Синод. библ. № 90) да в библиотеке покойного митр. Макария была рукопись с тем же годом. *В. О. Ключевский* осмотрел до десяти редакций Пахомиева жития XV в. и везде видел 6900 год [33, с. 104]. –«Несомненно, – говорит *П. С. Казанский* [29], –что мощи Преподобного Сергия

обретены были спустя 30 лет после его кончины. При их открытии присутствовал Звенигородский князь Юрий Дмитриевич. Если бы кончина Преподобного Сергия была в 6905 г., то обретение падало бы на 1427 г.; а Юрий еще в 1422 г. удалился в Галич и не ранее как чрез 10 лет был близ Москвы. Преп. Никон умер в 1428 г., а он успел до своей кончины не только построить каменный храм в обители, но и украсить его стенным писанием. В 1426 г. в сем храме уже положен князь Андрей Владимирович Радонежский». Все эти соображения подтверждают, что Преподобный Сергий скончался в 6900 г. и что в числе 6905 есть ошибка: букву *«е»*, коей оканчивалась цифра (лето 6900-е), писец принял за цифру и поставил под титлом. Так думают: преосв. Филарет Черниговский, П. С. Казанский и о. *архим. Леонид* (см.: Памятники древней письменности, 1885. Житие Преп. Сергия, с. V–VI, в примечании [21]). –Остается вопрос: какой год следует принимать при переводе лет от Сотворения Мира на годы от Рождества Христова –сентябрьский или мартовский? Известно, что при переводе сентябрьских годов на январские в месяцах с сентября по декабрь принято вычитать не 5508, как при переводе в прочих месяцах, а 5509, откуда и получается год кончины Преподобного Сергия –в сентябрьском году 1391-й, а в мартовском 1392-й. Некоторые исследователи, как Карамзин и за ним Строев, опираясь на то, что в древних летописях –Троицкой, Воскресенской и др. –в начале княжения Василия Дмитриевича летописание ведется, по-видимому, с марта, принимают 1392 год. Но большинство исследователей, к числу коих относятся преосв. Филарет Черниговский, преосв. Сергий Владимирский°, о. архим. Леонид, профессора В. О. Ключевский и П. С. Казанский, относят кончину Преподобного Сергия к 1391 году. Мы более склоняемся к последнему летосчислению по следующим соображениям: неизвестно с точностью, с какого именно года принято вести летосчисление с сентября, можно с вероятностью предположить, что это счисление введено было с начала нового столетия, именно с 6900 года. Во всяком случае, это летосчисление новое в то время, и летописцы, сводившие записи о событиях уже в XV столетии, могли, по выражению *Карамзина*, «сбиваться на старину» в означении годов не только в событиях конца XIV, но даже и в первой половине XV века (см. Ист. Гос. Росс., т. V, примеч. 246 [31]). Первоначального же текста летописи, современной кончине Преподобного Сергия, до нас не дошло. Допустить такую ошибку в годе кончины Преподобного Сергия было возможно уже и потому, что ни в одной записи не означен день седмицы, на который приходилось в том году 25 сентября. Между тем и помимо летописей есть указания на 1391 год как год кончины Преподобного. В рукописи Лаврской библиотеки № 264 есть такая приписка: «В лето 6900, мес. сентеврия 25 преставися Сергий Чудотворец... в лето 6967 индикта 6, круг

солнцу 22 и луны 12, фемелиос 15 [Рожество Христово в неделю, мясоястия 6 недель и день, фарисея 22 ген||варя, мясопуст февраля 5, Петрова говенья 4 недели и 3 дни, Петра в четверг], от сего лета Сергию Чудотворцу (со дня его блаженной кончины) настала година 67, а Никону игумену 31» (Опис. Слав.-Русск. Рук. Тр. Лавры, т. II, с. 40 [8]). Все пасхалические даты этой записи соответствуют, по Великому Индиктиону, не 6987, а 6966 году, значит, инок, сделавший эту запись, считал год с сентября, а не с марта и, указывая на 6900 год как год кончины Преподобного, тоже разумел сентябрьский, а не мартовский год. Но самый верный ключ к решению этого вопроса дает нам надпись на окладе лаврского рукописного Евангелия: «В ле 6900 март. индикта 31 (это число, очевидно, относится не к индикту, а к месяцу) оковано бысть Евангелие се при Велицем Князе Васильи Димитриевиче всеа Руси...» (см.: Полное Описание Лавры, ч. I, с. 37 [13]). На этом окладе Преподобный Сергий изображен уже в числе святых с такою надписью: «Святой Сергий». Если сей оклад, как показывает эта надпись, сделан в марте 1392 года, а Преподобный Сергий скончался позднее, в сентябре того же года, то приходится допустить, что изображение угодника Божия в числе святых сделано еще при его жизни, но возможно ли такое предположение? А принимая год его кончины 1391, нетрудно понять, что благоговейный чтитель его памяти, раб Божий Феодор (Голтяев), жертвуя сие Евангелие в обитель Преподобного Сергия чрез полгода после его кончины, сделал на окладе и его изображение. Достойно примечания: лето 6900-е –год кончины многих святых –Преподобного Сергия, 25 сентября; Иакова, Епископа Ростовского, 27 ноября; Феодора, Юродивого Новгородского, 19 января; Димитрия Прилуцкого, 11 февр.; Мефодия Пешношского, 14 июня; преподобных Григория и Кассиана Авнежских; Николая Качанова Юродивого, 27 июля; преподобного Романа Киржачского, 29 июля. Из сего списка видно, что святой старец Сергий воззвал к себе в небесную обитель многих и из учеников своих в том же году. – *173*

[186] *Епифаний* в Похв. Слове Преп. Сергию [21, с. 161]. –*174.*

[187] См. вторую молитву после Акафиста Преп. Сергию [см. также: 21, с. 162 и 166]. –*175.*

[188] Соч*. митр Платона*, XIX, с. 141–142 [53]. –*176.*

Примечания к 19-й главе

[189] Сведения о них см. выше, гл. VII. – 177.

[190] Ник. Лет. IV, 236–238, [59; 55, т. XI, с.145–146] ; – Рукописные Святцы. – *176.*

[191] Ник. Лет. IV, 152 [59; 55, т. XI, с. 91]. – *178.*

[192] *Карамзин.* V, примеч. 137 [31]. – *178.*

[193] Осада Лавры. I, 164 [1]. – *178.*
[194] У *Фил. Черниг.*, сент., с. 146 [83, примеч.]. – *178.*
[195] Полное Описание Лавры. I, с. 58 [13]. – *179.*
[196] Житие преподобного Никона, игумена Радонежского, соч. *митр. Филарета.* М., 1844. С. 4–5 [85]. – *180.*
[197] Полное Описание Лавры, ч. I, с. 5. [13]. – *182.*
[198] Надпись на «Лествице», писанной в 1412 году: «В лето 6920 написася божественнаа Лествица... в обители препод. игумена Сергиа. В тоже лето и священа бысть церкви в тойже обители мес. семптямвриа в 25 день» (Опис. Рукоп. Лавр. Библ. Т. I, с. 138. № 156 [8]). У *преосв. Филарета Черниг.* (ноябрь 17, с. 355 [83]) год ошибочно выведен 1418. – *182.*
[199] Полное Описание Лавры, I, 57 [13]. – *182.*
[201] По прологу – 1426 г. [56] – *184.*

Примечания к 20-й главе

[202] О распространении монашества из обители Преподобного Сергия читай в «Истории православного монашества» *М. Кудрявцева* [38], в «Русской Фиваиде» *А. Н. Муравьева* [43], в «Истории Русской Церкви» *митр. Макария*, т. IV [41], в «Рассказах из Истории Русской Церкви» гр. *М. В. Толстого* [78]. В рукописном перечне подвижников, вышедших из монастырей, основанных Преподобным Сергием, его учениками и собеседниками, насчитано более ста лиц, прославленных Церковью. Более подробное изложение того же предмета читатель найдет во 2-й книге «Троицкой библиотеки» – «*Троицкий Патерик*» [82]. – *185.*
[203] *Филарет Черниговский,* июль, 409, примеч. 222. [83]. – *185.*
[204] Словарь о Святых, прославленных в Российской Церкви, изд. 2-е, с. 4 [64]. – *186.*
[205] Слава Пресв. Богородицы, ч. III, отд. 2, с. 37–38 [62]. – *186.*
[206] Подробнее о преподобном Авраамии и его монастырях можно читать в книге «Святые угодники Божии и подвижники Костромские». Кострома, 1879, с. 65–73 [61], и в Пам. Кн. для Костромской Епархии, 1868, отд. I, с. 60. – *186.*
[207] Словарь о Святых, с. 193 [64]. – *186.*
[208] *Филарет Черниговский,* янв., с. 51 [83]. – *187.*
[209] Ник. Лет. IV, 232 [59; 55, т. XI, с. 143]. – *188.*
[210] Историч. Опис. сего мон., *Калайдовича,* 1837, с. 6, и примеч. на с. 8 [30]. – *189.*
[211] Там же, с. 98 и 100. – *189.*
[212] См. выше, гл. VII, и примеч. к ней. – *189.*
[213] Историч. Опис. Симонова Монастыря, 1843, с. 7 [48]. – *190.*
[214] Народное предание, записанное у *Чельцова*, повествует, что местность, где теперь церковь св. Иоанна Предтечи на Наре, в селе-погосте Ивановская Гора, проходил некогда Преподобный Сергий, не раз посещая Высоцкий монастырь в Серпухове.

Здесь посадил он дуб, который имел потом в объеме до 13 аршин, и теперь остался только пень (Моск. Вед., 1894, № 89, марта 31). – *191.*

[215] Подробнее об обоих Афанасиях см. у *Фил. Черниг.* под 12 сент., с. 47–55 [83]. – *192.*

[216] Моск. Губ. Вед., 1841, № 6, с. 48. – *192.*

[217] Об основании сего монастыря говорит Ник. Лет. под 1378 г., ч. IV, с. 83–84 [59; 55, т. XI, с. 44]. – *192.*

[218] О Савве Стромынском см. в рукописных Святцах Моск. Дух. Ак., № 86, под 20 июля; об Успенском Стромынском мон. – в Московских Епархиальных Ведомостях, 1870, № 40 [57], и в статье *гр. М. В. Толстого* в Чтениях в ОИДР, кн. I, с. 46 [77], а также в Душеполезном Чтении, 1877, статья «Ученики Преп. Сергия», принадлежащая тому же автору, ч. II, с. 245 [81] и далее. – *192.*

[219] У *преосв. Фил. Черниг.,* сент., 151, примеч. 263 [83]; Словарь о Святых [64, с. 250–251]. – *192.*

[220] Душеполезное Чтение. 1877, II, с. 494 и далее [81]. Рукописные Святцы Моск. Дух. Акад. № 203. – *192.*

[221] Душеполезное Чтение. 1877, II, с. 241 и далее [81]. – *193.*

[222] Об основании Голутвина монастыря Преп. Сергием говорит 2-я Софийская Лет. (Полн. Собр. Русск. Летописей, VI, 122 [55]). – О посохе см. «Русские народные картинки» *Ровинского*, кн. IV, с. 383 [58]. – *194.*

[223] Полное Описание Лавры, ч. I, с. 51 [13]. Впрочем, *преосв. Фил. Черниговский* считал преподобного Никифора за одно лицо с Никитою Серпуховским, а протоиерей *С. К. Смирнов* отожествляет с ними и преподобного Никиту Костромского (см.: Душеполезное Чтение, 1885, июнь, с. 147–148 [68]). – *194.*

[224] Русская Фиваида на севере, с. 8, 9 [43]. – *194.*

[225] Моск. Вед. 1892. № 250. – *195.*

[226] См. выше, примеч. 158. – Истор. Словарь о Святых, с. 105–107 [64]. Святыни и древности Ростова Великого, с. 89–91 [80]. – *195.*

[227] О нем говорено выше, гл. XIV. См. еще: Нижегор. Еп. Вед. 1887, № 19, с. 1071 [16]. – *195.*

[228] Полное Описание Лавры, I, с. 177 [13]. – *196.*

[229] Памятником существования этой обители осталось название кремлевских ворот, близ коих она находилась, *Троицкими*. – *196.*

[230] Статистич. Историч. Описание церквей и монастырей Рязанской Епархии, *свящ. И. В. Добролюбова*, Рязань, 1884, с. 50–51 [17]. Предание говорит, что «Преп. Сергий по прибытии в столицу княжества Рязанского не прямо вступил в княжеский дворец, находившийся на месте нынешнего архиерейского дома, а предварительно останавливался в Троицком монастыре… Но такое предание не подтверждается ни в одной из летописей». Автору упомянутой книги кажется

более вероятным, что Троицкий монастырь был основан в память пребывания Преподобного Сергия в Рязани не ранее XV столетия. Но столь же вероятно и то предположение, что он основан самим Преподобным Сергием, по желанию Рязанского Князя, подобно тому как им основаны были, по желанию местных князей, монастыри в Серпухове и Коломне. – *196.*

[231] Укажем хоть один пример: в селе Чашникове° Московского уезда при Троицкой церкви есть одна плита с надписью, что тут погребен схимник. Село это известно по письменным документам с 1585 года (см.: Старая и Новая Москва, *И. Токмакова,* вып. VII [75]). – Замечательно, что Преподобный Сергий и многие его ученики были основателями обителей во славу *Пресвятыя Троицы*. – *196.*

От редакции

Книга «Житие и подвиги Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца», составленная иеромонахом, впоследствии архиепископом, Никоном (Рождественским), является одним из наиболее интересных и читаемых произведений русской агиографической литературы XIX века.

«Предлагая благочестивым читателям свое описание “Жития и подвигов Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия”, – писал автор в предисловии к книге, – потрудившийся в его составлении считает долгом сказать, что он вовсе не имел в виду писать ученое исследование о жизни угодника Божия: он задался более скромной целию – собрать в одну книгу все, что можно было найти в исторической и проповеднической литературе о Преподобном Сергии, и соединить в одно целое не только все дошедшие до нас подробности из его жизни, но и те нравственные уроки, какие извлекали из сказания о его жизни наши проповедники»[1]. Стремление к максимальной полноте описания и одновременно к назидательности нашло в книге прекрасное воплощение, что, в свою очередь, сделало выход в свет в 1885 году ее первого издания заметным событием: одобрительные рецензии появились в крупнейших церковных и светских периодических изданиях[2], а спустя некоторое время (в 1888 г.) книга была удостоена от Святейшего Синода чрезвычайно почетной премии митрополита Макария (Булгакова).

Благодаря такому подходу автора книга нисколько не устарела и оказалась на удивление созвучной и нашему времени. Не случайно уже в наше время, как только появилась возможность свободного издания духовно-просветительной литературы, среди первых книг житийной тематики было и несколько репринтных переизданий этого Жития преподобного Сергия.

Настоящее издание «Жития и подвигов Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия», снабженное редакционными

комментариями, подготовлено в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре для возобновляемой книжной серии под названием «Троицкая библиотека»[3].

При составлении Жития преподобного Сергия иеромонах Никон стремился к тому, чтобы оно было понятным возможно более широкому кругу читателей, служило для них источником духовного утешения и наставления, позволяло почувствовать связь со славным прошлым своего Отечества и извлечь из него уроки истинного христианского благочестия. Для читателей, выросших в лоне православной духовной традиции, к которым и обращался иеромонах Никон, были понятны скрытые за кратким упоминанием реалии духовного опыта жизни русского человека в Православной Церкви. Для многих наших современников, переживающих последствия разрыва духовной и культурной традиции России, эти реалии, к сожалению, зачастую требуют разъяснения. Поэтому при подготовке настоящего издания в него были включены соответствующие пояснения, составившие первый слой редакционных комментариев.

Хотя сам автор и заявлял о том, что к Житию преподобного Сергия, составленному им, не нужно относиться как к ученому исследованию, мы с полным правом можем отнести эту книгу к сочинениям, имеющим и научный характер: уже первое издание (1885 г.) этого Жития было снабжено многочисленными, зачастую весьма обширными примечаниями исторического характера, для составления которых автором было использовано внушительное количество рукописных и печатных источников (славянских рукописей, летописей, сочинений церковных историков и агиографов), церковной и светской периодики. Из четырех последующих изданий[4] ни одно не было стереотипным: хотя назидательная часть книги оставалась одной и той же, но каждое последующее ее издание обогащалось как научное исследование. Так, в 1891 году в книгу были включены дополнения исторического характера, учитывавшие все появившиеся к тому времени в научной литературе и периодике публикации церковных и светских историков. В этих дополнениях, в частности, нашла отражение точка зрения автора на основные проблемы хронологии жизни преподобного Сергия (даты его рож-дения и кончины, пострига и возведения в игуменский сан, основания им Троицкого монастыря и введения в нем общежития). Издание 1898 года обогатилось за счет многочисленных материалов, появившихся в печати в связи с празднованием 500-летия со дня преставления преподобного Сергия (в частности, критическими замечаниями автора по поводу некоторых положений, высказанных Е. Е. Голубинским в книге «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра», вышедшей в свет в 1892 году, а также выдержками из знаменитой речи В. О.

Ключевского «Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства» и др.).

Новое издание, продолжая традицию, установленную иеромонахом Никоном, также является своего рода сводом: поскольку за 130 лет исследований не удалось прийти к полному согласию по некоторым сложным вопросам хронологии жизни преподобного Сергия, редакция сочла полезным составить свод мнений по этим вопросам разных исследователей, в том числе и современных, что образовало второй слой редакционных комментариев.

Сделаем несколько замечаний относительно принципов подготовки текста книги к настоящему изданию. Если подходить к публикации «Жития и подвигов Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия» как памятника агиографической литературы XIX века, то предпочтительным было бы воспроизведение текста по нормам орфографии того времени. Однако приходится учитывать, что для значительного числа современных читателей эти нормы затрудняют восприятие текста. К тому же и сам автор, чрезвычайно высоко ценя славянское Житие преподобного Сергия, переложил его на современный ему русский язык, стремясь к наибольшей доступности этого Жития. Поэтому редакция сочла целесообразным опубликовать книгу архимандрита Никона (по изданию 1904 г.) согласно современным правилам орфографии и пунктуации. Исключение составило употребление прописных и строчных букв, которое в основном оставлено таким, каким было в прижизненных изданиях. При этом следует отметить, что некоторые слова пишутся автором как с прописной, так и со строчной буквы. Анализ контекста позволил установить, что слова «Преподобный» и «Святитель» пишутся с прописной буквы только в том случае, если они относятся к прославленным Церковью святым[5]. Слово «Князь» пишется с прописной в тех случаях, если оно относится к Великим князьям Владимирским, Московским, Тверским, Рязанским и Литовским. Во всех остальных случаях слово «князь» пишется со строчной буквы. Также без изменения оставлены имеющиеся в тексте славянизмы: «служитель Святыя Троицы», «сосуд Святаго Духа», «обитель Живоначальныя Троицы» и некоторые другие. Для церковного автора, одинаково хорошо владевшего как русским, так и церковно-славянским языком, включение славянизмов в русский текст является вполне естественным и составляет, по нашему мнению, особенность авторского стиля.

В Житии преподобного Сергия архимандрита Никона приводится много цитат, иногда и без указания источника цитирования. Тем не менее практически все эти цитаты удалось сверить с первоисточниками. В результате этой сверки выяснилось, что, полностью воспроизводя при цитировании смысл оригинала, автор зачастую не следует оригиналу

дословно. В тех случаях, когда изменения, внесенные автором при цитировании, были незначительными, дословные цитаты восстановлены. Это в первую очередь касается цитат из «Слов и речей» святителя Филарета (Дроздова), исторических документов и летописных свидетельств. В то же время цитаты из сочинений митрополита Платона (Левшина) оставлены в том виде, как они приведены архимандритом Никоном: ему удалось русским языком XIX века бережно передать глубокие мысли, высказанные некогда митрополитом Платоном сильным и точным, но несколько архаичным языком второй половины XVIII века.

Библиографические описания, содержащиеся в примечаниях автора к основному тексту, сделаны по возможности более понятными, при сохранении общего стиля дореволюционного издания. Полные, с точки зрения современных норм библиографии, описания рукописных и печатных источников, на которые ссылается архимандрит Никон, приведены в списке источников и литературы, использованных автором. Список имеет сквозную нумерацию, а в самих авторских примечаниях после библиографической ссылки автора в квадратных скобках ставится номер, под которым в этом списке помещено соответствующее библиографическое описание. Литература, которая использовалась при составлении редакционных комментариев, включена в список дополнительной литературы.

Источники цитирования, не указанные архимандритом Никоном, установлены и приведены в редакционных комментариях, образовав их третий слой. Поскольку, как нам представляется, сочинение архимандрита Никона до сих пор не утратило своего значения как важное историческое исследование, редакция сочла возможным в ряде случаев дать библиографические ссылки на более доступные современному читателю издания. В первую очередь это касается Никоновской летописи, многочисленные авторские ссылки на которую приводятся редакцией по ее изданию в Полном собрании русских летописей (т. IX–XIV), а не по редкому и небезупречному с филологической точки зрения изданию второй половины XVIII века, которым пользовался автор.

Ссылки на «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина даются по изданию И. Эйнерлига 1842–1843 годов, выпущенному репринтно большим тиражом издательством «Книга» в 1988 году. Ссылки на «Слова и речи» митрополита Филарета (Дроздова), которые автором приводятся по разным изданиям, для удобства читателя переведены на наиболее полное, 5-томное, посмертное издание 1873–1885 годов.

Настоящее издание, помимо комментариев и списков литературы, снабжено алфавитными указателями собственных имен и географических названий, а также кратким словарем церковнославянских и древнерусских слов.

В заключение скажем несколько слов об авторе книги, являющемся, несомненно, одной из наиболее ярких фигур церковной жизни России конца XIX–начала XX века.
Архиепископ Никон (в миру Николай Рождественский) родился 4 апреля 1851 года в селе Чашникове Московского уезда Московской губернии.
В 1874 году будущий составитель Жития преподобного Сергия окончил учебу в Московской Духовной семинарии первым учеником. Однако продолжать образование в Духовной академии не стал по слабости здоровья и из-за желания принять монашество в обители преподобного Сергия, в которую поступил послушником 18 октября 1877 года[6].
В Троице-Сергиевой Лавре послушник Николай Рождественский сначала был помощником библиотекаря, а с конца 1878 года по благословению митрополита Иннокентия (Вениаминова) и наместника Лавры архимандрита Леонида (Кавелина) стал во главе издания «Троицких листков»[7].
12 марта 1880 года послушник Николай Рождественский принял постриг с именем Никон, в честь ученика и преемника преподобного Сергия, преподобного Никона Радонежского[8].
16 мая 1882 года монах Никон был рукоположен в иеродиакона, а через неделю, 23 мая, – в иеромонаха.
В 1892 году, во время празднования 500-летия преставления преподобного Сергия, иеромонах Никон был возведен в сан архимандрита[9].
В 1893 году архимандрит Никон был назначен казначеем Троице-Сергиевой Лавры.
6 марта 1904 года последовало Высочайшее повеление «о бытии казначею Свято-Троицкой Сергиевой Лавры епископом Муромским, викарием Владимирской епархии»[10], а его епископская хиротония состоялась 14 марта 1904 года в Александро-Невской Лавре в Санкт-Петербурге[11].
8 ноября 1904 года епископ Никон был переведен в Московскую епархию, наречен епископом Серпуховским и назначен четвертым викарием.
22 апреля 1906 года епископ Серпуховской Никон был переведен на Вологодскую кафедру с наречением епископом Вологодским и Тотемским.
31 января 1907 года состоялось избрание епископа Никона членом Государственного Совета.
В 1908–1909 годах он принимал активное участие в подготовке и проведении 1-го Всероссийского съезда монашествующих, открывшегося под его председательством в Троице-Сергиевой Лавре 2 июля 1909 года.
29 мая 1912 года епископ Никон по болезни был уволен от управления Вологодской епархией с назначением членом Святейшего Синода.
4 апреля 1913 года епископ Никон назначается председателем Издательского совета при Святейшем Синоде[12].

6 мая 1913 года выходит Высочайший указ о возведении его в сан архиепископа[13].

В мае–июне 1913 года архиепископ Никон находился на Афоне по особому поручению Святейшего Синода, с целью устранения возникшего среди русских иноков возмущения по поводу почитания имени Божия[14].

7 ноября 1915 года последовало Высочайшее повеление об освобождении «члена Святейшего Синода архиепископа Никона от присутствования в Святейшем Синоде» (Церковные ведомости. 1915. № 45)[15].

В 1915–1917 годах церковная печать, в частности «Церковные ведомости», «Московские Церковные ведомости», регулярно предоставляла свои страницы для публикации поучений и полемических заметок архиепископа Никона, последняя из которых – «Тоска детей по храме Божием» – опубликована в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» в феврале 1917 года (№ 6, с. 117–121), накануне событий, навсегда изменивших облик России.

Скончался архиепископ Никон 30 декабря 1918 года (11 января 1919 года) в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и похоронен за алтарем Духовской церкви. Сведения о кончине и отпевании архиепископа Никона сохранились в дневнике профессора Московской Духовной академии А. Д. Беляева:

«*1918. 30 [декабря]*. Воскресенье. Ныне после ранней обедни скончался архиепископ Никон в своих келлиях. Будто бы он ныне был у ранней обедни в церкви Зосимы и Савватия. В Рождество он не служил; вероятно, по слабости сил. В Николин день он служил в соборе, кажется, в последний раз...

31 [декабря]. Ныне после поздней обедни тело в гробе Никона вынесли в Трапезную церковь – наместник [архим. Кронид (Любимов) – *Ред.*], казначей Досифей и ризничий Аполлос. По внесении они отслужили панихиду...

1919. 2 [января]. Ныне в Трапезной после обедни было совершено отпевание Никона Митрополитом Новгородским Арсением в сослужении наместника и прочей братии Лавры. Речи сказали: Арсений перед отпеванием; от лица Академии – студентом во время отпевания; наместником после отпевания. Наместник заявил, что его считали скупым, это неправда; он помогал нищим, но тайно. Его Листки оказали огромное благотворное влияние... Отпевание было очень продолжительно, но зато и умилительно... Народа было довольно много. Похоронили его около алтаря Духовской церкви. Все служение и погребение продолжалось свыше двух часов»[16].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии

Предисловие

С. 3. …*блаженный Епифаний*. – Св. Епифаний Премудрый (2-я пол. XIV в.– не позднее 1422; память 6 июля) – ученик преп. Сергия Радонежского, монах Троице-Сергиева монастыря (принял постриг в 1375 г.), писатель-агиограф, создатель самого первого Жития преп. Сергия. Это Житие, составленное в 1417–1418 гг. на основе собранных Епифанием воспоминаний троицких старцев, документальных свидетельств и собственных его записей о преп. Сергии, является основным источником биографических сведений о святом. Кроме Жития, Епифанию Премудрому принадлежат Похвальное слово преп. Сергию (1412), Житие святого Стефана Пермского (1408–1409). Современные исследователи считают, что перу Епифания принадлежат также Повесть о Куликовской битве, Повесть о нашествии Тохтамыша, Слово о житии и преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича и др. (подробнее см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 91–128)[1].

Почетное прозвание Премудрый Епифаний получил за искусство владения словом. Язык его творений насыщен метафорами, эпитетами, сравнениями, многочисленными цитатами из Священного Писания. Однако все эти характерные особенности так называемого стиля плетения словес, которым Епифаний Премудрый владел в совершенстве, никогда не становятся у него самоцелью, а служат тому, чтобы наиболее подобающим образом рассказать о тех высоких предметах, к которым он обращался.

Скончался преп. Епифаний между 1418–1422 гг. в Троице-Сергиевой Лавре, где и погребен. Канонизирован Русской Православной Церковью в 1981 г. в Соборе Радонежских святых.

…*со дня кончины Преподобного Сергия… протекло… пятьсот лет*… – Написано автором в 1885 г.

…*мы не имеем на современном русском языке полного жизнеописания великого старца… и простого полного перевода жития, написанного Епифанием*. – Помимо перевода-пересказа [22][2], на который автор указывает в примеч. 1, в наст. время существуют следующие издания Жития преп. Сергия, составленного Епифанием Премудрым, в переводе на русский язык: Житие Сергия Радонежского / Пер. М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Памятники литературы Древней Руси. XIV–серед. XV в. М., 1981. С. 256–429; то же: // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999. С. 254–411; Житие преподобного и Богоносного отца нашего игумена Сергия Чудотворца, написанное Епифанием Премудрым // Житие и чудеса преподобного Сергия, игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном

Азарьиным, в переводе на русский язык: По изд. 1646 г. М., ЦНС «Православная энциклопедия» – СТСЛ. 1997. Гл. 1–32; 2-е изд.: 2001.
...составлено святителем Московским Филаретом. – Филарет (Дроздов; 1782–1867), митр. Московский и Коломенский, – святой Русской Православной Церкви (канонизирован в 1994 г., память 19 ноября), выдающийся церковный деятель, богослов и проповедник. В течение 46 лет (1821–1867) занимая Московскую кафедру, являлся одновременно и настоятелем Троице-Сергиевой Лавры. Упомянутое архим. Никоном Житие преп. Сергия было составлено святителем Филаретом в 1822 г., вскоре после назначения его на Московскую кафедру.
С. 4....*преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского*... – Филарет (Гумилевский; 1805–1866), архиеп. Черниговский, – иерарх Русской Православной Церкви, один из крупнейших русских ученых-богословов, церковных историков и агиографов XIX в.; автор многочисленных трудов, среди которых наиболее известны: «Историческое учение об отцах Церкви» (1859), «История Русской Церкви» (1847–1848), «Русские святые, чтимые всей Церковью или местно. Опыт описания жизни их» (1861–1864); основатель журнала «Творения святых отцов в русском переводе». В 1835–1841 гг. – ректор Московской Духовной академии.
…*«Жития Святых Российской Церкви» А. И. Муравьева*... – Андрей Иванович Муравьев (1806–1874) – профессиональный военный, сотрудник Министерства иностранных дел, секретарь обер-прокурора Святейшего Синода (1831–1846), член Российской Академии наук с 1837 г.; церковный просветитель, духовный писатель, автор многочисленных духовно-просветительных произведений, среди которых наиболее известны: «Путешествия по святым местам русским», «Жития святых Российской Церкви, также Иверских и Славянских» (в 12 томах), «История Русской Церкви», «Письма о богослужении», «Русская Фиваида на Севере» и др.
…*«Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра»* Е. Голубинского... – Евгений Евсигнеевич Голубинский (1834–1912) – историк Русской Церкви, заслуженный профессор МДА, доктор богословия. Наиболее известен как автор двухтомного труда «История Русской Церкви» и монографии «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» [12].
...*вроде сочинения г. Лаврентьева*... – Речь идет об издании: [Лаврентьев г.] Описание жизни и чудес преподобного и богоносного отца нашего Сергия, Радонежского и всея России чудотворца / Сост. г. Лаврентьев. СПб, 1862; 2-е изд.: СПб., 1876.
С. 5. ...*Херсонского архиепископа Никанора*... – Никанор (Бровкович; 1827–1890), архиеп. Херсонский, – иерарх Русской Православной Церкви, известный проповедник и духовный

писатель, автор критических работ о современных ему течениях философской и религиозной мысли, а также проведенных с позиции православного вероучения исследований жизни и творчества А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

...историк В. О. Ключевский... – Василий Осипович Ключевский (1841–1911) – русский историк, действительный член Российской Императорской Академии наук, профессор МДА, автор «Курса русской истории». Знаменитая речь В. О. Ключевского «Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства» впервые была произнесена на торжественном акте в Московской Духовной академии в связи с 500-летием преставления преп. Сергия (1892) и напечатана в академическом «Богословском вестнике» за 1892 г. Позднее неоднократно переиздавалась.

С. 6. *...Преподобный Иоанн Лествичник...* – Святой Православной Церкви (конец VI–серед. VII; память 30 марта), игумен монастыря Синайской горы, автор «Лествицы» – одного из самых авторитетных в Православной Церкви руководств аскетической жизни. «Описание славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры» ([8]) упоминает 10 списков этой книги из монастырского книгохранилища, относящихся к XIV–XV вв.

...святитель Платон, митрополит Московский... – Платон (Левшин; 1737–1812), митр. Московский и Коломенский, – иерарх Русской Православной Церкви, знаменитый проповедник и духовный писатель, в 1775–1812 гг. – настоятель Троице-Сергиевой Лавры. Много внимания уделял развитию духовного образования в России, был инициатором перевода в Лавру Московской Духовной академии, открыл Духовную семинарию в Вифании, или Спасо-Вифанском мужском монастыре, основанном им же в 1783 г. близ Лавры. Составил акафист (торжественное молебное пение) преп. Сергию (первая публикация – 1795 г.) и его Житие (первая публикация – 1782 г.), автор «Исторического слова», в котором перечислены знаки внимания российских государей к обители преп. Сергия. Множество слов и поучений, написанных им на различные праздники и дни памяти святых, впервые было произнесено в Троице-Сергиевой Лавре.

Глава I

С. 9. *Акаф. ...Ик. ...Ик. Минеи* – Архим. Никон в Житии преп. Сергия использовал в эпиграфах особые церковные песнопения, посвященные святому, – икосы из акафиста (здесь сокр.: *Ик. Акаф.*) и икосы из канона преп. Сергию, содержащегося в Минее (здесь сокр.: *Ик. Минеи*).

Акафист (греч. «акафистос гимнос» – «неседальный гимн», гимн, который поется стоя) – торжественное молебное пение,

одна из форм церковного гимна, ведущая свое начало от Великого Акафиста – хвалебного песнопения в честь Пресвятой Богородицы.
Икос (греч. «дом», «строфа») – церковные песнопения, входящие в канон или акафист святому и рассказывающие о наиболее памятных событиях его жития. Кроме того, каждый икос содержит 12 славословий, воспевающих добродетели и подвиги святого, начинающихся словами приветствия ангела-благовестника (архангела Гавриила) Пресвятой Богородице: «Радуйся...».
Минея – разделенное по месяцам собрание молитв и церковных песнопений годичного круга богослужения на дни празднования церковной памяти святых.
...заштатный... монастырь... – 26 февраля 1764 г. Императрицей Екатериной II был подписан указ «О церковных владениях», известный под названием «Духовные штаты». О сути этого указа известный исследователь монастырей России В. В. Зверинский пишет: «Законодательством этим от монастырей отобраны все вотчинные имения за оставлением им небольшой части земли и служителей; вместо того на содержание назначено денежное годовое жалованье... соразмерно богатству и знатности того или другого монастыря. Согласно этому все монастыри, за исключением лавр... и тех из них, которые предназначены для архиереев... разделены на три степени классов, и в них была установлена норма штатных монахов и монахинь... Затем остальные монастыри, не вошедшие в число штатных, частию оставлены на своем содержании и сделались известными под именем «заштатных», т. е. не получающих от казны постоянного содержания...» (*Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Ч. I. С. X).
...Кирилл состоял на службе сначала у Ростовского князя Константина II Борисовича, а потом у Константина III Васильевича... – Константин II Борисович был князем Ростовским с 1294 по 1309 г., ему наследовал его сын Василий Константинович, скончавшийся, по-видимому, до 1328 г., т. к. Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. VII. С. 201) под этим годом называет ростовским князем уже сына князя Василия Константиновича, Константина III Васильевича (скончавшегося во время моровой язвы 1365 г.). Таким образом, отец преп. Сергия, преп. Кирилл, служил трем ростовским князьям – Константину II Васильевичу, его сыну Василию и его внуку Константину III Васильевичу.
С. 10. «<...>*...истинное благородство состоит в добродетели!»* – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 7 [49].
...смиренно стала... в притворе церковном... – Подчеркивая смирение Марии, матери преп. Сергия, Епифаний говорит, что

она не вошла в сам храм, а стала при входе в него, в передней его части, которая называется притвором.

С. 10–11. *…пропели… Трисвятую песнь… <…> начали петь Херувимскую песнь… <…> Священник возгласил: «…Святая святым!» – младенец вскрикнул в третий раз…* – Здесь говорится о чудесном трехкратном возглашении младенца во чреве матери во время трех наиболее важных моментов литургии – самого главного из православных богослужений: *Трисвятая песнь*, представляющая собой ангельское славословие «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас», трижды поется перед чтением Евангелия; *Херувимская песнь*, называемая так по первым словам песнопения «Иже Херувимы» («Подобно Херувимам»), поется на литургии во время Великого входа, когда Святые Дары переносятся священником с жертвенника на престол через Царские врата; за возгласом священника «*Святая святым!*», завершающим молитвословия Божественной литургии, следует причащение священников в алтаре и прихожан в храме; этим возгласом исповедуется, что единственным источником освящения членов Церкви является Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа.

С. 11. *«<…> …Да будет над ним воля Господня!»* – См.: *Митр. Филарет.* Житие Преподобного Сергия. С. 295 [86].

С. 12. *«<…> …началом всего доброго и спасительного».* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 17 [21].

С. 12–13. *…рождение многих из них предваряемо было особенным откровением от Бога… Пророка Иеремию Бог от чрева матери предызбрал… то же свидетельствует о себе… Исаия…* – Священное Писание свидетельствует, что пророкам Иеремии (VI в. до Р. Х.; память 1 мая) и Исаии (VIII в. до Р. Х.; память 9 мая) Бог Сам открыл, что еще до их рождения Он избрал их на великое пророческое служение (Иер. 1, 4–5. Ис. 49, 1).

С. 13. *«<…> …питали его пламенем огненным…».* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 18–19 [21].

…рассказы о святых Николае Чудотворце, Ефреме Сирине, Алипии и Симеоне столпниках, Феодоре Сикеоте, Евфимии Великом, Феодоре Едесском и Петре, Митрополите Московском… – При описании особых предзнаменований, связанных с рождением преп. Сергия, здесь вспоминаются другие святые Православной Церкви, чудесные события при рождении которых свидетельствовали об их особом призвании: *святитель Николай, архиеп. Мир Ликийских, чудотворец* (IV в.; память 6 декабря) – когда стали омывать его сразу после рождения, внезапно стал на младенческие ножки и простоял так полтора часа;

преп. Ефрем Сирин (IV в.; память 28 января) – после рождения святого родителям его было видение о винограднике, взошедшем на языке их сына и наполнившем всю землю, а в ветвях чудесно взошедшего виноградника собирались несчетные птицы, клевали ягоды, а они вырастали тут же заново; виноград знаменовал тот духовный разум, который будет дарован их сыну;
преп. Алипий столпник († 640; память 26 ноября) – незадолго до рождения святого мать его видела во сне, что она носит на руках красивого ягненка, а на рогах у него свечи; и тогда она поняла, что у нее родится сын, исполненный добронравия, что и сбылось;
преп. Симеон столпник († 459; память 1 сентября) – зачатие святого произошло по обетованию св. Иоанна Предтечи, а после рождения младенец отказывался вкушать молоко из левой материнской груди; и это было знамением того, что младенец выберет правый путь следования путям Господним;
преп. Феодор Сикеот, епископ Анастасиупольский († 613 г.; память 22 апреля, 15 июня) – после зачатия святого матери его было видение во сне: она видела большую и яркую звезду, сшедшую ей на чрево. Видение это означало, что младенец, зачатый ею, освящен Богом еще прежде своего рождения, в материнской утробе, и вырастет исполненным добродетелей и благодати;
преп. Евфимий Великий (кон. IV–нач. V в.; память 20 января) – однажды, когда его родители молились вместе ночью, им было Божественное видение, в котором возвещалось, что Господь дарует им в утешение сына, соименного утешению (Евфимий – от греч. «евфимио» – «радуюсь», «утешаюсь»), потому что при рождении его Бог дарует утешение Своей Церкви, что и произошло, так как время рождения преп. Евфимия совпало с прекращением арианской ереси, раздиравшей Церковь;
преп. Феодор, епископ Едесский (IX в.; память 9 июля) – отцу и матери святого, долгое время бывшим бесчадными, в одно и то же время явились св. апостол Павел и св. великомученик Феодор Тирон; апостол Павел положил им на руки младенца, а св. Феодор нарек ему имя – Феодор и открыл им, что младенец воистину будет даром Божиим (имя Феодор означает «дар Божий»), что и сбылось;
Митр. Всероссийский Петр, святитель Московский († 1326 г.; память 4 августа, 5 октября, 21 декабря) – матери будущего святителя незадолго до его рождения было видение, будто держит она на руках ягненка, между рогами которого растет прекрасное дерево с цветами и плодами, а между ветвями дерева горит множество свечей, что знаменовало множество даров Божественной благодати, которыми был наделен будущий святитель.
…*«долготою слова послушателем слухи ленивы не сотворити»* (ц.-слав.) – «длинными речами слушателей слух не утомлять»

(см.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 21–22 [21]).

«<...> ...Божественное о нем промышление». – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 21–22 [21].

...младенца, который будет избранным сосудом Святаго Духа... – Епифаний Премудрый называет младенца, будущего отрока Варфоломея, «избранным сосудом», следуя православной традиции именовать так тех, кого Господь сподобил быть особым вместилищем даров благодати Духа Святаго.

С. 13–14. *«<...> ...становится чрез то еще прекраснее».* – См.: *Митр. Платон*. Житие Преподобного Сергия. С. 7 [49].

С. 14. *«<...> ...(Еф. 3, 15)»* – См.: *Митр. Филарет*. Житие Преподобного Сергия. С. 296–297 [86].

С. 15. ...*чтобы... не испытали потом горькой участи сынов царствия, которые будут изгнаны, по слову Господню, во тьму кромешную.* – Под *сынами царствия* здесь подразумеваются те из Израильского народа, кто не познал и не признал Спасителя, пришедшего во плоти.

С. 16. «*...проявляемы были семена будущих его расположений».* – См.: *Митр. Филарет*. Житие Преподобного Сергия. С. 297 [86].

С. 17. *«<...> ...предызбранный Богом еще до рождения».* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 16 [21].

«<...> ...его будущие склонности и нравы». – См.: *Митр. Платон*. Житие Преподобного Сергия. С. 8 [49].

Глава II

С. 18. *Ростовским Епископом в то время... был Прохор...* – Прохор, епископ Ростовский, рукоположен Митрополитом Петром (о нем см. комм. к с. 30, к словам: *«...прозорливый святитель Петр...»*) в 1311 г. из архимандритов Ярославского Спасо-Преображенского монастыря. Ему явилась Толгская икона Божией Матери 8 августа 1314 г. Им написана служба святителю Петру. Преставился 7 сентября 1328 г., погребен в Ярославском Спасском монастыре.

С. 19. *«...встречаются какие-либо непреодолимые препятствия».* – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 9 [49].

...с Саулом, который... встретил Пророка Самуила... – Епифаний Премудрый, проводя параллель между Саулом, первым царем (XI в. до Р. Х.) над Израилем (Израильским народом), и отроком Варфоломеем, обращает наше особое внимание на то, что, будучи посланы родителями своими на поиск пропавших животных, и тот и другой обрели, по милости Божией, несравненно больше того, на что первоначально рассчитывали: Саул был извещен св. пророком и судией

Израильского народа Самуилом (память 20 августа), что будет помазан на царство (1 Цар. 9), а отрок Варфоломей получил дар разумения Священного Писания.

…*старца-черноризца, саном пресвитера…* – преклонного годами монаха-священника.

С. 20. …*частицу святой просфоры…* – Просфора (греч. «приношение») – пшеничный квасной хлеб, участвующий в главном христианском таинстве – Божественной литургии – и освящающийся в нем. Именно поэтому святой просфорой как неким знаком благодати Духа Святаго можно благословлять. Просфоры по окончании Божественной литургии раздаются верующим и как святыня с благоговением сохраняются и вкушаются ими.

С. 21. …*начало третьего часа…* – Третий час – одна из служб суточного круга церковного богослужения. Название ее происходит от обозначения времени совершения этого богослужения Древней Церковью (в 3 часа дня по ветхозаветному времяисчислению). В «Новой Скрижали» читаем: «Третий час поем в честь Троицы: 1) потому, что прошла четверть дня, 2) в третьем часу иудеи обвинили Спасителя нашего и положили его убить и 3) в этом же часу на апостолов сошел Дух Святый, Которым просветились мы все живущие во вселенной» (*Вениамин, архиеп.* Новая Скрижаль. Т. 1. С. 65).

…стихословить Псалтирь… – петь или читать нараспев псалмы.

С. 22. *Над ним сбылось… слово Пророка: …и рече Господь: се дах словеса Моя во уста твоя…* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 27 [21].

С. 23. *…разные Палеи…* – Толковый словарь В. Даля определяет Палею (греч. *палея* (– «древность») как «летопись выбором из Ветхого Завета»; в Древней Руси Палеями назывались сборники переводов или пересказов исторических повествований из Ветхого Завета (историческая Палея), иногда со святоотеческими толкованиями на события ветхозаветной истории (толковая Палея). Палеи, известные на Руси с XIV в., восполняли собой отсутствие в то время полного перевода Библии на церковно-славянский язык.

С. 24. *…некоторые рукописи XII–XIV веков, оставшиеся в библиотеке Лавры от времени самого ее основателя…* – К XII–XIII вв., согласно «Описанию славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры» [8], относятся пергаменные рукописи: Паремийник, № 4 (2005); Поучения Ефрема Сирина, № 7 (2016); сборник Поучений святых отцов, № 12 (2023); Кондакарь крюковый, XII в., № 23 (2011); Житие св. Нифонта, 1222, № 35 (2018).

«…не так, – замечает святитель Филарет, – как многие долголетние ученые, которых учение цветет в словах, но в делах не созревает». – См.: *Митр. Филарет.* Житие Преподобного Сергия. С. 300 [86].

…тлят обычаи благи беседы злы…(ц.-слав.) – «худые сообщества развращают добрые нравы».

С. 25. *…следуя мудрому наставлению Великого Василия…* – Василий Великий – святитель и вселенский учитель Церкви, архиеп. Кесарийский († 379; память 1 и 30 января). Ему принадлежат пользующиеся в Православной Церкви непререкаемым авторитетом правила устроения монашеской жизни.

С. 25–26. *«И виден был в нем… совершенный инок», – говорит блаженный Епифаний. Поступь его была полна скромности и целомудрия… <…> …а если встречал бедняка, то охотно отдавал ему свою одежду.* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 35 [21].

С. 27. *…иноческого подвига…* – Иноческим подвигом в святоотеческой литературе называется идеал монашеской жизни, которому призваны следовать все принимающие постриг. Цель иноческого подвига – стяжание благодати Духа Святаго. Не будет преувеличением сказать, что раскрытию путей стяжания благодати Духа Святаго посвящена вся святоотеческая аскетическая литература.

…венценосный подвижник и пророк… – Здесь подразумевается Царь Израильский и пророк Давид, писатель и певец псалмов – священных песней, составляющих часть Ветхого Завета.

…назначено… Промыслом Божиим… – Промысл Божий – одно из основных понятий христианского вероучения. Бог есть не только Творец, но и Промыслитель мира. В «Христианском катихизисе» святителя Филарета Московского Промысл Божий определяется как «непрестанное действие Всемогущества, Премудрости и Благости Божией, которым Бог сохраняет бытие и силы тварей, направляет их к благим целям, всякому добру вспомоществует, а возникающее через удаление от добра зло пресекает или исправляет и обращает к добрым последствиям» (*Филарет (Дроздов), митр.* Пространный христианский катихизис. С. 24).

Глава III

С. 28. *Радуйся, приобретения ради Христа уметы вся быти вменивый.* – В этом славословии из акафиста преп. Сергию использованы слова св. апостола Павла (Флп. 3, 8): *вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу* – «все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (ц.-слав. *уметы* – сор, то, что выбрасывается как ни к чему не пригодное).

С. 29. *…там они и душу свою полагали за веру Православную…* – Среди претерпевших в Орде мученическую кончину за православную веру к лику святых причислены Церковью князь Черниговский Михаил Всеволодович и боярин его Феодор (1245; память 20 сентября) и князь Рязанский Роман Ольгович (1270; память 19 июля), которым после ужасных истязаний были отсечены головы.

Народ страдал от своеволия... татарских численников и баскаков... – Численники и баскаки – татарские чиновники, участвовавшие в сборе дани. Численники (счетчики) проводили перепись всего населения Руси для определения размера взимаемой дани, получившей название «выход»; баскаки собирали ее, используя татарские военные отряды. И перепись населения и особенно сбор дани сопровождались грабежом и жестокостями со стороны татарских чиновников, уводом русских людей в рабство в Орду. Права отвечать за поступление «выхода» в Орду самостоятельно, без участия татарских баскаков, добился Вел. князь Иоанн Калита (1328–1340). После его смерти это право осталось у Великих князей, но во время преп. Сергия Радонежского память о бесчинствах баскачества еще существовала в народе.
«<...> От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!)...» – В приводимой архим. Никоном цитате из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (см. указ. в примеч. 25 источник) говорится о времени между великими княжениями костромского князя Василия Ярославича (1241–1277), занимавшего великокняжеский Владимирский стол с 1272 по 1277 г., и московского князя Иоанна I Даниловича Калиты (годы великого княжения 1328–1340). Три главных беды обусловливали тяжесть этого времени: жестокая княжеская междоусобица, произвол татарских баскаков и бесчинства чрезвычайно размножившихся шаек разбойников. Помимо права доставлять «выход» в Орду без татарских баскаков, Иоанну Калите удалось существенно приглушить княжеские усобицы и очистить русские земли от «татей» и «лихих людей». С началом его княжения, по словам летописца, «бысть... тишина велика по всей Русской земле на 40 лет, и престаша Татарове воевати Рускую землю» (Никоновская летопись – ПСРЛ. Т. X. С. 198).
...наши первосвятители... – Здесь подразумеваются святые Митрополиты Киевские и всея Руси – Петр (1308–1326; память 21 декабря) и Алексий (1355–1378; память 12 февраля).
С. 30. *...прозорливый Святитель Петр...* – Митр. Киевский и всея Руси Петр, святитель Московский, чудотворец, канонизирован в 1339 г. (первым из русских ‖митрополитов причислен к лику святых). Успенским постом 4 августа 1326 г. святитель Петр заложил в Москве «на площади» первый каменный храм, в честь Успения Пресвятой Богородицы, – предшественник Успенского собора в Московском Кремле. В этом же храме, тогда еще недостроенном, Митр. Петр, предвидя близкую кончину, устроил своими руками себе гробницу, где и был погребен после своего преставления 21 декабря 1326 г. Впоследствии в Успенском соборе удельные князья русские целовали крест Великому князю Московскому в знак признания его власти над собой, а самодержцы российские венчались на царство.

...выдал своих дочерей одну за Василия Давидовича Ярославского, а другую за Константина Васильевича Ростовского... – Летописи содержат скудные сведения об этих удельных князьях. Василий Давидович, с 1321 г. князь Ярославский, скончался в 1345 г. Новгородская летопись под 1339 г. сообщает, что князь Иван Калита выслал отряд из 500 человек против Василия Давидовича, для того чтобы перехватить его, когда тот, сопровождая вызванного ханом князя Тверского Александра Михайловича, направлялся в Орду (ПСРЛ. Т. III. С. 350). Российские историки *Н. М. Карамзин* (История государства Российского. Т. IV. Гл. IX [31]), *С. М. Соловьев* (История России с древнейших времен. Кн. II. С. 227), *А. А. Горский* (Москва и Орда. С. 64) единодушно утверждают, что князь Василий, хотя и был зятем Вел. князя Иоанна Калиты, одновременно был союзником Александра Михайловича Тверского, соперника Иоанна Калиты в борьбе за великое княжение. – Константин III Васильевич, князь Ростовский, сын Василия Константиновича Ростовского (см. комм. к с. 31, к словам: *«...князем Василием Константиновичем...»*), владел в 1328 г., на момент своей женитьбы на дочери Иоанна Калиты Марии, половиной Ростовского княжества; в 1340 г. по повелению татарского хана в составе русской великокняжеской рати принял участие в походе на Смоленск; в 1360 г. попытался в Орде получить ярлык на все Ростовское княжество, но за это был лишен и своего удела князем Московским Дмитрием Ивановичем, в том же году вынужден был уехать в Устюг, где и скончался в 1365 г. со всей своей семьей от морового поветрия.

С. 30–31. *...потягнули к Москве* (ц.-слав.) – подчинились Москве.

С. 31. *...князем Василием Константиновичем...* – Василий Константинович, отец князя Константина III Васильевича (см. комм. к с. 30, к словам: *«...выдал своих дочерей...»*), князь Ростовский с 1309 г., преставился до 1328 г. (см. комм. к с. 9, к словам: *«...Кирилл состоял на службе...»*), наследовал Ростовское княжество после умершего в Орде Константина Борисовича Ростовского. Воскресенская летопись под 1316 г. сообщает, что «того... лета прииде из орды Василий Костянтинович Ростовский, а с ним послы Татарские Сабанчий и Казначий, и много зла створиша Ростову» (ПСРЛ. Т. VII. С. 187). Грабительство и насилие, учиненные приведенными князем Василием двумя монгольскими вельможами, остались в Ростове «надолго памятными. Один из них... в 1318 году... опустошил Ростов огнем и мечом, взял сокровища церковные, пленил многих людей» (см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. Гл. VII [31]).

‖*...нашествие Туралыково, в 1327 году...* – Туралык, как сообщает под 1327 г. Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. VII. С. 200), – один из пяти военачальников (темников), посланных

зимой 1327 г. ордынским ханом Узбеком (1313–1341) во главе 50-тысячного войска для усмирения непокорной Твери. Ранее, на Успение 1327 г., возмущенными тверитянами был убит двоюродный брат хана Узбека Чолхан (в русских летописях – Шевкал), прибывший в Тверь, вероятно, для взимания поборов в счет уплаты дани за великокняжеский ярлык князя Александра Михайловича Тверского (*Горский А. А.* Москва и Орда. С. 61).

С. 31–32. …*село… Городок… в древности носило имя Радонеж.* – Ныне селу Городок возвращено его древнее имя Радонеж.

С. 32. *…назначил «село Радонежское» в удел Великой Княгине Елене… Вскоре… село… перешло… в… собственность младшего сына Иоаннова, Андрея…* – Село Радонежское, входившее по духовной грамоте Иоанна Калиты (1328) в удел его первой жены, Вел. княгини Елены, перешло младшему сыну Иоанна, Андрею (князю Боровско-Серпуховскому; 1327–1353), скорее всего после смерти его матери, последовавшей в 1331 г. (Никоновская летопись – ПСРЛ. Т. X. С. 204), но после вторичной женитьбы Вел. князя перешло в удел его второй жены, Вел. княгини Ульяны, и лишь после ее смерти (около 1374) владения княгини вернулись потомкам Иоанна Калиты от первого брака: по письменным источникам известно, что третья часть ее удела, в которую, в частности, входила Радонежская волость с Троицким монастырем, досталась сыну Андрея Иоанновича, Владимиру Андреевичу Храброму, князем же Радонежским стал именоваться пятый сын последнего, Андрей Владимирович (1388–1426), который, согласно завещанию отца (1410), стал владеть городком Радонеж с тремя волостями.

В числе… переселенцев Епифаний называет… тысяцкого… – Тысяцкий – старший из бояр князя, посредник между князем и народом. Власть тысяцкого по силе приравнивалась к княжеской: выбранный народом, он был воеводой собственно городского ополчения. То, что тысяцкий и боярская знать Ростова покинули город, говорит о степени его упадка и разорения.

…Кирилл должен был получить поместье, но… по старости, уже не мог нести службы… – Боярину, поступившему на службу к князю, полагалось земельное владение – поместье, которое выделялось князем из своих вотчинных земель условно, лишь на то время, пока боярин продолжал служить князю.

…для желающего… устроять свое спасение со всех сторон встречаются… соблазны. – В православной аскетической литературе под *соблазном* понимается духовное преткновение, то, что пытается отвести человека от истины к заблуждению, от благочестия к нечестию.

С 33. *…угодить… родителям и упокоить их старость…* – То есть до самой кончины родителей своих утешать их, окружая заботами.

...при конце своей... жизни Кирилл и Мария пожелали... воспринять на себя ангельский образ. – Перед своей смертью родители преп. Сергия пожелали принять схиму (греч. «образ») – высшую степень монашества, требующую совершенного отчуждения от мира для соединения с Господом нашим Иисусом Христом. Схима называется *ангельским образом* потому, что принимающие ее призваны к жизни в совершенной чистоте, нестяжательности, послушании и, что особенно важно, богомыслии, постоянном молитвенном устремлении к Богу.

...Покровский Хотьков монастырь... – «Женский, 3-го класса (с 1764 г.) Московской губ. Дмитровского уезда, в 32 верстах от Дмитрова, в 45 верстах от Москвы, в 10 верстах от Троице-Сергиевой Лавры... при речке Паже. Основан в XIV столетии Кириллом и Марией, родителями преп. Сергия. До 1504 г. монастырь служил убежищем для мужчин и женщин, но по указу 1504 г. оставлен лишь женским. До 1764 г. состоял приписным к Троице-Сергиевой Лавре, а в этом году положен в 3-й класс. Во время осады Троицкого Сергиева монастыря поляками Хотьков монастырь был совершенно разорен, так что не осталось ничего, что бы напомнило его древнее основание» (*Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Ч. 2. С. 399). До революции состоял как женский. В 1921 г. был закрыт. Возрожден в 1992 г. (См. также комм. к примеч. 36 архим. Никона, к словам: *«...родители Варфоломея... погребены в Хотькове...».*)

Глава IV

С. 36. *Опытные в духовной жизни подвижники...* – Подвижники (др.-русск.) – совершители подвига – великого и трудного дела, требующего больших усилий. Духовная жизнь есть собственно жизнь в Духе Святом. Жития святых Христианской Церкви свидетельствуют, что человек, действительно, может приблизиться к Богу, стать вместилищем благодатных даров Духа Святаго, наконец, достичь богоподобия. Драгоценный опыт жизни в Духе Святом Православная Церковь хранит в святоотеческих творениях и Житиях святых.

С. 37. ...«*принужен быв словесы блаженного»* (ц.-слав.) – «повинуясь словам блаженного» (см.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 38 [21]).

С. 38. *«...в невинном состоянии, до грехопадения».* – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 15 [49].

С. 40. *«<...> ...богословствуя, приносит свою молитву».* – Источник цитирования установить не удалось.

...Всероссийского Митрополита Феогноста... – Феогност, Митр. Киевский и всея Руси (1328–1353), святой (память 14 марта). Грек по происхождению, он стяжал уважение и любовь своей русской паствы трудами и попечением о ее благе.

Митр. Феогност боролся за сохранение единства Русской митрополии, против образования в западной ее части, находившейся под властью литовских князей, самостоятельной митрополии; он поддерживал объединительную политику московских Вел. князей Иоанна Калиты и Симеона Иоанновича; в 1342 г. святитель Феогност, не устрашившись угроз и притеснений в Орде, сумел отстоять прежние льготы, которыми пользовалась Церковь при ордынских ханах. Скончался от чумы, погребен в Московском Успенском соборе.

антиминс (греч. «вместопрестолие») – четырехугольный плат из шелковой или льняной материи с изображением положения Господа Иисуса Христа во Гроб. В антиминс вкладываются и зашиваются частицы мощей святых. Божественная литургия всегда совершается на антиминсе.

«...поспешением Святаго Духа». – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 41 [21].

...в 1340 году... при Великом Князе Симеоне Иоанновиче Гордом. – Симеон Иоаннович Гордый (1318?–1353), старший сын Иоанна Калиты, с 1340 г. – Вел. князь Владимирский и Московский. Князь Симеон продолжил дело своего отца по объединению русских земель вокруг Москвы. Он отличался христианским благочестием и любовью к украшению храмов: попечением Симеона Иоанновича были расписаны белокаменная Архангельская церковь в Московском Кремле, предшественница нынешнего Архангельского собора, и церковь Спаса Преображения в созданном его усердием московском Спасском монастыре. Скончался в мор 1353 г. Перед кончиной князь Симеон принял монашеский постриг с именем Созонт.

«<...> ...самого себя всецело уготовать в жилище Духа Святаго». – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 15–16 [49].

С. 41. *...в Богоявленском монастыре...* – «Богоявленский Московской епархии, 2-го класса мужеский монастырь находится в столичном городе Москве, в Китае, за Ветошным рядом, или что за Торгом. Богоявленским именуется по главной церкви. Строением начат в княжение Вел. князя Даниила Александровича Московского, в 1296 году, а окончен при его сыне Великом князе Иоанне Даниловиче Калите около 1304 г.» (История российской иерархии. Ч. 3. С. 402–403 [6]). После революции монастырь был упразднен. Службы в Богоявленском соборе продолжались до закрытия его в июле 1929 г. Собор был возвращен Церкви в мае 1992 г. и открыт как приходской храм.

...будущий Святитель Всероссийский Алексий. – Алексий, Митр. Киевский и всея Руси с 1354 г., святитель Московский, чудотворец (1293?–1378; память 12 февраля), преемник Митр. Феогноста, в миру носил имя Елевферий и происходил из боярского рода Бяконтов. Принял постриг в Московском Богоявленском монастыре в двадцатилетнем возрасте. Как сообщает его Житие, в этом монастыре он подружился со

старшим братом преп. Сергия – Стефаном. Житие преп. Сергия содержит многочисленные свидетельства постоянного попечения святителя Алексия о Преподобном и основанной им Троицкой обители. Ныне святые мощи Митр. Алексия покоятся в Московском Богоявленском соборе в Елохове.
...певали на клиросе. – Клиросом называются специальные места в храме, обычно справа и слева перед алтарем, отведенные для участвующих в богослужении чтецов и певцов.
С. 42. *«<...> ...начальника многочисленной братии и отца многих обителей».* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 42–43 [21].

Глава V

С. 43. *«Все поступки Варфоломея... – говорит святитель Платон, – показывали, что он был муж... рассуждения духовного*». – Источник цитирования не установлен.

...связать себя обетами монашества... – Принимающие монашеский постриг дают перед Богом обеты (обещания), имеющие целью привести постригаемых к нравственному совершенству. Эти три обета суть: девство (безбрачие, чистота и целомудрие), послушание (совершенное отречение от собственной воли и смиренное служение братии) и нищета (нестяжание, отказ от попечения о накоплении земных благ).
С. 44. «*...облеки меня в чин иноческий...»* – Так Епифаний Премудрый выразил просьбу Варфоломея о монашеском постриге. В молитвах во время пострига «облачением в чин иноческий» называется облачение постриженника в монашеские одежды.
С. 45. *...был Сергий... последний мудрованием...* – Под «мудрованием» здесь следует понимать горделивые, самонадеянные помыслы.
...ни один не достиг меры его духовного возраста. – То есть не достиг меры его духовного совершенства. Святоотеческое учение выделяет в человеке, стремящемся к духовному совершенству, разные этапы его развития: от только начинающего жить по Христу, «младенца во Христе» (1 Кор. 3, 1–2), до «мужа совершенна, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13).

...с отнятием власов... – Отъятием волос (ц.-слав.) называется крестообразное пострижение четырех прядей волос у принимающего монашеский постриг.
...совлекался и ветхого человека, чтобы облечься в нового... – «Ветхим» в православной традиции называется человек, душа которого находится в помрачении и порабощении ее грехом (по словам апостола Павла, ветхий человек *истлевается в обольстительных похотях* (Еф. 4, 22)); оставление греховной жизни через покаяние называется «совлечением ветхого человека» (Еф. 4, 24). Но это только начало духовного

возрождения. Апостол Павел учит, что христианину нужно не только «совлечься ветхого человека», но и *облечься в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины* (Еф. 4, 24).
«<…> *…отрекаясь от всего, что в мире, он, как бы обновляемый юностию орлею, возлетал на высоту созерцаний духовных…»* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 45–46 [21]. – Для описания внутренних духовных перемен, произошедших в преп. Сергии после пострига, Епифаний Премудрый использует знаменитый образ из Священного Писания – образ орла, который с обновлением оперения получает юные жизненные силы для полета ввысь (ср. Пс. 102, 5: *Обновится яко орля юность твоя*).
Семь дней провел новопостриженный Сергий неисходно в своей церквице… – Чинопоследование монашеского пострига предписывает новопостриженному монаху в течение нескольких дней (не менее пяти) после пострига пребывать в церкви, присутствуя на каждом богослужении и упражняясь в чтении.
…уклонялся от всякого поделия… – Поделием (др.-русск. «побочное», «неважное») для монаха является все не относящееся непосредственно к служению Богу, в том числе и занятие каким-либо рукоделием.
С. 46. *…трудникам спасения.* – То есть подвизающимся на пути достижения Царства Божия: совершающим аскетические подвиги терпения, смирения, поста, молитвы и т. п.
…жестокость… пути иноческого… – суровость, строгость монашеского подвига.
С. 47. *…новоначальный инок…* – недавно постриженный в монахи.
Подивился старец смиренномудрию своего новопостриженника. – Смиренномудрие (или нищета духовная) есть одна из главных христианских добродетелей, заключающаяся в том, чтобы на деле считать себя последним грешником пред Богом. Божественная благодать приходит только к людям, души которых очищены смиренномудрием. Опыт Христианской Церкви свидетельствует, что стяжать добродетель смиренномудрия можно преимущественно в результате долгих трудов и обладают ею, как правило, лишь опытные в духовной жизни подвижники и духоносные старцы. Поэтому смиренномудрие новоначального инока и вызывает удивление игумена.
С. 48. *…по плану Божественного домостроительства…* – Божественным домостроительством называется в православном вероучении промыслительная деятельность Божия, направленная ко спасению каждого человека.

Глава VI

С. 49. …*Онуфрию Великому подражавый житием в пустыне*… – Преп. Онуфрий Великий (IV в.; память 12 июня) – один из самых строгих христианских подвижников, проведший в Египетской пустыне более 60 лет в совершенном уединении.
…*Паисию последовавый в вечной святыне.* – Преп. Паисий Великий (середина IV–V в.; память 19 июня) – аскет, удостоившийся созерцания Божественных тайн, авва египетских пустынножителей, основатель иноческих обителей.
…*сердечные очи* … – В аскетической литературе этим иносказательным выражением обозначается способность к созерцанию Бога, заложенная Творцом в природе человека, а именно в сердце как средоточии всех сил души. Эта способность притупляется, если сердце человека в результате его греховной жизни затмевается страстями, и возвращается к человеку, если он очищает свою душу покаянием (ср. Мф. 5, 8: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*).
…*Христоподражательную любовь*… – Архим. Никон подразумевает здесь то, что преп. Сергий стремился в своем отношении к ближним подражать любви Господа нашего Иисуса Христа к Своим ученикам (и ко всему падшему человечеству).
С. 50. *«<…> …кто расскажет… об искушениях от врага и страхованиях пустынных?»* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 49 [21]. – Устав подвижнический определяет правила подвижнической жизни, которые || позволяют подвизающемуся достичь духовного совершенства, в частности устанавливают правильное сочетание поста и молитвы. Наиболее распространенный устав – иноческие правила – принадлежит св. Василию Великому. – Страхованиями (ц.-слав. – «страшилище»; «ужас») в аскетической литературе называется особый род искушений, через которые проходят подвижники-отшельники, достигшие высокой степени духовного совершенства. Тогда бесы, лишаясь возможности действовать на душу подвижника изнутри, через его страсти, пытаются действовать совне, являясь видимо в образе чудовищ, страшных звуков и т. д. и стараясь заставить подвижника покинуть уединение и вернуться в мир.
«Но испытавшие знают, – говорит святитель Филарет… – каким трудностям подвержена иноческая жизнь в совершенном уединении». – См.: *Митр. Филарет.* Житие Преподобного Сергия. С. 306–307 [86].
…подвиги самоумерщвления… – обуздывание плоти, телесных похотений постом, трудом, ограничением сна, лишением удобств и т. д. Цель этих подвигов, входящих в качестве составляющих в устав подвижнической жизни, – борьба с плотскими страстями ради достижения духовного совершенства.

С. 51. *…для ревнителя жизни духовной… открывается борьба уже не к плоти и крови…* – Ср. Еф. 6, 12: *…наша брань не против крови и плоти, но… против духов злобы поднебесных*.

С. 52. *«<…> …представляют ему странные образы и нелепые мечтания».* – См.: *Митр. Филарет.* Житие Преподобного Сергия. С. 307 [86].

С. 53. *«Не туне вкушал он хлеб свой», как говорит святитель Платон…* – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 17 [49].

…не боялся их суетных угроз… – *Суетных* здесь: пустых, тщетных (др.-русск.).

С. 54. *…начал молитвословие…* – То есть начал читать молитвы, входящие в церковную службу.

«…хотя сам по себе не имеет власти, падший дух, даже и над свиниями». – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 51 [21].

С. 55. *…читал… свое правило…* – Здесь имеется в виду молитвенное правило, то есть совокупность молитв, которые монаху следует читать ежедневно в определенное время (утреннее, вечернее, ночное правила). Монашеское правило включает в себя также чтение канонов, акафистов и определенное число Иисусовых молитв («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго»).

…Божественная сила приосенила его… – *Приосенила* (от ц.-слав. «сень», «навес») здесь: прикрыла, защитила. Так в Житии говорится о действии Божественной благодати, помогающей подвижнику бороться с искушениями.

…воспел… как новый Моисей, благодарственную хвалу Господу словами Святого Писания… – Уподобляя преп. Сергия пророку Моисею, составитель Жития использует, вслед за Епифанием Премудрым [21, с. 54], вольное переложение благодарственной хвалы Господу, которую, как повествует Священное Писание (Исх. 15), пророк Моисей вознес после чудесного перехода сынов Израилевых через расступившееся пред ними Чермное море и гибели войска фараона, преследовавшего их.

С. 56. *Преподобный Варсонофий Великий* – святой Православной Церкви (кон. V–нач. VI в.; память 6 февраля). Составленное его учеником преп. Иоанном Пророком (VI в.) «Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников» [10] содержит советы и наставления преп. Варсонофия по всевозможным вопросам духовного делания и является по сей день незаменимой поучительной и назидательной книгой для всех подвизающихся в деле спасения, особенно для монашествующих.

С. 57. *«…первоначального повиновения всех тварей невинному человеку».* – См.: *Митр. Филарет.* Житие Преподобного Сергия. С. 310 [86].

«<…> …свирепость преложить в кротость и покорность». – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 18 [49].

С. 58. *«<…> …всем существом своим устремился к Нему единому…».* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 56 [21].

Глава VII

С. 59. *…имевшие… «очищенное чувство духовное или, по крайней мере, ищущие очищения».* – См.: *Митр. Филарет.* Житие Преподобного Сергия. С. 310 [86].
«…пред его дивным смирением и чистотою душевною». – См.: *Пахомий Логофет.* Житие Преподобного Сергия. С. 14 // *Тихонравов Н. С.* Древние Жития Преподобного Сергия. Отд. 2. С. 14.
С. 60. *…с нуждею* (ц.-слав.) – Здесь: с усилием.
С. 61. *…по числу… колен Израилевых.* – То есть по числу 12 племен Еврейского народа, происшедших от Иакова, получившего от Бога имя Израиль (Быт. 32, 24); *колено* (ц.-слав.) – род, поколение, племя.
С. 62. *…Елисей…* – Елисеем, как пишет Е. Е. Голубинский, были написаны две лаврские рукописи, а именно: 16 слов Григория Богослова (ркп. № 8), а также упоминаемое в описи монастыря 1641 г. «хорошо написанное, богато украшенное Евангелие тетр, Елисеевское» (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. 2-е изд. С. 94 [12]).
…Преподобных Сильвестра Обнорского, Мефодия Пешношского, Андроника… – Здесь перечислены ученики преп. Сергия. Все они, по его благословению, основали и стали первыми игуменами знаменитых монашеских обителей России: преп. *Сильвестр Обнорский* († 1379; память 25 апреля) основал обитель на р. Обноре, недалеко от Ярославля; преп. *Мефодий Пешношский* († 1392; память 4 и 14 июня) – на р. Пешноше, вблизи Дмитрова; преп. *Андроник* († 1395; память 13 июня) вместе со святителем Алексием основал Спасо-Андроников монастырь на р. Яузе, близ Москвы.

‖*…собирались в церковь на полунощницу, утреню, третий, шестой и девятый часы, на вечерню и повечерие, совершая… еще частые молебные пения.* – Автор Жития перечисляет семь церковных служб дневного круга богослужений, которые могут совершаться и без священника:

полунощница – с молитвословиями этой службы Святая Церковь связывает воспоминание о молитве Спасителя в Гефсиманском саду перед крестными Его страданиями, а также напоминает верующим о страшном дне Второго Пришествия Христова, воскресении мертвых и Страшном Суде, так как Второе Пришествие Христово будет в полночь;

утреня совершается утром, идет от обычая древних христиан освящать молитвою наступивший день; характерной особенностью утрени является то, что она содержит

молитвословия тем святым, память которых празднуется Церковью в наступающий день;

третий час – см. комм. к с. 21, к словам: «…*начало третьего часа…*»;

шестой час – со службой шестого часа Церковь соединяет воспоминание шествия Спасителя на распятие, само распятие и крестные Его страдания;

девятый час – служба девятого часа установлена в воспоминание крестной смерти Господа нашего Иисуса Христа, происшедшей, как повествует Священное Писание, в девятый час по иудейскому времяисчислению;

вечерня открывает суточный круг богослужений, потому что при Сотворении мира вечер предшествовал дню (Быт. 1, 5); молитвословия вечерни прославляют Бога как Творца и Промыслителя, напоминают грехопадение прародителей, побуждая верующих к осознанию своих грехов и молитве о их прощении;

повечерие – на повечерии воспоминается сошествие Господа нашего Иисуса Христа во ад и освобождение праведных от власти диавола. В молитвословиях повечерия также выражается благодарность Богу перед отходом ко сну по окончании дня;

молебные пения, или молебны, – краткие богослужения, выражающие благодарение или прошение Господу Богу, Богородице или святым. Они не входят в число семи обязательных служб дневного круга богослужения.

С. 62–63. *А для совершения Божественной литургии… приглашали священника…* – Божественная литургия есть самое главное богослужение Православной Церкви, в котором совершается Таинство Святого Причащения, установленное Самим Спасителем на Тайной вечере. В отличие от семи служб дневного круга богослужения, Божественная литургия совершается только епископами или священниками. Так как в обители, основанной преп. Сергием, долгое время не было священника, то для совершения Божественной литургии его приглашали.

С. 63. *…приготовлял к погребению усопшего.* – О приготовлении усопшего монаха к погребению читаем в «Новой Скрижали»: «прежде всего омывается тело, омывая оное губкою с водою, крестообразно, во образ священного Крещения, на челе, очах, устах, персях, коленах и руках…». Затем того скончавшегося монаха «одевают в одежды, приличные его образу, и сверх их зашивают в мантию, из того же облачения делают три креста ради Христа, Которого крест он нес в своем образе, и сверх всего полагают икону Того, Которого он возлюбил, т. е. Христа. С молитвою подъемлется тело и с лампадами относится в божественный храм» (см.: *Вениамин, архиеп.* Новая Скрижаль. С. 427–428).

…служил братии, по выражению блаженного Епифания, как купленный раб… – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 64 [21].
С. 63–64. *…преподобный Епифаний говорит, что… угодник Божий… «имел силу против двух человек»…* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 62 [21].
С. 64. *…это было следствием его трудолюбия и строгого воздержания, замечает… святитель Платон.* – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 19 [49].
…соделаться гражданином горнего Иерусалима! – То есть войти в Царство Небесное. Св. апостол Иоанн Богослов говорит о горнем, или небесном, Иерусалиме как о месте, где народ Божий будет жить вечно с Богом (Откр. 21). Однако войти в небесный Иерусалим (Царство Небесное), стать его гражданином, может не всякий, а только тот, кто сознательно приуготовляет себя к этому, очистившись от всяческого греха, составляющего преграду между Богом и человеком.

Глава VIII

С. 66. *…игумена в новой обители все еще не было.* – Игумен (греч. «правящий», «предводительствующий») – настоятель монастыря. Игуменом мог стать, как правило, монах-священник (иеромонах), которого в обители преп. Сергия в то время не было.
…Сергий… был… руководителем в духовной жизни… но… без сана священного не мог быть… духовным отцом в Таинстве покаяния… – По определению одной из основных вероучительных книг, «Пространного христианского катихизиса Православной Кафолической Восточной Церкви» *Митр. Филарета*, «Покаяние есть Таинство, в котором исповедующий грехи свои, при видимом изъявлении прощения от священника, невидимо разрешается от грехов Самим Иисусом Христом» (с. 58). Совершителем Таинства Покаяния может быть только епископ или священник, в то время как руководителем в духовной жизни подвижников с древних времен монашества мог быть монах и без священнического сана, но, как преп. Сергий, прошедший путь очищения от страстей и достигший духовного совершенства.
С. 67. *…заботиться… о напутствии приготовляющихся к смерти таинствами Церкви.* – Православная Церковь, заботясь об умирающих, напутствует своих чад в загробную жизнь Таинствами Покаяния, Елеосвящения и Причащения. О Таинстве Покаяния см. выше, комм. к с. 66, к словам *«…Сергий… был руководителем…»*; Таинство Причащения в «Пространном христианском катихизисе Православной Кафолической Восточной Церкви» *Митр. Филарета* определяется как «Таинство, в котором верующий, под видом хлеба и вина, вкушает самого Тела и Крови Христовой для вечной жизни» (с. 53); Таинство Елеосвящения, или

соборования, по определению митр. Филарета, есть «Таинство, в котором при помазывании тела елеем призывается на больного благодать Божия, исцеляющая немощи душевные и телесные» (Там же. С. 60).
...совершитель таин Божиих... – Совершителем таин Божиих, то есть всех Таинств Православной Церкви (кроме Священства) – Крещения, Миропомазания, Причащения, Покаяния, Брака, Елеосвящения, – может быть облеченный саном священническим. Таинство Священства может совершать только епископ.
С. 68. *«<...> ...не откажи нам в этой милости!»* – См..: *Митр. Платон*. Житие Преподобного Сергия. С. 20–21 [49].
С. 69. *«<...> ...пусть Он что хочет, то и творит со мною».* – См.: *Митр. Платон*. Житие Преподобного Сергия. С. 21 [49].
Ты насадил виноград сей... – Символическое обозначение общины верующих как винограда или виноградника, насажденного Богом, восходит к Священному Писанию (см.: Иер. 2. 21. Пс. 79. 9. Мф. 21. 33–46. Мк. 12. 1–12. Лк. 20. 9–19). Бог, насадивший этот виноградник, печется о его благополучии через Своих верных слуг (т. е. епископов и священников), а слуг нерадивых наказывает.
...немало искушений и нестроений в юной обители. – Искушениями и нестроениями здесь называются разного рода события внутреннего и внешнего порядка, которые нарушают ровное течение жизни монашеской обители, направляемой иноческим уставом (*искушение* есть соблазн, а *нестроения* – беспорядок и раздор).
С. 71. *...будем блуждать, как овцы без пастыря, и расхитит нас мысленный волк...* – В православной традиции община верующих без духовного руководителя уподобляется стаду овец без пастыря: подобно тому как овцы без пастуха становятся легкой добычей хищника, так и община верующих без духовного руководителя оказывается беззащитной перед кознями «волка мысленного», то есть диавола.
«<...> ...за сохранение подчиненности, а не за домогательство власти!» – См.: *Митр. Филарет.* Житие Преподобного Сергия. С. 313–314 [86].
«<...> ...благотворен закон Твой, Господи!» – См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Русские святые. Отд. 3. Сент. 25. С. 135 [83].
С. 71–72. *...в 1354 году он путешествовал в Царьград по делам церковным...* – Целью путешествия святителя Алексия в 1353–1354 гг. в Константинополь было поставление его на Русскую митрополию и возведение в сан Митрополита Киевского и всея Руси Патриархом Константинопольским Филофеем.
С. 72. *...управление делами митрополии...* – То есть управление делами Русской Церкви, бывшей тогда митрополией Константинопольского патриархата. Автокефальной (независимой) Русская Церковь стала в 1448 г.

...Волынскому епископу Афанасию... – Епископ Владимиро-Волынский Афанасий, сподвижник Митр. Феогноста, переехал во Владимирско-Суздальское княжество, вероятно, после его кончины, последовавшей около 1353 г. Скончался в 1362 г. в Костроме (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов. Стб. 1037 [73]).

...в Переяславле-Залесском, в Нагорном Борисоглебском монастыре. – Борисоглебский на Горе, или Нагорный мужской монастырь в Переславле Залесском, – один из древнейших русских монастырей – основан не позднее 1187 г. (под этим годом упоминается в Житии преп. Никиты Столпника Переяславского; память 24 марта). Как упоминает В. В. Зверинский, «в XIV столетии в нем принял иночество преп. Димитрий Прилуцкий, который через несколько лет основал свой монастырь – Николаевский на Болоте... В XVIII ст. служил загородным домом Переяславских архиереев, а в 1764 г. обращен в кладбище» (*Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Ч. 2. С. 79. № 673).

С. 72–73. *...святитель... пошел в церковь, взяв с собою и Преподобного... облачился во все священные одежды... и... поставил его во иподиакона. Началась Божественная литургия, и Сергий произведен был во иеродиакона...* – Рукоположению преп. Сергия во священника должно было предшествовать, по канонам Церкви, посвящение во *иподиакона*, а затем во диакона. Иподиакон (помощник диакона) и диакон (диакон, состоящий в монашеском чине, называется *иеродиаконом*) суть священнослужители первой, низшей, степени церковной иерархии, которые, участвуя в богослужении, служат при Таинствах, но не совершают их. Обряд рукоположения во иподиакона, а затем во иеродиакона может совершаться архиереем (епископом) в один день: посвящение во иподиакона совершается посреди церкви перед литургией, по облачении архиерея в соответствующие его чину священнические *(священные)* одежды, а на литургии в алтаре новопоставленного иподиакона архиерей рукополагает во иеродиакона.

С. 73. *...в правилах апостольских...* – Апостольские правила – имеющий силу закона свод преданий и обычаев Древней Церкви, ведущих свое начало от времен апостольских и составляющих основу всей церковной жизни.

...облеченный... властию иерейскою... – Под властью иерейской понимается право священника совершать все церковные Таинства для народа Божия (за исключением Таинства Священства, которое может совершать только епископ).

...восходя на небо по лествице Христоподражательного смирения... – Здесь составитель Жития уподобляет духовное совершенствование человека восхождению по некоторой лестнице (*лествице*). Она называется *лествицей смирения* потому, что смирение – главная христианская добродетель – привлекает благодать Божию, которая возводит человека на

Небо (ср. Иак. 4. 6: *гордым Бог противится, а смиренным дает благодать*).

Глава IX

С. 74. *Радуйся, свещнице тричастный, светлейшими богословскими добродетельми светящий. Радуйся, светильниче двойственный, любовию к Богу и к ближнему горящий! (Акаф. 2) ...* (ц.-слав.). – В этом славословии из акафиста преп. Сергию использовано традиционное для молитвословий и песнопений Православной Церкви символическое обозначение святого как горящего светильника, поскольку свя‖тые, по выражению св. праведного Иоанна Кронштадтского († 1908; память 20 декабря), «суть светильники горящие и светящие всему миру своею верою и добродетелями». Христианское учение о трех главных богословских добродетелях опирается на следующее место из Первого послания к Коринфянам апостола Павла (13. 13): *А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь*. Поэтому три «светлейшие богословские добродетели», о которых говорит песнопение акафиста, суть вера в Бога, надежда на Бога и любовь к Богу и ко всему, что Он любить повелевает.
...святого Предтечу Христова... – Св. Пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн (I в. по Р. Х.) – величайший и последний из пророков, о котором Спаситель сказал, что *из рожденных женами нет ни одного пророка, большего Иоанна Крестителя* (Лк. 7. 28). Предтечей Христовым назван Церковью потому, что призывал людей к покаянию, нравственному очищению, чтобы приготовили путь Господу в сердцах своих. По Божию изволению сподобился крестить в водах Иордана Господа нашего Иисуса Христа.
...великих Святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого... – «Трие суть высочайшие угодники Троицы и служители; треострый меч благодати» – так называет Святая Церковь трех святых «вселенских отцов и учителей Церкви» – Василия Великого, архиеп. Кесарийского (329–379; память 9 января), Григория Богослова, Назианзина, архиеп. Константинопольского (329–389; память 25 января) и Иоанна Златоуста, архиеп. Константинопольского (349–407; память 27 января) – в молитвословиях службы, посвященной дню их общей памяти (30 января).
...предстоять престолу Пресвятыя Троицы и касаться руками Агнца Божия, закланного за спасение мира. – Здесь *престол Пресвятой Троицы* – престол в храме. Агнцем Божиим называют Господа нашего Иисуса Христа, принесшего себя в жертву во искупление наших грехов (*закланного за спасение мира*). Здесь же под *Агнцем Божиим* подразумевается так называемый Евхаристический Агнец, то есть вынимаемая священником из просфоры четвероугольная частица, которая в

Таинстве Евхаристии пресуществляется в истинное Тело Христово. По общему смыслу этого места в Житии, преп. Сергий молился о ниспослании ему Божией помощи в совершении главного христианского Таинства – Евхаристии.

С. 75. *...восхищают оное...* – Здесь *восхищают* означает «добиваются», «достигают с усилием».

...страшного геенского мучения избегнуть... – То есть избегнуть наказания адскими муками, которым подвергаются осужденные Богом нераскаянные грешники. Слово «геенна» (греч. «ад», «преисподняя») происходит от названия долины «Сыновей Еннома», места близ Иерусалима, где идолопоклонствующие иудеи при царе Ахазе (732–715 до Р. Х., см. II Цар. XXVIII, 1) сжигали детей, приносимых в жертву языческим богам (см.: Библейская энциклопедия Брокгауза. С. 64).

С. 76. *...мы читаем его... на многих древних иконах угодника Божия написанным в свитке.* – Наиболее древним из дошедших до нас изображением преп. Сергия является шитый покров (1-я четв. XV в.; СПГИХМЗ, инв. № 472). Древнейшим иконописным изображением считается икона преп. Сергия из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры, приписываемая Дионисию (около 1492 г.). На этих изображениях святой держит свернутый свиток. А изображения с развернутым свитком появляются в более позднее время (более подробно об иконографии преп. Сергия см.: *В. В. Нарциссов.* Проблемы иконографии преподобного Сергия Радонежского // Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. С. 54–62).

Блаженный Епифаний говорит, что Преподобный Сергий всегда имел пред духовным взором своим великие образцы ангелоподобной жизни таких светильников монашества, как великие Антоний и Евфимий, Савва Освященный и Пахомий, Феодосий Киновиарх... – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 74 [21]. Здесь перечислены великие святые Православной Церкви, основоположники монашеского жития:

преп. Антоний Великий (251–356; память 17 января) – основатель иноческого отшельнического жития, подвизался в Египетской пустыне;

преп. Евфимий Великий (376–473; память 20 января) – основатель знаменитого монастыря близ Иерусалима, впоследствии названного Евфимиевой лаврой;

преп. Савва Освященный (кон. IV–нач.V в.; память 5 декабря) – основатель обширной лавры в Палестине, близ р. Иордан, автор богослужебного устава (Типика), впоследствии получившего название Иерусалимского и принятого всей Православной Церковью;

преп. Пахомий Великий († около 347; память 15 мая) – основатель иноческого общежительного жития и первого

(около 320 г.) общежительного монастыря в Египетской пустыне, ему же принадлежит первый иноческий общежительный устав (об общежительном иноческом житии и его уставе см. в комм. к с. 83, к словам: *«...в обители не было тогда... правильного общежития...»*);

преп. Феодосий Киновиарх, Великий общих житий начальник (424–529; память 11 января) – устроитель первого в Палестине общежительного монастыря.

...Преподобного Феодосия Печерского... – Преп. Феодосий Печерский (около 1008–1074; память 3 мая и 14 августа) – игумен Киево-Печерского монастыря, учредитель иноческого общежития на Руси. Его Житие, составленное в конце XI–начале XII в., было на Руси одним из самых распространенных чтений.

С. 77. *«...знаменовало... мысль, в Богомыслии водруженную...».* – См.: *Митр. Филарет*. Житие Преподобного Сергия. С. 315 [86]. Этими словами выражено то, что ум преп. Сергия всегда был направлен на Бога и не развлекался посторонними мыслями.

...скатывал свечи... – Имеется в виду один из способов изготовления свечей, а именно скатыванием их из воска вручную при помощи дубового бруска.

...варил кутию, или коливо... – Кутия, коливо (ц.-слав.) – особая поминальная трапеза, обычно вареная пшеница с медом, которая освящается в церкви и вкушается верующими.

||*...архимандрит Симон...* – Симон, как сообщает Е. Е. Голубинский, ссылаясь на «Историко-статистическое описание Смоленской епархии», был архимандритом Борисоглебского монастыря на Смядыни. Этот монастырь, по мнению автора «Историко-статистического описания», был построен на месте убиения св. Глеба и должен был считаться старшим монастырем области Смоленской (см.: *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Изд. 2-е. С. 3. Примеч. 1 [12]). Архим. Леонид (Кавелин) считает, что приход смоленского архим. Симона к преп. Сергию случился, «по соображениям исторического свойства, не ранее 1356 г.», так как «Симон прибыл в Москву из Смоленска как один из кандидатов на праздную тогда смоленскую кафедру, и по занятии ее другим остался в Сергиевой пустыни» (см.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. Предисл. *архим. Леонида*, с. X и примеч. *ж* [21]).

«Многие христолюбцы, имена коих записаны у Господа в книге жизни, – говорит блаженный Епифаний, – стали... приходить к Сергию... приклоняя свои главы под благое иго Господне». – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 78, 80 [21].

...Андроника и Афанасия, уроженцев ростовских. – Преподобные Андроник и Афанасий – ученики преп. Сергия. О них подробнее см. в главе XX наст. изд.

С. 79. *Прикажет... одеть... в длинную свитку...* – Свитка (др.-русск.) – верхняя длинная распашная одежда из домотканого сукна, обычная одежда новопришедших в монастырь на начальной ступени иноческого искуса (испытания самих себя и своего желания служить Богу в монашеском постриге) до принятия их в послушники.

...облечет... в одежду монашескую», или, как ныне говорят, в рясофор... – Под монашеской одеждой здесь подразумевается ряса (длинное верхнее одеяние монахов) и монашеская шапка (камилавка или скуфья). Чтобы носить монашескую одежду, нужно особое разрешение (благословение) игумена (настоятеля монастыря). С облачением в рясу новопришедший становится послушником, то есть членом монастырского братства, живущим по уставу иноческой жизни, но еще не давшим монашеских обетов. Эта ступень иноческого искуса называется *рясофором* – «ношением рясы».

...пострижет... в мантию и даст ему клобук. – Под пострижением в мантию подразумевается собственно монашеский постриг с принятием на себя иноческих обетов (см. комм. к с. 43, к словам: «*...связать себя обетами монашества...*»). Постригаемого, помимо рясы, одевают еще в мантию – длинную, без рукавов, верхнюю накидку, спускающуюся до земли, а на голову надевают клобук – особый монашеский головной убор с покрывалом (наметкой), спускающимся на плечи и в нижней части своей разделяющимся на три конца. В молитвах, сопровождающих постриг, мантия называется «ангельским образом», клобук – «шлемом спасения», а ряса – «ризой радования».

...удостоивал и святой схимы». – О *схиме* см. комм. к с. 33, к словам: «*...при конце своей... жизни Кирилл и Мария*». Святой схиме в уставе иноческой жизни придается высшее, по сравнению с другими степенями монашества, достоинство, потому что она предполагает жизнь, посвященную «несмущаемому размышлению о вещах небесных, строжайшим пощениям, продолжительнейшим пред всеми прочими молитвам, уединению, молчанию, бдению, подвигам и изнурениям...» (*Вениамин, архиеп.* Новая Скрижаль. С. 408).

...совершив свою келейную молитву... – То есть прочитав свое молитвенное иноческое правило (о нем см. в комм. к с. 55, к словам: «*...читал... свое правило*»).

...волоковые оконца... – В древнерусских деревянных постройках волоковым называлось небольшое горизонтальное оконце, образованное прорезью половин двух смежных бревен, закрываемое («заволакиваемое») дощатой задвижкой.

С. 80. *...налагает на него... епитимию.* – Буквальное значение греч. слова «епитимия» – наказание. Однако в Православной

Церкви наложение епитимии является не карой за совершенный грех, а преподанием духовного лекарства для излечения духовного недуга согрешившего. Самая строгая епитимия – отлучение на некоторое время от Причастия. Среди других епитимий можно назвать поклоны, пост, раздачу милостыни, паломничество по святым местам.
...возводя его со степени на степень иноческого искуса... – Об *иноческом искусе* см. комм. к с. 79, к словам: «*...прикажет одеть... в длинную свитку...*».
...Иосиф Волоколамский... – Преп. Иосиф, игумен Волоцкий, чудотворец, святой Русской Православной Церкви (1440–1515; память 9 сентября), основал монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы близ г. Волоколамска, где ввел общежительный устав. Преп. Иосиф был знаменитым церковным полемистом, сурово обличавшим ереси.
С. 81. *«<...> ...благодатные дарования души Сергиевой».* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 80 [21].

Глава X
С. 82. *...каждый инок должен был доставать сам для себя пропитание трудами рук своих...* – Между келлиями и внешней оградой (тыном) Троицкого монастыря располагались, как свидетельствует Житие преп. Сергия, огороды, на которых братия выращивали овощи для своего пропитания.
«...всякими дикими животными – от робкого зайца до кровожадного волка и страшного медведя». – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 73 [21].
...во время игуменства Преподобного Никона... – Преп. Никон Радонежский (?–1428; память 17 ноября), ближайший ученик и преемник преп. Сергия, был игуменом в Троицкой обители в 1392 и 1398–1428 гг. (о нем подробнее см. в гл. XIX наст. изд.).
С. 83. *...в обители не было тогда... правильного общежития...* – В истории монашества известны два устава, определяющих жизнь в монастыре, – особножительный и общежительный. В особножительных монастырях дозволялось иметь келлию и имущество в личной собственности, каждый монах трудился самостоятельно и питался от плодов своих трудов, общей же была, по сути, только совместная молитва в церкви. Общежительными монастырскими уставами предписывался полный отказ от личной собственности, порой даже на самые необходимые вещи, все материальные нужды удовлетворялись из монастырской казны; устанавливались общие обязательные послушания (т. е. общий труд в пользу обители) и общая трапеза; участие в общей молитве стало обязательным для всех иноков обители. Русские монастыри до 2-й половины XIV в. почти исключительно были особножительными, широкое

распространение общежительного устава на Руси началось с введения его преп. Сергием в своей обители.
...фимиама для каждения... – По установившейся в Православной Церкви с древних времен практике, в особенно важные моменты богослужения совершается *каждение* – воскурение *фимиама,* т. е. сжигание в специальном сосуде (кадиле) смеси благовонных веществ, в основном смол.
...*елея для лампад...* – Здесь *елей* – масло для церковных лампад, возжигаемых перед святыми иконами.
...читая... каноны и Псалтирь. – Канон – соединенные по определенному правилу (греч. *канон* – «правило», откуда и название) в одно целое несколько священных песней в честь праздника или святого; Псалтирь – одна из книг Священного Писания, содержащая псалмы, или священные песни, – каждую неделю прочитывается на церковных службах полностью, а во время Великого поста дважды за неделю.
С. 84. *...книги... писались не на хартиях, а на бере(стех, потому что... не было средств достать пергамента.* – Здесь *хартия* – пергамен (*пергамент*), кожа животных, выделанная для письма; под *берестями* разумеется бересто (др.-русск.) – березовая кора, специально подготовленная для письма.
...хранимые в Лаврской ризнице... деревянные сосуды, употреблявшиеся Преподобным Сергием при совершении Божественной литургии, и простое крашенинное его облачение... – Деревянные богослужебные сосуды преп. Сергия – потир (чаша) и дискос (собственно тарель, служившая дискосом) – в наст. время хранятся в Церковном Археологическом кабинете Московской Духовной академии), а облачение (фелонь – священнические ризы) святого, равно как и фелонь преп. Никона, келейные иконы преп. Сергия (Божией Матери Одигитрии и святителя Николая) и крест-мощевик (благословение Константинопольского Патриарха Филофея преп. Сергию) были в 1992 г. переданы из Государственного музея-ризницы в монастырскую ризницу Троице-Сергиевой Лавры. *Крашенинное* – сделанное из крашенины (крашеного холста).
...до девятого часа... – О службе девятого часа см. в комм. к с. 62, к словам: *«...собирались в церковь...».*
С. 86. *...получить нетленные венцы...* – То есть вечную награду после смерти – вечное блаженство в Царствии Небесном.
||**С. 87.** *...приказал ударить в било и всем идти в церковь...* – Било (от «бить») – деревянная доска или металлическая пластина, в которую ударяют, созывая на молитву в храм. Била до сих пор используются в монастырях на Афоне.
...манна, сей хлеб ангельский, по выражению Псалмопевца... – Чудесной пищей – манной – Господь питал Израильтян в течение их 40-летнего странствования по пустыне после исхода из Египта (Исх. 16, 33). В Псалтири манна называется *хлебом*

небесным, хлебом ангельским (Пс. 77, 24, 25) потому, что она была ниспослана с неба (греч. *ангел* – «посланник»).

С. 88. *...ниспосылая им... крастелей досыта...* – Частью пищи, чудесно ниспосылаемой Богом Израильтянам во время их странствования по пустыне, были *крастели*, или перепела (Ис. 16, 13).

С. 89. *...если Он в безводной пустыне дал воду из камня непокорному народу Еврейскому...* – Составитель Жития вновь обращается к событиям 40-летнего странствования Израильского народа в пустыне после исхода из Египта. Речь идет о чуде, совершенном Богом через Своего избранника Моисея, который ударом жезла источил воду из горы Хорив, чтобы успокоить ропот страдавших от недостатка воды Израильтян (Исх. 17, 6).

С. 90. *...смирения у нас нет... этого некрадомого сокровища небесного, этого злата мытарева...* – Согласно учению святых отцов о христианской нравственности, смирение заключается в том, чтобы считать себя меньше всех и предавать всецело воле Божией. Добродетель смирения является для христианина одной из ценнейших, если не самой ценной. Именно поэтому здесь смирение напрямую уподобляется «некрадомому небесному сокровищу», к обретению которого призывает нас всех Господь в Евангелии: *...собирайте себе сокровища на небе, где... воры не подкапывают и не крадут* (Мф. 6, 19). Для мытаря из евангельской притчи о мытаре и фарисее (Лк. 18, 10–14) смиренное исповедание своих грехов стало подлинным золотом (*златом мытаревым*), на которое он приобрел оправдание пред Богом.

...по примеру преподобных. – Преподобными в Православной Церкви называют святых, которые посвящают свою жизнь строжайшему исполнению заповеди Христовой, повелевающей тем*, иже Христовы суть,* распять плоть свою *со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24)*,* умертвить уды (др.-русск. «уд» – часть тела)*, да не царствует грех в мертвенном* нашем *теле* (Рим. 6, 12).

...он почерпал великую силу благодатного помазания... – Благодатью Божией Православная Церковь называет силу Божию, которой совершается спасение человека, то, что эта спасающая сила дарует человеку. Согласно Преданию Православной Церкви, одним из средств, которым благодать сообщается человеку, является помазание освященным маслом: хотя помазывается тело человека, но действие благодати ощущается в его душе – в сердце. Архим. Никон говорит здесь о том, что молитвенное обращение святителя Филарета к преп. Сергию вызывало в его душе явное действие благодати, подобное действию благодати помазания.

С. 91. *...праг... сеней... чрез который однажды переступили стопы Царицы Небесной.* – О чудесном явлении Божией Матери преп. Сергию см. в гл. XVII наст. издания.

...позже других насажденный в сей пустыне, Преподобный Никон... – Имеется в виду то, что преп. Никон стал учеником преп. Сергия позже других.
Послушал бы молчания Исаакиева... – Речь идет об ученике преп. Сергия Исаакии молчальнике. Молчальниками в Христианской Церкви называют тех, кто берет на себя обет соблюдения непрерывного молчания. Целью молчания является сосредоточение ума для молитвы к Богу. Подвиг молчальничества в православной аскетической традиции оценивался всегда очень высоко: молчание наряду с нестяжанием признается основой всей монашеской жизни. Е. Е. Голубинский о преп. Исаакии сообщает, что в описи монастыря, составленной в 1641 г., «упоминаются две рукописи его письма, чем дается знать, что... одним из его послушаний в монастыре было писание книг. Он скончался зимой 1387 или 1388 года» (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. 2-е изд. С. 90 [12]).
...смирение мудрования. – Если мудрование – образ мыслей (см.: Полный церковно-славянский словарь / Сост. прот. Григорий Дьяченко. М., 1993), то *смирение мудрования* представляет собой такой образ мыслей, при котором человек совершенно искренне считает себя ничтожнейшим и грешным из людей.

Глава XI

С. 92. *...князя Андрея Радонежского...* – Имеется в виду Андрей Иоаннович (1327–1353), младший сын Иоанна Калиты. О нем см. примеч. 31 архим. Никона и комм. к нему.
Около 1352–1354 годов, при Великом Князе Иоанне Иоанновиче... – Князь Иоанн Иоаннович Красный (1326–1359), средний сын Иоанна Калиты, стал Вел. князем только в апреле 1354 г., после получения в Орде ярлыка на великое княжение, а с 1340 до марта 1353 г., до своей кончины, Вел. князем был его старший брат, Симеон Иоаннович.
...«исказиша пустыню, и не пощадеша... и составиша селы и дворы многи». – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 83 [21].
С. 93. *...на сермяжной ряске...* – То есть на рясе, сшитой из сермяги – толстого, грубого, некрашеного крестьянского сукна.
...подобно закваске, о которой говорит Спаситель в Своей притче... – В притче, изложенной в Евангелии (Мф. 13, 33–35), Спаситель уподобляет Царство Небесное закваске: подобно тому как закваска преображает муку в тесто, так стремление к Царству Небесному преображает душу человека.
...«святое послушание», возложенное на него Господом. – Согласно монашескому уставу, послушанием называется любое дело, исполняемое не по своей воле, а по благословению. Послушание называется «святым», как ведущее ко спасению.

С. 95. *…случай исцеления был с бесноватым…* – Сущность духовного недуга, известного в Православии под названием беснования, или одержимости нечистым (злым) духом, заключается в том, что бесы, лишая человека личного сознания и подавляя его собственный разум, распоряжаются им и причиняют ему мучения, иногда нестерпимые. В Православной Церкви по особому чину совершается богослужение для изгнания из человека злых духов.
С. 96. *Подобно упоминаемому в Евангелии гадаринскому бесноватому…* – Об изгнании «легиона» бесов из одержимого нечистым духом жителя страны Гадаринской см. Евангелие от Марка (5, 1–20) и Луки (8, 26–40); Гадаринская страна – область вокруг города Гадары в Палестине, находившегося примерно в десяти километрах юго-восточнее Генисаретского озера.
С. 97. *«…чистая святая любовь к Богу и ближнему».* – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 41 [49].
…половина варницы и половина соляного колодезя… – По Толковому словарю В. Даля, варница – «заведение, где из природного рассола вываривается соль».
С. 98. *…по… выражению святителя Платона, «вместо дорогих камней обильно украшалась каплями его пота».* – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 28 [49].
…за грех мы некогда покрыты были одеждою… – Священное Писание (Быт. 2, 25) повествует, что наши прародители Адам и Ева в Раю до своего грехопадения были наги и не стыдились наготы. После грехопадения – преслушания воле Божией, – утратив чистоту безгрешности, они стали стыдиться своей наготы и сделали себе одежды из смоковных листьев (Быт. 3, 7). Изгоняя согрешивших прародителей из Рая, Господь одел их в кожаные одежды (Быт. 3, 21). Таким образом, в православной традиции одежды прародителей являются символом совершенного ими греха.
…сукна… была всего одна половинка… – По Толковому словарю В. Даля, половинка (или половинок) сукна (холста) – «кусок известной меры».

С. 99. *…одного из последних трудников в его обители.* – Трудниками, в отличие от наемных работников, в монастырях называют вновь пришедших, трудящихся на благо обители, но не причтенных к братии.
С. 101. *«<…> …с миром преставился к Богу…»* – Весь рассказ о поселянине см.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 94–99 [21].

Глава XII

С. 102. *…сан святительский…* – В Православной Церкви святителями называют архиереев: греч. *архиерей* – «святитель», «священноначальник».

С. 103. *...отбирала чистую пшеницу от плевел...* – Плевелы – злаковый сорняк, имеющий ядовитые семена. О *пшенице* и *плевелах* см. евангельскую притчу: Мф. 13, 24–30.

||*...Преподобные Антоний и Феодосий.* – Преподобные Антоний († 1073) и Феодосий († 1074) Печерские (память 2 сентября) – устроители Киево-Печерской Лавры, во многом определившей духовную жизнь всей Киевской Руси.

...искатели безмолвия... – Об особом аскетическом подвиге безмолвия, или молчальничестве (безмолвник – живущий в молчании), см. комм. к с. 91, к словам: *«Послушал бы молчания Исаакиева...»*. Здесь же под безмолвием подразумевается уединение, необходимое для духовной жизни.

...со своим сыном Феодором. – Святитель Феодор († 1394, память 23 ноября) – архиепископ Ростовский, племянник преп. Сергия (сын его брата Стефана) и его постриженник, основатель московского Симонова монастыря, духовник Вел. князя Димитрия Иоанновича Донского. Подробнее о нем см. в гл. XX наст. изд.

...с... дерзновением молился... – Церковная традиция отличает *дерзновение* (ц.-слав.) – смиренную решительность, упование от дерзости – безрассудной самонадеянности, наглости.

...погружен в сердечную молитву за духовных чад своих... – Православное аскетическое учение о молитве различает следующие ее степени: устная (творимая устами), умная (творимая при сосредоточении ума на словах молитвы) и третья, высшая степень, доступная только немногим, – умно-сердечная, или сердечная. По замечанию одного из знаменитых духовных аскетических писателей, Никодима Святогорца (XVIII в.), сердечная молитва «есть духовная молитва, Духом Святым в сердце движимая; молящийся сознает ее, но не творит, а она сама в нем творится. Такая молитва есть достояние совершенных» (*Никодим Святогорец*. Невидимая брань. С. 195). Преподобный Сергий молился за своих духовных детей (*чад*), т. е. тех, кто вверил себя его духовному руководству и попечению.

С. 104. *...окрестности Лавры: вот Вифания... Гефсимания, Пещеры, Киновия... пустынь Святаго Духа Утешителя...* – Речь идет об относящихся к Троице-Сергиевой Лавре и расположенных в ее окрестностях монастырях и скитах: *Вифания* – Спасо-Вифанский монастырь в честь Преображения Господня, основан в 1783 г. митр. Платоном (Левшиным; † 1812). Назван по селению Вифания близ Иерусалима – месту воскрешения Лазаря Господом нашим Иисусом Христом; здесь же произошло вознесение Господне. Спасо-Вифанский монастырь долгое время служил местом погребения для лаврской братии. В 1800 г. в Вифанском монастыре была открыта семинария. Вифанский монастырь был закрыт после октябрьского переворота 1917 г., в 1918 г. из братии и сотрудников семинарии организована трудовая артель

(просуществовала до 1925 г.), храмы монастыря действовали до 1928 г., в 1920–1932 гг. на его территории размещался детский дом, с 1931 г. – птицеводческое хозяйство. Вифанию переименовали в Птицеград. Главный Преображенский храм монастыря был разобран, а кирпич пошел на строительство птицекомбината. В наст. время Вифанский монастырь, переданный Лавре, возрождается.

Гефсимания – Гефсиманский скит, основанный в 1844 г. наместником Лавры преп. Антонием (Медведевым), архим. Радонежским († 6 октября 1877; память 12 мая) с благословения и деятельного участия Филарета, митр. Московского. Свое название получил по священному для всех христиан месту у подножия Елеонской горы – Гефсиманскому саду, где Господь молился до кровавого пота перед Своими крестными страданиями, где был предан Иудой и схвачен стражей и где находится место погребения Пресвятой Богородицы. Лаврский Гефсиманский скит после закрытия Лавры в 1919 г. стал местом поселения лаврских монахов, из которых в 1924 г. была организована сельскохозяйственная артель, просуществовавшая до 1928 г. С 1950 г. на его территории разместилась воинская часть. Строения скита почти не сохранились. В наст. время предпринимаются усилия по возрождению Гефсиманского скита.

Пещеры – «Пещерами» называли в XIX в. особое, так называемое Пещерное отделение Гефсиманского скита. Другое название – Черниговский скит (по главной святыне – чудотворной Черниговско-Гефсиманской иконе Божией Матери). Начало скиту было положено знаменитым подвижником юродивым Филиппушкой (Филиппом Андреевичем Хоревым; 1802–1869), поселившимся здесь в 1847 г. и ископавшим первые пещеры в подражание подвижникам Киево-Печерского монастыря. На рубеже XIX и XX вв. скит был известен по всей России благодаря знаменитому подвижнику старцу преп. Варнаве Гефсиманскому (24. 01. 1831 – † 1906; память 17 февраля и 6 июля). Закрыт в 1921 г. В Черниговском скиту после закрытия в разное время размещались тюрьма, интернат для слепых, интернат для инвалидов Великой Отечественной войны, ПТУ для инвалидов. Возрождается с июля 1990 г. как мужской монастырь, приписанный к Троице-Сергиевой Лавре.

Киновия – Боголюбская киновия, общежительный монастырь (отсюда и название: греч. *киновия* – «общежитие»), основанный в 1858 г. схимонахом Филиппом (в миру – юродивым Филиппушкой, см. выше), с храмом в честь Боголюбской иконы Божией Матери (1859). Боголюбская киновия была закрыта после революции 1917 г.

пустынь Святаго Духа Утешителя – иное название: скит Параклит (греч. *Параклит* – «Утешитель», так называется Третье Лицо Пресвятой Троицы, Дух Святой, в Священном

Писании, см.: Ин. 14. 26; 15. 26; 16. 7). Основана в 1859 г. близ Гефсиманского скита Лавры попечением ее наместника преп. Антония Радонежского. После революции 1917 г. скит был закрыт. В наст. время возрождается как подворье Троице-Сергиевой Лавры.

С. 105. *...схимникам-воинам Пересвету и Ослябе...* – Преподобный Александр *Пересвет* и Андрей *Ослябя* – иноки Троицкого монастыря, участники Куликовской битвы. Подробнее о них см. в гл. XV наст. изд., примеч. 139 архим. Никона и комм. к нему. Усыпальница их находится в храме Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове, бывшем Симоновом, монастыре, основанном племянником преп. Сергия, преп. Феодором, святителем Ростовским (см. также комм. к с. 141, к словам: *«...на Старом Симонове погребены...»*).

...устроять жизнь апостольской общины в обителях. – Книга Деяний святых апостолов свидетельствует, что у множества уверовавших после апостольской ‖проповеди в Господа нашего Иисуса Христа было общее имущество: *Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду* (Деян. 4, 34–35).

...в... обителях... Пешношской, Андрониковой, Симоновской... – Об этих обителях см. подробнее в гл. XX наст. изд. и в комм. к ней.

Около 1372 года в его обитель прибыл один греческий митрополит, в сопровождении нескольких греков, из Царьграда. – Житие преп. Сергия не упоминает точно года прибытия посланников Патриарха Константинопольского (так же как, впрочем, нигде не говорит, что во главе этого посольства стоял митрополит). Архим. Никон не дает аргументации в поддержку своей датировки этого события. По мнению В. А. Кучкина, «посольство прибыло в Москву... зимой 1376/77 г., скорее всего, в самом начале 1377 г.». Во главе этого посольства стояли два важных должностных лица (апокрисиария) Константинопольского патриархата, «в течение многих лет занимавшихся делами Русской митрополии... Иоанн Докиан и Георгий Пердика». Подробнее аргументацию *В. А. Кучкина* см. в его работе: Сергий Радонежский и «Филофеевский крест» // Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. С. 16–22.

...«Вселенский Патриарх Константинопольский Кир Филофей...». – «Вселенский Патриарх» – титул Патриарха Константинопольского. Этот титул константинопольские Патриархи стали носить с конца VII в., когда патриархаты Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский подпали под власть мусульман, и только Константинопольский Патриарх

пользовался самостоятельною властью в своем округе, а потому имел решающий голос в общецерковных делах. «Кир» – официальный титул Патриархов, принятый в Православной Церкви с древних времен (греч. *кир* – «господин»). Патриарх Константинопольский *Филофей* (Коккин; † 1379) занимал патриаршую кафедру дважды – в 1354–1355 и 1362–1376 гг. Знаменит своей защитой православного учения о нетварных Божественных энергиях и их отличии от Божественной сущности; составил службу в честь святителя Григория Паламы, великого православного богослова, давшего этому учению богословские формулировки.

...посылает ему поминки – крест, параманд и схиму... – Здесь *поминки* – памятные подарки. Из присланных Патриархом Константинопольским Филофеем поминков сохранился крест, находящийся в наст. время в ризнице Троице-Сергиевой Лавры. Параманд (аналав, или наплечник) – носимый монашествующими на спине четырехугольный плат с вышитыми на нем надписью: «Аз язвы Господа моего на теле моем ношу» и символическим изображением горы Голгофы и Креста Господня. *Схима* – здесь: особая монашеская одежда, в которую облачается инок третьей, высшей, степени монашества – великосхимник.

С. 106. *...Архиепископ Константинограда...* – Патриарх Константинопольский.

...сослужебнику нашего смирения Сергию... – «Наше смирение» – один из титулов Вселенского Патриарха; сослужебник – несущий с кем-либо одну службу.

...едина главизна... еще не достаточествует ти... – То есть «одного (главного) тебе не хватает» (др.-русск. *достаточествовать* – «иметь в достатке»).

...се... что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе. – Пс. 132, 1.

С. 107. ...*к нему приходили... для откровения... своих помыслов...* – Откровение помыслов – это открытие перед опытным в духовной жизни наставником всех своих стремлений и желаний. Оно является важнейшей частью духовной практики в православной аскетической традиции: «Предание рассуждению отцов своих помыслов заменяет свою рассудительность и научает ей. Враг не любит света; почему откровение злых помыслов тотчас, как они открываемы бывают, разгоняет их и истребляет» (*Св. Иоанн Кассиан Римлянин.* О руководстве в духовной жизни // Добротолюбие. Т. 2. С. 144).

С. 108. *...должности... эконома и благочинного...* – Эконом – распорядитель монастырским хозяйством; благочинный – инок, отвечающий за соблюдение уставного порядка во время богослужения и в жизни братии.

«<...> ...елика он к братии творяше». – Цит. по: *Кудрявцев М.* История православного монашества. С. 57–58 [38].

...назначен духовником для всей братии. – Духовник печется о духовном возрастании братии, о том, чтобы монахи регулярно прибегали к Таинствам Покаяния и Причащения, помогает им в разрешении сложных вопросов духовной жизни.
...Преподобный Савва... – Преп. Савва Сторожевский – звенигородский чудотворец († 1406; память 19 января и 3 декабря), один из первых учеников преп. Сергия.
...послушание... уставщика и... ризничного. – Уставщик – инок, отвечающий за то, чтобы служба в храме отправлялась в соответствии с уставом; ризничный (ризничий) – заведующий монастырской ризницей, местом, где хранятся богослужебные сосуды, облачения священнослужителей и иное, имеющее отношение к богослужению.
С. 109. *...устав Студийский...* – Богослужебный устав (сборник указаний о порядке и образе совершения служб), составленный преп. Феодором Студитом († 826; память 11 ноября), настоятелем Студийского монастыря в Константинополе. Был введен на Руси преп. Феодосием Печерским (о нем см. в комм. к с. 76, к словам: *«...Преподобного Феодосия Печерского»*) и оставался общераспространенным до XIV в., когда был заменен другим уставом – Иерусалимским (см. ниже), действующим поныне.
...устав Иерусалимский... – Богослужебный устав, принятый (524) в лавре преп. Саввы Освященного († 532; память 5 декабря), близ Иерусалима. Был введен в общежительных обителях всей Палестины, откуда распространился по всему Православному Востоку.
С. 110. *...«Евангелие четвертное, на харатье, Никона чудотворца...»...* – Упоминаемое здесь Четвероевангелие, принадлежавшее преп. Никону, игумену Радонежскому, в наст. время находится в РГБ (ф. 304/III, № 6); описание см.: *Леонид (Кавелин), архим.* Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, с. 23. О *харатье* см. комм. к с. 83, к словам: *«...книги писались не на хартиях...»*.
...книжное учение в обители Григория Богослова... – Под обителью Григория Богослова подразумевается так называемый Григорьев Затвор – мужской монастырь святителя Григория Богослова в Ростове (основан ранее 1365 г.), известный своим строгим уставом (потому и назывался Затвором), книжным собранием, в том числе и книг на греческом языке, а также тем, что служба в нем велась параллельно на русском и греческом языках. В Григорьевом Затворе некоторое время учился списатель Жития преп. Сергия, преп. Епифаний Премудрый. О монастыре см. также в гл. XIX и комм. к с. 179, к словам: *«...в монастыре Григория Богослова...».*
...Пятокнижие Моисеево... – Пятикнижие (здесь: *Пятокнижие*) общее название первых пяти книг Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие, написанных пророком Боговидцем Моисеем († 1531 г. до Р. Х.; память 4 сентября). Описание

рукописного Пятикнижия, принадлежавшего библиотеке Троицкого монастыря, см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч. 1. С. 1, № 1 [8].

…«Паремейник»… – Паремийник (здесь: *Паремейник*) – книга, содержащая паремии – чтения из Священного Писания Ветхого или Нового Завета, полагающиеся по уставу на вечерних богослужениях Православной Церкви. О Паремийнике, принадлежавшем библиотеке Троицкого монастыря, см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч. 1. С. 3, № 4 [8].

…Поучения Ефрема Сирина… – Описание поучений преп. Ефрема Сирина, списки которых принадлежали библиотеке Троицкого монастыря, см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч. 1. С. 4–9, № 7 [8].

…16 слов святого Григория Богослова… – О Григории Богослове см. комм. к с. 74, к словам: *«…великих Святителей…»*. Указанный рукописный сборник содержит Слова Григория Богослова на дни Господских праздников и дни памяти святых (см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч. 1. С. 9–11, № 8 [8]).

…преподобному Елисею, ученику Преподобного Сергия… – Житие преп. Сергия не содержит никаких иных сведений о преп. Елисее, кроме того, что он был учеником святого.

…Иоанна Златоуста (№ 9)… – Описание рукописного сборника свт. Иоанна Златоуста (рукопись XIV в.) см.: *Арсений, Иларий.* Описание славянских рукописей. Ч. 1. С. 11–14.

…«Златая Цепь»… – В «Описании славянских рукописей» *Арсения* и *Илария* (Ч. 1. С. 15–18, № 11 [8]) этот сборник характеризуется как «драгоценный памятник русской литературы XIV в.». Он содержит поучения на разные темы, например о смирении, о молитве, о снах, о тайне, о страхе, о монастырях, а также поучения, приуроченные к определенным дням церковного календаря, например на все воскресные дни Великого поста.

Пандекты Никона Черногорца – свод правил и объяснений общих обязанностей христианина, составленный на греческом языке Никоном, монахом монастыря Черной горы близ Антиохии (2-я пол. XI в.); в России известны с XIII в. (см.: *Макарий, митр.* История Русской Церкви. Кн. 3. 1995. С. 548, комм. 213) и неоднократно переписывались. Рукописные Пандекты Никона Черногорца, принадлежавшие Троицкой библиотеке, датируются 1381 г. (см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч. 1. С. 24–28, № 14 [8]). В наст. время хранятся в Государственном Историческом музее.

«Мерило Праведное» – древнерусский юридический сборник; упомянутый здесь Троицкий список (кон. XIV в.) этого памятника древнего русского права является древнейшим из сохранившихся (см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских

рукописей. Ч 1. С. 28–33, № 15 [8]). В наст. время хранится в отделе рукописей РГБ.

…«Кондакарь» XII века, с крюковыми нотами… – Кондакарь – сборник кондаков (кратких песней в похвалу святому или празднику) из церковных служб целого года. Уникальный *Кондакарь* Троице-Сергиевой Лавры (см.: *Арсений*, *Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч. 1. С. 37, № 23 [8]) – один из пяти сохранившихся до наших дней. Крюками, или знаменами (*крюковыми нотами*), называются знаки русского старинного безлинейного нотного письма, распространенные на Руси до XVI в.

…«Стихирарь», писанный преподобным Епифанием… – Стихирарь – собрание стихир: церковных песнопений, воспевающих празднуемое событие новозаветной церковной истории. В «Описании славянских рукописей» *Арсения* и *Илария* (Ч. 1. С. 36–37, № 22 [8]) этот Стихирарь датируется 1303 г. Однако Е. Е. Голубинский считает эту датировку ошибочной: часть букв в обозначении года написана вязью, а не полууставом, как остальные, что и привело к ошибочному прочтению: 1303 вместо 1380 (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Изд. 2-е. С. 91 [12]).

елеисон ми – греч. «помилуй мя».

…«Потребник», по которому… постригали иноков… – Требник (здесь: *Потребник*) – богослужебная книга, в которой содержатся молитвы и указания на необходимые священнодействия во время исполнения церковных треб, т. е. богослужениях частных или совершаемых в особенных случаях. Описание Требника, о котором здесь идет речь, см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч. 2. С. 17, № 229 [8].

…«Слова Постнические Преподобного Исаака Сирина»… – Преп. Исаак Сирин (VIII в.; память 12 апреля) – аскет, автор многочисленных сочинений, излагающих бесценный опыт подвижнической жизни. Славянский перевод принадлежащих ему Слов постнических, сделанный в Троицком монастыре, является одним из первых славянских списков сочинений святого (описание рукописи см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч. 1. С. 150–157, № 172 [8]; в наст. время находится в РГБ, ф. 304).

||*…сохранились одни заглавия в описях древних…* – Далее архим. Никон цитирует опись Сергиева монастыря 1642 г. (см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч. 1. С. III [8]).

…Евангелие в десть… Псалтирь в полдесть… – Рукописные книги в Древней Руси составлялись из тетрадей пергамена или бумаги в 8 листов, размер книги мог быть в лист (*в десть*), в пол-листа (*в полдесть*), в четвертку (*в четь*), в осьмушку и в 16-ю долю листа.

С. 111. *...упомянем... «Лествицу»...* – Знаменитое аскетическое сочинение преп. Иоанна Лествичника (VI в.; память 30 марта) «Лествица» было настольной книгой для многих поколений троицких иноков. Здесь эту книгу не только читали, но и переписывали. Именно поэтому в библиотеке Троицкого монастыря насчитывалось 10 древних (XIV–XV вв.) рукописных списков с «Лествицы». Список, сделанный, как свидетельствует запись на листе книги, иноком Троицкого монастыря Варлаамом в 1412 г. (см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч. 1. С. 137–138, № 156 [8]), находится в наст. время в РГБ (ф. 304/I, № 156).

Псалтирь с последованиями – Псалтирь, приспособленная для богослужебного употребления (Следованная Псалтирь). Помимо собственно Псалтири содержит три приложения: 1) часослов, в котором содержатся молитвословия дневного круга богослужения, за исключением литургии; 2) избранные из всех богослужебных книг тропари и кондаки; 3) молитвословия, которые должны быть читаемы перед Святым Причащением. Об указанной здесь Псалтири с последованиями из Лаврской библиотеки см.: *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей. Ч 2. С. 79–83, № 308 [8].

...ознакомиться по заставкам, какие видит в этой книге. – Об этих заставках читатель может составить представление по многочисленным репринтным переизданиям данной книги, выходившим неоднократно с 1990 г., а также по работе *Ф. Буслаева* «Образцы письма и украшений из Псалтыри с возследованиями по рукописи XV в., хранящейся в библиотеке Троицкой Сергиевой Лавры под № 308/481» (см.: *Буслаев Ф. И.* Сочинения. Т. 3. С. 158–209 [9]).

Преподобный Пафнутий Боровский – святой, чудотворец (1395–1478; память 1 мая), более 30 лет подвизался в Покровском Высоцком монастыре близ г. Боровска под Калугой, последние 13 лет – в сане игумена. В 1444 г. основал на левом берегу р. Протвы (приток р. Оки) обитель в честь Рождества Богородицы (в наст. время Свято-Пафнутиев Боровский в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь).

С. 112. *...как река многоводная... он получал все необходимое.* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 102 [21].

...умедлить в обители долее обыкновенного... – По монастырскому уставу паломники пользовались гостеприимством обители обычно в течение трех дней.

«...истома князем русским» от посла татарского Кошака... – Кошак был послан на Русь ордынским ханом Джанибеком (?–1359) со сбором налогов. Н. М. Карамзин (на которого ссылается архим. Никон в относящемся к этому месту при|| меч. 104), замечает, что притеснения Кошака были прекращены после того, как Митр. Алексий в 1357 г. чудесным образом исцелил жену хана Тайдулу.

...в 1368 году Москва претерпела опустошение от Олгерда... – Ольгерд, вел. князь Литовский (1345–1377), поддерживал Тверское княжество в его борьбе против Московского. В 1368 г., выступая на стороне тверского князя Михаила Александровича против Вел. князя Московского Димитрия Иоанновича, Ольгерд осадил Москву, но взять город не смог, подвергнув, однако, его окрестности такому страшному разорению, какое Московское княжество не видело со времен Иоанна Калиты: «Толь велико зло от Литвы не бывало в Руси, аще и от Татар бывало; от Федорчуковы [в 1327 году] рати до Олгердовы лет 41» (на это летописное свидетельство, приводимое Н. М. Карамзиным, дает ссылку архим. Никон в примеч. 106).

...в 1382 – земля Русская опустошена Тохтамышем. – Тохтамыш (?–1406), хан Золотой Орды с 1380 г., потомок Джучи, старшего сына Чингисхана (1155–1227), добиваясь от русских князей абсолютного себе подчинения, в 1382 г. организовал поход в Русские земли: 26 августа, в отсутствие Вел. князя Димитрия Иоанновича Донского, собиравшего в Костроме ополчение на татар, Тохтамыш вероломно захватил Москву, подверг ее разграблению и пожару, убив более 24 тыс. чел. Такому же разорению и сожжению были подвергнуты Владимир, Звенигород, Юрьев, Дмитров и Можайск.

Глава XIII

С. 113. *«...как золото, в огне искушенное».* – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 30 [49].

«<...> Но видно от бед и искушений никуда не уйдешь...». – Там же.

С. 116. *«<...> ...возвратил его к ней властию Святителя Алексия».* – Архим. Никон цитирует (начиная со слов: *«Очевидны... в сем поступке терпение, кротость и смирение святого»* на с. 114) Беседу о соблазнах *Митр. Филарета (Дроздова)* (см. указанный в примеч. 110 источник).

...в Махрищский монастырь. – Свято-Троицкий Стефанов Махрищский монастырь основан около 1350 г. на р. Махре, в 30 км северо-восточнее Троице-Сергиевой Лавры. В 1613 г. приписан к Троице-Сергиевой Лавре. После закрытия монастыря в 1923 г. в нем в разное время размещались склады, детский дом, общежитие, турбаза. Возрожден в 1995 г. как женский.

...Преподобный Стефан. – Преп. Стефан Махрищский, чудотворец († 1406; память 14 июля), – друг и собеседник преп. Сергия, основатель и первый игумен Свято-Троицкого монастыря на р. Махре. В 1550 г. при построении каменного Троицкого храма в основанной им обители были обретены его нетленные чудотворные мощи.

С. 117. *…поныне стоит над этим источником часовня…* – Эта часовня находится в деревне Талицы, в 24 км от г. Сергиева Посада.

…стали переселяться на Киржач. – На р. Киржач преп. Сергием была основана обитель в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (предположительно между 1354 и 1358 гг.). О Благовещенском Киржачском монастыре см. также в гл. XX наст. изд. и в комм. к с. 192, к словам: *«…обители на Киржаче»*.

«…Израиля многими уверивый… чудесы… – Здесь Израиль – Иаков, сын Исаака. Под чудесами подразумеваются явления Бога Иакову в чудесных сновидениях, которые укрепили его веру в величие и могущество Божие (см. Быт. 28, 1–19; 32, 24–32).

С. 118. *…Моисея многими… известив знаменьми…* – Моисей – величайший из пророков, которому Господь повелел вывести Израильтян из Египта, через посредство которого был заключен Синайский завет Израильского народа с Богом и дарованы ему Заповеди Божии. О многочисленных явлениях Бога пророку Моисею, называемому также Боговидцем, повествует Книга Исход (3, 1–4, 17).

…Гедеону руном образ победы показавый! – Гедеон (XII в. до Р. Х.) – один из судей, т. е. вождей Израильского народа, избранный Богом для того, чтобы избавить его от притеснений соседних иноплеменников-язычников. О испрошенном Гедеоном у Бога чудесном знамении победы в предстоящей битве повествует Книга Судей израилевых (6, 36–40): первый раз *руно* (стриженная овечья шерсть), разложенное ночью, намокло от обильной росы, в то время как земля вокруг осталась сухой; во второй раз, наоборот, руно осталось сухим, а земля была покрыта росой.

С. 119. *…Преподобного Романа…* – О преп. Романе Киржачском см. в гл. XX наст. изд.

С. 120. *«<…> …искреннюю сыновнюю любовь, сыновнее послушание…»* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 114 [21].

С. 121. *…около 1382 года Вселенский Патриарх Нил…* – Патриарх Нил занимал Константинопольскую кафедру с 1378 по 1388 г.

…со второй недели Великого поста до Семенова дня… – Пасха в 1375 г. приходилась на 2 апреля (*Хавский П.* Хронологические таблицы. Кн. 1. С. 42). Вторая Неделя (воскресенье) Великого поста в 1375 г. приходилась на 19 февраля. Таким образом, болезнь преп. Сергия продолжалась с 19 февраля по 1 сентября, т. е. более полугода.

Глава XIV

С. 123. …*«непреложный жребий его, по… выражению… святителя Филарета, был – из пустыни светить престолам, а не с престола светить Церкви и государству». Вот почему «самое послушание… не могло привести его…».* – Здесь архим. Никон соединяет в одной цитате тексты из принадлежащего митр. Филарету «Жития преп. Сергия» ([86], с. 333) и его же «Слова в день обретения мощей преп. Сергия, говоренного в Лавре его, июля 5 дня, 1822 года», указывая в примеч. 118 только на «Слово» как источник цитаты. Возможной причиной соединения того и дру||гого явилось то, что впервые «Слово» было произнесено в Лавре митр. Филаретом в тот же день, когда было прочитано и составленное им Житие преп. Сергия – 5 июля 1822 г.

В 1354 году Святитель Алексий был утвержден от Вселенского Патриарха Каллиста в звании Митрополита Всероссийского. – Вселенский Патриарх Каллист (память 20 июня) занимал Константинопольскую кафедру дважды: в 1350–1354 и 1355–1363 гг. Однако, как указывает *Митр. Макарий (Булгаков)* в «Истории Русской Церкви» (Кн. 3. С. 33, 421), соборное деяние и известие о поставлении св. Алексия на Всероссийскую митрополию, датированное 30 июня 1354 г., подписано Патриархом Константинопольским Филофеем (о нем см. комм. к с. 105, к словам: *«Вселенский Патриарх Константинопольский Кир Филофей…*»).

…уступая требованию западнорусских князей…– В первую очередь вел. князя Литовского Ольгерда (1345–1377), враждовавшего против Москвы и добивавшегося возвышения над нею.

…поставил некоего Романа митрополитом Западной Руси. – Как указывают источники, по-видимому неизвестные архим. Никону, в частности памятник тверского летописания Рогожский летописец, Роман происходил из тверских бояр («чернец Роман, сын боярина Тверьскаго, ста на митрополию…» – ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 61 [55]). В «Истории российской иерархии» *еп. Амвросия* (*Орнатского*) (Т. 1. С. 49 [6]) Роман упоминается среди митрополитов, «сопротивных всероссийским, бывших в Киеве и Литве», и указывает, что рукоположен он был в 1354 г., а скончался в 1362 г. Подробнее о личности Романа, причинах и истории поставления его митрополитом Западной Руси (Волынско-Литовским), на основе современных исследований, см. в ред. комментариях к «Истории Русской Церкви» *Митр. Макария (Булгакова)* (Кн. 3. С. 522. Комм. 20). Самостоятельная Литовская митрополия (митрополия Западной Руси) была выделена из Киевской в 1317 г. по настоянию вел. князя Литовского Гедимина (на западнорусских землях, входивших в состав Литовского княжества), упразднена около 1328 г., в 1354 г. возобновлена как Волынско-Литовская Патриархом Константинопольским

Филофеем и в 1361 г. вновь упразднена в связи со смертью митрополита Романа.
...Тверской Епископ, несмотря на желание своего Князя, не хотел иметь никакого сношения с Романом. – Речь здесь идет о епископе Тверском Феодоре II (1342–1360) и тверском князе Василии Михайловиче (1319–1368). Относительно епископа Феодора *П. М. Строев* в «Списках иерархов» [73] сообщает, что он «упоминается с 1344 г.; в 1360 оставил епархию; † 20 марта 1367» (Стб. 441).
С. 124. *...Святитель стал... должником Всемилостивому Спасителю.* – В день 16 августа, когда корабль со святителем Алексием благополучно пристал к берегу, Церковь празднует перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворенного Образа (Убруса) Господа Иисуса Христа (944), или Спаса Нерукотворенного (о самой иконе см. ниже).
...в честь нерукотворенной иконы Спасителя... – Имеется в виду чудесное изображение Божественного лика Спасителя, нерукотворно появившееся на убрусе (полотенце) после того, как Он отер им Свое лицо. Нерукотворенный Образ (здесь: *икона*) Спасителя был послан страдавшему проказой едесскому царю Авгарю, который, приняв его, тотчас исцелился.
– Уступи же мне... Андроника в настоятели... обители... – О преп. Андронике (скончался не позднее 1404 г.), ученике преп. Сергия, первом игумене и устроителе основанного святителем Алексием Спасо-Андроникова монастыря, см. в гл. XX наст. изд.
Обитель была основана в 1361 году на берегу Яузы. – Московский Спасо-Андроников монастырь, о котором идет здесь речь, располагается на берегу р. Яузы, вблизи Рогожской заставы, в настоящее время недействующий (был закрыт в 1922 г.). В бывшем монастыре размещается Центральный государственный музей древнерусской культуры и искусства им. преп. Андрея Рублева. Белокаменный собор Спаса Нерукотворенного Образа, построенный в 1420–1427 гг., был расписан знаменитыми иконописцами Даниилом Черным и его учеником преп. Андреем Рублевым, которые в этом монастыре были и погребены. С 1989 г. в соборе возобновлены богослужения. См. о монастыре также в гл. XX наст. изд.
В 1365 году Святитель Алексий основал обитель в самом Кремле в честь чуда Архистратига Михаила, на месте, подаренном ему татарскою царицею Тайдулою. – Речь идет об обители с церковью в честь чуда Архангела (*Архистратига*) Михаила в Хонех, получившей впоследствии название Чудова монастыря. Монастырь располагался на Царской (Ивановской) площади, на месте, как сообщает *В. В. Зверинский* (Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 407), бывшего ханского конюшенного двора, подаренном ханом Джанибеком Митр. Алексию, исцелившему в Орде (1357) от глазной болезни ханшу (*царицу*) Тайдулу. Чудесное исцеление произошло в день,

когда Церковь празднует память о чуде, совершенном Архангелом Михаилом во фригийском г. Хонех, – 6 сентября. В этом же монастыре святитель Алексий был и погребен. Чудов монастырь долгое время оставался резиденцией Всероссийских Митрополитов. В 1929 г. был разрушен, на его месте находится здание бывшего Президиума Верховного Совета СССР. Мощи Митр. Алексия покоятся в московском Богоявленском соборе, что в Елохове (см.: Сорок сороков. Т. 1. С. 109–120).

С. 125. *...золотой «парамандный» крест...* – В Житии преп. Сергия говорится о «кресте с парамандом, златом же и камением многоценным управлен» (Житие преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 130 [21]). О параманде уже говорилось выше (см. комм. к с. 105, к словам: «*...посылает ему поминки...»*). Параманд закрепляется на теле посредством шнуров, пришитых к четырем его углам. Эти шнуры завязываются крестообразно спереди либо пропускаются через верхнюю и нижнюю петли парамандного креста, носимого монахом на груди. Парамандный крест обычно вырезается из дерева. Золотой парамандный крест, предложенный Митр. Алексием преп. Сергию, – знак его намерения сделать преп. Сергия своим преемником на митрополичьей кафедре. Е. Е. Голубинский по поводу этого места в Житии замечает: «В древнее и старое время у архиереев наших, кроме параманда монашеского, который носится на рубашке, был еще параманд служебный, который при богослужении надевался ими на стихарь или подризник. Этот последний параманд и разумеется в нашем случае» (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. 1892. С. 94 [12]).

С. 125–126. *...Митрополит упомянул, что на его место, вероятно, будет назначен Киприан...* – Киприан, Митр. Киевский и всея России, святой Русской Православной Церкви († 1406; память 16 сентября), родом болгарин, был назначен преемником Митр. Алексия еще до кончины последнего и 2 декабря 1375 г. рукоположен Патриархом Константинопольским Филофеем в сан Митр. Киевского и Литовского, с тем чтобы по смерти святителя Алексия сделаться архипастырем всей Русской Церкви.

С. 127. *«<...> ...один дар нельзя переменить на другой по произволу».* – См.: *Митр. Филарет.* Житие Преподобного Сергия. С. 334 [86].

«<...> ...требовала его добродетель и польза других». – См.: *Митр. Платон.* Житие Преподобного Сергия. С. 334 [49].

С. 128. ...*Великий Князь Дмитрий Иоаннович был увлечен пристрастием к... Новоспасскому архимандриту Михаилу...* – Св. благоверный Вел. князь Московский Димитрий Иоаннович (1350–1389; память 19 мая) – сын Вел. князя Иоанна Иоанновича, внук Иоанна Калиты. – Кандидат Вел. князя Димитрия Иоанновича на митрополичью кафедру Михаил-Митяй был родом из Коломны и служил священником в одной

из ее церквей. Князь уговорил его постричься в иноки, и в день пострижения Михаил был поставлен архимандритом Спасского (Новоспасского) монастыря в Москве (1376). Умер на пути в Константинополь в 1379 г.

С. 131. *« <…> …мое благословение да будет на вас!»* – См.: Послания Всероссийского Митрополита Киприана. С. 84–85 [32].

С. 132. *«<…> …з доброхотением к князю великому…»* – См.: Там же. С. 86 [32].

«<…> …аще быша вас убили, и вы святи». – См.: Там же. С. 87–88 [32].

«<…> …моя есть митрополия!» – См.: Там же. С. 95 [32].

С. 133. *«<…> …на Бога и на свою правду…»* – См.: Там же. С. 100–102 [32].

«…тако крепитеся». – См.: Там же. С. 103 [32].

«<…> …утешимся веселием духовным и възрадуемся». – См.: Там же. С. 104 [32].

С. 134. *…в Галату, где и похоронен…»* – В XIV в. Галата – одно из предместий Константинополя на северном берегу залива Золотой Рог.

С. 135. *«<…> А Господь Бог да съблюдет вас невережены».* – См.: Послания Всероссийского Митрополита Киприана. С. 105, 106 [32].

Глава XV

С. 136. *«<…> …обширности зрения духовного».* – См.: *Архиеп. Филарет*. Русские святые. Отд. 3. С. 145 [83].

С. 137. *…восклицаешь с …святителем Филаретом: «…Ведь это все здесь!»* – См.: *Митр. Филарет.* Слово по освящении храма Явления Божией Матери Преподобному Сергию… // *Он же.* Слова и речи. Т. IV. С. 193 [84].

С. 138. *Один из гордых ханов татарских, Мамай…* – Мамай (?–1380), которого составитель Жития называет ханом, собственно ханом быть не мог, так как не был Чингисидом – прямым потомком Чингисхана. При хане Бердибеке (1357–1359), зятем которого был Мамай, он занимал в Орде высшую военно-административную должность беклярибека. В период междоусобия в Золотой Орде 1360–1370-х гг. управлял ее территорией западнее Волги от имени своих ставленников – ханов Абуллаха (1362–1369) и Мухаммеда Булака (1369–1380). Мамай был организатором нескольких походов в русские земли и потерпел поражение от Димитрия Донского на Куликовом поле (1380). В том же 1380 г., уже в Орде, был разбит своим соперником ханом Тохтамышем, бежал в Крым (в Кафу), где был убит генуэзцами.

…после недавних войн с Литовцами и другими беспокойными соседями… – Наиболее напряженными из всех «соседей» были отношения Вел. князя Димитрия с князем Тверским Михаилом

Александровичем. Дважды, в 1368 и 1370 гг., во время походов князя Димитрия на Тверь князь Тверской вынужден был находить убежище у своего родственника и союзника вел. князя Литовского Ольгерда, и дважды, в эти же годы, князь Литовский осаждал Москву, но взять город не смог. Летом 1372 г. совместный поход Ольгерда и Михаила Александровича на Москву закончился мирным договором, но в 1375 г. началась новая война с Тверью, закончившаяся ее взятием и мирным договором, значительно урезавшим самостоятельность Тверского княжества. Обостренными были отношения Димитрия Иоанновича и с вел. князем Рязанским Олегом (о нем см. комм. к с. 142, к словам: *«...Рязанский Князь Олег...»*).

С. 139. *...после Успеньева дня...* – То есть после 15 августа, когда Церковь празднует Успение Пресвятой Богородицы.

...распорядился приготовить освященную воду и... окропил ею Великого Князя... – Окроплением освященной водой людей, храмов, жилищ, предметов призывается на них Божие благословение. Вода освящается во время совершения священником особого чинопоследования освящения воды. Летописное «Сказание о Мамаевом побоище» повествует о том, что «игумен... Сергий повеле воду освящати с мощей святых мученик Флора и Лавра... окропи его [князя Димитрия Иоанновича. – *Ред.*] священною водою и все христолюбивое его воинство...» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 31).

С. 140. *...Василий Великий утолил дарами нечестивого царя Иулиана...* – Римский император (361–363) Юлиан Отступник (*царь Иулиан*) выступил против христианства, попытавшись возродить язычество. Василий Великий во времена правления Юлиана Отступника был каппадокийским архиепископом (в Малой Азии). Об «утолении дарами нечестивого царя Иулиана» читаем в летописном «Сказании о Мамаевом побоище»: «Тако же случися иногда Великому Василию в Кесарии: ||егда злый отступник Иулиан, идый в персы и хотя разорити град его Кесарию, Василий же Великий помолися со всеми христианы Господу Богу и собра много злата и посла к нему, дабы его преступника утолити. Он же окаянный паче взърися, и Господь посла на него воина Своего Меркурия погубити его. И невидимо пронзен бысть в сердце нечестивый, жывот свой зле сконча» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 29).

...боярин Любецкий... – То есть из древнерусского городка Любутска (ныне село Лубудское в Калужской обл.), в 48 км от Калуги, при впадении речки Любути в Оку.

С. 141. *Приспело время вашей купли!»* – Ц.-слав. *купля* – «дело», «деятельность», «занятие». Апостол Павел, обращаясь к апостолу Тимофею во Втором послании, пишет: *«Итак, переноси страдания как добрый воин Иисуса Христа. Никакой воин не связывает себя делами житейскими* (в славянском тексте Послания – *куплями*), *чтобы угодить военачальнику»*

(2 Тим. 2, 3–4). Преп. Сергий, напутствуя иноков-воинов на Куликовскую битву, говорит, что теперь настало время их истинной купли (дела, делания), чтобы угодить их Военачальнику – Самому Господу Иисусу Христу.

...на Старом Симонове, погребены... Пересвет и Ослябя. – В царствование Императрицы Екатерины II при разборе колокольни древней приходской церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что в Старом Симонове, была найдена гробница с именами Осляби и Пересвета на надгробном камне (см.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т V. Примеч. 82 и 122). Эта церковь располагается на месте основанного в 1370 г. преп. Феодором, учеником и племянником преп. Сергия, монастыря в честь Рождества Богородицы и, по некоторым источникам, была им же заложена. Мощи троицких иноков Пересвета и Осляби и поныне покоятся в этой церкви, располагающейся в наст. время на территории московского завода «Динамо».

...на дверцах киота... – То есть на створках специального деревянного ящика-ковчега (*киота*) для иконы-складня.

С. 142. *По возвращении в Москву Великий Князь рассказал Митрополиту Киприану о своем путешествии в Троицкую обитель...* – О встрече Вел. князя с Митр. Киприаном накануне Куликовской битвы сообщает только Распространенная редакция «Сказания о Мамаевом побоище» (см.: Сказание и повести о Куликовской битве. С. 83). По-видимому, следуя за «Сказанием», архим. Никон в этом месте допустил хронологическую неточность, поскольку ранее (на с. 134 наст. изд.) сам говорил, что Митр. Киприан впервые приехал в Москву только в мае 1381 г., когда его пригласил Вел. князь Димитрий Донской. Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. VIII) под 1380 г. отмечает, что «тое же зимы посла князь великий по Киприана митрополита на Киев» (с. 42), под следующим 1381 г. – что «на Вознесениев день прииде Киприан на Москву» (Там же).

...Рязанский Князь Олег... готовился соединиться с Мамаем... – Вел. князь Рязанский (с 1350 г.) Олег Иванович (?–1402), еще один «беспокойный сосед» (см. выше комм. к с. 138, к словам: *«...после недавних войн с Литовцами...»*) Вел. князя Московского Димитрия Иоанновича, всемерно противился возвышению Москвы. Накануне Куликовской битвы князь Рязанский Олег вступил в изменнический тайный союз с Мамаем, однако в самой битве участия не принял. После победы Димитрия Иоанновича, боясь расправы за измену, бежал из своего княжества в Литву. В 1382 г. оказывал помощь Тохтамышу в нашествии на Москву. Лишь в 1386 г. заключил с Димитрием Иоанновичем окончательный мирный договор, скрепленный брачными отношениями их детей.

С. 143. *...с... Литовским Князем Ягайлом Ольгердовичем?* – Ягайло (в крещении Иаков; 1362–1434) – сын и преемник

(1377) вел. князя Литовского Ольгерда, с 1392 г. – король польский Владислав II, основатель династии Ягеллонов. В 1380 г. был союзником Мамая в походе на Русь. Непосредственному участию литовского войска Ягайло в Куликовском сражении помешало лишь то, что князю Димитрию удалось разбить татарское войско до соединения его с войском литовским.

…Великого Князя Димитрия Иоанновича и его брата-сподвижника князя Серпуховского Владимира Андреевича… – Сподвижником своего двоюродного брата Димитрия Донского князь Серпуховской и Боровский Владимир Андреевич (1353–1410) стал уже с 9 лет, приняв участие в походе 12-летнего Вел. князя Московского на Переславль против Дмитрия Константиновича Суздальского. С тех пор он неизменно принимал участие во всех военных мероприятиях Вел. князя. Носил прозвище Храбрый, иногда древнерусские источники называют его и Донским (в Куликовской битве командовал засадным полком, вступление которого в бой решило победный исход сражения). В 1382 г. под Волоколамском разбил отряд Тохтамыша во время его нашествия на Москву, после чего тот покинул Русские земли. В 1408 г. возглавил оборону Москвы против Едигея.

…Богородичную просфору… – Богородичной называется просфора, из которой на литургии вынимается частица в честь и память Пресвятой Богородицы.

С. 144. *…воздев руки… произнес молитву из чина Панагии…* – Греческим словом *Панагия* (Всесвятая) в Православной Церкви именуется Сама Пресвятая Богородица. Этим же словом называют Богородичную просфору (о ней см. выше, в комм. к с. 143). По окончании литургии при совершении *чина о Панагии* Богородичная просфора переносится из алтаря храма в монастырскую трапезную, где по завершении трапезы, после особой молитвы (см. ниже по тексту Жития), вкушается братией.

…необозримые ряды войск… – По разным сохранившимся историческим источникам, численность русских войск составляла от 150 тыс. до 428 тыс. человек (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 304), по современным исследованиям – не менее 40 тыс., с обозными – 50–60 тыс. человек (Там же).

…на черном знамени великокняжеском… – Свидетельство о том, что великокняжеское знамя было черного цвета, содержится в «Сказании о Мамаевом побоище». Но вопрос о цвете первого русского государственного флага до сих пор остается открытым: в 1907–1910 гг. работала специальная комиссия, имевшая целью исследовать этот вопрос, но не пришла к единому мнению, хотя часть ученых и высказалась за черный цвет (подробнее см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 402).

…Великий Князь выступил… вперед, чтобы лично подать пример другим… – Как свидетельствует Пространная летописная повесть «О побоище, иже на Дону…», на уговоры воевод биться не впереди, а стать в тылу, или с краю, или где-нибудь в укромном месте Вел. князь отвечал: «Да како аз возглаголю: “Братиа моа, да потягнем вси с единого“, а сам лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в том быти, но хощу якоже словом, такожде и делом напреди всех и пред всими главу свою положити… да и прочьи, то видевше, приимут с усердием дерзновение». Далее летописец подтверждает: «да якоже рече, и тако сотвори» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 22).

С. 145. *…несметных полчищ татарских…* – По мнению современных исследователей, татарское войско насчитывало до 60 тыс. человек (см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 282).

…с татарской стороны выехал вперед богатырь… Челибей Тамир Мурза… родом… печенег. – Имя противника Пересвета (Темир-мирза) содержится только в так называемой Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Хотя печенеги – объединения тюркских и сарматских племен, кочевавших в заволжских степях во времена Киевской Руси, и были разбиты русскими войсками в 1031 г. и сошли с исторической арены, но этим именем на Руси продолжали называть вообще всех кочевников, нападавших на русские земли. Именно в этом смысле, а не в этническом употреблено слово «печенег» в «Сказании о Мамаевом побоище», на которое опирается составитель наст. Жития: «выде печенег из полку татарского», «печенези же свои боги кликнуша», говорится в Основной редакции «Сказания» о противнике Пересвета и о начале самого сражения (см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 98).

…подобно древнему Голиафу… – Голиаф – исполин-филистимлянин, которого победил вышедший с ним на поединок Давид (см.: 1 Цар. 17).

…из полка Владимира Всеволодовича… – Речь идет о князе Владимире Александровиче Всеволоже – одном из братьев Всеволожей, выехавших в 60-е гг. XIV в. из-за притеснений князя Литовского Ольгерда из Смоленска в Москву. В Куликовской битве командовал (вместе со своим братом Дмитрием Александровичем Всеволожем) передовым полком.

С. 146. *…своему любимому боярину (Михаилу Бренку)…* – Одним из потомков геройски павшего на Куликовом поле боярина Михаила Андреевича Бренка является святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский, святой Русской Православной Церкви († 1867; память 30 апреля), автор высоко ценимых духовно-аскетических сочинений.

…с частицами Животворящего Древа… – То есть с частицами древа Креста, на котором был распят Господь наш Иисус

Христос. При обретении (326) в Иерусалиме на Голгофе Креста Господня он явил свою чудодейственную животворящую силу (слав. *животворящий*– «дарующий жизнь», «оживляющий», «воскрешающий») воскрешением умершего и многочисленными исцелениями. Русь не раз получала с Востока части Животворящего Креста Господня, которые благоговейно хранились в разных местах нашего Отечества.
...из ста пятидесяти тысяч воинов вернулось... не более сорока тысяч... – О численности русского войска см. комм. к с. 144, к словам: *«...необозримые ряды войск...»*. Различные источники Куликовского цикла называют число павших в Куликовской битве от 253 тыс. до 360 тыс., что современными исследователями считается преувеличенным, а потери русского войска определяются ими в 20 тыс. человек, т. е. около трети всей армии.
...многие воеводы... сложили свои головы... – Число погибших военачальников по различным произведениям Куликовского цикла (и их редакциям), содержащим списки убитых, колеблется от 543 до 604, что составило почти треть командовавших русской армией. Имена высших военачальников – князей и бояр, руководителей полков – были помещены в государственный пергаменный синодик (см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 302–304), другие сохранены летописцами и книжниками.
...*вдвое более побито татар*... – Потери на Куликовом поле со стороны и русских и татарских войск считаются современными исследователями примерно равными.
С. 147. *«...связь между отрывочно намеченными событиями дня...»* – Автором цитируется, а ниже по тексту излагается статья *Н. Шлякова* «Невыясненное известие из жизни преподобного Сергия» [90].
С. 148. *...весть о Литве и Агарянах...* – То есть известие о литовском и татарском войсках. В Священном Писании агарянами называются потомки Измаила, сына Агари (1 Цар. 5, 10. Пс. 82, 7), – измаильтяне, или арабы. На Руси агарянами называли кочевников, принявших ислам.
...в то время... в Москве... Митрополит Киприан. – В указанное время Митр. Киприана в Москве не было (см. комм. ниже).
...Святитель Киприан... только что вступивший на митрополию... – Как известно, после смерти Митр. Алексия Русская митрополия переживала церковные нестроения: в Москве не было предстоятеля Церкви, признаваемого как Патриархом Константинопольским, так и Вел. князем. Осенью 1380 г. святитель Киприан был Митр. Малой Руси и Литовским, а Митр. Киевским и всея Руси он стал по постановлению Константинопольского Собора только в феврале 1389 г.
«своинственная показати» – воинствовать с кем-либо вместе.
С. 149. *...ратниками, от ангельского лика данными.* – Речь идет о воинах-монахах, троицких иноках Пересвете и Ослябе.

...велел петь панихиды и служить заупокойные литургии... – Панихида (греч. «всенощное пение») – заупокойное богослужение, и само название его показывает, что, по Уставу, такое богослужение совершается (поется) в течение всей ночи (см.: *Афанасий (Сахаров), еп.* О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. С. 163). О заупокойной литургии епископ Афанасий пишет следующее: «Когда литургия совершается специально для поминовения и когда на ней возносятся нарочитые моления об усопших, у нас обычно усваивается ей наименование Литургия заупокойная» (Там же. С. 116).

...пред 26-м числом октября (день Ангела Великого Князя Димитрия Иоанновича)... – 26 октября Церковь празднует память великомученика Димитрия Солунского (около 306 г.), небесного покровителя Димитрия Донского.

С. 150. *...Стромынский Успенский монастырь на реке Дубенке, где первым настоятелем был... Савва одноокий...* – Как свидетельствует Никоновская летопись под 1379 г., «монастырь на реце на Дубенке на Стромыне» (Стромынский Дубенский Успенский) был основан преп. Сергием в 1379 г., и первым игуменом в нем был троицкий инок Леонтий (ПСРЛ. Т. XI. С. 44). После победы Дмитрия Донского над Мамаем на Куликовом поле преп. Сергием был основан другой Успенский монастырь, «что на Острову», игуменом в котором был поставлен троицкий инок преп. Савва, впоследствии основатель Саввино-Сторожевского монастыря (Там же. С. 145). Этот обетный монастырь был основан на другой реке с тем же названием Дубенка. Местоположение Успенского Дубенского на Острову монастыря граф *М. В. Толстой* отождествляет с Шавыкиной пустынью, располагавшейся во Владимирской губ. Александровского уезда (см.: Душеполезное чтение, 1877. Ч. 2. С. 245–249 [81]). Следует отметить, что и сам архим. Никон в гл. XX говорит, что Стромынский Успенский монастырь основан в 1378 г., а в 1381 г. был основан Успенский монастырь, что на Острову, а не Успенский Стромынский (см. с. 192 наст. изд. и комм. к ней, к словам: «*...Стромынский монастырь...*» и «*...другой Дубенский Успенский монастырь...*»).

Глава XVI

С. 151. *...детей своих – Юрия... и Петра...* – Юрий Дмитриевич (1374–1434), третий сын Вел. князя Димитрия Иоанновича, по завещанию отца (1389) получил в удел Звенигород и Галич. Князь Юрий Дмитриевич Звенигородский был усердным попечителем Троицкого монастыря. По летописным и житийным свидетельствам, он присутствовал на торжестве закладки Троицкого собора, который и был воздвигнут при его содействии (*Горский А. В.* Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. Изд. 2-е. С. 6 [13]). На средства князя был

основан Саввино-Сторожевский монастырь (1398), в 2 км от Звенигорода, а в самом городе возведен белокаменный Успенский собор. – Петр Дмитриевич (1385–1428), шестой сын князя Димитрия Иоанновича, по завещанию отца (1389) получил в удел из городов Московского княжества Дмитров.
...сына Андрея... – Андрей Дмитриевич (1382–1432), пятый сын князя Димитрия Иоанновича, по завещанию отца (1389) получил в удел Можайск и Белоозеро.
‖*...Сергия, находившегося в это время в Твери.* – Об удалении преп. Сергия с братией в Тверь во время нашествия хана Тохтамыша в 1382 г. сообщает краткое Житие преп. Сергия, помещенное во 2-й Софийской летописи (ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1855. С. 122).
...Преподобный крестил у него сына Иоанна... – Иоанн Владимирович, второй сын князя Серпуховского Владимира Андреевича, родился в 1381 г. (Никоновская летопись – ПСРЛ. Т. XI. С. 70), наследовал удел своего отца после его смерти (1410). Скончался между 1425–1427 гг.
«...испытанного духовного наставника и молитвенника». – См.: *Митр. Филарет.* Житие преподобного Сергия. С. 332 [86].
С. 152. *...из города Тернова...* – Тернов (Тырново, совр. Великотырново) – один из древнейших болгарских городов и крупнейших государственных и церковных центров Средневековой Европы, с XII в. столица II Болгарского царства (1187–1396).
...принадлежал к Аполлинариевой ереси... – Аполлинарий младший, епископ Лаодикии Приморской в Сирии, род. около 305–310 гг., умер в 80-х гг. IV в. Богословские построения Аполлинария по вопросу о том, каким образом во Христе Бог и плоть составляют одну природу, были осуждены на Втором Вселенском Соборе (381) как еретические. Аполлинарий учил, что Сын Божий, воплотившись, воспринял не полное человеческое естество, но только тело и душу, а человеческий ум в Нем замещался Божественным Логосом.
...Великий Князь повелел дяде своему, князю Андрею Ивановичу... – Дядя Вел. князя Димитрия Иоанновича Андрей Иоаннович, о котором идет речь, скончался в 1353 г., поэтому, естественно, не мог быть восприемником от купели Воейко Войтеговича, принявшего крещение после 1384 г. Источником анахронизма является книга «Историческое родословие благородных дворян Воейковых, собранное и изданное игуменом Ювеналием Воейковым» (М., 1792), процитированная в статье *М. В. Толстого* «Родовая икона Воейковых» (с. 321–323 [79]), на которую ссылается архим. Никон в примеч. 156. Впервые вставка о родовой иконе Воейковых появилась в 3-м и 4-м изданиях Жития, составленного архим. Никоном, вышедших в 1898 г.
...в родословной книге... Воейковых... – Имеется в виду указанная в предыдущем комм. книга «Историческое

родословие благородных дворян Воейковых». В «Опыте российской библиографии» *В. С. Сопикова* (СПб., 1905) приводятся сведения о том, что «этого родословия напечатано 25 экземпляров» (Указ. соч. Ч. 4. С. 202, № 9762).

...такой-то князь поехал в Орду добывать себе титул великокняжеский... – Право занять великокняжеский Владимирский стол и получить титул Вел. князя Владимирского давал ханский ярлык на великое княжение.

С. 153. *...Ростовского князя Константина Васильевича...* – О князе Ростовском Константине Васильевиче († 1365) см. выше комм. к с. 30 , к словам: *«...выдал своих дочерей...»*.

||*...по смерти Великого Князя Иоанна Иоанновича...* – Иоанн Иоаннович Красный (1326–1359) – Вел. князь Московский и Владимирский, сын Иоанна Калиты, отец Димитрия Донского. В 1340 г. по завещанию своего отца получил Звенигород и часть московских владений. Вел. князем Иоанн Иоаннович стал в 1354 г., когда получил в Орде ярлык на Владимирское великое княжение после смерти от чумы (1353) своего брата, Вел. князя Симеона Иоанновича.

С. 154. *...хан Мурат, утвердивший Димитрия Московского на Великом Княжении...* – Как сообщает Рогожский летописец, ярлык на великое княжение для малолетнего князя Димитрия Иоанновича был получен не только у хана Мюрида (*Мурата*) в 1362 г., но и у его соперника, претендовавшего на ханский престол хана Абуллаха в 1363 г. (см.: ПСРЛ. Т. XV. Стб. 72–74).

...Суздальский князь... занял было Владимир... – Речь идет о Дмитрии Константиновиче (1324–1383), князе Суздальском и Нижегородском, сыне суздальского князя Константина Васильевича († 1355). В 1363 г. князь Дмитрий Константинович получает, по-видимому, ярлык на великое княжение от хана Мурата, разгневанного тем, что послы Димитрия Иоанновича получили великокняжеский ярлык не только у него, но и у его соперника хана Абуллаха (см. пред. комм.). Поход московского войска против Дмитрия Константиновича, занявшего Владимир, состоялся в 1363 г. Князь Дмитрий Константинович вынужден был оставить Владимир и был осажден в Суздале войском князя Димитрия Иоанновича. В 1364 г., получив ярлык на великое княжение от сменившего Мурата хана Азиза (1364–1367), отказался от него в пользу Димитрия Иоанновича, а тот, в ответ, помог Дмитрию Константиновичу сесть в Нижнем Новгороде.

...сын Суздальского князя Василий Димитриевич привез отцу из Орды ярлык на Великое Княжение... – Василий Дмитриевич (Кирдяпа; † 1403) привез своему отцу, Дмитрию Константиновичу Суздальскому (см. пред. комм.), ярлык на великое княжение в 1364 г., полученный от хана Азиза, сменившего в Сарае хана Мурата. В этом же году стал князем Суздальским: севший в Нижнем Новгороде Дмитрий Константинович передал ему Суздальское княжество.

Участвовал во многих военных операциях своего отца: в 1370 г. – против хана Волжской Болгарии Асана, в 1375 г. – в походе против татар на Казань. В 1382–1386 гг. по воле отца находился в Орде как заложник хана Тохтамыша. В 1392 г. он был изгнан из Суздаля Вел. князем Василием I Дмитриевичем и получил от него в удел Шую. От сына Василия Дмитриевича, Юрия, пошел род князей Шуйских (см.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси. Т. 2. С. 408–417).
...Борис Константинович... самовольно захватил у брата Нижний Новгород. – Борис Константинович, князь Городецкий († 1394), младший брат Дмитрия Константиновича, князя Нижегородского (см. пред. комм.), трижды занимал и трижды вынужден был оставить Нижегородский стол: в 1365 г. пытался сесть в Нижнем Новгороде вопреки старшинству Дмитрия Константиновича; с 1383 по 1387 г. занимал Нижегородский стол после смерти старшего брата и потерял его в результате междоусобицы; в 1389–1392 гг. был князем Нижегородским по ярлыку от Тохтамыша, пока Нижегородское княжество не было присоединено к Московскому Вел. князем Василием I Дмитриевичем.
...Тверской Князь Михаил Александрович. – Михаил Александрович (1333–1399), вел. князь Тверской с 1365 г., был соперником князя Московского Димитрия Иоанновича в упорной и продолжительной борьбе за великое княжение. В 1375 г. после осады Твери московской ратью Михаилу Александровичу пришлось признать себя «младшим братом» московского князя и отказаться от притязаний на великокняжеский стол, и когда в 1382 г., во время нашествия Тохтамыша, он откупился от татар и отправился в Орду за великокняжеским ярлыком, то получил от хана ярлык лишь на Тверское княжение.
С. 155. *...женат на родной сестре Михаила...* – Женой вел. князя Литовского Ольгерда была сестра Михаила Александровича Тверского – Ульяна Александровна. Умерла в 1392 г., приняв перед кончиной постриг с именем Марина. Погребена в Киево-Печерской Лавре.
...сын Олега Феодор взял за себя дочь Великого Князя Софию Димитриевну. – Брак между Федором Олеговичем и Софией Дмитриевной был заключен в сентябре 1386 г. Федор Олегович, старший сын вел. князя Рязанского Олега, после смерти отца занимал Рязанский стол с 1402 по 1417 г.
С. 156. *...новый порядок престолонаследия...* – Согласно духовному завещанию Вел. князя Московского Димитрия Иоанновича (1389), великокняжеский Владимирский стол оставался в роду московских князей, которые усваивали себе право распоряжаться им как своей отчиной.

Глава XVII

С. 158. *...с ветхим человеком...* – См. комм. к с. 34, к словам: *«...совлекался и ветхого человека...»*.
...с врагами спасения – миром и диаволом. – Здесь слово *мир* (слав. *міръ* – все человечество) используется не для обозначения созданной Творцом вселенной, а, в соответствии с древней аскетической традицией, для обозначения греховной жизни, противной воле Божией. Преп. Исаак Сирин говорит, что мир – «имя собирательное для всех страстей» (*Исаак Сирин.* Слова подвижнические. С. 14. Слово 2); «мир есть плотское житие и мудрование плоти» (Там же. С. 15–16), порабощающее человека и мешающее ему приблизиться к Богу. Именно в этом смысле мир и называется врагом спасения и ставится в один ряд с диаволом. Удаление от мира, борьба со страстями, привязывающими к нему, составляют суть аскетического подвига, в широком смысле – суть подвига каждого христианина.
...не очистил сердца от страстей. – Очищение сердца от страстей является целью христианского совершенствования, целью всей жизни христианина, так как, согласно Священному Писанию, только *чистые сердцем Бога узрят* (Мф. 5, 8). Чистота сердца необходима для восприятия благодати Божией и достигается ||особым аскетическим подвигом: неослабным напряжением душевных сил для «охранения» сердца от дурных (страстных) движений, терпеливым перенесением скорбей, лишений.
...слепотствующим умом... – То есть умом, ослепленным греховными страстями, находящимся в помрачении.
...состояния души... восстановленной в своей первобытной... красоте и совершенстве. – Здесь имеется в виду состояние души человека – первосозданного Адама – до его грехопадения, состояние души, лишенной изъянов в своей природе, для которой характерны проницательный и ясный ум, воля, устремленная только к добру, сердце, не омраченное страстями. Все свои душевные силы – ум, чувства и волю – первосозданный человек должен был, по замыслу Творца, устремлять к Богу, достигая богоподобия.
С. 159. *...подвига крестного...* – В православной аскетической традиции под подвигом крестным понимается добровольное принятие на себя лишений и скорбей для борьбы со страстями и достижения чистоты сердца.
...манны животной и нетленной». – О *манне* см. комм. к с. 87, к словам: *«...манна, сей хлеб ангельский...»*. Здесь под *манной животной и нетленной* подразумевается Божественная благодать, питающая и укрепляющая человеческий дух.
...просветитель Пермии, святой Епископ Стефан... – Святитель Стефан – епископ Пермский, святой Русской Православной Церкви († 1396; память 26 апреля), родился около 1340 г. в Устюге Великом, в 1383 г. стал епископом Пермским. Создал

пермскую грамоту, перевел с греческого и русского языков на пермский (зырянский) богослужебные книги.
С. 160. *«Достойно есть яко воистинну...»* – Начало благодарственной молитвы ко Пресвятой Богородице.
...во время трапезования... чередной иеромонах произносит... – Различные послушания в монастырях исполняются братией по очереди. Чередным иеромонахом называется иеромонах, совершающий Божественную литургию в свой черед на протяжении одной седмицы (недели). В наст. время на братской трапезе в Троице-Сергиевой Лавре молитву преподобным Стефану и Сергию произносят отец наместник или старейший из братий, присутствующих на трапезе.
С. 162. *В Малом входе с Евангелием...* – На Божественной литургии во время Малого входа священнослужителями выносится из алтаря Евангелие и возвышается перед верующими, что изображает выступление Господа нашего Иисуса Христа на проповедь.
...благоговейному старцу Макарию... – Макарий – один из иноков Троицкого монастыря, ученик преп. Сергия, известен именно по этому упоминанию в Житии преп. Сергия.
С. 163. *...блаженный Симон экклесиарх...* – Один из иноков Троицкого монастыря, Симон известен только по упоминанию о нем в Житии преп. Сергия, в рассказе о благодатном видении святому.
...небесный огонь сошел на Святые Таины в минуту их освящения... – Освящением Святых Таин называется преложение (превращение) Честных Даров – хлеба и вина, принесенных в церковь для совершения литургии, – силою и действием Святого Духа в Тело и Кровь Христовы.
...около святой трапезы... – Под святой трапезой здесь понимается антиминс (см. комм. к с. 40) с покоящимися на нем пресуществленными Святыми Дарами. На оборотной стороне антиминса пишется: «Сей антиминс, си есть трапеза священная на приношение безкровныя жертвы в Божественной литургии».
...внутрь святого потира. – Потир (греч. «чаша») – богослужебный сосуд, употребляемый при совершении Таинства Евхаристии. В потире вино пресуществляется в истинную Кровь Христову.
...«неопально, как древле купина неопально горевшая». – Священное Писание Ветхого Завета (Исх. 3, 2, 4. Втор. 33, 16) повествует о горящей, но несгораемой купине (терновом кусте), в которой пророку Израильского народа Моисею явился Господь Бог, призывая к избавлению Израильтян из рабства египетского.
С. 164. *...келейному ученику Преподобному Михею...* – О преп. Михее см. в гл. XIX наст. изд.
С. 165. *...пост Рождества Христова...* – Праздник Рождества Христова предваряется 40-дневным постом, начинающимся 14 ноября (ст. ст.), называемым Рождественским (или

Филипповским, по имени св. апостола Филиппа, память которого празднуется в этот день).

С. 166. *…установлено каждую пятницу… совершать всенощное бдение с Акафистом Богоматери в юго-западном притворе Троицкого собора…* – Ныне акафист Пресвятой Богородице в воспоминание посещения Ею преп. Сергия совершается соборным служением каждую пятницу в самом Троицком соборе.

С. 166–167. *«…которому подивились бы и наши древние отцы?»* – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 135 [21].

С. 167. *…о подвигах русских Киево-печерских Преподобных отцев…* – В Киевской Руси еще в домонгольское время существовало около 70 монашеских обителей, из которых своими подвижниками особенно прославилась крупнейшая – основанная в 1051 г. Киево-Печерская Лавра (см. древний сборник Житий киево-печерских святых – Киево-Печерский патерик).

С. 169. *…лицезреть камня веры – Петра…* – Как свидетельствует Священное Писание, Господь Иисус Христос, обращаясь к апостолу Петру, говорит: «*Ты еси Петр* (греч. *петр* – «камень»), *и на сем камне созижду Церковь Мою*» (Мф. 16, 18). По толкованию святых отцов, в этих евангельских словах под *камнем* подразумевается исповеданная Петром вера в воплотившегося Сына Божия Иисуса Христа, лежащая, как краеугольный камень, в основании Христианской Церкви.

…смиреннейшую из земнородных… – смиреннейшую из рожденных на земле.

…святолепный образ… – образ, исполненный духовной красоты, святости.

Глава XVIII

С. 173. *…с заклятием…* – Ц.-слав. *заклясть* – «заповедать», «запрещать под страхом кары небесной».

…он приподнялся… чтобы встретить грядущего во Святых Тайнах Господа… – Поскольку во время совершения Таинства Божественной литургии вино и хлеб пресуществляются (превращаются) в Тело и Кровь (Святые Таины) Господа нашего Иисуса Христа, то и встречать Святые Таины следует с подобающим почтением и благоговением.

С. 174. *…заглушали псалмопения…* – При внесении тела усопшего монаха в храм поются стихиры – церковные песнопения, в основе которых лежат стихи из Псалтири.

С. 175. *И поныне слышится… плач у гроба Сергиева – каждый раз после молебного пения.* – Молебны с акафистом у раки со святыми мощами преп. Сергия в Троицком соборе ныне служатся ежедневно с 5 часов утра до 9 часов вечера.

«<...> ...сей истинный подражатель Христов!» – См.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 143–144 [21].

С. 176. *...в блаженной вечности записано в книгах животных...* – О книге жизни (ц.-слав. *книгах животных*) сообщает Священное Писание: *Побеждающий облечется в белые одежды и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами его* (Откр. 3, 5). В книге жизни записаны имена тех, кто после Страшного Суда удостоится вечного блаженства рядом с Богом, удостоится вхождения в Новый Иерусалим, о котором св. апостол Иоанн Богослов пишет: *«...и не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни»* (Откр. 21, 27).

Глава XIX

С. 178. *...в... святцах...* – В святцах, или месяцеслове, содержатся имена святых и дни их памяти, расположенные в порядке дней года.

С. 179. *...в Ростове, в монастыре Григория Богослова, именуемом Затвор.* – Мужской монастырь Григорьевский Богословский Затвор (в конце XIX в. – «древняя церковь Григория Богослова») находился вне стен Ростовского кремля, с которым был соединен переходом и келлиями. В этом монастыре располагалось училище, в 1408 г. превращенное в пепел Едигеем. Церковь Григория Богослова (1652–1691) была восстановлена в 1884 г. (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 3. С. 58, № 1568). О монастыре Григорьев Затвор см. также в комм. к с. 110, к словам: «*...книжное учение в обители Григория Богослова...*».

...отошедший ко Господу наставник не переставал и по кончине своей благодатно руководить своего достойного ученика. – Свидетельства о таком руководстве преп. Сергия, относящиеся ко времени нашествия хана Едигея на Русь (1408), сохранило Житие преп. Никона (см.: Троицкий сборник, № 2. С. 27).

...Евфимий Великий с Саввою Освященным... – О них см. в комм. к с. 76, к словам: «*...таких светильников монашества...*».

...пришел в его Лавру... – Один из самых знаменитых древних палестинских монастырей – лавра преп. Евфимия Великого находилась приблизительно в 10–12 км к северо-востоку от Иерусалима.

...к Преподобному Феоктисту. – Преп. Феоктист († 467; память 3 сентября), ближайший друг и сподвижник преп. Евфимия Великого, был игуменом одной из двух основанных преп. Евфимием обителей – Феоктистова монастыря, находившегося приблизительно в 14 км к северо-востоку от Иерусалима.

С. 180. *...Высоцкий монастырь, что в городе Серпухове.* – Высоцкий Богородицкий Зачатиевский мужской монастырь был

основан в 1374 г. в 2 верстах от Серпухова, по дороге в Тулу. За свою многовековую историю монастырь, защищавший Москву с юга, несколько раз подвергался разорениям, но всегда восстанавливался. В 1917 г. монастырь был закрыт. Его возрождение началось с 1991 г. О Высоцком Зачатиевском монастыре см. также в гл. XX наст. изд.

С. 181. *...для открытия... помыслов...* – Об откровении (*открытии*) помыслов духовно опытному наставнику как важнейшей части православной аскетики см. комм. к с. 107 наст. изд.

«Кто мог наполнить безмерную пустоту..? – вопрошает святитель Филарет и отвечает: ...никто лучше Преподобного Никона не мог уменьшить чувства сего лишения». – Архим. Никон цитирует здесь, а далее в тексте со слов: *«Но эта слава очень тяготила его...»* излагает составленное *Митр. Филаретом* «Житие Преподобного Никона» [85, с. 8].

...Звенигородского князя Юрия Димитриевича... – О нем см. комм. к с. 151, к словам: *«...детей своих Юрия... и Петра...».*

...новую обитель – «на Сторожах». – «Сторожами», где преп. Савва основал свою обитель (о ней см. комм. к с. 193, к словам: *«...на горе Стороже монастырь...»*), называлась гора близ Звенигорода, на берегу Москвы-реки, служившая оборонительным укреплением на подступах к городу.

С. 182. *...свирепый Едигей.* – Едигей (1352–1410) – глава войска (беклярибек), в 1397–1410 гг. фактический правитель Золотой Орды при нескольких ханах. В 1408 г., надеясь заставить Московскую Русь снова платить дань, Едигей неожиданно напал на Русь, разорил Серпухов, Дмитров, Ростов, Переславль, Нижний Новгород и др. В декабре осадил Москву, однако город взять не смог. Активный участник междоусобной борьбы, сопровождавшей распад Золотой Орды, потерял власть во время смуты в Золотой Орде 1410–1412 гг., был разгромлен сыном Тохтамыша Кадыр-берди, умер в 1419 г.

Преподав мир... – То есть благословив, призвав Божие благословение.

...крестил сына Дмитрия у князя Кашинского Василия Михайловича... – Василий Михайлович, сын вел. князя Тверского Михаила Александровича (о нем см. выше, комм. к с. 154), получил г. Кашин по завещанию своего отца (1399).

...дал... несколько жалованных грамот обители... – Жалованными грамотами в старину на Руси назывались свидетельства на пожалованье кого-либо владеньем или званием.

С. 183. *...преподобные иконописцы Даниил и Андрей Рублев...* – Преп. Андрей Рублев (около 1360–1430; память 4 июля) – великий русский иконописец. Место и время пострижения точно не установлено, но вся его духовная жизнь связана с кругом преп. Сергия – преподобными Андроником Московским, Никоном Радонежским, Саввой Сторожевским,

Афанасием Высоцким. Преп. Даниил – друг и спостник (товарищ в посте) преп. Андрея, постриженник Троицкого монастыря (о преподобных иконописцах Андрее и Данииле см. также комм. к с. 188).
...чудотворный образ Пресвятыя Троицы, написанный преподобным Андреем. – С 1929 г. и по наст. время икона «Троица», написанная преп. Андреем Рублевым «в честь и похвалу преподобного Сергия», находится на хранении в Государственной Третьяковской галерее. В определениях Стоглавого Собора (1551), 41 гл., икона Пресвятой Троицы письма Андрея Рублева поставляется, наряду с древними греческими изображениями, образцом для иконописцев.
С. 184. *«Изыди, душе моя,.. идеже ти уготовано пребывалище...* – В духовной литературе часто тело называется временным пребывалищем (жилищем) духа, а небеса – вечным пребывалищем блаженных.
Его святое тело положено близ мощей Преподобного Сергия... – Преп. Никон был похоронен у южной стены Троицкого собора, канонизирован на Московском Соборе 1547 г., в 1548 г. над его гробом был воздвигнут храм в его имя, а в 1623 г. Никоновский храм был перестроен в более просторный.

Глава XX
С. 185–186. *...в дикую тогда страну Галицкую.* – Страной Галицкой (Галицкими землями) во времена преп. Сергия называли окрестности городов Галич (на берегу Галичского оз.) и Чухлома (на берегу Чухломского оз.), находящихся в нынешней Костромской обл. Населенные в основном языческими племенами меря и чудь, Галицкие земли в серед. XIII в. составляли обособленную часть Галицко-Дмитровского княжества в междуречье Унжи и Костромы, а с 1335 до 1360 г. – отдельное Галицкое княжество под властью Москвы. С 1363 г. окончательно подчинились Москве.
С. 186. *...обрел чудотворную икону Богоматери «Умиление сердец»...* – Галичская (Чухломская) икона Божией Матери «Умиление» была обретена преп. Авраамием в 1350 г., празднование ее совершается 28 мая, 20 июля и 15 августа.
...Галицкому князю Димитрию Феодоровичу... – О галицком князе Дмитрии Феодоровиче источники ничего не сообщают. Речь идет, возможно, о князе Дмитрии Борисовиче, занимавшем Галицкий престол в 1360–1363 гг.
...монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы... – Авраамиев Успенский Богородицкий мужской монастырь был основан преп. Авраамием Галичским на северном берегу Галичского оз., в 7 верстах к северо-западу от Галича, предположительно около 1350 г. Монастырь был упразднен в 1764 г. В конце XIX в. на месте его располагался погост

Заозерский-Авраамиев, или Новый Монастырь (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 46, № 598).

...другая обитель – Положения пояса Богоматери... – Мужской монастырь Положения честного Пояса Пресвятой Богородицы (Авраамиева Великая Пустынь) был основан преп. Авраамием Галичским в XIV в. в 30 верстах к востоку-юго-востоку от Чухломы при речке Мелше. Обитель упразднена до 1764 г., в конце XIX в. на месте монастыря располагалось с. Великая Пустынь Костромской губ., Чухломского уезда (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 3. С. 133, № 1915).

...на реку Вига... –Вига – правый приток впадающей в Волгу реки Унжи – протекает по северу Костромской и югу Вологодской областей.

...монастырь во имя Собора Богоматери. – Обитель в честь Собора Пресвятой Богородицы (Авраамиева Верхняя Пустынь) основана преп. Авраамием в 12 верстах к юго-востоку от Чухломы (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 3. С. 160, № 2031). Упразднен, по-видимому, после 1764 г. В конце XIX в. на его месте располагалось с. Верхняя Пустынь.

...построил четвертую обитель – в честь Покрова Пресвятой Богородицы... – Свято-Покровский Авраамиев Городецкий монастырь основан преп. Авраамием Галичским около 1360 г. на северном берегу Чухломского оз., в 11 верстах от г. Чухломы и в 180 верстах от г. Костромы. Был закрыт в 1928 г., возрожден в 1991 г. Храмов три: соборный в честь Галичской иконы Божией Матери «Умиление» (с двумя приделами – во имя преп. Авраамия, чухломского чудотворца, и во имя св. пророка Илии); в честь Покрова Божией Матери (1608–1631); во имя свт. Николая Чудотворца (XVII в.). В Ильинском приделе соборного храма покоятся под спудом мощи преп. Авраамия. Там же находится чудотворная икона Божией Матери «Умиление». Сохранился ископанный преп. Авраамием кладезь.

Преподобный Павел Обнорский... – Как пишет *Е. Е. Голубинский* (Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. 2-е изд., с. 81 [12]), преп. Павел родился в Москве от благородных и благочестивых родителей в 1317 г.

С. 187. *...в Комельском лесу.* – Комельский лес, располагающийся на юге Вологодской области, получил свое название от протекающей там р. Комелы. Непроходимые леса в Вологодских, Костромских и Ярославских пределах, пересекаемые реками Обнорой, Нурмой, Унжей, Костромой, со 2-й пол. XIV в. становятся излюбленным местом совершения отшельнических подвигов для многих русских святых, в том числе и учеников преп. Сергия.

...на реку Нурму... – Нурма – приток впадающей в реку Кострому реки Обноры, протекающей по нынешним Вологодской и Ярославской областям.

Вот жизнь невинного первого человека! – Здесь подразумевается первосозданный человек – Адам, его жизнь в Раю и состояние до грехопадения, когда вся тварь Божия повиновалась Адаму как своему владыке.

...у Митрополита Фотия... – Святитель Фотий, Митр. Киевский и всея Руси, грек по происхождению, занимал Всероссийскую митрополичью кафедру в 1408–1431 гг.

...монастыря во имя Живоначальныя Троицы. – Троицкий Павло-Обнорский Комельский монастырь, основанный преп. Павлом Обнорским в 1414 г., располагался в 15 верстах от г. Грязовца Вологодской губ., на левом берегу реки Нурмы, в живописной долине, окруженной со всех сторон отлогими горами. В приделе преп. Павла разрушенного после закрытия обители в 1924 г. Троицкого собора (1605–1610) покоились под спудом мощи святого основателя обители, обретенные в 1546 г. (Известия Археологического общества, 1861. № 2, с. 371; № 3, с. 142). Монастырь начал восстанавливаться в 1994 г.

В его обители... хранится крест, данный ему Преподобным Сергием... – Как сообщает *прот. С. В. Булгаков* в Настольной книге священно-церковнослужителя (М., 1993. Т. 2. С. 1431), «хранившийся в Павло-Обнорском Троицком монастыре медный восьмиконечный крест (благословение преп. Сергия) расплавился во время пожара в 1909 г.».

...монастырь Преображения Господня. – Спасо-Преображенский Нуромский монастырь основан преп. Сергием Нуромским к юго-юго-востоку от г. Грязовца Вологодской губ., в 4 верстах от обители Павла Обнорского (см. выше, комм. к словам: *«...монастырь во имя Живоначальныя Троицы»*), вниз по реке Нурме. Был упразднен в 1764 г. и обращен в приход. В конце XIX в. на месте монастыря располагался Спасо-Нуромский погост, в Преображенской церкви которого под спудом покоились мощи преп. Сергия Нуромского (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 332, № 1172).

...обитель Воскресения Христова... – Воскресенский Обнорский мужской монастырь, находившийся на реке Обноре, в 16 верстах к северо-западу от г. Любима Ярославской губ., основан в XIV в. В 1764 г. обитель была упразднена и обращена в приход. С 1825 г. в приходской церкви Воскресения покоились под спудом мощи основателя монастыря. В конце XIX в. на месте Воскресенского монастыря находился погост Воскресенский (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 109, № 746).

С. 188. *...Преподобный Савва...* – Память преп. Саввы Московского – 13 июня.

...Андрей Рублев и Даниил, которые расписывали придворный Благовещенский собор и соборные храмы во Владимире и Сергиевой Лавре. – Росписи Андрея Рублева в соборе Благовещения Пресвятой Богородицы (Благовещенском соборе) в Московском Кремле не сохранились. Согласно Троицкой летописи, Андрей Рублев совместно с Феофаном Греком и Прохором с Городца расписывали Благовещенский собор в 1405 г. (см.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 459). В 1484–1489 гг. на месте старого было возведено новое здание Благовещенского собора (как придворная церковь Вел. князя). От старого собора в современном Благовещенском соборе сохранилась только нижняя его часть – подклет. – Успенский кафедральный собор во Владимире (XII в.) начали расписывать, как сообщает Троицкая летопись, «повеленьем князя великаго, а мастеры Данило иконник да Андрей Рублев» в 1408 г. (Там же. С. 466). – В Троице-Сергиевой Лавре, как сообщает Житие преп. Никона Радонежского, незадолго до кончины преп. Андрея Рублева († 1430) им и преп. Даниилом был расписан Троицкий собор (Житие преподобного Никона // Троицкий сборник, №2. С. 29).

С. 189. *...за рекою Яхромою...* – Яхрома – река на севере Московской области.

...где теперь стоит эта обитель. – Дмитровский Пешношский (или Песношский) Мефодиев мужской монастырь в честь святителя Николая, архиеп. Мир Ликийских, был основан преп. Мефодием в 20 верстах от г. Дмитрова, при впадении речки Пешноши в Яхрому. Обитель была закрыта после революции 1917 г.

Оттого обитель получила наименование Пешношской, а речку прозвали Пешношей. – Е. Е. Голубинский возражает против подобной этимологии названия монастыря. По его мнению, название монастыря происходит от названия речки Пешноши (или Песноши), которая пишется через букву «е», а не через «ять», как было бы, если оно происходило бы от слова «пеший», писавшегося через «ять» (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. 2-е изд. С. 79 [12]).

...избранное им... место для обители. – Основанная в 1370 г. преп. Феодором обитель была названа по имени владельцев места первоначального ее нахождения, происходивших из рода Головиных «что на Симонове», – Московский Симонов монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Позднее монастырь преп. Феодором был перенесен в другое место и стал Симоновым Успенским монастырем, а за прежним монастырем осталось название Рождественского Старого Симонова. Когда монастырь был упразднен – неизвестно. В конце XIX в. на его месте, сохранившем название Старого Симонова, находилась приходская церковь Рождества Богородицы (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях.

Т. 3. С. 150, № 1990). В 1927 г. храм был закрыт, в нем разместился заводской цех. Возвращен Церкви и вновь освящен в 1989 г.
Великий Князь избрал себе Феодора в духовники... – Преп. Феодор Симоновский был духовником Вел. князя Дмитрия Донского.
С. 190 *...в день Преполовения Пятьдесятницы сюда бывает крестный ход для освящения воды.* – В день Преполовения Пятидесятницы вспоминается учение Спасителя о благодати Святаго Духа, которую Он уподобил таинственной воде, подающей жизнь жаждущим спасения, и совершается освящение воды, а в некоторых церквах совершается и крестный ход на водные источники.
...впоследствии был Архиепископом в Ростове... – Преп. Феодор «хиротонисан в Константинополе в 1390 г. из архимандритов Симоновских, сперва во епископа, а потом пожалован Архиепископом, а иные пишут, что прямо из архимандритов в архиепископы посвящен...» (История российской иерархии. Т. 1. С. 118–119 [6]).
...основанием Богородицерождественского женского монастыря. – Ростовский монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы основан первым архиепископом Ростовским Феодором в 1391 г. В обители два храма – соборный (XVII в.), в честь Рождества Пресвятой Богородицы, и надвратный, построенный в честь чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери, написанной самим святителем Феодором и подаренной им монастырю. Монастырь был закрыт в 1926 г. Обитель возрождается с 1997 г.
...на Старом Симонове... – О Старом Симонове см. выше, в комм. к с. 189, к словам: «*...избранное им... место для обители*».
С. 191. *...пределы Белозерские.* – Земли на севере Заволжья в Вологодской обл. вокруг Белого оз.
...основание общежительной обители Успения Пресвятой Богородицы... – Успенский Кирилло-Белозерский монастырь основан преп. Кириллом в 30 верстах к югу от Белого оз., на берегу оз. Сиверского, при речке Свияге. Наряду с Троице-Сергиевой Лаврой был крупнейшим монастырем Московской Руси, богатейшим городом-крепостью. Его постриженники основали многие русские обители. Монастырь разделяется на два – Большой (Успенский) и Малый (Иоанновский). Храмов в нем – 11 (кроме приделов). В 1924 г. Кирилло-Белозерский монастырь был закрыт, а на его территории расположился музей-заповедник. В 1998 г. Церкви возвращена часть обители – Малый Иоанновский монастырь, где возрождается монашеская жизнь.
монастырь... Рождества Богородицы... – Рождества Пресвятой Богородицы Ферапонтов мужской монастырь был основан в 15 верстах от Кирилло-Белозерского монастыря, при озерах Бородавском и Ферапонтовском. В 1798 г. упразднен и

превращен в приходскую церковь, а в 1903 г. восстановлен как женский. Закрыт после 1917 г., ныне на его территории музей-заповедник.

...Преподобный Ферапонт, по желанию Можайского князя Андрея Димитриевича, перешел в Можайск... – Можайский князь Андрей Дмитриевич был одновременно князем Белозерским, о нем см. комм. к с. 151, к словам: «*...сына Андрея...*».

...основал Лужецкий монастырь... – Можайский Лужецкий Рождества Пресвятой Богородицы Ферапонтов монастырь основан преп. Ферапонтом в полуверсте к северу от Можайска, на высоком правом берегу Москвы-реки. Некоторое время настоятелем монастыря был архимандрит Макарий, впоследствии Митрополит Московский и всея Руси (†1563; память 30 декабря). Монастырь был закрыт в 1926 г. Возрождается с 1993 г. В 1999 г., 26 мая, обретены мощи преп. Ферапонта, покоящиеся ныне в надвратной Преображенской церкви.

...Преподобный Кирилл скончался в 1427 году... – Преп. Кирилл, принадлежавший к московскому боярскому роду, родился в 1337 г. В монашество был пострижен в 1380 г. в Симоновом монастыре племянником преп. Сергия, преп. Феодором. Архимандритом Симоновского монастыря стал после возведения преп. Феодора в 1390 г. во архиепископа Ростовского. Об обстоятельствах удаления преп. Кирилла на Белое оз. Е. Е. Голубинский сообщает: «От другого монаха Симонова монастыря, по имени Ферапонта, посланного в Белозерье за монастырским делом, он узнал, что в этом Белозерье есть место, удобное для безмолвствования, и, согласившись с тем же Ферапонтом, он решил удалиться туда» (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. 2-е изд. С. 85 [12]).

...игумен разделял скорби Святителя, сопутствуя ему в Киев и Царьград. – Святитель Киприан был удален Вел. князем Димитрием Иоанновичем в Киев в 1382 г. В 1385 г., в обстоятельствах церковной смуты в Русской митрополии, был вызван в Константинополь.

С. 191–192. *...в Константинопольском Предтечевском монастыре...* – Имеется в виду константинопольский Студийский (по имени основателя монастыря – Студия; 2-я пол. V в.) монастырь Иоанна Предтечи, знаменитый учеными занятиями своих подвижников и строгим иноческим уставом. Е. Е Голубинский считает, что Предтеченским монастырем, в котором купил себе келлию преп. Афанасий, был константинопольский монастырь Иоанна Предтечи, носивший название «Богом богатый», откуда Афанасий перешел в другой монастырь – Перивлепт: «В 1401 г., находясь в монастыре Перивлепте, Афанасий перевел с греческого языка на славянский церковный устав Саввы Освященного (или же

только написал список готового перевода, чего, по неясности и неопределенности его послесловия решить нельзя)» (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. 2-е изд. С. 78 [12]).

С. 192. *«Око Церковное»* – Под этим названием известен один из переводов на ц.-слав. яз. Иерусалимского устава (о нем см. комм. к с. 109, к словам: *«устав Иерусалимский»*), выполненный преп. Афанасием Высоцким.

...его преемником по игуменству был соименный ему ученик Афанасий... – Преп. Афанасий Высоцкий мл. скончался в 1395 г. (12 сентября).

Из других его учеников известен преподобный Никита. – Среди учеников преп. Сергия Никиту называет преп. Иосиф Волоцкий (см.: *Он же.* Отвещание любозазорным и сказание в кратце о святых отцех, бывших в монастырех, иже в Рустей земли сущих [28, стб. 549–550]). По-видимому, речь должна идти о преп. Никите Серпуховском (Боровском), скончавшемся после 1421 г., бывшем учителе преп. Пафнутия Боровского. Как свидетельствует преп. Иосиф, старец Никита был архимандритом монастыря Высоцкого, под которым, предположительно, следует понимать Покровский Высоцкий монастырь, располагавшийся в одной версте от г. Боровска, при реке Протве, в двух верстах от Пафнутьево-Боровского монастыря (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Ч. 2. С. 113, № 754).

...обители на Киржаче. – Киржачский Благовещенский (он же Введенский-Троицкий) монастырь был основан ок. 1376 г. на левом берегу реки Киржач, в 38 верстах от г. Покров Владимирской губ. (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 162, № 864). Соборная Благовещенская церковь и храм преп. Сергия Радонежского существовали уже в 1562 г. В 1764 г. монастырь был упразднен и обращен в Благовещенский приход. В советское время большая часть монастырских строений уничтожена: в 30-е годы взорваны храм преп. Сергия Радонежского с трапезной (XVI в.), монастырские стены, каменная часовня над источником, изведенным преп. Сергием. Обитель возрождается как женская с 1995 г. Мощи преп. Романа Киржачского были обретены в 1997 г.

...Стромынский монастырь Успения Богоматери на реке Дубенке... – Стромынский Успенский (Троицкий Дубенский) мужской монастырь был расположен близ села Стромынь, в 27 верстах к северу от г. Богородска Московской губ. В 1616 г. пришел в запустение и был приписан к Троице-Сергиевому монастырю, в 1764 упразднен. В конце XIX в. на месте монастыря – часовня и старое кладбище (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 348, № 1212; см. также комм. к с. 150, к словам: *«Стромынский Успенский монастырь...»*).

...преподобный Леонтий... – Память преп. Леонтия Стромынского – 20 июля; скончался после 1380 г.
...другой Дубенский Успенский монастырь, что на «острову»... – Успенский Дубенский на Острову монастырь находился в 64 верстах к северо-западу от Александрова, на острове, образуемом речками Дубной, Дубенкой, Быстрицей и Бытараской. Одно время игуменом монастыря был святитель Серапион, архиеп. Новгородский († 1516; память 16 марта), мощи которого почивают в Троице-Сергиевой Лавре. Монастырь был упразднен в 1764 г.(См.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 386, № 1310; см. также комм. к с. 150, к словам: *«Стромынский Успенский монастырь...»*). Первым игуменом этого монастыря был преп. Савва Сторожевский, а не преп. Савва одноокий (как несколько ниже утверждает архим. Никон). В летописном свидетельстве об основании преп. Сергием Успенского Дубенского монастыря говорится: «И постави единого от ученик своих игумена в том манастыре, именем Саву, еже бысть преже в его манастыри великом духовник всему братству, старец честен и учителен зело» (ПСРЛ. Т. XI. С. 145). Но как известно (и об этом говорит сам архим. Никон, см. с. 108 наст. изд.), одним из первых духовников Троицкой обители был Савва Сторожевский, а не Савва одноокий.
...преподобный Савва... изображенный в Успенском соборе Троицкой Лавры с закрытым правым глазом. – Память преп. Саввы Стромынского (Саввы одноокого; † 1392) празднуется 20 июля.
Преподобный Афанасий пустынник... – Память преп. Афанасия († 1388), по прозвищу «Железный посох», совершается 25 сентября и 26 ноября.
...на месте, где потом был основан Череповецкий Воскресенский монастырь и где теперь Воскресенский собор... – Время основания Воскресенского монастыря, располагавшегося на крутом мысу, образуемом впадением речки Ягорбы в реку Шексну, неизвестно, но он, несомненно, существовал в 1449 г., когда ему была дана грамота князем Михаилом Андреевичем Белозерским. Монастырь был упразднен в 1764 г. и обращен в приходскую церковь бывшей около него Подмонастырской слободы. В 1780 г., при преобразовании Подмонастырской слободы и села Федосьева в город Череповец, Воскресенская церковь сделана собором (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 103, № 738).
‖*Преподобный Ксенофонт Тутанский...* – Общецерковная память святого совершается в Соборе Тверских святых в первое воскресенье после 29 июня.
...Тутанский Вознесенский монастырь на берегу реки Тьмы... – Дата основания монастыря неизвестна, но не позже XV в. Вознесенский Тутанский мужской монастырь в 1571 г. был

передан в управление Троице-Сергиеву монастырю. После литовского разорения в Смутное время пришел в упадок, так что в 1640 г. в нем было не более 4 иноков. Упразднен до 1764 г. (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 3. С. 45, № 1517).

...основатель Успенского Боровенского монастыря... – Как пишет *В. В. Зверинский* (Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 386, № 1310), Успенский Боровенский (в 10 верстах от Мосальска Калужской губ., при речке Боровенке) мужской монастырь неизвестно когда основан старцем Ферапонтом... «несомненно существовал в XVI ст., что доказывается сохранившеюся игуменскою грамотою, данною в 1599 г. Мосальского уезда Боровенского монастыря старцу Евфимию, и в нем была церковь Успения Божией Матери». Монастырь упразднен в 1764 г. и обращен в приходскую церковь с. Боровенского.

С. 193. *...на горе Стороже монастырь во имя Рождества Богородицы...* – Рождества Богородицы Саввино-Сторожевский монастырь основан в полутора верстах от Звенигорода на левом берегу Москвы-реки, при впадении в нее речки Разварни. Наиболее вероятной датой основания монастыря является 1398 г.: монастырь был основан преп. Саввой Сторожевским спустя шесть лет после кончины преп. Сергия, в течение которых он был игуменом Троицкого монастыря (см.: *Смирнов С. К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. С. III. Примеч. 8 [65]). Имеющиеся указания на год основания 1380-й вызваны были тем, что летописные свидетельства под этим годом упоминают Савву как игумена Успенского Дубенского монастыря (см. комм. к с. 150). Монастырь был закрыт в 1919 г. В 1995 возвращен Русской Православной Церкви. В 1998 г. в Саввино-Сторожевский монастырь из Московского Свято-Данилова перенесены сохранявшиеся в нем с 1985 г. мощи (честная глава) преп. Саввы.

Преподобный Иаков Железноборский... – Память – 11 апреля и 5 мая.

...в Предтеченском под Бором монастыре. – Московский Предтеченский под Бором монастырь находился за Москвой-рекой, к востоку от Кремля (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 3. С. 135, № 1926).

...Софья Витовтовна, супруга Великого Князя Василия Димитриевича... – Софья Витовтовна – дочь вел. князя Литовского Витовта Ольгердовича. Умерла в 1453 г., приняв перед смертью монашеский постриг с именем Синклитикия. Вел. князь Василий I Дмитриевич (1371–1425; второй сын Димитрия Донского), получивший по завещанию (1389) отца в качестве вотчины великое Владимирское княжение, женился на Софье Витовтовне в 1390 г.

...Великий Князь дал Иакову средства построить монастырь во имя Предтечи... – Преп. Иаков Железноборский основал Предтеченский монастырь в 16 верстах от г. Буя по дороге в Кострому, при речках Тебзе и Колотовке. В 1429 г. обитель разрушена татарами и вновь восстановлена преп. Иаковом. В этом монастыре принял постриг Григорий Отрепьев, который затем перешел в Чудов монастырь в Москве. В 1699 г. обитель приписана к московскому Донскому монастырю, с 1764 г. – заштатный монастырь. В соборном храме монастыря за левым клиросом почивали под спудом мощи преп. Иакова. (*Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 132, № 796).

С. 194. *Преподобный Григорий Голутвинский...* – Память – 6 июля, в Соборе Радонежских святых.

...Голутвинского монастыря в Коломне. – Богоявленский Голутвин-Старый мужской монастырь основан по просьбе Димитрия Донского преп. Сергием, который поставил здесь игуменом своего ученика Григория. Место для монастыря было найдено в 4 верстах к югу от Коломны, при слиянии Оки и Москвы-реки. Деревянный посох преп. Сергия, о котором говорит архим. Никон, хранился в храме преп. Сергия (XV в.) при храмовом его образе (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 1. С. 96, № 72). Монастырь обладал богатым собранием древних рукописных книг. В 1912–1913 гг. настоятелем обители был оптинский старец схиархим. Варсонофий (Плеханков). Монастырь закрыт в 1929 г. В 1994 г. передан Русской Православной Церкви.

Преподобного Пахомия Нерехтского... – Преп. Пахомий (в миру Иаков; память 15 мая, 21 марта) родился во Владимире, постриг принял во владимирском Рождественском монастыре. По мнению *Е. Е. Голубинского* (Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Изд. 2-е. С. 87 [12]), нет достаточных оснований причислять преп. Пахомия Нерехтского к ученикам преп. Сергия, как это сделал впервые архим. Леонид (Кавелин) в его приложениях к «Историческому описанию Свято-Троицкия Сергиевы Лавры» *А. В. Горского* (1879. Ч. 2. С. 114 [13]).

...Троицкого Сыпанова монастыря близ Нерехты... – Нерехтский Сыпанов Троицкий мужской монастырь, или Пахомиева пустынь, основан преп. Пахомием в двух верстах от г. Нерехты в урочище Сыпаново. В церкви Святой Троицы под спудом покоятся мощи преп. Пахомия Нерехтского. Монастырь упразднен в 1764 г. (См.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 377, № 1283). Возрожден в 1992 г. как Троице-Сыпанов Пахомиев-Нерехтский женский монастырь.

Преподобного Никиту Костромского... – О преп. Никите Костромском *Е. Е. Голубинский* пишет (Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Изд. 2-е. С. 87

[12]), что о нем нет никаких биографических сведений, кроме того, что он жил при Вел. князе Василии Васильевиче Темном (1425–1462).

...Богоявленского монастыря в городе Костроме... – Согласно некоторым историческим свидетельствам, Богоявленский мужской в г. Костроме монастырь был основан около 1426 г. на речке Суле, неподалеку от Костромского кремля, учеником и сродником преп. Сергия, иноком Боровского Высоцкого Калужского монастыря Никитой (см.: Монастыри. Энциклопедический справочник. С. 140). Е. Е. Голубинский, однако, полагает, что не следует считать основателя Богоявленского монастыря учеником преп. Сергия, потому что в «Историческом известии о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век» (1837) нет никаких свидетельств о существовании соответствующего предания. И, кроме того, нельзя объединять Никиту Костромского с Никитой Серпуховско-Боровским, о котором преп. Иосиф Волоколамский в своем «Отвещании любозазорным» [28, стб. 549–550] говорит, что он был учеником преп. Сергия и учителем преп. Пафнутия Боровского (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Изд. 2-е. С. 87 [12]; о преп. Никите Серпуховском см. также комм. к с. 192, к словам: *«Из других его учеников известен преподобный Никита»*) . После пожара 1847 г., истребившего половину Костромы, монастырь был упразднен. С 1863 г. монастырь стал возрождаться как женская обитель – Крестовоздвиженский Анастасиин Богоявленский монастырь. Его насельницы в 1891 г. основали в Эстонии Пюхтицкий монастырь. После революции Богоявленский Анастасиин монастырь был закрыт. Обитель передана Церкви в 1991 г., в Богоявленский кафедральный собор перенесена Феодоровская чудотворная икона Божией Матери – родовая святыня Дома Романовых.

Преподобного Никифора Боровского... – Память – 9 февраля и 6 июля в Соборе Радонежских святых, скончался до 1414 г., других биографических сведений о преп. Никифоре нет.

...поставили его над ликом иночествующих... – Здесь *лик* (ц-слав.) – «сонм», «собрание».

...обители Прилуцкой, близ самой Вологды. – Спасо-Прилуцкий Димитриев мужской монастырь основан преп. Димитрием Прилуцким на излучине («при луке») реки Вологды, на левом ее берегу, в 5 верстах от г. Вологды. Соборный Спасский храм монастыря выстроен в 1542 г. (и восстановлен в 1817 г. после пожара 1811 г.) в два этажа (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 332, № 1174). В нижнем храме собора под спудом покоятся мощи преп. Димитрия Прилуцкого. В 1924 г. монастырь был закрыт и открылся вновь в 1991 г.

...в... Никольском монастыре на берегу Переяславского озера. – Николаевский (*Никольский*) на Болоте Переяславский мужской

монастырь был основан (1350) преп. Димитрием Прилуцким на восточном болотистом берегу Плещеева (*Переяславского*) оз. Обитель дважды разорялась до основания – во время нашествия Тохтамыша (1382) и в Смутное время польско-литовскими интервентами (1611) – и восстанавливалась до цветущего состояния. С 1898 г. монастырь преобразован в женский. В 1923 г. закрыт, в стенах монастыря располагалась животноводческая база. Монастырь возрождается с 1993 г. как женская обитель.

С. 195. *Давая место гневу, кроткий Стефан тайно ушел...* – Преп. Стефан, узнав, что он вызвал гнев братьев Юрковских, по своей кротости покинул место, первоначально избранное им для обители.

...на реке Авнеже... обитель Пресвятыя Троицы. – Авнежский Троицкий Сергиев монастырь, основанный преп. Стефаном Махрищским в 1370 г., располагался в 150 верстах к юго-западу от г. Тотьмы и в 60 верстах от г. Вологды, при речке Авнеже, впадающей справа в реку Сухону. В 1392 г. обитель была уничтожена татарами и находилась в запустении. В 1560 г. воздвигнута вновь игуменом Махрищского монастыря Варлаамом. В 1764 г. монастырь был упразднен (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 44, № 595).

...вызванный Великим Князем Московским... – Как свидетельствует Житие преподобных Григория и Кассиана Авнежских (см.: Троицкий патерик. С. 324 [82]), преп. Стефан возвратился в Махру с Авнежи в 1386 г., т. е. при Вел. князе Московском Димитрии Иоанновиче.

...Григория и Кассиана. – Ученики преп. Стефана, Григорий и Кассиан Авнежские, в 1392 г. претерпели мученическую кончину от казанских татар и вятичей, грабивших вологодские пределы. Память их совершается 15 июня.

...Борисоглебский монастырь.– Борисоглебский на Устье Ростовский монастырь основан по благословению преп. Сергия Радонежского старцами Феодором (память 22 октября и 23 мая, в Соборе Ярославских святых) и Павлом (память 22 октября) в 18 верстах к северо-западу от г. Ростова Ярославской губ., на возвышенном берегу реки Устьи (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 80, № 676). Монастырь был очень богат, занимал особое положение в связи с покровительством ему рода Рюриковичей, из которого происходили сами святые страстотерпцы Борис и Глеб. После реформы 1764 г. положенный во 2-й класс монастырь начал быстро приходить в упадок. После 1917 г. обитель была упразднена, в 1924 г. ее строения переданы в распоряжение Ростовского государственного музея. Монастырь возвращен Русской Православной Церкви в 1995 г.

...Никольский монастырь на реке Ковже... – Николаевский (*Никольский*) Ковженский Курюжский, или Курдюжский,

мужской монастырь был основан в 44 верстах к северо-западу от г. Белозерска, при впадении реки Ковжи в Белоозеро. Несомненно, существовал в нач. XV столетия, упразднен между 1703 и 1764 гг. (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 3. С. 107–108, № 1805).

Преподобный Дионисий, Архиепископ Суздальский – святой Русской Православной Церкви (память 26 июля), друг и собеседник преп. Сергия Радонежского. В архиепископа Суздальского был рукоположен святителем Алексием в 1374 г.

...Печерского Вознесенского монастыря на берегу Волги... – Печерский Вознесенский Нижегородский мужской монастырь основан в 1330 г. в 2 верстах к востоку от Нижнего Новгорода, на крутом правом берегу Волги. В 1597 г. гора, на которой находился монастырь, сползла в Волгу, и обитель была перенесена ближе к городу, а на прежнем месте была построена церковь для поминовения усопшей братии (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 269, № 1055). Монастырь был закрыт в 1928 г. С 1994 г. возрождается.

Преподобный Евфимий <...> основал две обители – Васильевскую... и Спасо-Евфимиев монастырь... – Васильевский-Мячков мужской монастырь основан преп. Евфимием († 1404; память 1 апреля и 4 июля) в серед. XIV в. на левом берегу р. Клязьмы, в 7 верстах к северо-востоку от г. Гороховца. В 1764 г. упразднен и обращен в приход (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 87, № 692). – Спасо-Евфимиев Суздальский, или Спасский Суздальский, мужской на реке Каменке монастырь основан преп. Евфимием в 1352 г. Назывался по соборному храму Спасским или Преображенским, но с 1511 г., после открытия мощей преп. Евфимия, стал называться Спасо-Евфимиевым. Мощи преп. Евфимия открыто почивали в Преображенском соборе, в приделе св. Евфимия (1596). Здесь же, в родовой усыпальнице князей Пожарских, был похоронен кн. Дмитрий Пожарский, предводитель 2-го земского ополчения, освободившего в 1612 г. Москву от поляков (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 322–325, № 1158).

...Стефан Пермский, основал 3 обители – на устьях Выми, Вычегды и Сысоли. – Усть-Вымская Архангельская пустынь была основана для распространения христианства среди зырян, живших по рекам *Выми* и *Вычегды*, святителем Стефаном Пермским († 26 апр. 1396 г.) во 2-й половине XIV в. при впадении реки Выми в Вычегду, в 83 верстах к востоку-северо-востоку от г. Яремска. До нач. XVI в. Архангельская пустынь была кафедрой епископов Пермских. В 1503 г. епископия переведена отсюда в Вологду. В 1764 г. монастырь был закрыт (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 2. С. 393, № 1330). Возрожден в 1996 г. как

Михаило-Архангельский Усть-Вымский мужской монастырь (см.: Монастыри. С. 138). – Усть-Вычегодский Троицкий Ульяновский Стефановский Спасский монастырь был основан близ впадения речки Якшоры в *Вычегду* с правой ее стороны (в 192 верстах к востоку-северо-востоку от г. Усть-Сысольска (совр. Сыктывкар)). В 1764 г. монастырь упразднен и превращен в приходской храм Ульяновского погоста. В 1860 возобновлен по ходатайству местных жителей и духовенства, пожертвовавших в пользу его по 2% из жалованья в течение 10 лет (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 1. С. 270, № 524). В 1918 г. монастырь был закрыт, почти все насельники обители репрессированы и расстреляны. В 1994 г. возрожден как Троице-Стефано-Ульяновский мужской монастырь (см.: Монастыри. С. 136). – Усть-Сысольская Стефановская мужская пустынь располагалась в 77 верстах к юго-западу от Усть-Сысольска, при впадении речки Вотчи (Ожины) в реку *Сысолу* справа. Обитель была основана святителем Стефаном около 1390 г. для распространения христианства среди зырян, живших в этих местах. Она существовала еще в 1-й пол. XVIII в., и богослужение в ней совершалось на зырянском наречии (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 3. С. 179, № 2094). Возобновлен для монашеской жизни в 1996 г., в 1999 – преобразован в Стефано-Афанасиевскую Вотчинскую женскую обитель (см.: Монастыри. С. 136).
С. 196. *Святитель Михаил Смоленский...* – Святитель Михаил рукоположен во епископа Смоленского в начале 1383 г. «из иеромонахов Симоновских». В 1396 г. сменен и 7 октября 1397 г. прибыл в Москву. Скончался 6.05.1402 в Троицком монастыре (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов. Стб. 589 [73]). Память – 28 ноября и 6 июля (в Соборе Радонежских святых). *...положил основание Георгиевской пустыни в Гороховецком уезде...* – Георгиевская Сергиева-Троицкая мужская пустынь основана в 15 верстах к западу от г. Гороховца, близ левого берега р. Клязьмы. В XV в. была разорена казанскими татарами и запустела, около 1590 г. восстановлена старцем Троице-Сергиева монастыря Варсонофием Якимовым и приписана к Троицкому монастырю. Обитель была упразднена до 1764 г. (см.: *Зверинский В. В.* Материал для исследования о монастырях. Т. 3. С. 54–55, № 1553).
С. 197. *...великому отцу верующих, было некогда сказано...* – Здесь *великим отцом верующих* назван праотец Авраам.

Примечания

Примеч. 8. *Первый из них составлен... князем Симеоном Шаховским... в благодарность угоднику Божию...* – Причиной составления акафиста преп. Сергию князем Симеоном Шаховским послужило чудесное спасение его при призывании

имени святого во время морской бури, описанное *Симоном Азарьиным* в «Книге о чудесах Преподобного Сергия» [2, с. 73–74]. В примечаниях издателя этой книги читаем о Симеоне Шаховском: «Князь Семен Иванович Шаховской-Харя, дворянин московский, известный писатель первой половины XVII века, был в близких сношениях с Симоном Азарьиным, который имел у себя сборник творений кн. Шаховского... О Шаховском сохранилось много известий, но годы его рождения и смерти определить не удалось» (Указ. соч., примеч. 2). Князь Симеон, предположительно, родился во 2-й половине 80-х годов XVI столетия, умер во 2-й половине 50-х годов XVII столетия (подробнее о С. И. Шаховском см.: Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI– начало XVII веков. Комментарии. С. 588–590).

Второй акафист... приписывается митрополиту Платону (Исторический словарь духовных писателей...)... – «Словарь исторический о писателях духовного чина» митр. *Евгения (Болховитинова)*, на который ссылается архим. Никон в данном примеч., указывает, что акафист преп. Сергию, составленный митр. Платоном, впервые был опубликован им в 1795 г. вместе со Службой преп. Сергию. Но год составления акафиста, указанный архим. Никоном (...*не позже 1761...*), вызывает сомнения, поскольку тот же источник сообщает, что первое из Поучений, опубликованных иеромонахом Платоном (впоследствии митр. Московским и Коломенским), относится к 19 мая 1763 г. (см.: *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. С. 269, 274).

Примеч. 9. *...Ростовского епископа Афанасия.* – Епископ Ростовский Афанасий (Вольховский) родился в Полтавской губернии, насельник Троице-Сергиева монастыря, 23 февраля 1753 г. произведен в архимандриты из келарей, 23 апреля хиротонисан во епископа Тверского и Кашинского, 26 мая 1763 г. переведен в Ростовскую епархию. Скончался 15 февраля 1776 г. (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов. С. 140, 334, 444 [73]).

Примеч. 13. *Так определяют приблизительно год рождения Преподобного Сергия: митрополит Макарий... В. О. Ключевский... Д. И. Иловайский... о. архим. Леонид...* – Точнее мнения этих исследователей Жития преп. Сергия относительно времени рождения преп. Сергия таковы: митр. Макарий (Булгаков) полагал «время рождения святого Сергия приблизительно около 1320 г., между 1318–1322» (*Макарий (Булгаков), митр.* Где и когда родился преподобный Сергий Радонежский // *Он же.* История Русской Церкви. Кн. 3. С. 440); В. О. Ключевский считал наиболее вероятной датой рождения преп. Сергия год, отмеченный в летописях нашествием Ахмыловой рати, т. е. 1322-й (см.: *Ключевский В. О.* Древне-русские жития святых. Гл. III [33]);

Д. И. Иловайский утверждал, что «Варфоломей (будущий игумен Сергий) родился около 1320 г.» (История России. Т. 2. С. 101 [25]) , а архим. Леонид (Кавелин), что «год рождения Преподобного падает на 1319 год от Р. Х.» (Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. Предисл. *архим. Леонида.* С. VIII [21]).

…Митр. Филарет Московский в отдельном житии и П. С. Казанский… полагают 1314 год. – Митр. Московский Филарет (Дроздов) в составленном им Житии преп. Сергия пишет: «Преподобный отец наш Сергий родился в лето от Рождества Христова в 1315...» (*Митр. Филарет*. Житие Преподобного Сергия. С. 294 [86]) .

Приводим мнения о дате рождения преп. Сергия других исследователей Жития святого, которых не касается автор в данном примеч. Во всех изданиях «Исторического описания Свято-Троицкия Сергиевы Лавры» *А. В. Горского* [13], начиная с первого (1842) до издания 1889 г., включая также и первое издание (1879) с дополнениями архим. Леонида (Кавелина), год рождения преп. Сергия полагается 1314-й. Год 1319-й появляется впервые только во втором издании (1890) «Исторического описания» с приложениями архим. Леонида. Этот же 1319 год значится и в последнем дореволюционном издании «Исторического описания», вышедшем в свет в 1910 г. (см. с. 1 во всех указанных изданиях). *Е. Е. Голубинский* в исследовании «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» [12] относительно года рождения преп. Сергия пишет: «Год его рождения достоверным образом неизвестен, но по вероятнейшим предположениям он есть 1314» (Указ. соч. Изд. 2-е. С. 14–15).

П. С. Казанский – Петр Симонович Казанский (19.11.1819–14.02.1878) – доктор богословия, профессор кафедры общей гражданской истории МДА.

Причина такого разногласия… – Отмечая разногласия относительно даты рождения преп. Сергия, Б. М. Клосс видит причину их в том, что в разных редакциях Жития – Епифаниевской и последующих ее переработках Пахомием – оказались смешанными две хронологии жизни святого: «По данным Епифания Премудрого, Сергий Радонежский родился в 1322 г., принял пострижение в 23-летнем возрасте (т. е. в 1342 г.), скончался в 1392 г. По Пахомию, Сергий прожил 78 лет (следовательно, родился в 1314 г.), постригся в 20-летнем возрасте (т. е. в 1337 г.)»; предпочтение, как считает Б. М. Клосс, следует отдать первой линии хронологии, т. е. принадлежащей Епифанию (см.: *Клосс Б. М.* К изучению биографии преподобного Сергия Радонежского. С. 11). С более подробной аргументацией Б. М. Клосса в пользу этого предположения можно ознакомиться в издании: *Б. М. Клосс.* Избранные труды. Т. I. С. 22–23.

...при Великом Князе Дмитрии Михайловиче... – Дмитрий Михайлович Грозные Очи (1298–1326) – вел. князь Тверской (с 1319 г.) и Владимирский (1322–1325).
Митрополит Филарет... принимая за год кончины 1392-й... – Митр. Филарет *(Дроздов)* в составленном им Житии говорит, что преп. Сергий «предал дух свой Богу в лето от Рождества Христова 1393, Сентября в 25 день, жив 78 лет» (*Митр. Филарет*. Житие Преподобного Сергия. С. 338 [86]).
...преосвященный Филарет Черниговский... полагает год кончины 1391-й. – Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) сообщает о кончине преп. Сергия в его Житии со ссылкой на летописные источники, что он «...предал чистую душу свою в руки Божии... 1391 г. сент. 25, на 78 году жизни...» (*Филарет (Гумилевский), архиеп.* Русские святые. Отд. 3. С. 152 и примеч. 264 [83]).
...из похвального слова Епифания Преподобному Сергию (по всем признакам написанного много раньше жития) ... – Похвальное слово преп. Сергию было написано Епифанием Премудрым в 1412 г., приурочено к освящению нового каменного Троицкого собора и прочитано им 25 сентября, в день памяти преставления преп. Сергия (подробнее см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. С. 147–148). Житие преп. Сергия было закончено, по свидетельству самого Епифания, через 26 лет по его кончине («таковый старець, пречюдный и предобрый отнележе преставися 26 лет преиде» – см.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 2 [21]), т. е. в 1418 г.
...говорит, что он подвизался в монашестве 50 лет, а умер 70-ти лет. – Так, действительно, в Похвальном слове преп. Сергию Епифания Премудрого, по Синодальному списку Великих Четий-Миней [11, стб. 1573]. По списку же Похвального слова, опубликованному самим архим. Леонидом, Преподобный «преставися от жития сего лет седмидесят и осми, чрънечествова же лет 55» (Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 157 [21]).
Один из первых переписчиков... мог опустить ’õ... – На аргументацию архим. Никона обратил внимание еще по выходе первого издания (1885) его книги архимандрит, впоследствии епископ, *Амфилохий* (Сергиевский-Казанский; 1818–1893), известный русский палеограф: «буква такая, какую напечатал о. Никон в примечании [имеется в виду примеч. 13 в книге архим. Никона «Житие и подвиги Преподобного Сергия Радонежского». –*Ред.*], начала писаться в 1552 г.» (Московские Церковные ведомости, 1887, № 13, с. 213). Таким образом, если ошибка и была произведена, то только во 2-й половине XVI в., а никак не *первыми переписчиками* Жития.
Примеч. 14. *Преподобному Сергию при крещении дано имя Варфоломей; память Апостола Варфоломея празднуется 11 июня, следовательно, угодник Божий родился 3 мая.* – Даты

рождения и крещения преп. Сергия даются архим. Никоном, вслед за другими исследователями, на основании свидетельства Епифаниевского Жития святого, которое определенно говорит, что и наречен и крещен преп. Сергий был в один и тот же день, когда празднуется память св. апостола Варфоломея, «в четверодесятный день по рожестве его» (см.: Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 14 [21]) . Точка зрения Б. М. Клосса на дату рождения преп. Сергия, по которой «он родился незадолго перед 11 июня... но его предопределение Святой Троице... связано скорее всего с рождением в дни празднования Сошествия Святого Духа (29–30–31 мая)», противоречит церковной традиции, которая не может рассматривать житийные свидетельства как «легенду, изложенную» агиографом, на чем настаивает Б. М. Клосс (см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. С. 27 и выше).

Примеч. 15. *Мысль Митр. Платона (см. ... Акафист...).* – В акафисте преп. Сергию, составленном митр. Платоном, икос 1 содержит обращение к святому: «Радуйся, от чрева матерня освященный. Радуйся, в рождении твоем Варфоломеем, сиречь сыном радости нареченный» (см.: Служба Преподобному Сергию. М., 1824. С. 17). Вероятно, митр. Платон считал, что мирское имя преп. Сергия Варфоломей переводится как «сын радости».

Примеч. 29. В Житии преп. Сергия, составленном митр. Платоном [49], об обстоятельствах переселения родителей святого из Ростова в Радонеж говорится следующим образом: «Сказали мы в начале повести сей, что святаго Сергия родители были люди знаменитые в области Ростовской, и богатством изобиловали; но потом, по обыкновенной коловратности вещей мира сего, пришли в нищету и оскудение. Бывшу же великому во области той неустройству и налогам, принуждены они от Ростова преселиться в Радонеж» (Указ. соч. С. 12).

Примеч. 31. *Отец... Владимира Андреевича Храброго,.. родился в 1326 году.* – О рождении младшего сына Иоанна Калиты, Андрея, Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. X. С. 196) сообщает под годом 6835 (1327 от Р. Х.), а под 6861 (т. е. 1353 от Р. Х.) – о его кончине (Там же. С. 226). О рождении у него сына Владимира тот же источник сообщает: «Того же лета (6861) преставльшемуся князю Андрею Ивановичу родися сын Володимер на сорочины отца своего», т. е. в 1353 г., на сороковой день по кончине Андрея Иоанновича (Там же).

Примеч. 32. *...По списку Вел. Четь-Минеи – Андрея.* – Под указанием на этот источник подразумевается содержащееся в Синодальном списке Великих Четиих-Миней Епифаниевское Житие преп. Сергия, опубликованное Археографической Комиссией [11]. По этому изданию указание на имя *Андрей*

находится в стб. 1487 (см. также указание на список Великих Четиих-Миней в примеч. 34).

Примеч. 36. *...родители Варфоломея... погребены в Хотькове...* – Мощи родителей преп. Сергия, преподобных Кирилла и Марии, покоятся под спудом в Покровском соборе Покровского Хотьковского монастыря, память их совершается 18 января и 28 сентября. Покровский Хотьковский монастырь основан близ Радонежа в 1308 г. (см.: История российской иерархии. Ч. 6. С. 1103 [6]), следовательно, не мог, как утверждает Б. М. Клосс, быть «домовым монастырем семьи || боярина Кирилла», основание которого «следует относить ко времени между 1334 г. (когда приблизительно совершился переезд Кирилла в Радонеж) и 1342 г. – годом пострижения Варфоломея...» (*Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. С. 28, 29). – Свидетельства о почитании родителей преп. Сергия как святых восходят к XVI в.: в Лицевом Житии преп. Сергия, относящемся к этому времени, они изображены с нимбами. В 1771 г., во время моровой язвы, была составлена молитва преподобным Кириллу и Марии; на месте их погребения в Хотьковском монастыре засвидетельствованы многие исцеления младенцев, родители которых обращались к святым за помощью. Преподобные Кирилл и Мария прославлены в лике Радонежских святых в 1981 г. – Покровский Хотьковский монастырь в 1544 г. был приписан к Троице-Сергиеву, в 1764 г. обитель стала самостоятельной. В 1921 г. монастырь был закрыт. В 1992 г. монастырь возрожден как женская обитель.

...пока сей обычай не был запрещен соборным определением 1504 года. – Соборное определение, о котором идет речь у архим. Никона, есть так называемое 2-е уложение Московского Собора 1503 г., относившееся к белому духовенству и монашеству. Среди прочего, в уложении значится: «...а что в монастырях жили в одном месте чернцы и черницы, и мы уложили, что от сего дни вперед черньцом и черницам в одном монастыре не жити» (Акты Археографической Экспедиции. Т. 1. № 383 (Грамота Митр. Симона об уложении в Псков) [5], цит. по: *Смирнов С. К.* Покровский Хотьков монастырь. С. 10 [66]). Это соборное уложение было подписано в сентябре 1503 г., а соборное определение по епархиям разослано в 1504 г., в частности, митрополичья грамота, текст которой цитируется выше, была послана в Псков 4 июля 1504 г. (см.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 71–73 и примеч. 168 на с. 488).

Примеч. 46. Вопрос о постриге преп. Сергия есть, по существу, вопрос о времени начала Троицкого монастыря. Е. Е. Голубинский о времени пострижения преп. Сергия пишет: «Преподобный Сергий принял монашество, будучи 23-х лет возраста; следовательно, если он родился в 1314 году, это было в 1337-м году» (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. С. 126 [12]).

Б. М. Клосс, о точке зрения которого на основные даты жизни преп. Сергия и на две линии хронологии см. комм. к примеч. 13, считает 1342 г. годом пострижения преп. Сергия и, соответственно, началом истории Троице-Сергиева монастыря. При этом при определении года пострига Б. М. Клосс опирается не на Житие преп. Сергия, а на Похвальное ему слово (см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 22–23).

Примеч. 60. Точный текст указанного архим. Никоном в данном примеч. источника звучит так: «…в одной притче говорится: видел ли ты юношу бегущего? Знай, что обманул его старец. Обманывающий нас старец есть сатана. Завидуя, он хочет вовлечь нас в злоключения под видом правды» (*Преподобные Варсануфий и Иоанн.* Руководство к духовной жизни. Ответ 56 [10]).

Примеч. 62. *Ник. Лет. IV, 213.* – Уподобление медведя, которого кормил преп. Сергий, «злому заимодавцу» встречается не в Повести о Преподобном Сер||гии из Никоновской летописи, на которую ссылается архим. Никон в данном примеч., а в Пространной редакции Жития Преподобного Сергия [21]: «…аще ли когда недоставшу хлебу, и пришед по обычаю зверь не обрет обычнаго своего оурочнаго оукроуха, тогда длъго время не отхожаше, но стояше възирая семо и овамо, ожидаа акы некыи *злыи длъжникъ*, хотя въсприати длъгъ свои» (С. 55–56).

Примеч. 67. *…в иллюстрированном списке Лаврской ризницы…* – Этот список был воспроизведен литографически в 1853 г. в издании Троице-Сергиевой Лавры: «Житие Преподобного Сергия Радонежского, литографированное с рукописи XVI в., с 682 рисунками». Текст этой рукописи издан архим. Леонидом (Кавелиным) в 1885 г. [21].

Примеч. 71. *«…десяти лет пострижен бысть, инии же двоюнадесяте».* – Возраст в 10–12 лет, в котором был пострижен Иоанн, сын старшего брата преп. Сергия, Стефана, служит для Б. М. Клосса одним из важных аргументов в поддержку принимаемых им дат рождения (1322) и пострижения (1342) преп. Сергия. Иная хронологическая система, которая встречается в некоторых редакциях Жития преп. Сергия, принадлежит, по мнению исследователя, Пахомию Логофету: дата рождения – 1313 г., постриг – 1336 г., кончина – 1391 г. (по сентябрьскому исчислению) . «Вторичность хронологической системы Пахомия Логофета следует уже из того, что, будучи наложенной на текст Епифания, она привела к противоречивости фактов; напр.: каким образом Сергий, поставленный игуменом в 1354 г., мог постричь 12-летнего племянника Федора, родившегося до 1337 г.» (*Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. С. 23).

…Иоанн был приведен отцом своим к Преподобному Сергию еще до возведения последнего в сан игумена… – Данное соображение архим. Никона о времени пострижения

преп. Сергием своего племянника не решает, на наш взгляд, этой проблемы хронологии жизни святого, поскольку Житие ясно говорит, что Иоанн был не просто *приведен*, а пострижен преп. Сергием, а это событие не могло произойти до рукоположения самого святого, которое было совершено в 1354 г. А о том, что юный племянник преп. Сергия жил в монастыре несколько лет, не принимая пострига, Житие не сообщает. Такая хронологическая сложность, по-видимому, вынуждает архим. Никона высказать вскользь предположения о том, что Иоанна, возможно, постриг не преп. Сергий, как говорится об этом в Житии, а его брат Стефан: «…И вот отрок Иоанн принимает пострижение, быть может, от своего отца» (см. с. 65 наст. изд.).

Примеч. 72. *...написанная им икона Богоматери...* – Относительно иконы Божией Матери из основанной архиеп. Ростовским Феодором обители Рождества Пресвятой Богородицы граф *М. В. Толстой* сообщает в книге «Жизнеописание угодников Божиих, живших в пределах нынешней Ярославской епархии» [76]: «На этой иконе изображена Божия Матерь с Предвечным Младенцем, благословляющим предстоящих и молящихся: преп. Антония и Феодосия Печерских и Стефана Нового, святителя Игнатия Ростовского и Никиту Новгородского, преп. Матерей: Афанасию, Марфу, Февронию, Феодору и Ксению. Внизу иконы позднейшая надпись: “сие изображение Пресв. Богородицы написано по виденному явлению молящемуся святителю Феодору архиепископу Ростовскому, чудотворцу, коим основана наша богоспасаемая обитель во имя Рождества Богородицы?“» (с. 13, примеч. 1).

...приписываемый ему в Клинц. Подл. (Древности Гос. Росс. 1, стр. XXVIII) Деисис... – В 1-м отделении Древностей Российского Государства [18] приводится свидетельство так называемого Клинцовского иконописного Подлинника (см. указ. на него там же, сн. 51: «Клинцовской Подлинник, списанный с древняго, в конце XVIII века, рукопись библ. Графа Строганова») о том, что св. Феодор, архиепископ Ростовский, племянник преп. Сергия, «когда был Симоновским архимандритом, писал много св. иконы на Москве, образ дяди своего и Деисусы в церковь св. Николая на Болвановке».

Примеч. 74. *Профессор Е. Голубинский полагает...* – В тексте своего примечания архим. Никон приводит мнение *Е. Е. Голубинского* относительно рукоположения во игумена преп. Сергия, взятое из 1-го издания (1892) его книги «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» [12], где автор, в частности, говорит: «Полагая… что преп. Сергий родился в 1314-м году, его поставление во игумены нужно будет относить к 1340–41 году. В продолжении этих двух лет митрополит Феогност предпринимал поездки в Новгород и в Орду: в которую-нибудь из двух поездок и

поставлен преп. Сергий в игумены епископом Волынским Афанасием (прибывшим на Москву неизвестно когда между 1332–1352 годами)» (с. 89). Стремясь подкрепить свою точку зрения ссылкой на более раннее, по сравнению с указанным в тексте Жития, поставление преп. Сергия во игумена, Е. Е. Голубинский во 2-м издании своей книги (1909) пишет, что епископ Афанасий «прибыл на Москву перед 1344 г., как должно думать, по причине своего нежелания подчиняться поставленному между 1341–1344-м годами отдельному Галицко-Волынскому митрополиту» (с. 32). В связи с этим уточнением о времени переселения епископа Афанасия в Северо-Восточную Русь, Е. Е. Голубинский изменяет свою первоначальную датировку поставления преп. Сергия во игумена: «он поставлен был в игумена в 1344-м году, имея 30 лет возраста» (Там же. С. 31) . В отличие от мнения Е. Е. Голубинского общепринятой в церковно-исторической науке датой переселения епископа Афанасия на северо-восток считается 1353-й год (см.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 3. С. 642) . *А. В. Горский* в «Историческом описании Троице-Сергиевой Лавры» [13] (1879) пишет: «По кончине Митрофана Сергий не мог уже противостоять молению братии своей, и, во время св. Алексия, Митрополита Московского, благословен на игуменство переяславским Епископом Афанасием: в 1354 или в 1356 г., так как св. Алексий отправлялся в Константинополь двукратно» (с. 54). Приведем также мнение Б. М. Клосса, который утверждает, что «…Сергий был поставлен в 1353–1354 гг. Исторические реалии определенно указывают на 1354 год. Во-первых, документально засвидетельствовано пребывание Алексия в Византии как раз в 1354 г.: подорожная грамота ордынской ханши Тайдулы на проезд в Константинополь выдана Алексию 11 февраля 1354 г., а поставлен Алексий ||в митрополиты Патриархом Филофеем 30 июня 1354 г. Далее, по русским источникам, отмечено пребывание епископа Афанасия в Переяславле в 1354 г.: в этом году (“в лето 6862“) чернецом Иоанном Телешем было написано Евангелие (ГИМ, Син. № 67) “при великом князе Иоанне Ивановиче, при епископе Афонасии Прияславьском“» (см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. С. 33).

Примеч. 78. *...в том изложении устава Студийского, которое сделано Патриархом Алексием...* – Патриархом Константинопольским Алексием (1025–1043) была проведена редакция Студийского устава. Именно эта редакция в 1065 г. преп. Феодосием была принесена на Русь, в Киево-Печерский монастырь.

Примеч. 82. Кроме указанного в данном примеч. источника (прав.: «*Акты, собранные Археографической экспедицией»*[5]), грамота жалованная на рыбные и бобровые ловли Троице-Сергиевскому монастырю, данная князем Дмитровским Петром Димитриевичем 4 августа 1423 г., опубликована также в

«Актах, относящихся до юридического быта» [4] (Т. 1. № 41, стб. 129) . По этому документу монастырю дозволялась рыбная и бобровая ловля в отчине князя Петра, «по реце по Воре… от речки Талицы до Лепетни», т. е. неподалеку от монастыря.

Примеч. 83. Слово 10 Духовной грамоты *преп. Иосифа Волоцкого* [28] имеет название «Отвещание любозазорным и сказание в кратце о святых отцех, бывших в монастырех, иже в Рустей земли сущих» (стб. 549–550).

Примеч. 86. *Где теперь тот источник..?* – Приведем мнение Е. Голубинского по поводу чудесного изведения источника преп. Сергием: «Видеть его (колодезь. – *Ред.*) в так называемой Пятницкой церкви… как принимается этот… последний колодезь за колодезь преподобного Сергия по крайней мере с первой половины XVII века… представляется весьма мало вероятным. <…> …единственно вероятное есть видеть его в колодезе, который находится за южной стеной монастыря, в Пафнутьевом саду, несколько наискосок к востоку от архиерейских покоев, между ними и Луковой башней, в расстоянии от стены сажен 5–6-ти» (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. С. 92–93 [12]).

Авраамий Палицын (?–13.09.1626) – келарь Троицкого монастыря с 1608 г., постриг принял в Соловецком монастыре (до пострига – Аверкий). В период осады Троицкого монастыря в 1608–1610 гг. был в Москве. В 1612 г. – один из организаторов народного ополчения, участник Земского Собора 1613 г., избравшего на царство Михаила Феодоровича Романова. В 1618 г. руководил обороной монастыря от польских войск. В 1619 г. уехал в Соловецкий монастырь, где и скончался. Перу Авраамия Палицына принадлежит «История в память предыдущим родам» (1620), известная под названием «Сказание» [1].

…«Но в одном, и притом древнейшем из списков Жития Преп. Сергия, – говорит А. В. Горский в полном Описании Лавры… сказано: <…> – Цитируемое А. В. Горским, на которого ссылается архим. Никон, Житие преп. Сергия, опубликовано в книге *Тихонравова Н. С.* «Древние Жития Преподобного Сергия» (М., 1892). Приводимые А. В. Горским цитаты находятся в указ. изд. на с. 26 и 29 (отд. 1).

Примеч. 98. *…решительно не можем согласиться с г. Е. Голубинским…* – Е. Е. Голубинский считает невозможным, чтобы общежитие в Троицком монастыре, основанном преп. Сергием, было введено в то время, когда Патриарх Филофей занимал Константинопольскую патриаршую кафедру во второй раз, т. е. в 1364–1376 гг.: «Необходимо думать, – пишет он, – что посланные патриарха, принесшие Сергию его грамоту, были те его посланные, которые сопровождали св. Алексея в Россию, после того как был поставлен патриархом в митрополиты. А святой Алексей возвратился из

Константинополя, с поставления в митрополию, осенью 1354-го года» (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. С. 23 [12]).

Примеч. 100. Помимо указанных архим. Никоном в данном примеч. изданий, содержащих описания древних рукописей, следует упомянуть также труды *архим. Леонида (Кавелина)*: Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Чтения в ОИДР. 1880. Кн. IV. С. 1–49; Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой Духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской Духовной академии). Вып. 1–2. М., 1887.

Примеч. 121. Замечание о том, что преп. Сергий «никогда не ездил на конях, а всегда ходил пешком», в указанном архим. Никоном источнике относится не к рассказу о предложении святителя Алексия игумену Сергию принять от него митрополию, как пишет архим. Никон, а к рассказу о получении преп. Сергием креста, параманда и грамоты от Патриарха Филофея.

Примеч. 122. *Этот крест и поныне хранится в Лаврской ризнице...* – В описании ризницы Троице-Сергиевой Лавры как в книге *А. В. Горского* (Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. С. 34–35 [13]) , так и в книге *Е. Е. Голубинского* (Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. С. 25–27 [12]) среди драгоценных предметов, сохранившихся от времени преподобных Сергия и Никона, упоминается только один так называемый Филофеевский крест, т. е. крест, посланный Патриархом Филофеем.

Примеч. 138. *У Карамзина он 20 авг. выступает уже из Коломны...* – Об этом же свидетельствуют: Софийская 1-я летопись – ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 460; Новгородская 4-я летопись – ПСРЛ. Т. IV. С. 315; Воскресенская летопись – ПСРЛ. Т. VII. С. 36, а также Летописная повесть о Куликовской битве, содержащаяся в Новгородской Карамзинской летописи (Б-ка литературы Древней Руси. Кн. 6. С. 125). Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. XI) сообщает, что Вел. князь Димитрий Иоаннович прибыл в Коломну 28 августа, а на следующий день его полки и полки его соратников, получив благословение Коломенского епископа Герасима, выступили из Коломны (с. 54).

Примеч. 139. *Так они названы в древних синодиках Лаврских.* – Е. Е. Голубинский отмечает, что Епифаниевское Житие преп. Сергия в редакции Пахомия Логофета «совершенно умалчивает о Пересвете и Ослябе. Чем объяснять это умолчание, не можем сказать... Весьма возможно, что умолчание есть просто случайный ||пропуск, происшедший от недосмотра...» (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий

Радонежский и созданная им Троицкая Лавра [12]. Изд. 2-е. С. 62, примеч.). Далее он отмечает, что имена обоих воинов-иноков упоминаются в Краткой редакции Жития преп. Сергия, содержащейся в Никоновской летописи под 1392 г.: «И даде ему из манастыря своего, из братьи своеа, два инока, Пересвета и Ослебя, зело умеющих ратному делу и полки уставляти, еще же и силу имущих и удалство велие и смелство» (ПСРЛ. Т. XI. С. 145) . Рассказ об участии Пересвета и Осляби в Куликовской битве содержится в летописных повестях Куликовского цикла (см., напр., в Никоновской летописи – ПСРЛ. Т. XI. С. 59–60). В древнейшей летописной повести о Куликовской битве, «Задонщине», Александр Пересвет назван «чернецом, брянским бояриином» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 10). В летописном «Сказании о Мамаевом побоище» про Александра Пересвета сказано: «Пересвет, чернец любочанин» (Там же. С. 98). Троицкий инок Андрей Ослябя в «Задонщине» (как и в «Сказании») назван братом Пересвета: «И молвяше Ослябя чернец своему брату Пересвету старцу...» (Там же. С. 11), хотя, скорее всего, речь идет о братстве во Христе.

Примеч. 144. *«А поможет ти Бог и Троица»...* – Текст грамоты от преп. Сергия к Димитрию Донскому накануне Куликовской битвы по разным источникам приводится различно. В Софийской 1-й летописи (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1) читаем: «...и тогда приспела грамота от преподобнаго игумена Сергия от святаго старца благословленная, в ней же написано благословление его таково, воля ему битися с татары, "чтобы еси, господине, такы и пошел, а поможет ти богъ и святая Троица"» (стб. 461). В Пространной редакции Жития преп. Сергия: «...без всякого смирения, Господине, с дерзновением поиди противу свирепьства их, никакоже ужасатися, всяко поможет ти Бог» (Житие Преподобного Сергия и Похвальное ему слово. С. 126 [21]). Летописная повесть о Куликовской битве сообщает: «Князь же великий прииде к реке к Дону за два дни до Рожества святыа Богородица. И тогда приспе грамота от преподобнаго игумена Сергиа, от святаго старца благословенаа; в ней же писано благословение его таково, веля ему битися с татары: Чтобы еси, господине, тако и пошел, а поможетъ ти Бог и святаа Богородица» (Б-ка литературы Древней Руси. Кн. 6. С. 126). – Что касается выражения: «а поможет ти Бог и святая Троица», то в статье, о которой говорит в данном примеч. архим. Никон, оно приводится со ссылкой на обращение псковских послов к новгородскому владыке Василию с просьбой прибыть к ним: «Бог так изволил и св. Троица, детей твоих псковичей Бог оставил жить дотоле, пока ты, господин, будешь у св. Троицы и благословишь детей своих». (О новгородском владыке Василии в «Списках иерархов» *П. М. Строева* сообщается кратко: «Василий Калека, из монахов, хирот. 25 авг. 1331; † 3 июля 1352 г.» [73, стб. 34]).

Примеч. 147. Имеется в виду рукопись, принадлежавшая библиотеке Лавры.

Примеч. 166. *...при Рязанском епископе Феоктисте.* – Феоктист среди епископов Рязанских упоминается только *Амвросием* (*Орнатским)* в «Истории российской иерархии» [6, т. 1, с. 130]. По этому источнику, епископ Рязанский Феоктист был хиротонисан в 1385 г.

Примеч. 185. *Кончина Преподобного Сергия записана под 6900 годом...* – О кончине преп. Сергия А. В. Горский сообщает, что «25 сентября, поддерживаемый руками учеников своих, приобщился он Св. Таин тела и крови Господних, и предал дух свой Богу» (*Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. С. 55 [13]). Ясного указания на год кончины преп. Сергия он не дает, но начало игуменства его преемника, преп. Никона Радонежского, автор обозначает 1392 годом, откуда можно заключить, что этот год он считает годом преставления святого. – Е. Е. Голубинский, также считая годом кончины преп. Сергия 1392-й, ссылается на *Н. М. Карамзина* (История государства Российского. Т. V. Примеч. 246) , который говорит, что в Троицкой летописи, сгоревшей в пожаре Москвы в 1812 г., использовалось мартовское счисление, и в этой летописи известие о кончине преп. Сергия относится к 6900, т. е. к 1392 г. (см.: *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. С. 95–97 [12]). – Что касается аргументации архим. Никона в подтверждение года 1391-го как года кончины Преподобного, то Голубинский по этому поводу пишет, что ссылка архим. Никона на запись в Стихираре из лаврской библиотеки не может на самом деле подтвердить высказанную им точку зрения, потому что «у нас речь не о богослужебном годе, а о годе летописном, или летописцев, который был сам по себе от богослужебного года» (Там же. С. 97). Относительно второго довода архим. Никона, о изображении святого Сергия на окладе Евангелия 1392 г., Е. Е. Голубинский замечает, что «преп. Сергий изображен вовсе не на окладе Евангелия, сделанном в 1392 г., а на позднейшем к нему дополнении. В позднейшее время приделаны к окладу, привешены к нему на шарнирах 3 серебряные пластинки для закрытия трех обрезов книги, в предохранение ее от пыли, и на одной из пластинок и находится изображение преп. Сергия» (Там же).

В августе 1891 г. в Церковных Ведомостях (№ 34, с. 535–537) в заметке «Год кончины Преподобного Сергия», подписанной инициалами *Н. Л.,* был приведен следующий аргумент Е. Е. Голубинского в пользу датировки кончины преп. Сергия 1392 г. Кончина преп. Сергия записана в Воскресенской летописи под 6900 г., да и сама запись событий 6900 г. содержит в себе доказательства того, что в этой летописи использовалось мартовское летосчисление, а именно: под этим же 6900 г. отмечено, что 16 июля пошел в Орду Вел. князь

Василий Дмитриевич, а 24 октября Вел. князь возвратился из Орды. По этому поводу Е. Е. Голубинский замечает, что в 6900 г. «16 июля по какому угодно счислению было в 1392 г. от Р. Х. Ясное дело, что и 24 октября того же 6900 г. … могло быть только 24 октября 1392 г. от Р. Х., а отнюдь не 1391 г., в противном случае в известиях летописи получится явная несообразность, извращающая естественный порядок событий».
…преосв. Сергий Владимирский… – Сергий (Спасский), архиепископ Владимирский (21.01.1830–20.11.1904), автор «Полного месяцеслова Востока», авторитетнейшего исследования по агиологии Православной Церкви.
Примеч. 231. *…в селе Чашникове…* – Село Чашниково Московского уезда Московской губернии – родина составителя Жития, иеромонаха Никона (Рождественского), впоследствии архиепископа Вологодского и Тотемского.

Список источников и литературы, использованных архимандритом Никоном в «Житии Преподобного Сергия Радонежского»

1. *[Авраамий Палицын*]. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от Поляков и Литвы, и о бывших потом в России мятежах, сочиненное онаго же Троицкаго монастыря келарем Аврамием Палицыным. Изд. 2-е. М., 1822.
2. [*Азарьин, Симон*]. Книга о чудесах Преподобного Сергия / Сообщ. С. Ф. Платонова. СПб., 1888 (Памятники древней письменности; Вып. 70). На слав. яз.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841–1892. 5 т.Т. 1: 1335–1598. СПб., 1841.
4. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографическою комиссиею / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1857–1884. 3 т.Т. 1. 1857.
5. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною комиссиею. СПб., 1836. 4 т.Т. 1: 1294–1598.
6. [*Амвросий (Орнатский), еп.*]. История российской иерархии, собранная… соборным иеромонахом Амвросием [Орнатским]. 1807–1815. 6 т.в 7 кн. Ч. I. М., 1807; Ч. III. М., 1811; Ч. IV. М., 1812.
7. *Арсений, иером.* О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя, преподобного Сергия // Летопись занятий Археографической комиссии. Т. 7. М., 1872. С. 141–175.
8. [*Арсений, иером., Иларий, иером.*]. Описание славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры / ОИДР. М., 1878–1879. Ч. 1–3.
9. *Буслаев Ф. И.* Образцы письма и украшений из Псалтыри с возследованиями по рукописи XV века, хранящейся в

Библиотеке Троицкой Сергиевой Лавры под № 308 (481) / ОЛДР, 1881. [То же в изд.: *Буслаев Ф. И.* Сочинения. Т. 3: Сочинения по археологии и истории искусства. Л.: АН СССР, 1930. С. 158–209.][1]
10. [*Варсануфий и Иоанн, препп.*]. Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна, Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников: Пер. с греч.[2]
11. Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским Митрополитом Макарием / Изд. Археографической комиссии. Сентябрь: дни 25–30. СПб., 1883. Стб. 1408–1578.
12. *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Жизнеописание Преподобного Сергия и путеводитель по Лавре. Сергиев Посад, 1892. [То же: 2-е изд., испр. и доп. М., 1909.]
13. *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры, составленное по рукописям и печатным источникам в 1841 г., с приложениями архимандрита Леонида. М., 1879. [То же: 2-е изд., с восстановлением подлинного текста автора, сокращенного митрополитом Филаретом, и с приложениями архимандрита Леонида. М., 1890. Ч. 1–2.]
14. [*Димитрий, митр. Ростовский*]. Летопись иже во святых отца нашего Димитрия митрополита, Ростовского чудотворца. 3-е изд., испр. М., 1800. Ч. I и II.
15. [*Димитрий, митр. Ростовский*]. Сочинения святаго Димитрия митрополита Ростовского. М., 1849. Ч. IV. Отд. 3: [Синопсис].
16. Дионисий, архиепископ Суздальский // Нижегородские епархиальные ведомости. 1887. 1 октября. (№ 19). С. 1071–1074.
17. *Добролюбов И. В.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указателями. Зарайск, 1884. Т. 1.
18. Древности Российского Государства. М., 1849–1853. 6 отд. 17 т.Отд. 1: Св. иконы, кресты, утварь храма и облачение сана духовного. 1849.
19. *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. 2-е изд. СПб., 1827.
20. Жития преподобных Сергия, Никона Радонежских и Саввы Сторожевского и службы им. [Клинцовский Посад, 1786.]
21. Житие Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и Похвальное ему Слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV в.: По Троицким спискам XVI в., с разночтениями из Синодального списка Макарьевских Четьи-Миней / Сообщ. Архим. Леонид. СПб., 1885 (Памятники древней письменности и искусства; Вып. 58). [На слав. яз.]
22. Житие Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца, и Похвальное ему Слово, написанное учеником его, Епифанием Премудрым / Переведено

со славянск. при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Сергиев Посад: СТСЛ. 1903.
23. *Завитневич В. З.* Крест, коим преподобный игумен Сергий благословил Вел. Кн. Дм. Донского на борьбу с Мамаем // Труды Киевской Духовной академии. 1889. Январь. С. 113–131.
24. Золото и мишура: Поучение в день преподобного Сергия // Троицкие листки: Духовно-нравственное чтение для народа / Изд. СТСЛ. М., 1883. Вып. 4. № 134.
25. *Иловайский Д. И.* История России. 5 т. М., 1876–1905. Т. 2: Московско-литовский период, или Собиратели Руси. 1884.
26. *Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на св. Матфея Евангелиста: Беседа 82 на гл. XXVI, ст. 23–25 // Творения святаго отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском пер. СПб., 1901. Т. VII.
27. *Иоанн, игум. Синайской горы, преп.* Лествица.
28. *Иосиф Волоколамский (Санин), преп.* Духовная грамота // Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским Митрополитом Макарием / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1868. Сентябрь, дни 1–13. Стб. 499–615.
29. *Казанский П. С.* Житие Преподобного Сергия. Рукопись.
30. *Калайдович К. Ф.* Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря св. чудотворца Николая, что на Пешноше, с присовокуплением устава его и чиноположения. М., 1837.
31. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 3-х кн., заключающих в себе 12 т. с полными прим. / Изд. И. Эйнерлиг. 5-е изд. СПб., 1842–1843. 3 кн. Кн. 1 (т. I–IV). 1842; Кн. 2 (т. V–VIII). 1842. [Репринт: М.: Книга, 1988–1989.]
32. [*Киприан, митр.*]. Послания Всероссийского Митрополита Киприана, доселе еще не изданные // Православный собеседник. Казань, 1860. Май. С. 75–106.
33. *Ключевский В. О.* Древне-русские жития святых как исторический источник. М., 1871.
34. *Ключевский В. О.* Значение Преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства: Речь, произнесенная на торжеств. собрании Моск. Дух. Академии 26 сентября 1892 г. в память Преподобного Сергия // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1892. № 11. С. 173–189. То же (под загл.: Благодатный воспитатель русского народного духа) // Троицкий цветок. 1892. № 9.
35. Книга Степенная Царского родословия, содержащая Историю Российскую с начала оныя до времен Государя Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария; Напечатана под смотрением Герарда Фридерика Миллера. М., 1775; [То же: ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1–2. СПб., 1908–1913.]
36. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. Вып. I. СПб., 1873.

37. Краткая история упраздненного Благовещенского Киржачского монастыря, основанного Преподобным Сергием Радонежским. Владимир, 1880.
38. *Кудрявцев М., диакон.* История православного монашества в Северо-Восточной России со времен Преподобного Сергия. М., 1881. Ч. 1 и 2.
39. [*Леонид (Кавелин), архим.*]. Систематическое описание славяно-российских рукописей графа А. С. Уварова: В 4 ч. / Сост. Архим. Леонид. М., 1893. Ч. 2.
40. Летописец (древний), содержащий в себе повесть произшествий, бывших в России при владении 14 Великих князей. СПб., 1775. Ч. II. [То же: ПСРЛ. Т. XI. Древний летописец. СПб., 1897.]
41. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. СПб., 1857–1887. 12 т.Т. IV, V. СПб., 1866.
42. *Муравьев А. Н.* Путешествия по св. местам русским. 4-е изд. СПб., 1846. Ч. 1 и 2.
43. *Муравьев А. Н.* Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855.
44. *Никанор (Бровкович), еп. Уфимский и Мензелинский.* Поучение в день преподобного отца нашего Сергия Радонежского, [1877] // Уфимские епархиальные ведомости. 1883. № 19. С. 646 и далее. [То же: Беседы и поучения Никанора, епископа Херсонского и Одесского. Одесса, 1886. Т. III. С. 377–398.]
45. [*Никанор (Бровкович), архиеп. Херсонский*]. Поучение в день преставления Преподобного отца нашего Сергия Радонежского Чудотворца: Произнесено в г. Уфе Преосвященным Никанором, Епископом Уфимским, 25 сентября 1881 г. // Странник. 1883. Сентябрь. С. 23–31. [То же: Беседы и поучения Никанора, епископа Херсонского и Одесского. Одесса, 1884. Т. I. С. 289–299.]
46. [*Нил, патр.*]. Послание Вселеньскаго патриарха: Слово к честному мниху честнаго монастыря, о Святем Доусе възлюбленому сыну нашего смирения // Православный собеседник. Казань, 1860. Апрель. Послание Константинопольского патриарха к русскому иноку об иноческой жизни. С. 448–462.
47. Опыт естественного богословия. СПб., 1879. Вып. 1: Современное общество. Кн. 1.
48. *Пассек В. В.* Историческое описание московского Симонова монастыря. М., 1843.
49. [*Платон (Левшин), митр. Московский*]. Житие Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, Радонежского чудотворца, в кратце собранное... Преосвященным Платоном, Архиепископом Московским и Калужским... и обители Преподобного Сергия Священно-архимандритом. М., 1782 // Он же. Поучительные слова и другие сочинения... от Московской Академии выпечатанные. Т. 10. 1782 (2-я пагинация: с. 1–49).

50. *Платон (Левшин), митр*. Слово в день преподобного Сергия: Сказывано в Москве, в Высокопетровском монастыре, сентября 25 дня 1777 г. // Он же. Поучительные слова… с 1763 по 1780 год сказыванные… Преосвященнейшим Платоном, Архиепископом Московским и Калужским и Свято-Троицкия Сергиевы Лавры священноархимандритом. М., 1780. Т. IV. С. 112–118.
51. *Платон (Левшин), митр.* Слово на день преподобного Сергия: Говорено в Троицкой Лавре 1793 г. июля 5 дня // Он же. Поучительные слова. Т. XVI. М., 1797. С. 286–297.
52. *Платон (Левшин), митр.* Слово на день преподобного Сергия. Сказывано в Троицкой Лавре июля 5 дня 1779 г. // Он же. Поучительные слова. Т. V. М., 1780. С. 26–34.
53. *Платон (Левшин), митр.* Сочинения. М., 1779–1806. Т. I–XX. Т. XIX. 1803.
54. Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI в. / Сообщ. Хр. Лопарев. СПб., 1892.
55. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) / Изд. Археографическою комиссиею. СПб., 1841 – [продолжающееся издание].
Т. I: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846
Т. II: Ипатиевская и Густынская летописи. СПб., 1843.
Т. III: Новгородские летописи. СПб., 1841.
Т. IV: Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848.
Т. V: Псковские и Софийские летописи [1-я Соф. лет.]. СПб., 1851.
Т. VI: Софийские летописи [2-я Соф. лет.]. СПб., 1853.
Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
Т. IX–XII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью. СПб., 1862–1901.
Т. XV: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
56. Пролог.
57. [*Р–в С.В.*] Успенский Стромынский монастырь (ныне село Стромынь Московской губернии Богородского уезда) // Московские епархиальные ведомости. 1870. № 40. С. 2–4.
58. *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки: В 5 кн. СПб., 1881. Кн. 4: Примечания и дополнения.
59. Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767–1792. Ч. III и IV.
60. «Русский времянник, сиречь Летописец», содержащий Российскую историю от лета 862 (6370) до лета 1681 (7189), разделенный на две части. М., 1820. Ч. 1: От 862 (6370) лета до 1441 (6949).
61. Святые угодники Божии и подвижники Костромские, их жизнь, подвиги, кончина и чудеса. Кострома, 1879.

62. Слава Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, открывшаяся в явлениях чудотворных Ея икон в России: Ч. 1–3. М., 1853. Ч. 3.
63. *Сладкопевцев П. М.* Моровая язва 1352 г. и обыденный храм св. великомученицы Анастасии Узорешительницы во Пскове // Душеполезное чтение. 1890. Ноябрь.
64. Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местночтимых. 2-е изд. СПб., 1862.
65. *Смирнов С. К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. 2-е изд., испр. и доп. М., 1860.
66. *Смирнов С. К.* Покровский Хотьков девичий монастырь. 4-е изд. М., 1875.
67. *Смирнов С. К.* Церковно-исторический месяцеслов Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2-е изд., испр. и значит. пополн. М., 1854.
68. *Смирнов С., прот.* Ученики Преподобного Сергия Радонежского // Душеполезное чтение. 1885. Ч. 2. Май–август. С. 129–153.
69. Служба Преподобному отцу нашему Сергию Игумену, Радонежскому чудотворцу. На слав. яз. М.: Синод. тип., 1824.
70. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. 5 ч. М., 1813–1894. Ч. 1. 1813.
71. *Солярский П. Ф.* Опыт библейского словаря собственных имен. СПб., 1879–1887. 5 т.Т. 1. 1879.
72. Софийский Временник, или Русская летопись с 862 по 1534 г. Ч. 1, с 862 по 1425 г. / Изд. П. М. Строев. М., 1820–1821. [2-я Софийская летопись // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853.]
73. *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.
74. [*Татищев В. Н.*]. История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами собранная и описанная покойным Тайным Советником и Астраханским Губернатором Василием Никитичем Татищевым. 4 кн. СПб., 1768–1784. Кн. 4. 1784.
75. *Токмаков И. Ф.* Старая и новая Москва. М., 1890–1895. [Вып. 3–10]. Вып 7: Церковь Троицы Живоначальной в селе Чашниково Московской губ.
76. *Толстой М. В.* Жизнеописание угодников Божиих, живших в пределах нынешней Ярославской епархии / Изд. Ярославского братства Святителя Димитрия Ростовского чудотворца. Ярославль, 1885.
77. *Толстой М. В.* Несколько слов об Успенском Дубенском монастыре, с двумя литографированными видами его // Чтения в ОИДР. 1860. Кн. 1. Отд. 1. С. 45-50.
78. [*Толстой М. В.*]. Рассказы из истории Русской Церкви графа Толстого. [Кн. 1–4] М., 1865–1870. Кн. 2. 1866.
79. *Толстой М. В.* Родовая икона Воейковых в Троице-Сергиевой лавре // Богословский вестник. 1896. Февраль. С. 320–324.

80. *Толстой М. В.* Русские святыни и древности: В 3 ч. М., 1861–1866. [Ч. 3:] Святыни и древности Ростова Великого. Изд. 3-е. М., 1866.
81. *Толстой М. В.* Ученики Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца и основанные ими обители // Душеполезное чтение. 1877. Ч. 2. С. 240–249; С. 494–500.
82. Троицкий патерик, или Сказание о святых угодниках Божиих, под благодатным водительством Преподобного Сергия в его Троицкой и других обителях подвигом просиявших / [Под ред. и с предисл. архим Никона]. Сергиев Посад: СТСЛ, 1896. (Троицкая библиотека; Кн. 2). [Репринт: СТСЛ, 1992].
83. *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский.* Русские святые, чтимые всею Церковию или местно: Опыт описания жизни их. 3-е изд. СПб., 1882. (Отд. 1: Январь, февраль, март, апрель); (Отд. 2: Май, июнь, июль, август); (Отд. 3: Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь).
84. *Филарет (Дроздов), митр. Московский.* Слова и речи: Т. 1–5. М., 1873–1877. Т. II: (1821–1826). 1874; Т. III: (1826–1836). 1877; Т. IV: (1836–1848). 1882; Т. V: (1849–1867). 1885.
85. *Филарет (Дроздов), митр. Московский.* Житие преподобного Никона, игумена Радонежского: Читано на всенощном бдении, ноября 17-го 1843 г., в Троице-Сергиевой Лавре. М., 1814.
86. [*Филарет (Дроздов), митр. Московский*].
Филарет (Дроздов), архиеп. Московский. Житие Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, Радонежского и всея России чудотворца, почерпнутое из достоверных источников, читанное в Лавре его на всенощном бдении июля 5 дня, 1822 г. // Он же. Слова к Московской пастве... и Житие Преподобного Сергия Радонежского и всея России Чудотворца... СПб., 1822. С. 291–341.
87. [*Филарет (Дроздов), митр. Московский*]. Письма Филарета, митр. Московского, к Филарету (Гумилевскому), впоследствии архиеп. Черниговскому / С примеч. С. Смирнова. М., 1883; [То же: Прибавл. к изданию Творений святых отцов, 1884. Ч. 33.]
88. [*Филарет (Дроздов) митр. Московский*]. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода А. П. Ахматову, с приложением двух записок: а) «О церковном праздновании тысячелетия славянского просвещения» и б) «Нечто об акафистах» (1862, 12 апр.) // Собрание мнений и отзывов Филарета, митр. Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1887. Т. 5. Ч. 1.
89. *Шевырев С. П.* История русской словесности, преимущественно древней. М., 1846–1860. 4 ч.
90. *Шляков Н.* Невыясненное известие из жизни преподобного Сергия // Церковные ведомости. 1892. № 41. С. 1411–1414.

Литература, использованная при подготовке издания

Амфилохий (Сергиевский-Казанский), еп. [О датировке некоторых рукописей, принадлежавших Троице-Сергиевой Лавре] // Московские Церковные ведомости, 1887. № 13. С. 212–213.
Афанасий (Сахаров), еп. О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. СПб.: Сатис. 1995.
Библейская энциклопедия Брокгауза. Paderborn, 1999.
Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV– середина XV века. СПб.: Наука, 1999.
Вениамин (Краснопевков-Румовский), архиеп. Нижегородский. Новая Скрижаль, или Объяснение о Церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных. В 2 т. Репринт. М., 1992.
Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987.
Горский А. А. Москва и Орда. Переизд. М., 2000.
Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт. М.: ТЕРРА, 2000.
Добротолюбие: В русском переводе: В 5 т. Сергиев Посад: СТСЛ, 1995.
Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. 3-е изд., испр. и доп. М., 1995.
Житие и подвиги преподобного отца нашего Никона, ученика блаженного Сергия Чудотворца // Троицкий сборник, № 2. Сергиев Посад: СТСЛ, 2002. С. 16–34. [На слав. яз.]
[*Зверинский В. В.*]. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи, с библиографическим указателем / Сост. и издал В. В. Зверинский. СПб., 1890–1897.
Иоанн Кассиан Римлянин, преп. [О руководстве в духовной жизни] // Добротолюбие: В русск. пер.: В 5 т. Сергиев Посад: СТСЛ, 1992. Т. 2.
Исаак Сирин, преп. Слова подвижнические. Репринт. М.: Правило веры, 1993.
Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I: Житие преподобного Сергия. М.: Языки русской культуры, 1998.
Клосс Б. М. К изучению биографии преподобного Сергия Радонежского // Древнерусское искусство: Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 11–15.
Леонид (Кавелин), архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой Духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской Духовной академии). М., 1884–1887. Вып. 1–2.
Леонид (Кавелин), архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Чтения в ОИДР. 1880. Кн. IV. С. 1–49.

Летописная повесть о Куликовской битве // Б-ка литературы Древней Руси. Кн. 6.: XIV – середина XV в. СПб.: Наука, 1999.
Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. 2-е изд., доп. М., 1994–1997. 9 кн. Кн. 3, 4.
||Монастыри: Энциклопедический справочник. М.: Московская Патриархия, 2000.
Нарциссов В. В. Проблемы иконографии преподобного Сергия Радонежского // Древнерусское искусство: Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 54–62.
Никодим Святогорец, преп. Невидимая брань. Репринт. Сергиев Посад: СТСЛ, 1992.
[*Н. Л.*] Год кончины преподобного Сергия // Церковные ведомости. 1891. № 34. С. 535–537.
Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI– начало XVII веков. М., 1987.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): [Новая серия] / М.: Языки русской культуры, 2000 – [продолж. изд.]
Т. I: Лаврентьевская летопись. М., 2000.
Т. II: Ипатьевская летопись. М., 2001.
Т. III: Новгородская первая летопись. М., 2000.
Т. IV: Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.
Т. V: Вып. 2: Псковские летописи. М., 2000.
Т. VI: Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.
Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.
Т. IX–XIV: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
Т. XV: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
Полный церковно-славянский словарь / Сост. прот. Г. Дьяченко. Репринт. М.: Отчий дом, 2000.
Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.-Л., 1950.
Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1875; 2-е изд.: Владимир, 1901–1902. Т. 1–2.
Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982.
Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая пол. XIV–XVI в. Л.: Наука, 1988.Ч. 1: А–К.
Служба Преподобному Сергию. М., 1824.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 18 кн. М., 1988–1999. Кн. II.
Сопиков В. С. Опыт российской библиографии / Ред., примеч., доп. и указ. В. Н. Рогожина. Ч. 1–5. СПб., 1904–1908.
Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов: В 4 т. / Авт.-сост. П. Г. Паламарчук. М., 1992–1995. Т. 1: Кремль и монастыри.

Филарет (Дроздов), митр. Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. Сергиев Посад: СТСЛ, 2000.
Хавский П. Хронологические таблицы: В 3 кн. М., 1848. Кн. 1.
Тихонравов Н. С. Древние Жития Преподобного Сергия: На слав. яз. М., 1892.
Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период: В 2 т. СПб., 1889–1891.
[*Ювеналий (Воейков)*]. Историческое родословие благородных дворян Воейковых / Собранное и изданное игуменом Ювеналием Воейковым. М., 1792.

Указатель собственных имен

(*Курсивом обозначены страницы текста редакционных комментариев*)

Указатель основных географических названий

Краткий словарь церковно-славянских и древнерусских слов

авва (от др.-евр. *аб* – отец) – древнее название настоятеля православного монастыря; принятое в церковной литературе наименование старцев-подвижников

аминь – подлинно, истинно (*евр.*)

благоверный – исповедующий истинную веру, правоверный, православный – постоянный эпитет князей, царей, епископов

благоуветливый – увещающий ко благому

Богорасленный – взращенный особым Божиим призрением

брашно – пища

весь – село

выну – всегда

высокомудрствовать – гордиться, тщеславиться, высокомерничать

глаголы – слова, речь

горе́ – вверх, вверху, кверху

господие – обращение (звательный падеж) от мн. числа др.-русск. *господь* («господин»)

дебрь – овраг, ущелье, лес на низком месте

десница – правая рука

доблий – доблестный, храбрый, мужественный

долу – снизу, внизу

достолюбезное – достойное желания

исконный – от *искони* (др.-русск.) – сначала, издревле, исперва

искушать – испытывать

казначей – хранитель монастырской казны

кандило – свеча, подсвечник, лампада для возжигания елея

кладязь – колодец

колода – толстый отрубок дерева; корыто, выдолбленное из дерева

крин – цветок

лодья – большая лодка, суденышко

ложесна – утроба

любостяжание – корыстолюбие, страсть к приобретению к.-либо собственности

любы – любовь

медница – самая мелкая медная монета

многоглаголание – многословие

невежество – неучтивость, необходительность, грубость в поступках

нечаянно – неожиданно

облагодатствованный – одаренный Божественною благодатию

отчина – земли, недвижимое наследие от отца или деда

паче – больше

переведаться – разделаться с кем-л., наказать кого-л.

печальник – тот, кто печется о других, попечитель

печешися – заботишься, от ц.-слав. *пещись* – заботиться

поборающий – помогающий в борьбе

полуаршин – половина аршина, меры длины, равной 0,711 м

поспешение – помощь

почить – покоиться

предстательствов – от ц.-слав. *предстательство* – ходатайство,

али заступление, защита

предызбрал – предназначил, предопределил

преложить – превратить

прельстить – обмануть, обольстить

преспеяние – преуспевание

прещение – страх, угроза, запрет

привитать – обитать

призирать – взглянуть, посмотреть

прилучиться – оказаться, случиться

приснопамятный – достойный всегдашнего воспоминания

||*присный* – ближайший

проглашение – возглашение, подача голоса

произволение – направление собственной воли

пустыннолюбный – любящий уединение

рака – гробница, ковчег с мощами святого угодника Божия

рало – соха, плуг

свещник – подсвечник

смирять – делать покорным, послушным

смышление – выдумка, изобретение человеческое

сподобляется – удостаивается

спостник – (вернее: *сопостник*) товарищ в посте

сретать – встречать

столпостены – ограда с башнями, замок

страдный – связанный с трудом, терпением

странноприимство – принимание странников

супостат – противоположный, враждебный;

противник, неприятель

тать – вор

трудник – труженик, подвижник

туне – даром, безвозмездно

укрух – кусок хлеба, ломоть

фимиам – ладан, смола из благовонных деревьев

чернец – монах

юдоль – «земля наша, мир поднебесный» (*В. Даль.* Толковый словарь)

ястие – кушанье, пища